

Моилжан Канаев

ДВЕ РОДИНЫ

И ОДНА СУДЬБА

*Мы с Кулятай, так держась за руку,
прошли жизненный путь длиной в 63 года*

Моилжан Канаев

**ДВЕ РОДИНЫ
И ОДНА СУДЬБА**

*Светлой памяти сына Тулеутая посвящаю эту книгу.
Без него не было бы этой книги.
Ему мы обязаны нашей достойной старостью.*

Павлодар, 2021

УДК 821.512.122
ББК 84 (5Қаз)
К 19

Канаев М.
К 19 Две родины и одна судьба. Павлодар: ИП «Сытин А.А.», 2021. – 424 с.
ISBN 978-601-284-412-2

В этой книге рассказывается о необычной судьбе её автора М.С. Канаева, которого друзья называют «сибирским казахом» и «народным дипломатом». В ней также повествуется о его близких и людях, с которыми он работал и дружил. Эта впечатляющая панорама нескольких эпох представляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 821.512.122
ББК 84 (5Қаз)

ISBN 978-601-284-412-2

© Канаев М., 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Это не совсем обычная книга: она написана не только многими людьми с их удивительными судьбами, но и самой жизнью. Той жизнью, которая бывает столь непредсказуемой, что её сюжеты оказываются ярче, значительнее, а подчас и трагичнее, чем в самых занимательных художественных произведениях.

Именно такими событиями были отмечены судьбы родителей и других родичей главного автора книги, а также его собственная жизнь.

Сначала в поисках лучшей доли отправился из родных кочевий в неизвестную Сибирь будущий отец автора. Нанимался там в русских деревнях пасти скот, чтобы заработать на калым, который надо было уплатить за невесту. Дошёл до Камня-на-Оби.

Потом, уже в самом начале 30-х годов прошлого века, после начатой в Казахстане безумно жестокой и непродуманной коллективизации, вызвавшей массовый голод, когда казахи вымирали целыми аулами, те из них, что ещё уцелели и были способны двигаться, массово бежали в соседние сибирские регионы – Омскую, Новосибирскую области, Алтайский край.

На Алтае стали со временем селить вынужденных беженцев компактно, создавая казахские колхозы. В одном из таких обосновалась и семья Канаевых: отец с матерью, три старших брата и сестра, а также последыш Моилжан. Отец умер ещё перед началом Великой Отечественной войны, три старших брата ушли защищать Родину, а двух оставшихся детей мать поднимала сама.

О том, какой силы духа была эта женщина, можно судить по такому факту. Денег в колхозе во время войны практически не платили, скот же казахам разрешали держать без ограничений. И каждая семья старалась держать коров и выкормить молодняк на мясо. А зимой снаряжали санный обоз в Новосибирск, на базар, за 250 километров. Ехали на быках, запряжённых в сани, ночевали в попутных деревнях. Обозом заправляли старики, потому что все мужчины ушли на фронт. А единственной женщиной в том обозе была мать

МОИЛЖАН КАНАВВ

Моилжана, ведь ей не на кого было надеяться, а детей надо было кормить и одевать.

Канаевым повезло: все три брата Моилжана вернулись после Победы живыми. Все они были грамотными (об этом отец с матерью позаботились, определив их в селе Подгорном (недалеко от Камня-на-Оби) в русскую школу. А Моилжан, как и другие его сверстники, в годы войны в школе не учился: не до того было – помогал домашним по хозяйству.

В первый класс пошёл, когда ему было десять лет, – вместе с семилетними, почти ни слова не зная по-русски. Но понемногу освоил новую речь, живя на квартире у русских. И с благодарностью вспоминает о своей первой учительнице и о тех, у кого квартировал. Семья Михайловых стала ему и его семье родной на всю жизнь.

Тогда же, в школе, он стал Иваном, ведь Моилжан – это было так непривычно и непонятно и для сверстников, и для окружающих. А русское имя, которым его будут звать все 45 лет, которые он проживёт в Сибири, во многом определит его судьбу. И со временем его будут называть уважительно – Иван Сулейменович.

Решение отправить последыша в школу было принято на семейном совете. И это было непростое решение: и время для начала учёбы ушло, да и не считали нужным в большинстве своём тамошние казахи учить детей. «Зачем, – говорили они, – если потом они всё равно не смогут Коран прочитать на могиле усопших предков». И поэтому предпочитали делать детей помощниками по домашнему хозяйству.

А Иван-Моилжан, несмотря на все трудности и лишения, учился, притом хорошо. И даже поступил в Семипалатинский геолого-разведочный техникум. Успешно закончил первый курс, хоть это оказалось очень и очень непросто. А дальше – призыв на службу в армию. Определили его, как человека грамотного и уже отчасти технически подготовленного, в авиацию, где он служил авиационным техником. Был на хорошем счету и до демобилизации сумел получить в армии среднее образование.

Вернувшись в родной аул, стал учителем, ученики называли его уважительно – мугалим. Женился, стал заведующим начальной школой. А преподавал вместе с супругой Кулятай. Что тоже было непросто, ведь дети односельчан в большинстве своём не знали русского, и каждый предмет приходилось давать дважды: на русском и на казахском языках.

Мог бы Иван-Моилжан и дальше учительствовать, но решил продолжить учёбу в сельскохозяйственном институте краевого центра Барнаула. И факультет выбрал для казаха «неправильный» (они ведь прежде всего умелые скотоводы) – агрономический.

Учился заочно, и, ещё не закончив институт, был назначен агрономом отделения совхоза, одного на два аула, – Нацмен и Кызыл ту. Никто в совхозе и в районе не верил, что казахи смогут стать земледельцами. Но молодому агроному при поддержке брата Шаймардана – управляющего отделением, чей авторитет был очень высок, удалось, хоть и не сразу, переломить недоверие своих соплеменников, а затем и доказать, что они на многое способны.

В книге есть рассказ о том, как это было и с чего начиналось... «Айтказинские пары» – участки пашни, на которых с учётом всех требований технологии была проведена паровая обработка. Сделал это местный механизатор, по имени которого и названо было поле, где затем был получен хороший урожай.

А годы спустя, когда Иван Сулейменович Канаев уже будет возглавлять Панкрушихинское райсельхозуправление, его земляки из аула Кызыл ту соберут лучший во всём районе урожай зерна – в среднем по двадцать пять центнеров с гектара. «Утёрли казахи нос всем нам», – скажет директор совхоза об этом успехе. Вот какие всходы дали давние труды начинающего агронома, который затем станет главным агрономом совхоза, секретарём парткома и райкома партии (закончив при этом Высшую партийную школу в Новосибирске) и, наконец, будет назначен начальником райсельхозуправления – одним из первых руководящих лиц в Панкрушихинском районе, который, кстати, благодаря трудам автора книги и его коллег войдёт в 1980 году в десятку лучших в Алтайском крае, где было тогда 66 районов. М.С. Канаев за это достижение был награждён автомашиной ГАЗ-24.

Вчерашний «иноходец» стал по-настоящему своим в районе, где вырос и состоялся как специалист, руководитель и личность, был уважаемым коллегами и руководством Алтайского края. Мог и дальше работать, пожиная плоды уже достигнутого прежним трудом и упорством.

Но Иван Сулейменович Канаев круто меняет свою судьбу – решает вернуться на родину предков. Он пишет письмо руководству Павлодарской области и получает приглашение с предложением равнозначной должности. Решение о согласии отдать Казахстану руководителя такого уровня принималось на бюро Алтайского крайкома партии. Отпускали его не без сожаления, но всё же отпустили.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

А на исторической родине пришлось вновь делами доказывать, чего ты стоишь. И о том, как он, теперь уже Моилжан Сулейменович, это делал, лучше всего говорит его послужной список: начальник Щербактинского райсельхозуправления, начальник областного плодоовощного объединения, начальник управления земледелия областного агропромышленного комитета, начальник областной инспекции по закупкам и качеству сельхозпродукции. И, как следствие, заслуженное признание и авторитет среди коллег и у руководства области. Уйдя на заслуженный отдых, не стал сидеть сложа руки, создал и много лет вёл собственное крестьянское хозяйство.

Жизнь Ивана-Моилжана Сулейменовича Канаева, таким образом, оказалась почти поровну разделена надвое: 45 лет в Сибири и чуть меньше на исторической родине в Казахстане. Он никогда не забывал о своей сибирской родине, к которой относится с истинно сыновней любовью и благодарностью. Он часто там бывает – и в Панкрушихе, и у своих земляков, по-прежнему живущих в ауле Кызыл ту. И за последние годы стал главным связующим звеном между Павлодаром, Щербактами и Панкрушихинским районом Алтайского края. По его инициативе и с его участием прошло несколько крупных, общественно значимых мероприятий в Панкрушихе с участием павлодарцев.

Обо всём этом: непростой, временами драматичной судьбе семьи Канаевых и их соплеменников, о бесценной помощи сибиряков казахам, не по своей воле оказавшимся вдали от родных кочевий, и о вековой дружбе двух народов, о дорогих сердцу автора людях, перипетиях судьбы, – рассказывает в этой книге. Соавторы её – коллеги Ивана-Моилжана Сулейменовича, повествующие о своей работе и дружбе с ним. Свои строки для книги оставили и близкие М.С. Канаева.

Есть в ней и мои страницы: мы не один год знаем друг друга, общаемся, а теперь и дружим. Моилжан Сулейменович ввёл меня в круг своей семьи, познакомил со своей сибирской Родиной. Мы были вместе и в Панкрушихе, и в родном его алтайском ауле Кызыл ту, и в других местах, где он жил и работал. И над этой книгой мы тоже работали вместе.

Верю, что она не оставит равнодушным никого из тех, кому попадёт в руки.

*Юрий ПОМИНОВ,
почётный журналист Казахстана,
член Союзов писателей Казахстана и России.*

ВСПОМИНАЯ ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ

*Бессмертие животных – в потомстве,
человека же – в славе, заслугах и деяниях.
Фрэнсис Бэкон.*

РОДОСЛОВНАЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Есть в нашем народе такое убеждение: о человеке, который не знает своего происхождения, своей родословной, родных и близких людей по крови, которому неизвестно, кем были и как жили его предки, о таком человеке просто говорят, что он без рода и племени. Могут, конечно, это оспаривать: зачем морочить и забивать голову прошлым, когда очень много интересного и проблем в настоящем – сейчас и в будущем, на что и надо обратить пристально внимание. Но это не совсем так, хочу привести в подтверждение слова одного философа: «Без знания прошлого у человека нет будущего».

А мы ещё знаем, что умные люди учатся на чужих ошибках, хотя прошлое близких чужим нельзя называть, ибо они были нашими предками, в их жилах течёт родная кровь, и поэтому мы их обязаны принимать близко к сердцу.

Искренне желаю своим детям и внукам не быть людьми без рода и племени, а также знать, как мы, родители и дальние предки, проживали свою жизнь, быть в курсе событий старшего поколения и делать из этого необходимые выводы. А историю нашей семьи – моих родителей считаю особенной и отличительной, не совсем похожей на жизнь своих сородичей, на жизнь своих земляков – это станет ясно из дальнейшего повествования.

У казахов есть хорошая традиция, требующая от своих сородичей знать не менее семи колен своей родословной, что само по себе обогащает человека знанием истории кровно близких людей, а также оберегает буду-

щие поколения от родственного сближения, запрещая потомкам жениться на сородичах ближе седьмого колена.

Согласно шежире, составленному нашим родственником Женисом Мардановым – человеком разносторонне развитым и настоящим патриотом казахских традиций и обычаев, казахи разделяются на большие родословные группы, называемые тайпа, такие как уйсын, канглы, аргын, найман, кыпшак, керей, алшын и др. Они в свою очередь делятся на три жуза: старший, средний, младший, которые находятся в постоянном соперничестве между собой, что, по моему твердому убеждению, является настоящей бедой казахского народа, ибо мои сородичи всю свою энергию и знания зачастую направляют на разборки между собой, а не на производство, тем самым ещё больше ухудшая свое экономическое положение.

Наша семья относится к тайпе аргын, роду Басентины, от него Кокшекоз – Баймбет – Жаманай – Кошен-Шурек – Канай – Култай – Жантас – Сулеймен – Моилжан – Тулеутай и его сыновья Дарын, Нияз – мои внуки, которые как раз оказались седьмым коленом, начиная от нашего рода – Кошен-Шурека. Я этому очень рад, ибо они будут знать свою родословную.

ЖИЗНЬ НАШЕЙ СЕМЬИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Мои родители, как и все казахи Павлодарской области, проживали своим родом – Кошен-Шурек, с родственниками – так было легче жить, преодолевать трудности кочевого образа жизни. Наш атамекен – родина предков – местность Кок-Тобе на берегу реки Иртыш, на пойме Каратагай, что находится на левом берегу, между Семипалатинском и Павлодаром. Заливные луга на Иртыше и просторные пастбища – жайлау в степи – позволяли нашим предкам неплохо заниматься животноводством, которое было для них единственным источником существования. Скот зимовал на Каратагае, где заготавливали сено из пойменных трав, там были построены скотопомещения и жилье для людей, ухаживающих за скотом. Постоянным местом жительства для наших сородичей был аул Кок-Тобе на не затопляемом берегу реки. Ежегодно перед нашими предками стояла сложная задача – своевременно и без потерь откочевать в степь, на жайлау,

ибо от этого зависело многое для дальнейшего ведения животноводства: если раньше откочуешь в степь – может не быть травы, а самое страшное – есть опасность возврата холодов, дождя со снегом, что ведет к неизбежной гибели всего скота.

Это явление казахи называют куралай и его очень боятся, но никак не могут точно определить, когда он произойдет. По этой причине всю свою жизнь животноводы – мои сородичи рискуют остаться без скота. Куралай схож по своим последствиям с джутом, но только он наступает весной – в апреле, мае, а джут может произойти в любое время года. С явлением куралай я лично познакомился недавно – в советские времена, будучи начальником Щербактинского райсельхозуправления, в первый же год моего переезда из Алтайского края, в 1981 году. Год был чрезмерно засушливым, и мы вынуждены были пораньше выгонять скот на пастбище. Случай оказался из ряда ужасных – двести пятьдесят голов крупного рогатого скота колхоза имени Владимира Ильича погибли в загонах на пастбище. Сначала пошел дождь, перешедший в мокрый снег, а затем мороз, возврат холодов – куралай.

Что такое куралай, мне в очень красочной форме потом объяснял Николай Федорович Гегер – первый секретарь райкома партии, уроженец Казахстана, чудом выживший в голодные годы, знаток и любитель всех обычаев и традиций казахов. «Моилжан, ты, конечно, не знаешь, что такое куралай. В Сибири, я знаю, куралай нет. Сибиряки животноводство ведут устойчиво, без риска, заготавливают корма в достаточном количестве и держат скот в помещениях до необходимого времени. Частые засухи в Казахстане вынуждают нас выгонять скот на пастбище весной пораньше, а тут вот – куралай». Между тем у нас, в Казахстане, много детей носят имя Куралай. Я спрашиваю: «Почему?». Николай Федорович отвечает: «Видимо, от радости, что семье удалось без потерь пережить куралай, родители и дают ребенку, родившемуся в этот день, такое имя».

Приподняться с кочевкой скота на жайляу, чтобы переждать куралай, – тоже очень опасно: весеннее половодье может унести животных в реку Иртыш, поэтому своевременная откочевка скота для моих сородичей была настоящей наукой, которая позволяла спасти их от большой беды. Таким образом, веками складывалась настоящая связь человека с природой,

МОИЛЖАН КАНАВВ

что ещё раз доказывает, что мы часть природы. Кроме того, мои неграмотные сородичи вынуждены были знать даже азы астрономии.

Непростой была жизнь моих родителей на жайляу. Сухая степь, где травостой часто бывает редкий и низкий, и поэтому он быстро выедается и вытаптывается скотом, что вынуждало наших предков часто менять пастбища. В поисках лучшего травостоя приходилось преодолевать большие расстояния, уходить далеко в степь, заходить на чужие территории, что нередко приводило к бескомпромиссной межродовой борьбе.

Пока скот пасся на жайляу, на зимовье Кара-Тогай в пойме Иртыша после схода воды начиналась большая сельскохозяйственная кампания – заготовка сена и ремонт животноводческих помещений и жилья для животноводов. Заготовка сена велась полностью вручную, сначала траву скашивали литовкой – этой работой занимались более сильные и опытные мужики и парни, которые одновременно со скашиванием укладывали траву в небольшие валки, а из них после просушки делали также небольшие копны. Затем эти копны сена свозились на волокушах, запряженных быками или лошадьми, к месту, где скирдовались стога различной величины.

От результатов сенокосной кампании, от количества заготовленного сена зависела судьба животноводства и, следовательно, судьба казаха-степняка. Не зря наши предки при встрече здоровались: «Мал бас – аман ба?»,

«Шығын жоқ па?», – то есть сначала спрашивали, как скот (мал), а потом всё остальное. Глубокий смысл имеет это простое рукопожатие, по-казахски сәлемдесу.

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

Мой отец Сулеймен родился примерно в 1876 году, был последним, четвертым сыном в семье после своих братьев: Моилбая, Нурбая и Нурке. Их отца, моего деда Жантаса, постигло большое горе: видимо, от какой-то инфекции и отсутствия соответствующего лечения у него заболели глаза, и вскоре он стал совершенно слепым. Дети были маленькими, они не могли сами содержать скот, бороться со стихиями природы, да ещё беда, как правило, не приходит одна: воспользовавшись тем, что человек слепой, дурные люди украли его скот.

Конечно, наша семья жила очень тяжело, кое-как перебивалась... Настоящей проблемой для моего деда стала женитьба сыновей, так как без калыма казахи в то время не выдавали своих дочерей замуж. Надо сказать, что калым для казаха в то время был источником достойной жизни, обогащения, ибо его размер состоял ни много ни мало из 47 голов скота разного вида: верблюдов, лошадей, коров, овец. Отец девушки мог выдать свою дочь за жениха, который давал хороший калым, даже второй, третьей женой. У моего деда были только сыновья, из-за отсутствия дочерей он не смог улучшить свое экономическое положение. Случилось даже страшное – из-за отсутствия калыма не смогли создать свои семьи три старших брата моего отца, они прожили всю жизнь холостяками. Что смог сделать мой отец, чтобы сохранить память о своих братьях, – это дать их имена своим детям: так, например, меня назвал Моилжаном в честь своего старшего брата Моилбая, сыну Мухамеджану дает отчество – Нурбаевич – в честь брата – Нурбая. Так во всех документах он значился: Канаевым Мухамеджаном Нурбаевичем – на удивление всем близким и знакомым, говорившим: у Сулеймена, оказывается, есть неродной сын, вот почему его часто наказывают (а он в детстве был нерасторопным мальчиком).

Мои сородичи судьбой девушки распоряжались по своему усмотрению, ставя во главу свои материальные интересы, зачастую даже не спрашивая ее согласия. Часто бывали случаи, что жених и невеста видели друг друга в первый раз, когда жених приезжал ее забирать из родительского дома. Но стремление взять для своих сыновей невест из хорошей семьи, знатных аула и рода было у них и оставалось всегда большим желанием, особенно у богатых людей.

Был интересный случай по этому поводу, который рассказала мне мать: появилась у них в ауле Айдарша невеста, которая всем понравилась, была деловая, умная. Узнав об этом, бай аула заинтересовался и спрашивает, есть ли у этой невесты сестра. Оказывается, есть, и ее зовут Алтын. Бай посылает сватов, платит калым и забирает Алтын третьей токал, т.е. третьей женой. Бай по этому поводу устраивает большой той, на котором невеста должна была преподнести на золотом подносе старшим рода, куда она вышла замуж, кумыс, разлитый в позолоченные пиалы. Алтын хорошо одели в наряды, которых она сроду не видела, а на ноги – туфли на высоких каблуках.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Во время исполнения этого ритуала, видимо, от большого волнения и от непривычного одеяния, и ещё высокие каблуки сыграли злую шутку, неся кумыс, перед самыми уважаемыми людьми Алтын, споткнувшись, падает, кумыс разливается, золотая посуда разбивается. Так что невеста не оправдала надежд и доверия бая, он вернул ее домой, но калым, говорят, обратно требовать не стал.

Еще одна уникальная традиция женитьбы молодых существовала у наших предков – это когда сватаешься с новорожденной девочкой: ребенок только родился, а его уже сватают. Это было выгодно жениху, у которого не было в наличии скота для уплаты калыма. Но взяв на себя обязательство, ко времени взросления, совершеннолетия девушки он может расплатиться. Оказывается, что сваты в этом случае больше входят в доверие друг к другу и способствуют созданию хорошей семьи.

Мой отец воспользовался именно этой традицией наших предков. Он находит свою суженую, мою мать, далеко от своего родного аула Кок-Тобе, расположенного на левом берегу Иртыша, в ауле Айдарша Лебяжинского района, находящегося на правом берегу, возле села Черное. Отец пошёл на этот шаг, несмотря на то, что расстояние между двумя этими аулами было неблизким, и если учесть, что надо ещё каким-то путем преодолеть, вернее, переплыть реку Иртыш. Осталось большой тайной – как мой отец сумел отыскать мою мать.

Большая загадка – каким путем отец узнал о новорожденной девочке в семье Оспана – казаха совсем другого рода – уак. Но он, видно, вошел в доверие к сватам – бидалы уакам (так называется разновидность этого рода) и договорился с главным сватом – отцом моей матери Оспаном, что он калым будет платить частями, ежегодно приводить по две-три головы скота, и постарается ко времени совершеннолетия девочки полностью рассчитаться.

Еще более быстрый, своеобразный способ женитьбы – это умыкание, «кража» девушек. Видимо, он вошел в практику из-за того, что молодые любили друг друга, а у жениха не было скота на калым. Тогда девушка находит выход из положения: «украдите меня», а так как парней, не имеющих скота, было много, способ умыкания девушек вошёл в традицию. В этом случае сторона жениха идет поклоном к родителям девушки и говорит: раз

уж молодые «наделали делов», делайте с нами что хотите... А девушку возвращать домой нельзя, новые сваты вынуждены соглашаться, сокращая во много раз размер калыма.

На практике случалось и так, что под эту традицию стали красть и несогласных девушек. И часто подобное сходило с рук. Даже в России, в ауле Нацмен, в 1940-е годы произошел именно такой случай. Парень по имени Кабзакир решил украсть девушку и уговаривает моего брата Шаймардана, работавшего счетоводом в колхозе: «Ты поприсутствуй во время кражи девушки, когда мы ее посадим в сани, будь с нами – она подумает, что крадешь ты, а когда отъедем – ты соскочишь с саней».

А мой отец совершает неординарный, даже рискованный поступок: отправляется в Алтайский край, чтобы заработать на калым, в возрасте 18 лет, не зная толком русского языка, не имея никакой специальности, кроме как умения пасти скот. К счастью для моего отца, труд пастуха там оказался сильно востребованным. И тому есть своя объективная причина: русский народ испокон веков хорошо занимается земледелием, выращиванием зерновых, масличных, кормовых культур, каждая семья усиленно занимается выращиванием картофеля и овощей. Ибо богатые природноклиматические условия, достаточное количество осадков позволяли получать богатый урожай всех культур. Поэтому русские больше тяготели к полеводству, чем к животноводству, которое считалось у них второстепенной отраслью. Хотя и этой отрасли они занимались серьезно, так как кормов у них было всегда в достатке, особенно фуража – отходов от полеводства.

Вот почему пастух в России был всегда в дефиците, здесь он ценился, к нему относились с уважением и благодарностью за то, что он хорошо пасет скот, рано угоняет, поздно пригоняет, находит лучшие пастбища. В таких условиях и скот упитанный, и надаивают больше молока. Труд отца оплачивался хорошо, он смог при таких условиях и отношениях зарабатывать не только на калым, приводя в дом своей невесты 2-3 головы скота ежегодно, но и на содержание своих братьев в Казахстане.

Так прошло восемнадцать лет... Подогнав последние две головы до полного расчета за калым, мой отец в возрасте тридцати восьми лет женился на моей матери, достигшей к этому времени совершеннолетия – восемнадцати лет.

Спустя целый век ситуация с пастьбой скота в России и отношение к пастуху не изменились, об этом я узнал от Сандыбая Абишева – жителя Узбекистана, ежегодно приезжавшего в Новосибирскую область пасти скот личного подворья и хорошо зарабатывавшего. «А нынче не удалось – не пропустили на границе», – горевал Сандыбай.

Может возникнуть вопрос: почему мой отец решил заработать калым в России, а не в родном Казахстане?

Ясный ответ на этот вопрос дает мой разговор с нашим родственником по матери Омашем Альдекешевым, который до коллективизации жил в Казахстане, а после этой кампании переехал в Алтайский край, жил в ауле Кызыл ту Панкрушихинского района: «Вот как относились к работнику в Казахстане: бай набирает работников на заготовку сена или на пастьбу скота. И они, отработав сезон, получают за работу какую-нибудь одежду взамен изношенной». Наемные работники в Казахстане должны были довольствоваться тем, что их кормили, в основном айраном, коже и редко – мясом. Здесь, кроме жадности бая, присутствует более важный фактор – экономический: мои сородичи не могли выгодно реализовать свою продукцию – мясо, масло и молоко – по хорошей, окупаемой цене, так как почти не было городского населения, а производством животноводческой продукции занималось все население. А русские могли реализовать, кроме животноводческой, и полеводческую продукцию. Русское население, одновременно занимаясь обеими отраслями сельского хозяйства, притом результативно, имело реальную возможность хорошо платить наемным работникам. И этой возможностью воспользовался мой отец.

В 1914 году у родителей появляется первый сын – Жунус. Памятная дата, как говорила мать, – в первую Германскую войну, в 1916 году – второй сын, Мухамеджан, в 1918 году – третий сын, Шаймардан, в 1925 – дочь Баткен. А в их свидетельствах о рождении записано совсем по-другому: 1918, 1919, 1920 годы – со слов третьего брата Шаймардана, который пошел в сельский Совет получать эти документы. Интересен факт: русские доверяли казахскому мальчишке, оформили документ, по которому братья и сестра прожили всю жизнь. Все они уроженцы Казахстана, аула Кок-Тобе. Только я из нашей семьи родился в России.

ГОДЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мечта и большое желание народа устроить себе лучшую жизнь – это непреходящее стремление всех людей, которое сохраняется в их сердцах, пока они находятся в этом мире, нашло свое отражение в революции 1917 года. Организовать коллективный труд людей, который производительней и легче индивидуального (основатель этой теории Карл Маркс объяснял это очень просто и доходчиво: «Даже простое объединение людей повышает производительность труда»), – казалось бы, вполне прогрессивная идея. На моей исторической родине эта идея усилилась ещё тем, что кочевому народу предлагался оседлый образ жизни, который давал возможность людям получать образование и медицинское обслуживание, чего раньше не было. Но чтобы это осуществить, необходимо провести коллективизацию, объясняли моим сородичам, и обобществить скот, оставив каждой семье по одной корове и три барана. Эта кампания в Казахстане проходила высокими темпами и с большой жестокостью, ибо бедные мои сородичи были сильно обижены на богатых, так как они, работая на бая, не могли ни зарабатывать, ни даже создавать свои семьи. Поэтому эти «благие» намерения большевиков стали быстро осуществляться и так же быстро привели к катастрофе: собранный скот у населения стал погибать от бескормицы и из-за отсутствия колхозных скотопомещений, а люди стали умирать в своих домах без еды.

Такой дилетантский подход в проведении реформы, в частности по ведению животноводства в сухостепных условиях Казахстана, пренебрежительное отношение к испытанному и многообещающему опыту кочевников привели к катастрофе казахской нации – умерло 42 процента населения страны.

Моя мама рассказывала ещё о таком факте дилетантства в проведении реформы, когда шла коллективизация скота: забыли даже оставить быка в ауле. Реформаторы об этой промашке узнали только на второй год, когда коровы остались яловыми, а многодетные семьи казахов без молока, без приплода. О причинах катастрофы казахов в этот период сказано очень много, и в основном они сводятся к тому, что указания о коллективизации шли из Москвы, и главным исполнителем её был Голощекин – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана. Но мое личное мнение по этому поводу

МОИЛЖАН КАНАВВ

несколько иное: недостаточное или даже полное отсутствие борьбы моих сородичей за свою судьбу, за жизнь народа. К этому выводу меня приводят несколько фактов. Во-первых, стопроцентная коллективизация за короткий срок в Казахстане была достигнута «благодаря» усилиям местной власти «белсеңді», которая старалась во что бы то ни стало выполнить указания сверху, чтобы самой остаться у власти. Пословица «Шаш ал десе – бас алады» – «Попросишь сбрить волосы – он сбреет тебе голову» как нельзя лучше характеризует местную власть, действующую от имени Голощекина. В самом деле, кто мог знать, сколько скота и какого вида имеется у каждой семьи казахов, разбросанных на огромной территории страны, по всем аулам и пастбищам; кто мог вести строгий учет скота в степи? Но однако всё было сделано точно по указанию сверху, так как в этом деле были заинтересованы местная власть и бедное население.

Да и не было строгого контроля со стороны Голощекина, ибо достоверно известно, что он никогда не выезжал в аулы, тем более на пастбища, чтобы лично узнать – как идет коллективизация. Получается, Голощекин дал указание, сидя в теплом кабинете, а мои сородичи с большим усердием, даже, как говорят, с «лихвой» выполняют его указания. Ему хвала и почет, проценты коллективизации в Казахстане выше всех республик Советского Союза, за Казахстаном с большим отставанием только идет Украина, именно эти республики больше всех потеряли людей: Казахстан – почти половину населения, а Украина – третью часть. Мор людей в нашей стране продолжался бы, если бы не звонок Сталину первого секретаря Западно-Сибирского края Эйхе, который сообщил вождю следующее: в соседнем Казахстане происходит что-то невероятное – казахи идут, по дороге мрут, даже трупы не закапывают, прошли Новосибирскую область, Алтайский край, движутся в направлении Кемерово.

После этого выходит статья Сталина «Головокружение от успехов», где в голодоморе людей обвиняется руководство страны и народ Казахстана: разве при здравом смысле можно допускать такое? У вас же были головокружительные успехи, обвинял Сталин, а на деле – народ вымирал, устроили пир во время чумы. Голощекина это не волновало, а казахи чётко выполняли указания, которые шли сверху, ибо против воли Аллаха, царя и его ставленников на местах идти нельзя, об этом знают мои сородичи

из Корана. А события разворачивались очень быстро: скот, собранный у народа, умирал в местах скопления от бескормицы, отсутствия какого-либо ухода за ним. И только потом поняло местное руководство: «белсенді» и поддерживающие их бедные казахи – все оказались в одном, очень трудном положении.

И теперь у них – и у «белсенді», и у всего народа – была дорога спасения одна – в Россию, конечно, кто сможет это сделать.

Озлобленность моих сородичей друг на друга была так велика, что будучи на территории России, они не забывали об этом. Был такой случай, когда одного «белсенді», рьяно руководившего коллективизацией в Казахстане, утопили в реке Обь, его звали Альжан, у него были красные глаза – «қызыл көз» называли его сородичи.

Та же коллективизация в России прошла совсем по-другому: колхозы так же создавались за счет скота, собранного с каждого двора, но людям оставляли его и в личной собственности, для прокорма семьи. Это было приемлемо для жителей России, потеря одной головы крупного рогатого скота или лошади для семьи, имеющей несколько голов скота, не настолько ослабляла экономическое положение крестьянства. Хотя и там раскулачивали крепких хозяев, отнимая у них всё имущество. При этом вызывала интерес у некоторой части россиян новая коллективная форма организации труда, ибо сельхозработы по своей сути требуют совместных усилий, т.к. они в этом случае более производительны, и таким путем можно добиться лучшего результата.

Постепенная коллективизация, разумный подход в решении хозяйственных вопросов, обобществление меньшего поголовья скота в колхозах позволяло лучше создать необходимые условия для содержания скота – подготовить скотопомещения и заготовить корма. По этому же принципу была проведена коллективизация и в наших двух колхозах – «Кызыл ту» и «Нацмен». Отведя одного коня из четырех имевшихся на колхозный двор, мой отец тем самым стал членом коллективного хозяйства. Это был вступительный пай для каждой семьи, и она была обязана это сделать. Конечно, для многих наших земляков внести свой пай представляло большую трудность, но они старались добросовестно выполнять свои обязательства перед колхозом.

*ГОДЫ ГОЛОДОМОРА И МАССОВЫЙ УХОД КАЗАХОВ
СО СВОЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ*

Известно, что любая исторически сложившаяся общность людей живет на определенной территории, используя ее природные ресурсы. Нашим предкам досталась сухая степь огромного размера с часто повторяющейся засухой летом и с не меньшей частотой повторяющимися метелями зимой, когда пастбища покрываются толстым слоем льда, прекращая доступ животных к подножному корму. Казахи это явление называют джутом, всеобщим голодом, когда к голоду животных присоединяется голод людей, лишенных единственного источника существования. Не зря, видимо, казахи своему врагу желают джута. Но несмотря на природные катаклизмы мои сородичи вынуждены были заниматься животноводством, не имея в запасе другой отрасли, где более надежно можно было бы добывать себе пищу. Годы и века оставляют свой след, полезный опыт, и мои сородичи приспособились, научились даже в таких условиях иметь очень хорошие результаты по выращиванию скота. Об этом красноречиво говорят статистические данные о наличии скота в Казахстане перед самой коллективизацией в 1917 году. Учет велся в условных единицах – это зоотехнический термин, позволяющий учесть все виды скота. За условную голову взята корова, а остальные виды скота приравниваются к ней. Например: пять овец – одна корова, лошадь – 1,3 коровы, верблюд – 1,5 коровы и т.д. Так, по переписи тогда в нашей стране было сорок миллионов голов условного скота. Встает вопрос: это много или мало? Для определения значимости этой цифры поделим это поголовье скота на количество жителей Казахстана 2014 года, т.е. на шестнадцать миллионов человек, и получаем невероятную цифру – по две с половиной коровы на каждого жителя нашей страны – это богатство, которое даёт возможность безбедно жить. Такое состояние нажили наши предки на территории, что мы имеем сейчас, только без какой-либо техники, научного обеспечения и с меньшим количеством населения страны.

Этот факт убеждает, что казахстанцам можно жить достойно за счет сельского хозяйства, особенно животноводства, которое дает нам неограниченное и самое качественное и дешевое сырье в мире, ибо всем известно, что молоко и мясо, произведённое в сухостепной зоне на жайляу, на пастбище, – самое качественное. Возникает вопрос, почему бы не жить только за

счёт сельского хозяйства, дыша чистым воздухом, питаюсь натуральными продуктами, когда у нас есть такая возможность – огромная территория Казахстана, оставленная нам предками, и спокойный, трудолюбивый народ. Самая благородная миссия человека – это миссия сельского жителя, ведь он создает для человечества самое необходимое, используя то, что находится на поверхности земли, что доступно всем, а богатство недр, по мнению одного философа, «дается людям на их счастье или на горе».

БЕГСТВО КАЗАХОВ В РОССИЮ

В таких условиях, в каких они оказались, моим сородичам оставалось бежать куда глаза глядят, оставлять родные аулы, родину предков – атамекен. Даже широкие просторы Казахстана ничем не могли им тогда помочь. Было перед ними много препятствий, которые, кажется, невозможно было преодолеть. Жалко оставлять места, где похоронены предки, как обживать новые, российские территории, если даже незнаком русский язык, а обычаи и традиции совсем другие, они ведь другой веры? Как русские будут нас принимать – голодных, грязных, больных?

Таких грустных дум у моих сородичей было очень много, и те, кто поддавался им, оставались в Казахстане, пополняя затем ряды умерших. Передвигались мои сородичи в сторону России пешком (редко кто ехал), положив в котомки самые необходимые вещи, а питание по дороге – что Бог даст, надеялись на сердобольных людей. Немало умерло моих сородичей во время их передвижения в Россию.

О своем трудном переезде в Россию рассказал мне наш родственник, мы приходим из одной фамилии – Канаевых – это Жубай Нургалиев, известный в Павлодарской области человек: «Мы двигались в сторону России несколькими семьями, чтобы как-то помогать друг другу и облегчить невзгоды, но голод и связанные с ним болезни брали своё, люди начали болеть и умирать по дороге. Возле одной русской деревни умер наш земляк, мы его похоронили недалеко от нашего ночлега, на опушке небольшого околка, и пошли дальше. Продвинулись на несколько километров, до следующей деревни, остановились на ночлег, сходили в деревню, принесли, что нам дали, узнали, есть ли работа, жилье, и легли спать. Ночью умирает

МОИЛЖАН КАНАВВ

моя мать. Ничего другого мы не смогли сделать для матери, кроме как вернуться обратно в то место, где уже покоился наш сородич, и похоронить ее рядом с ним». Не исключено, что возле каждой русской деревни в этих краях в те трагические времена нашли вечный покой наши сородичи. А нам, оставшимся в живых, проезжая мимо них, остаётся прочитать Коран, отдав им дань уважения и соблюдая традиции мусульман.

Так наши сородичи передвигались по деревням Алтайского края, Новосибирской области, дошли до Кемерово, Прокопьевска и других шахтерских городов Кузбасса. Пример тому – семья Ашимбетовых, в которой в 1935 году в городе Кемерово рождается сын Кемер, названный так в честь города Кемерово, ставший позднее известным общественным деятелем в области и республике.

Кроме этих трудностей, возникло ещё одно большое затруднение у моих сородичей, уже прибывших в Россию: они не могли предъявить документ, удостоверяющий их личность, так как в Казахстане тогда не проводилось документирование населения. Люди, жившие родами, когда спрашивали в России их фамилию, имя и отчество, называли свой род. Был случай: спрашивают у нашего родственника, прибывшего в Алтайский край, фамилию, а он отвечает: «Я Кошен-Шурек» – т.е. называет свой род. Алтайцы, не понимая ничего из его рассказа, предложили свой вариант, схожий по звучанию: пусть твоя фамилия будет Кучеренко. Мой родственник, конечно, был с этим согласен и даже этому рад; теперь у него есть фамилия, и он может устроиться на работу. Имя и отчество многих моих сородичей также звучали на русском, ибо мы не могли членораздельно объяснить свои паспортные данные. Оказалось, что один из Кучеренковых в советские времена был министром иностранных дел Эстонской ССР, и он признавал, что его дед жил в свое время в Казахстане.

Проживая в настоящее время на своей исторической родине – в Казахстане, обсуждая катаклизмы, которые происходили в стране, конечно, в первую очередь говорим и горячо спорим о человечности, порядочности людей, принимающей стороны, как они отнеслись к беженцам, попавшим в настоящую беду. И когда я рассказываю о благородном поступке русского народа по отношению к моим сородичам, прибывшим в Сибирь за помощью, то в ответ слышу: «Тут ничего особенного нет, Казахстан, казахский

народ во время войны принимал и помогал многим переселенцам». Это, по всей вероятности, говорит человек, который знает проблему поверхностно. Во-первых, переселенцы в Казахстан и Сибирь прибыли в соответствии с постановлением правительства страны, и оно обязывало местные власти принимать этих людей и обеспечить их всем необходимым.

П.Я. Скабелкин, уроженец, как и я, Панкрушихинского района, в книге, посвященной Виктору Хрестьяновичу Траутвейну – немцу-переселенцу, пишет: «Переселение немцев происходило под жестким контролем правительства, в случае непредоставления нормальных бытовых условий местные власти строго наказывались». Так, например, 20 председателей райисполкомов Алтайского края были строго наказаны, в том числе председатель Косихинского райисполкома, куда в сельскохозяйственную артель «Майское утро» привезли семью немца Траутвейна, где был двухмесячный мальчик. Сейчас этот мальчик является владельцем этого большого хозяйства, так же называемого «Майское утро». И принадлежит оно ему – Виктору Хрестьяновичу Траутвейну.

А мои сородичи были предоставлены сами себе в ожидании добровольной помощи каждого русского, встретившегося на их пути, они шли, прося помощи у Аллаха.

ПЕРЕЕЗД МОИХ РОДИТЕЛЕЙ ИЗ КАЗАХСТАНА В РОССИЮ

Среди бежавших от голода из Казахстана в Россию были и мои родители, отец Сулеймен и мать Жамиля с тремя сыновьями: Жунусом, Мухамеджаном и Шаймарданом и дочерью Баткен, которой было в то время пять лет, а братья были довольно взрослыми детьми, школьного возраста, только старший сын Жунус был подростком, около пятнадцати лет. Переезд моим родителям дался значительно легче, чем многим моим сородичам, так как у моего отца были четыре лошади и две одноконные брички, по всей вероятности, заработанные отцом на Алтае, когда он пас скот, чтобы набрать поголовье для калыма.

Так что длительное предыдущее пребывание моего отца в России помогло нашей семье неплохо пережить очень трудное время: отцу – когда он был холостым, а семье – во время голодомора. Остановились мои родители

МОИЛЖАН КАНАВВ

в селе Подгорном Тюменцевского района Алтайского края, недалеко от небольшого города Камень-на-Оби, на расстоянии около двухсот километров от города Новосибирска и трёхсот километров от краевого центра – города Барнаула. Городок Камень-на-Оби был торговым центром, куда в прежние времена купцы поставляли свои товары как водным, так и гужевым транспортом, по так называемому соляному тракту, от соляных озёр Кулундинской степи. Камень-на-Оби был хорошим торговым центром, связывавшим два больших города – Новосибирск, Барнаул и многочисленные деревни, расположенные вокруг этого региона. Здесь успешно торговали купцы Винокуровы, построившие торговый ряд в Камне-на-Оби, очень похожий на наш, расположенный в Павлодаре на улице Ленина.

В селе Подгорном наша семья оказалась единственной из казахов, может быть, поэтому она была принята хорошо, жители помогали чем могли. Родители нашли сначала у кого пожить, затем сельский Совет дал нашей семье заброшенный домик. Отремонтировав его за лето, к осени зашли в свой дом. Отец занялся транспортными услугами – перевозил товары и другие грузы из Камня-на-Оби в Барнаул и обратно по заказу на своих двух бричках, в которые запрягались две лошади из имевшихся четырёх. Рассказывал мой старший брат Жунус, которому было тогда шестнадцать лет, и он помогал отцу в этих поездках: «Поездки в Барнаул для нас особых трудностей не представляли: брички были ходовые, хорошо сделанные русскими мастерами, лошади были упитанные, тем более их меняли и в следующую поездку запрягали других лошадей. Ехали до Барнаула не выпрягая лошадей, хотя расстояние было небольшое – триста километров, кормили их постоянно, овсом из кормушки, сделанной сзади каждой брички. Нам надо было только временами менять их положение: лошадь, которая шла впереди, перемещалась назад. Поили лошадей в деревнях, расположенных на нашем пути, воду брали из колодцев, но поили из своего ведра, для этой цели возили с собой двенадцатилитровое ведро. Русские не разрешали близко подъезжать к колодцам. Выпрягали лошадей только в Барнауле, отдохнув здесь сутки и загрузившись товаром, который укажет хозяин, возвращались в Камень-на-Оби, по пути ненадолго заехав домой, в село Подгорное. Поездки в Барнаул давали нашей семье наличные деньги, что имело огромное значение для укрепления экономического положения нашей семьи. В это время мама с оставшимися меньшими детьми занималась домашним хозяйством, обживала новое место жительства, днем и ночью тру-

дилась сама и заставляла трудиться детей. Кроме домашних дел, которых во время переезда бывает очень много, мама вместе с детьми занялась огородничеством – этим новым делом, которого не было на исторической родине, благо что соседи бескорыстно учили, помогали в этом хорошем начинании нашей семье. Жизнь и учеба азам огородничества сопровождались для нашей семьи изучением русского языка.

Постоянное вынужденное обращение к соседям стало приносить большие успехи в познании русского языка – оно стало основой подготовки детей к русской школе. Таким образом, мои братья и сестра, переехав в Россию, стали развиваться в прямом смысле этого слова, во всех отношениях».

Кроме всего этого, мама стала выделывать из кожи крупного рогатого скота и лошадей так называемую сыромять – это выделанная, обработанная, очищенная от шерсти кожа, ставшая после всех этих обработок мягкой и пригодной для дальнейшей работы. Из неё теперь можно было делать всевозможный сельхозинвентарь: вожжи, уздечки, постромки и т.д. – это все необходимые вещи для крестьянина, чтобы запрячь коня в телегу, сани или обрабатывать землю. В условиях отсутствия какой-либо механизации сыромять была самым востребованным товаром, настолько, что за одну качественную кожу-сыромять отдавали коня. Получается, мясо целого коня доставалось нашей семье даром (не считая, конечно, маминого тяжелейшего, очень умелого труда).

Русские этим ремеслом не занимались, видимо, оттого, что дело очень грязное и вонючее. Неприятный запах исходил и из нашего дома – конечно, было неудобно, но отец решил и эту проблему, построив отдельно небольшую землянку.

Так что обживаться стали в Подгорном основательно и прожили в этом поселке восемь лет – с 1930 до 1938 года. Главное, что смогли сделать мои родители в этом селе, – дети учились в местной русской школе и к концу проживания имели образование: Мухамеджан – 8 классов, Шаймардан – 7 классов, сестра Баткен – 5 классов. Меньше всех учился старший сын Жунус – окончил 4 класса, так как он был уже переростком, помощником отца.

Но иметь образование даже 4 класса в то время считалось быть достаточно грамотным человеком и к тому же востребованным. Эти люди, во-первых, могли писать, читать и производить четыре арифметических действия: сложение, вычитание, умножение и деление. Именно вокруг этих простых

МОИЛЖАН КАНАВВ

действий арифметики протекала жизнь нового коллективного строя, требовались в большом количестве учетчики, счетоводы. Судьба так распорядилась, что мальчик, недавно бегавший по песку аула Кок-Тобе – мой брат – становится на всю жизнь учетчиком и одновременно заведующим фермой сначала в ауле Нацмен, затем в объединенном колхозе «Кызыл ту», в Кызылтовском отделении совхоза имени Крупской. Надо сказать, что этого образования ему было достаточно, чтобы прожить всю жизнь достойно, ему даже давали отсрочку во время войны от призыва на фронт – как говорили, отставляли по брони. Бронь продолжалась у него до середины 1943 года, а затем и его забрали в армию.

Наша семья так бы не преуспела, если бы не бескорыстная помощь русского народа, который помогал во всех наших делах. Приведу несколько таких примеров: приглашает однажды председатель Подгорненского сельского Совета моего отца и говорит, что надо платить налог, а он, видать, был немалый. Отец приводит председателю все свои доводы, почему несвоевременно не платит налоги: мол, обустраиваюсь на новом месте, учу четверых детей, жена беременная, я один работаю. Председатель замолчал, немного подумав, и говорит: «Ну ладно, ты тогда снимись с учета в нашем сельском Совете и становись в соседнем, а когда подойдет время платить налог там, снимись с их учета и становись у нас». Так и сделали. И, прожив восемь лет в селе Подгорное, отец все эти годы не платил налог.

Другую хорошую помощь оказал нашей семье директор Подгорненской школы, который, узнав, что русские дети обижают моих братьев и сестру, срочно собрал школьную линейку и объяснял ученикам и учителям, что это позорное дело: «Умные дети так не делают, а вы такими действиями позорите нашу школу. А ещё я вам хочу сообщить, что если казахи разозлятся, они не остановятся ни перед чем, могут дойти до убийства человека». Тут он, пожалуй, преувеличил, однако школу братья могли бросить. А после такого разговора притеснение наших ребят в школе прекратилось.

В селе Подгорном произошли два хороших события. В 1934 году рождаюсь я – последний нашей семьи, по русскому обычаю соседи меня называли Иваном, хотя отец мне дал имя своего старшего брата Моилбая, чтобы о нем осталась память. А самое главное событие нашей семьи в селе Подгорном – женится мой старший брат Жунус, который в действительности к этому времени был совершеннолетним, а по документам – нет, ему уменьшили

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

возраст на четыре года, когда брали свидетельство о рождении. А его невеста Кульпан – моложе ещё на два года. Получается, что родители женят несовершеннолетних, а это по российскому законодательству строго наказуемо, чего сильно стали бояться сваты с обеих сторон – как бы не попасть за решетку из-за несоблюдения законов России. Мы же живем не в Казахстане, говорили родители с обеих сторон. Эти все проблемы взялся решить мой отец, инициатор этого доброго дела, он же присмотрел красавицу Кульпан в одной казахской семье, переехавшей из Семипалатинской области, из аула Бегень, а в Алтае они проживали в колхозе «Красный Сибиряк», в посёлке Новосибирский, неподалеку от города Камня-на-Оби.

Чтобы уладить все эти проблемы, как рассказывала мне мама, отцу пришлось ездить к сватам семь раз, и только на восьмой решили, уладили все вопросы, и, что самое интересное, жених, т.е. мой старший брат, появился у сватов первый раз, когда стали забирать невесту.

Это говорит о том, что казахи, живя за пределами своей исторической родины, старались соблюдать свои традиции и обычаи, они им были дороги и близки, им хотелось продолжать так жить. Но, с другой стороны, сваты не отдали бы свою дочь за кого попало, чувствуется, что мой отец убедил, покорил сватов, тем более без калыма, о котором речи не было – живем в России. Первая радость нашей семьи стала и последней радостью: через два года после этой свадьбы, в 1940 году, уже в ауле Нацмен Панкрушихинского района умирает мой отец. Так оказывается жестока судьба к некоторым людям, как, я предполагаю, и к моему отцу: он в невероятно тяжелых условиях, преодолев все препоны казахской традиции, сумел создать свою семью, выучил всех детей, когда наши сородичи умирали от голода, но увидел только одно светлое пятно: женил сына, посмотрел на сноху.

Каким было взаимопонимание моего отца со снохой, рассказывала мне сама Кульпан. Моя мать, видимо, желая соблюдать все традиции предков, а также оглядываясь на тяжелые годы, прожитые ею, имела основания сноху держать в жестких рамках: та должна была трудиться день и ночь, все домашние работы и заботы ложились на ее плечи, а также муж не должен был баловать свою жену – всё это тяжело переносила совсем юная женщина: не прощали ее недостатки и т.д.

Отец, увидев такое положение снохи, стал заступаться за нее, говорил жене и сыну, что нельзя так сразу требовать от нее выполнения всех работ,

МОИЛЖАН КАНАВВ

надо сначала учить, помогать, т.е. вместе работать, надо к ней относиться как к близкому человеку, члену нашей семьи. Эти слова моего отца, конечно, не проходили даром, пока он был жив. Кульпан говорит, что отец был ее защитником, и она его полюбила, как своего отца. Но поддержка с его стороны долгой не была – через два года отец умирает.

«Помню день и все обстоятельства, как умирал отец, – рассказывала сноха. – Было лето, июнь, тяжелобольного вывели на улицу, чтобы на свежем воздухе напоить кумысом (специально для него я доила кобылу). Посадили его в постель, и я принесла ему пиалу с кумысом, он глотнул и повалился на бок, мы подхватили его, чтобы уложить в постель, он был уже мертв. Мне так стало его жалко, и, не зная почему, я выпила весь кумыс, недопитый отцом».

Не жаловала судьба и Кульпан – нашу сноху. Она в возрасте восьми лет осталась круглой сиротой: отец и мать умерли в ауле Бегень Бескарагайского района во время голодомора, она вынуждена была идти пешком в Алтайский край в поисках родственников по линии отца – Рамазанова Токтара, ее отец Бекен и Токтар являются сыновьями бая Рамазана, Токтар – от байбише – первой жены, а Бекен – от второй жены – токал. Токтар с семьей уехал в Сибирь раньше, и Кульпан, оставшись одна, пошла искать его.

Ее поиски были не самыми неудачными. Не зная русского языка, не зная, где находится теперь самый близкий человек Токтар, Кульпан наугад идет в сторону Алтайского края, узнав о том, что все казахи идут в эту сторону. Каких только трудностей не пережило маленькое существо из Казахстана: боялась всех, кто встречался на ее пути, ибо они были русские, капыри, по мнению мусульманина – инаковерующие.

Видя девочку, русские, особенно бабушки, подходили к ней, желая ей помочь, но она убегала от них. Как она мне со слезами на глазах рассказывала: «Русские оставляют еду на обочине дороги, чтобы я видела, а сами уходят». Когда русские далеко отойдут, я подхожу, беру еду и ухожу подальше, чтобы никто меня не видел. А ночевать в деревню заходила тогда, когда все спали, найду домик или старый сарай, где нет никого, переночую, а утром опять в путь, пока никого нет, иду в следующее село, чтобы найти дядю Токтара или хотя бы встретить казаха, может, он знает, где живет мой дядя? Не знаю, сколько дней прошло, сколько деревень прошла, смотрю, на самом краю одной русской деревни, возле землянки, сидит бабушка-казашка и разжигает самовар, я увидела, обрадовалась, а дальше не помню,

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

потеряла сознание, опомнилась – сижу среди казахов, но в русской деревне, а в какой – не знаю.

В этой семье я несколько дней пожила, бабушка меня познакомила с соседями – русскими, объяснила, что русский народ – хороший, они и нам помогли. В этом селе меня определили в дом для детей-сирот, где были русские, но я их уже не боялась. Сарафанное радио, по-казахски «ұзын құлак» – длинные уши – донесло до Токтара весть, что его племянница Кульпан, оставшись сиротой, найдется в детском доме. Дядя приехал и забрал...» С тех пор она жила у дяди в поселке Новосибирский, колхозе «Красный Сибиряк» Каменского района, откуда ее засватал мой отец в 1938 году, а увез ее мой брат Жунус в село Подгорное.

Непростой была жизнь самого Токтара – дяди нашей снохи Кульпан, он был сыном бая Рамазана, имевшего пять тысяч лошадей на землях Бескарагайского района, в живописной местности Сары-алан – большая территория, окруженная со всех сторон сосновым лесом, где он приспособился считать своих лошадей. Но прошли два катаклизма: один – природный, другой – устроенный человеком, и у него от этого богатства не осталось ничего, два его сына Токтар и Бекен остались без средств к существованию. Старший сын Токтар устроился скотником в колхоз «Красный Сибиряк», а младший Бекен, отец нашей снохи, умер от голода – такова была судьба у тех, кто остался в Казахстане.

Я однажды спросил Кульпан: «Как это родители умерли, а ты осталась?». Она ответила: «Они кормили только меня».

Когда наша семья уезжала из Подгорного, мне было четыре года, и я помню только отдельные эпизоды. Вот некоторые из них: меня лягнула наша кобыла, которая паслась возле нашего дома. Я заметил, что она пасется почти на голой земле, а рядом, где-то в пяти-шести метрах, хорошая трава растет. И я решил ее переместить на эту траву, взял прут и стал ее направлять в ту сторону, где хороший корм. Но это, видимо, кобыле не понравилось, и она меня легонько оттолкнула задней ногой. Почему легонько? Потому что большую травму не получил, остался только на моем лице чуть заметный шрам, похожий на подкову. А интересно было то, что я обвинил в этом мою мать – за то, что она плохо следила за мной, рассказывали потом родители.

А ещё интересный момент нашей жизни в Подгорном: пригласили нашу маму на собрание, где пропагандировали новую советскую власть. Выступая на этом собрании, моя мама говорит: «Советская власть, конечно, хорошая,

МОИЛЖАН КАНАВВ

потому что она отменила калым, раньше я должна была платить калым, чтобы женить своих четверых сыновей, в количестве двухсот голов скота, а я теперь невест буду брать бесплатно, но у меня есть одна девочка, которую, черт побери, отдам тоже бесплатно. Почему, спросите, «чёрт побери»? Потому, наверное, что хоть и жалко калыма, но отдавать всё равно придётся».

И ещё не менее интересный момент, связанный с моей матерью. Она иногда, когда была в настроении, пела местные русские частушки:

*«Ты Подгорна, ты Подгорна, –
Широкая улица.
По тебе никто не ходит,
Ни петух, ни курица».*

А мне больше нравилась другая частушка, также в ее исполнении:

*«Стоит милый у ворот,
Широко раскрывши рот.
И никто не разберет,
Где ворота, а где рот».*

Я потом понял, почему моя мама поет русские частушки: добрые соседи матери, скорее всего, видя одинокую женщину-казашку, приходили к ней, разговаривали как могли, пили казахский чай с баурсаками и запевали русские песни, особенно они любили петь частушки, а моей маме оставалось только их выучить.

Мне тоже очень близки и дороги затяжные русские песни, которые я часто слышал сразу в послевоенные годы, учась в Романовской школе. Обычно пели женщины, возвращаясь с полевых работ домой поздно вечером. Я потом понял, что они радовали себя песней, чтобы как-то утешить свою тяжелую жизнь. Они ведь продолжали жить очень тяжело, как в годы войны, особенно трудно было тем, у кого не вернулись с фронта мужья, отцы и братья.

И, пожалуй, самый последний, волнующий случай, связанный с селом Подгорное, произошел относительно недавно, в 1980 году, в последний год моей работы в Алтайском крае. Дело было так: я, будучи начальником Панкрушихинского управления сельского хозяйства, возвращался с директорами совхозов района с очередного совещания из Барнаула, оно, как обычно, закончилось поздно, но мы всё равно решили поехать домой. По пути следования, было около полуночи, фары машин высветили слово «Подгорное», обозначающее, что здесь расположено указанное село.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

У меня просто автоматически выскочило: «Ребята, я здесь родился». Среди моих попутчиков пошел разговор примерно такого содержания: «Как это мы всухую проедем место, где родился начальник?». Я, конечно, намек понял, но что делать? Какие были запасы – мы их при выезде из Барнаула уничтожили. Шаром покати, ни у кого ничего нет. Я говорю: «Ну давайте заедем в село, посмотрим, что будет, что Бог даст». Хотя мы все были коммунисты.

Заехали в Подгорное, село спит, ни у кого света нет, кроме одного дома. Подъехали на этот свет, толпой зашли в дом, смотрим, женщина лет около сорока, а в переднем углу лежит старушка, чувствуется, тяжелобольная, видимо, поэтому и свет горит.

Я вынужден был объясниться, почему мы заехали: сказал, что здесь родился, мои родители казахи, когда уезжала наша семья из села, мне было четыре года. Тогда бабушка привстала и говорит: «Да, у нас в селе жила одна семья казахов, многодетная была, да, действительно, у них ещё сын родился».

Видя таких «родственников», женщина, дочь этой бабушки (она оказалась продавцом местного магазина), вынула откуда-то две бутылки водки, а закуска у алтайцев есть в каждом доме всегда – так мы отметили внезапный, внеочередной, я бы добавил – душевный день моего рождения. И что интересно, я положил на стол деньги, а женщина категорически отказалась, сказав: «Тогда это будет не подарок».

Жаль, что из той когорты директоров совхозов остался только опытный агроном Алексей Дмитриевич Меречин, которого направили директором в новый совхоз.

ЖИЗНЬ НАШЕЙ СЕМЬИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АУЛАХ НАЦМЕН И КЫЗЫЛ ТУ ПАНКРУШИХИНСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Количество бежавших из Казахстана в Сибирь казахов всё время увеличивалось, и жили они одной или несколькими семьями в русских деревнях, заполнив не только Алтайский край, Новосибирскую и Омскую области, но и город Кемерово.

В это время правительством России принимается очень важное во всех отношениях решение: об организации национальных колхозов, где бы ком-

МОИЛЖАН КАНАВВ

пактно проживали казахи, соблюдая свои национальные обычаи и традиции, и вели бы коллективное хозяйство – колхоз. Поэтому неслучайно почти в каждом районе Сибири организовались колхозы под названием «Нацмен» – значит, здесь проживают люди национального меньшинства, что соответствовало действительности. Это был очередной благородный поступок русского народа, позволившего моим сородичам в полной мере пользоваться богатствами природы России – на плодородных черноземах Западно-Сибирской низменности, с часто встречающимися березовыми, осиновыми массивами, называемыми сибиряками колками, где много дикой смородины и полян между колками, где в изобилии росла земляника.

Еще раз убеждаешься, что все-таки обстоятельства больше влияют на жизнь человека: никто и никогда не думал не гадал, что казахи, веками жившие на своей родине, в бескрайних степях Казахстана, на родине предков – атамекен, земле, отвоеванной потом и кровью у джунгар и других завоевателей земель, будут жить теперь на благодатной Алтайской земле.

Теперь моим сородичам надо было начинать совершенно новую жизнь – коллективную, вести новый образ жизни – оседлый, и что самое главное – в другой стране, где живут люди с совершенно другими обычаями, традициями, вероисповедованием, с другим языком. Но здесь имелись все условия для оседлого образа жизни, не сравнить с голой, сухой степью Казахстана, где мои сородичи занимались пастьбой скота на обширной территории, на жайляу. Причина переезда нашей семьи из Подгорного в колхоз «Нацмен» – это приглашение организатора, председателя этого аула Таскара Нургалиева, который приходится моей матери племянником.

Таскара убеждал моего отца переехать в аул, который он организует: «Будем жить вместе, с нами будет много наших сородичей».

Кроме родственных и земляческих связей, у председателя колхоза были большие проблемы с организацией нового коллектива, нужны были грамотные люди для ведения хозяйства, основой которого оказался бухгалтерский учёт.

Надо было вести учет во всем: сколько земли, сколько обрабатывалось, какие затраты и какую продукцию получили, сколько скота и все его передвижения. Учет труда всех колхозников, каждый обязан был выработать минимум трудодней, без него он подвергался всевозможным админи-

стративным наказаниям. Выход из положения Таскара Нургалиев, будучи председателем колхоза, нашел в моих братьях, как раз в 1938 году окончивших Подгорненскую школу, в этом году Таскара организовал колхоз «Нацмен» Романовского сельского Совета Панкрушихинского района Алтайского края.

Переехать из Подгорного Тюменцевского района в Нацмен нашей семье большой трудности не представляло, путь проходил через Камень-на-Оби, село Панкрушиха, потом пересечь Алеусский ленточный бор шириной 12 километров и оказаться на его северной стороне – в селе Луковка. А от него всего в 15 километрах находится село Романово, где расположен административный центр – сельский Совет, от него в семи километрах – казахский аул Кызыл ту, а от него на расстоянии 10 километров обосновывался второй казахский аул, куда и решила переехать наша семья. Аулу отвели земли у самой границы Новосибирской области, где их село Новые Решеты – всего лишь в 7 километрах.

На новом месте жительства моим братьям была сразу предоставлена работа: Мухамеджану, окончившему 8 классов, – учителем начальной школы, Шаймардану с семилетним образованием – счетоводом колхоза, а старшему брату, которому удалось окончить 4 класса, – заведующим животноводческой фермой.

Обживание на новом месте моим сородичам казалось неразрешимой проблемой, ибо никакой финансовой поддержки со стороны местных властей, конечно, не было, да её и не ожидали: кто мы для них, спасибо за то, что нам отвели земли. Знатный хлебороб Кустанайщины, переселенец из Украины в третьем поколении Иван Тимофеевич Клименко в своих воспоминаниях пишет: «Переселенец – что пересаженное дерево, долго болеет, а может даже не прижиться». Таким сравнением он хотел передать читателям, какие архисложные задачи стояли перед переселенцами, которые переехали из Украины в Казахстан по специальной, хорошо продуманной программе, автором которой был знатный реформатор Столыпин. В ней все было предусмотрено: перевоз переселенцев до станции отправки по железной дороге, встреча на станции назначения, отправка отсюда до места жительства, размещение их сначала по семьям казахов, а затем усиленное строительство жилья, чтобы до посевных дел обустроиться.

Предусматривалось также обеспечение переселенцев всем необходимым: почвообрабатывающим инвентарём, семенами и прочим.

А моих сородичей никто на новом месте не ждал, не помогал: мы, непрошенные гости, оказались брошены на произвол судьбы, на милость каждого встречного русского.

Началось обживание со строительства землянок, благо что оказался под рукой хороший строительный материал – земляные пласты, плотные, крепкие, так как были сильно пронизаны корневищами сорных растений – пырея, бодяги, осота и других. Сначала выкопали колодец в низменной местности, недалеко от околка, который сразу назвали «Кок терек», предполагая, что вода будет находиться близко к поверхности земли. Так оно и получилось – на глубине около двух метров. Этим единственным источником водоснабжения и люди пользовались, и обеспечивали животных всего аула.

Строительство землянки было действительно большим событием, мероприятием, в ходе которого не только решалась основная жилищная проблема, но и объединялись люди небольшого аула казахов от мала до велика, заброшенных в Сибирь. За день до возведения стены жилья вспахивали землю без оборота пласта, получив таким образом сплошные ленты, которые на второй день после вспашки нарезали лопатами на кирпичи определенной длины.

Выполнять эту работу брались опытные мужчины, которые не только умели нарезать пласты определенного размера (из них выкладывались будущие стены дома), но и обладали большой физической силой.

Крепкими должны были быть и мужчины, которым предстояло укладывать эти земляные кирпичики на телегу: работа пыльная, грязная и по-настоящему тяжёлая, здесь работали, как говорят, трудяги. Но и нам, детям, находилась работа, без нас прервалась бы цепь производственного процесса в строительстве жилья: именно мы подвозили эти земляные пласты с поля к месту кладки стен дома. От нас требовалось тоже немало: мы обязаны были умело управлять быками, запряженными в телеги, куда загружали «кирпичи». Надо было точно подогнать телегу как к месту загрузки, так и к месту разгрузки, ведь если подъедешь не так, как нужно, эти «кирпичи» из-за нашей вины мужикам, нагружающим и разгружающим, придётся таскать на большое расстояние... И тогда мы были обеспечены «токмашками»: конечно, усталые мужики с нами не рассусоливали и не церемонились...

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

А настоящими умельцами в строительстве землянок были люди, которые ровно и мастерски выводили из этих «кирпичей» стены земляного дома, умело выравнивали их обычной косой, которой косят траву. Несмотря на все трудности кладка стен землянки шла быстро, за день её завершали, строили, за редким исключением, стандартные домики 8х4 метра. Дальше хозяину дома надо было самому доводить его: крыть крышу, делать двери, окна, сложить казахскую печь, которая разделит дом на две половины, прихожую, гостиную и всё остальное.

Но самое приятное для всех строителей ожидало впереди: угощение от хозяина дома, который обязан заколоть одного или двух баранов, в зависимости от его возможностей. А в течение дня хозяин поит всех коже – очень хорошей питательной едой, которая утоляет не только жажду, но и голод. Проработавшие весь день люди, конечно, хотели плотно поесть, особенно мяса, поэтому наступало оживление строителей к вечеру: они готовы были съесть целого коня, но приходилось довольствоваться тем, что имели, а имели очень мало. Как обычно, в первую очередь кормят взрослых: голова барана, жамбас, омыртка – всё им. Видя это, и мы, дети, забеспокоились и стали говорить, что тоже работали. Тогда хозяин дома вынужден был вытащить со дна казана опалённые ноги барана, спрятанные им на всякий случай, которым мы были рады.

Таким же путём строились дома-землянки и в соседнем ауле Кызыл ту, только на два года раньше.

Вынужден сказать, что землянки для моих сородичей оказались выходом из тяжёлого положения, в первую очередь потому, что строительные материалы – земляные пласта, берёзовые, осиновые колки, тальники были под нашими ногами, за них ничего не платили и пользовались ими сколько хотели. Во-вторых, в землянках было очень тепло и это мы, дети, испытали на себе в полной мере. Казахская печь, разделяющая землянку на две половины – прихожую и горницу – издавала столько тепла, что мы бегали босиком и полуголые. А у русских, в деревянных домах, такого тепла не было, я это узнал, бывая в Новых Решётах.

В двух национальных аулах Панкрушихинского района проживало в то время около 70 казахских семей, и они селились родами, как в Казахстане: в Кызыл ту – Козыбаки, Нацмене – Уаки.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

У организатора колхоза «Кызыл ту» – Исикеева Елемеса было два сына – Серикбай и Сейтен, три дочери – Баден, Каиркен, Сакыт.

Первые поселенцы – Боржумбаев Байсугур с сыновьями: Татар, Самат, Абу; Жаксыбаевы – Ибрай, Капсалам; Умаровы – Аубакир, Мекебай; Ахметовы – Калым, Сапкен; Булатовы – Кабкай, Кабай; Смайловы – Токен, Елубай; Наурызбаев Куанбек, Тасыбаев Кабий, Искиндириев Гаждан.

У основателя колхоза «Нацмен» – Нургалиева Таскара были сын Какыш, дочь Шакаш, двоюродный брат Оспанов Жетпысбай, он же родной брат моей мамы, племянник Султанов Калеш. С Калешем у меня крепкая родственная связь – мы рождены от двух родных сестёр, у моей мамы была старшая сестра, у которой родился Калеш. Он рос сиротой, родители умерли во время голодомора. Поэтому моя мама, наряду с нами, постоянно заботилась о Калеше. Во время войны он был подростком, помогал управляться нам со скотом, стал первым механизатором в колхозе.

Первыми жителями Нацмена были: братья Альдекешевы – Арын, Аргын, Омаш; Аубакировы – Кадау, Кабиден, Камапиден; Жалылытденов Кабылхак, Нархановы – Оразалы, Мубарак, Садуакас, Уакас; Тасимовы – Оспан, Жамсап; Байгадановы – Айдархан, Секен, Каиркен; Султангазиновы – Ахмет, Амре, Кусаин, Басым; Муздановы – Досымхан, Кабкен, Рашкен; Оразбаев Туяк, Бахтияров Кабиден, Темиров Муган, Садыков Абдыгалым, его сын Кабай – мой ученик из Нацмена, окончивший Новосибирский сельхозинститут, и наша семья – Канаевых.

Много наших сородичей продолжали проживать на заимках, где содержался колхозный скот. Создавались для них условия: не надо строить жильё, скотопомещения и даже корм для личного скота. Их называли житаками – «проживающими отдельно». Они и жили на всём готовом, руководители колхозов их не обижали. Довольные мои сородичи, когда они приезжали – поили чаем. Хозяин дома спрашивал у жены: «Где чай?» – по-казахски – «Чай кайда?»

Так неплохо стали обживать новое место жительства вчерашние ковчегники. Это можно подтвердить следующими фактами: мне доверили пасти телят колхоза «Нацмен», видимо потому, что заведующим фермой был мой брат Жунус. Их было 18 голов. Я запомнил эту цифру, ибо считал, чтобы их не потерять. Это хороший приплод для начала. А ещё ухаживали за ними хорошо – поили отваром из свежескошенной травы.

Второй случай был чрезвычайный, но показывающий, что в колхозе Нацмен уже было большое поголовье овец. Однажды волки разодрали колхозных овец, проникнув в кошару через крышу, и чтобы выйти из неё обратно, они соорудили пирамиду из туш мёртвых баранов. Следовательно, в ауле было немалое поголовье овец.

Но у нас, у детей, были свои цели и задачи: «Убить волка», потому что сторож – дед Оспан Тасимов нам сказал: «Волки обязательно вернуться к своим жертвам, кода они проголодаются». Мы несколько дней сторожили, жарко растопили печь берёзовыми дровами, поочерёдно грелись. Дед был доволен, что мы с ним. Рассказывал, как они жили на исторической родине. Мы волков так и не дождались, они не вернулись.

Жаль, что из той когорты ребятишек, а нас было более десяти человек, остался один – Темиров Мутан, живёт в ауле Курголь Павлодарской области.

Если в животноводстве у моих сородичей появились какие-то результаты, то в полеводстве дела были очень плохи. Сказались не только отсутствие опыта ведения этой отрасли, но самих орудий труда. А спрос руководством всё равно учинился. На совещании председателей колхозов, посвящённых проведению зимних агромероприятий спрашивают у Исикеева, руководителя «Кызыл ту»: «Почему не проводите снегозадержание?». На что он уклончиво отвечают: «Потому что вокруг все колхозы уже задержали весь снег».

Особую роль в переселении и обосновании двух аулов сыграли Исикеев Елемес и Нурғалиев Таскара – про них можно сказать – они организаторы от Бога, ибо не зная русского языка, неграмотные, настоящие степняки, смогли решить сложную проблему своих сородичей, конечно, не без лояльного отношения руководства Панкрушихинского района. И что у меня ещё осталось в памяти: они были настоящими ораторами, их внимательно и долго слушали жители, собравшись в чьей-то землянке.

Они были в курсе событий, происходящих на исторической родине, что в Казахстане создаются райкомы и обкомы и что казахи стремятся именно там работать. В подтверждение своих слов Елемес приводит конкретный факт: «Бывая там, я спросил одного из друзей: «Где ты работаешь?» Ответ: «В обкоме партии» – «А кем?». Ответ: «Конюхом». Далее он комментирует: «Хоть конюхом, но в обкоме партии». Сидящие засмеялись.

Созданием казахских аулов были довольны старики-аксакалы, волею судьбы оказавшиеся на чужбине. Ведь что происходило во время исхода каза-

хов с их исторической родины? Если человек заболел и умирал в пути, его тут же и хоронили, а родовые кладбища были за многие сотни километров. Могила оставалась бесхозной, и через какое-то время исчезала, так что её уже нельзя было найти и почтить память усопшего.

А теперь, когда казахи стали жить сообща, возникали и общие кладбища. Особенно большое значение это имело для стариков. Был даже такой случай, когда я уже служил в армии. Когда умер где-то на заимке казах, и его хотели похоронить там, моя мать настояла, чтобы его привезли на аульное кладбище. И её послушали. Там же похоронены и мои родители – отец и мать. Мы чтим их память, приезжаем на кладбище им поклониться.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Аллах дал совсем мало времени моим сородичам на обживание российской земли, всего неполных три года, когда началась самая страшная война, не имеющая аналогов до сего времени по количеству принесенных жертв и разрушений. Разумеется, все военнообязанные мужчины двух аулов были мобилизованы на фронт, в том числе и три моих брата, а второй брат – Мухамеджан – был призван в армию ещё в финскую войну – в 1939 году.

Когда началась война, мне исполнилось семь лет, и я остался в семье единственный мужчина. Отец умер ещё в 1940 году, и он оказался первым человеком, похороненным на кладбище в алтайской земле. От похорон отца у меня в памяти осталось, что весь аул был в большом трауре, мне казалось, что все мои сородичи плакали, соблюдая традиции казахов-степняков – жоктау. Оплакивание по усопшему проходило начиная с момента выноса тела умершего из дома, затем повторялось каждую пятницу, пока исполнится сорок дней, причем на жоктау собирались все замужние женщины. Оплакивание происходило не в хоровом исполнении, а каждая исполняла плач на свой манер и произносила свои или выученные наизусть причитания на тему потери самого близкого человека. Конечно, не все традиции прошлого хороши, но эта, на мой взгляд, достойна уважения и продолжения, ибо у нее много положительных моментов: во-первых, остаётся хорошая память о человеке путем озвучивания близкими людьми, а это возможно сделать, только если ты сильно уважаешь ушедшего в иной мир человека. Во-вторых, и это главное, имеет огромное значение для воспитания молодежи. К сожалению, переехав

на историческую родину, побывав на многочисленных похоронах, я ни на одних из них не слышал жоктау.

Читать Коран я научился тоже с того момента, когда отца не стало: мне сказали, что отцу хорошо будет на том свете, если я буду читать Коран. Учила читать Коран меня моя мама, и этот тезис – суре назывался кулку-алла, по заверению матери, это основное в Коране. Мне было шесть лет, когда я выучил его, и читаю до сих пор, и никто из мулл, как в России, так и сейчас в Казахстане, замечаний не сделал. Я до сих пор удивляюсь, как это мать могла меня научить сносно читать Коран, я ведь часто его читаю перед большой аудиторией. К слову сказать, я делал это и в советское время, и в России, т.е. в своих аулах, и в Казахстане. Первый раз прочитал Коран в Казахстане, в Щербактинском районе, будучи там начальником управления сельского хозяйства, когда умерла мать прокурора Тлеулина.

Я отсутствовал во время похорон, прихожу к ним на второй день и, как обычно делают мусульмане, читаю Коран. Смотрю, у Мухамеджана Жумагуловича настроение меняется, из грустного превращается в удивленное, и сразу после завершения чтения он говорит: «Я первый раз вижу, чтобы секретарь райкома читал Коран». Кстати, в России никто на это не обращал внимания, а на моей исторической родине однажды было так: отца хоронят, а сын-начальник уходит во время чтения Корана.

Но продолжу рассказ о военном времени. Начались самые тяжелые наши дни, теперь женщины и дети не только должны были добывать себе пищу, но и в обязательном порядке обеспечивать своих фронтовиков всем необходимым: питанием и обмундированием – таково веление времени, и об этом знал каждый житель наших двух аулов.

Теперь оставшимся моим сородичам надо было заниматься не только животноводством, которое вели как в общественном хозяйстве, так и в личных подворьях, причем усиленно, а и другой отраслью сельского хозяйства – полеводством, которым никто прежде не занимался и не знали – с чего начать.

Начали с того, что стали запрягать коров личных подворий в однолемешные плуги, которыми государство обеспечило каждый колхоз. Плуг должны тащить две пары коров: передняя пара – направляющая, а вторая пара – коренная – непосредственно припрягалась к плугу. Направляющей парой коров должен управлять мальчик примерно моих лет или женщина, их задача – вести свою пару коров строго по борозде, чтобы коровы не отклонялись в ту или

иную сторону, иначе не получится пахоты. Стало ясно: как мы поведем коров, такая и будет пахота.

Плугом правил обычно старый человек, которого по возрасту или по каким-нибудь причинам не призвали в армию.

Невозможно представить, с какими трудностями шёл процесс пахоты на коровах, которым первый раз в жизни надели ярмо на шею. Это была не пахота, а только слезы, оттаптывание коровами наших ног и сплошное травмирование детей и женщин. Не выдерживали нервы не только у людей, но и у коров, бывало их било припадком. Земля-то была целинная, из которой получались хорошие пласты для строительства землянок, но она никак не поддавалась разделке, и сделать из нее пашню на коровах – это была неосуществимая мечта, нужна была мощная техника, которая появилась только в 1954 году – в годы освоения целинных и залежных земель.

Но, не имея в тот момент ничего другого, мы вынуждены были продолжать посевную кампанию и в таких условиях: в кое-как вспаханную, не обработанную толком землю бросали вручную семена зерновых культур, т.к. не было сеялок. Сам процесс посева шёл следующим образом: несколько стариков в поле становились рядами, на расстоянии друг от друга в три-четыре протянутых руки и разбрасывали семена руками, беря их пригоршнями из вёдер, навешанных на шеях. Вороны, грачи, сороки и другие птицы шли за ними следом и подбирали, клевали семена.

Первый трактор марки ХТЗ – Харьковского тракторного завода – появился в нашем колхозе где-то в середине войны, в 1943 году. На больших железных колёсах с треугольными шпорами, в которые забивали березовые клинья, если трактор застревал в грязи. Парадоксально, даже после такой «пахоты» что-то выросло: видимо, земля здесь очень плодородная; как говорили сибиряки-старики: «Воткни палку – вырастет телега». Убирали хлеб вручную – косили серпами, связывали его в снопы и свозили в одно место, которое называли ток. На току происходили все остальные работы: цепями в руках выбивали зерна из колосьев, деревянными лопатами отделяли зернистую массу от соломы, мякины, семян сорных растений, бросая высоко вверх. Падая вниз, эта масса разделялась с помощью ветра и веса на несколько составляющих: зерно, солома, семена сорняков, мякина, земля и т.д.

Это была работа, по сути, механизированного тока, но в то время всё это выполнял опытный, приспособившийся к этим условиям старик. Он был главной фигурой на току, его неукоснительно слушались, он был большим

авторитетом, ибо умел делать доброе дело: отделять зёрна от плевел в прямом смысле слова.

Полученное таким путем зерно отвозили на бричках, запряженных быками, в село Романово, где располагался сельский Совет – глава многочисленных колхозов. Зерно отвозили несколькими такими бричками, а понуждали, правили быками мы, мальчики моего и чуть постарше возраста, но возглавлял «колонну» один из стариков. Отправлялись в путь вечером, чтобы к утру, преодолев расстояние в 18 километров, прибыть в Романово.

Заготзерном служила романовская церковь, высокое деревянное здание с куполом, где когда-то звенели колокола. Пол был деревянный, крепкий, добротный, мы заезжали прямо на бричках внутрь церкви и там разгружали зерно. Руководила приемом зерна, взвешивала, выписывала необходимые документы русская женщина по фамилии Таболина, которая выделялась тем, что была одета лучше всех. Мы, аульные парнишки, оказавшиеся здесь первый раз, были удивлены русской деревней: все дома деревянные, обязательно с крышами, сделанные из досок, вокруг дома – надворные постройки: баня, скотные дворы, колодец, большой огород – и всё это хорошо выглядело, было огорожено, заходить во двор полагалось только через калитку. Это было старинное русское село, основанное ещё в первые годы царствования семьи Романовых. Поэтому село так и называется. Русские, получается, обживали своё село веками, а мы, казахи, – всего три года, поэтому живем в землянках. Конечно, сравнивать жизнь моих сородичей с русскими ни в коем случае было нельзя. Но наше тогдашнее детское восприятие было таким, что мы не понимали, почему русские живут так, а мы иначе.

Прибывшие к нам ХТЗ – их было два – большую помощь нашему селу не оказали, они беспрестанно ломались, постоянно приходилось делать так называемые перетяжки, так как кривошипно-шатунный механизм коленвала успевал расшататься, пока трактор пропашет поле с одного конца до другого.

Тракторист, выехав в конце поля из борозды, делал перетяжку: сначала снимал поддон трактора, предварительно слив масло, подтягивал подшипники, и если они были слабо затянутыми, то подкладывал лист фолги и хорошо закручивал гайки. Ставил поддон на свое место, заливал масло и продолжал пахоту, а на другом конце поля опять всю эту работу повторял. К счастью моих сородичей, трактористами были наши аульчане подростки, которых ещё рано было призывать в армию, а кто постарше – им давали отсрочки, т.е. бронь. Это были Тасимов Жамсап, Кузкенов Баушан, Булатов Кабай, Искин-

МОИЛЖАН КАНАВВ

диров Гаджан – они были уважаемые и много знающие люди. Мы, дети, были рады им помочь во всем – и во время перетяжки, и во время пахоты – в ночное время с фонариком шли впереди трактора, освещая борозду, по которой он должен двигаться.

Как бы тяжело ни было, несмотря на все трудности, эти трактора вспахивали земли значительно больше, чем аульчане на коровах. Мы даже считали: только за один проход трактор вспахивал земли больше, чем мы всем аулом пахали целый день, да и качество пахоты было несравнимо – целина поддавалась технике лучше. Но наша радость – работать с трактористами – была недолгой: тракторы строго по графику передвигали из одного колхоза в другой, они должны были во время посевной побывать во всех колхозах Романовского сельского Совета, а их было много. Романовской машинно-тракторной станцией – МТС – руководил директор Тимофей Черных, считавшийся самым грамотным человеком в округе, – он имел семь классов образования. А я про себя подумал: «Мои братья имеют такое же образование, но почему-то не работают директорами. Значит, русские ставят руководителями своих, а жили бы мы в Казахстане – мои братья тоже работали бы большими руководителями».

Так проходили посевные и уборочные работы, все вручную, вся их тяжесть легла на плечи женщин, детей, стариков и нескольких мужчин, негодных для военной службы. Этими же людьми производились и другие важные работы: заготовка сена для скота, дров для отопления, уход за скотом в длинные морозные зимы Алтая и т.д. Заготовку сена в колхозе осуществляли одной имеющейся сенокоской, в которую запрягали пару быков, а впереди них – лошадь, управляемая мальчиком, который выполнял свою, очень важную функцию, чтобы весь этот сборный агрегат косил сено без огрехов.

В колхозе были также одни конные грабли, а все остальные работы: копнение, подвоз сена к стогу на волокушах, скирдование – всё производилось вручную, за трудодни, ибо все знали, что каждый колхозник должен выработать положенный по указу минимум, ещё лучше – когда больше выработает, в этом случае он считался передовиком производства.

Функцию трактора-стогометателя выполнял самый крепкий мужик в ауле, им оказался у нас одноногий Елубай Смаилов, у него не было правой ноги чуть ниже колена, и он, опираясь оставшейся частью голени на самодельную деревянную конструкцию, метал сено. Мы, дети, подвозили ему сено на волокушах, запряженных также быками, видели его работу каждый

день. Сформировав стог сена, Елубай просил кого-нибудь из нас, детей, залезть наверх, чтобы помочь ему завершить кладку скирды. А ещё больше все были удивлены этим человеком, когда он ко всему этому смог держать оразу – в самую жаркую, сенокосную пору, ни есть, ни пить с рассвета до заката. Особенно этим были удивлены мы, дети, потому что мы порой не выдерживали даже до обеденного перерыва, сбегали с работы, чтобы напиться.

А каждый двор для личного подворья травы косил сам, кто как может, основным орудием труда была коса.

В нашей семье главной фигурой по выполнению всех этих хозяйственных работ была сноха Кульпан, жена старшего брата, а я – ее помощник. Что бы ни делали в доме – всё вдвоем: заготовка дров на зиму, выращивание картофеля на площади в один гектар, а на сенокосе – она работает с косой, а я делаю копны из валков, скошенных ею. Затем свозим сено к месту скирдования и просим кого-нибудь из мужиков, чтобы сложили сено в стог. Заготовленного таким путем сена не всегда хватало на всю зиму, к концу марта оно обычно кончалось, и мы шли в поле, где стояли стога, надеясь найти там корм скоту. Брали с собой лопаты, вилы и санки, чтобы найти и выкопать из-под снега сено и привезти домой.

Наши походы за сеном не всегда были удачными, иногда целый день копали метровой глубины снега, а возвращались домой с пустыми санками. Много времени и сил мы тратили на расчистку снега, зачастую не зная, есть ли там сено. Потом додумались: прежде чем копать снег, черенками лопат или вил прокалывали толстый слой снега и узнавали, есть ли там сено или нет. Даже могли приблизительно определить его объем – по степени амортизации черенка наших вил: чем больше амортизирует черенок, тем больше сена там имеется.

Как было сказано выше, старшим из моих братьев был Жунус – наиболее хозяйственный в семье. Он давал нам указания, находясь в армии, в своих письмах-треугольниках (отсутствие конвертов успешно заменили треугольники, делавшиеся из того же листа бумаги, где было содержание письма, здесь же писали адрес). Писал, чтобы мы обязательно за летнее время заготовили дрова на зиму, не менее 10-12 телег: привезли, распилили и раскололи. Распилить и расколоть дрова – возможно, но как их привезти из лесу – это очень трудное дело: во-первых, надо привезти на быках или коровах, которые не могли стоять в лесу во время заготовок из-за комаров, а в Сибири их очень много и крупных, тут сам себя не защитишь от них, не только что животных.

Бывало, они срывались и убегали с места заготовки дров, ломая телеги, если, например, напал на быка или корову бзык. Но мы всё равно продолжали заготовку дров, в основном брали березу, благо что никто не контролировал рубку леса, росли деревья близко.

Всё-таки основную часть дров мы заготавливали летом, но топили также и киззяками. Основным питанием моих сородичей давно уже стала картошка, поэтому выращиванию этой культуры мы уделяли особое внимание.

Эта культура – очень трудоемкая, всё лето надо работать над ней, начиная со вспашки, посадки семян, которых постоянно не хватало. Здесь опять мы обращались за помощью к соседям из близлежащих русских деревень. Ездили, обходили каждый дом в деревне. Один из эпизодов сбора семян картофеля моими сородичами вспоминает Петр Яковлевич Скабелкин – уроженец села Высокая Грива. Будучи ещё мальчишкой, он стал свидетелем, как его мать отдала казаху ведро семян картофеля, ничего не стала у него брать взамен (да и не было в тот момент у него ничего), только пожелала: «Пусть вырастет у тебя хорошая картошка».

На Алтае картошка растет хорошо, но ещё лучше растут сорняки, этому способствуют и плодородная почва, и влажный климат. Борьба с сорняками – это настоящая битва за жизнь. Не успеешь выполнить до конца первую прополку, а там, где начинал, уже опять сорняки. Заканчиваешь вторую – сразу приходится начинать третью, а после третьей прополки надо обязательно окучить, чтобы ботва картофеля стояла прямо, что способствовало повышению урожайности.

У кого картошка имелась круглый год, тот, считалось, – и на самом деле так было – жил хорошо.

Картошку варили, жарили, терли – получали из неё крахмал, пекли на костре, именно в это время я услышал такой анекдот: «Она не выдержала – и повесилась».

Однажды произошла в нашей семье размолвка, которая сохранилась в моей памяти до сих пор. Дело было летом, как раз в разгар прополки картофеля, все мои сородичи – на огороде. Стояла жара, и ребяташки нашего аула собрались купаться в недалеко расположенном «Байкеновском» болоте. Я тоже захотел искупаться и попросил разрешения у снохи, она согласилась, и я с радостью побежал, чтобы догнать своих сверстников.

И вдруг слышу громкий голос матери с требованием вернуться и продолжать работу. Я вынужден был вернуться обратно в огород, естественно, с

неохотой, и дальше вести прополку. Дальше произошло следующее: Кульпан подошла к моей матери и умоляла её отпустить меня искупаться, сказала: «Я сама прополю огород – пусть он идет».

Я увидел у обеих на глазах слезы.

Так проходили страшные военные годы, появились первые плохие вести: похоронки на Капсаляма, Балау, Камалидена, Секена и других. Я запомнил их только по именам, когда оплакивали их родители и аульчане – эти имена мне запомнились, потому что часто их называли. Конечно, сильно переживали в эти траурные дни мои сородичи: кругом плакали, стоял стон, а мы, дети, не знали, что делать, куда себя девать.

Особенно мне жалко было свою мать, которая все годы войны не знала покоя ни днем ни ночью: днем вела хозяйство – как глава семейства, а ночью – думала о сыновьях. Она даже придумала особый способ молиться Аллаху и просить его о возвращении детей живыми и невредимыми. Каждый день, не смотря на то, зима или лето, перед закатом солнца уходила в лес, расположенный недалеко от аула, и просила Аллаха, чтобы сыновья вернулись домой, громким плачущим голосом, бросая по лесу садака, – подарки Аллаху.

Я хотел как-то вместе пойти с ней в лес, помочь ей в этом важном деле, увидеть, что она там делает, но она категорически мне запрещала. И я вынужден был возвратиться домой и помогать снохе: летом – полоть картошку, зимой – управлять со скотом. Однажды произошел даже большой конфликт между моей матерью и муллой аула, который был в то время неприкосновенным авторитетом для всего населения, тем более среди женщин. Мулла в один из вечеров, видимо, посвященный ауз ашару, говорит собравшимся: «Молитесь, чтобы немцы победили, так как советская власть против религии, сажает в тюрьмы невинных людей, насаждает коллективную собственность, скоро у нас будет всё общее». Выслушав такое суждение муллы, обдумав, к чему могут вести такие высказывания проповедника, моя мама говорит ему: «О чем ты говоришь, к чему ты призываешь? Подумал ли о том, что немцы победят, только когда перебьют всех советских солдат, в том числе наших сыновей? Ты что – этого хочешь?». После такого разговора моей мамы с муллой наступило молчание до конца вечера. Никто не выступил ни в поддержку муллы, ни в поддержку мамы. Думаю, женщины просто побоялись ему возражать, хотя были согласны с моей мамой. Но это было первое принародное высказывание против муллы в нашем ауле.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Я привёл этот случай к тому, чтобы подчеркнуть: вот что значит мать – за детей готова лезть в огонь и воду, а мы, дети, оправдываем ли такие поступки родителей?

С чего начинать жить? Решение этой проблемы подсказали моим сородичам сами складывающиеся обстоятельства, сама действительность – активно заниматься картофелеводством. И казахи, усвоив эту истину, стали запасаться картошкой не только на зиму, но и на лето – закладывать ещё один погреб картошки для летнего, т.е. круглогодичного, пользования.

Начали использовать картошку и для кормления скота. Так, я с тех пор знаю, что если корову подкормить вареной картошкой, то она сразу прибавляет молоко, а если кормить сырой картошкой, то она быстро набирает вес и упитанность. Оседлый образ жизни потребовал другого подхода в содержании скота, чем в Казахстане. Ты должен подготовить заранее необходимое количество кормов на всю долгую, холодную сибирскую зиму, хорошо утеплить скотопомещения, и каждый день необходим тщательный уход за скотом, благо что скот находится рядом с домом. Но зато если ты хорошо подготовился к зиме, то зимуешь уверенно, без всяких рисков и для скота, и для людей – не то, что при пастбищном содержании скота в Казахстане.

Адаптация моих сородичей к новым условиям шла, можно сказать, успешно, ибо инстинкт самосохранения человека сработал здесь в полной мере ещё и благодаря благодатным природно-климатическим условиям Алтая. Приобская лесостепь окончательно приласкала беженцев из Казахстана, здесь можно было получать высокие урожаи и жить достойно. Здесь были реальные возможности хорошо заняться знакомой отраслью – животноводством, как в коллективном хозяйстве, так и в личных подворьях.

Несмотря на то, что этим делом занимались во время войны женщины и дети, не обладающие опытом и не готовые к такому тяжелому труду, непрофессионалы, стали появляться хорошие результаты: росли поголовье скота, его продуктивность и упитанность. Доказательством этого было то, что мои сородичи не только стали себя обеспечивать мясом, но и начали возить его в Новосибирск на продажу.

Ежегодно в марте, когда световой день удлинялся, становилось всё теплее, отправлялись в дальний путь с мясом, которое выращивали целый год. Мясной «обоз» состоял из саней, запряженных в основном быками, редко у кого была лошадь.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Каждая семья старалась вырастить мясо на одни сани, была и складчина, когда две или три семьи везли мясо на одних санях. Немало было и тех семей, которые ограничивались только обеспечением себя и на продажу ничего не имели. Доставка мяса в Новосибирск оказалась невероятно тяжелым делом, в день преодолевали не более 10-12 километров, а до города было немалое расстояние – 200 километров.

В пути надо было сделать не менее 15-16 ночевок, найти пристанище в русских деревнях, где можно переночевать, поесть самим и накормить быков, а в обозе было не менее 10 саней. Русские жили в небольших деревянных пятистенных домиках, как говорится, сильно не разгуляешься. Но надо сказать, что население сёл относились к моим сородичам с пониманием, даже с милосердием, делились всем, что у них было, и быков без корма не оставляли. Основной ежедневной проблемой, которая лежала на плечах моей мамы, и было размещение моих сородичей по домам сибиряков. Она владела русским языком и пользовалась русской традицией, не позволявшей отказывать женщине в просьбе о помощи. За все годы поездок не было случая, чтобы кто-то остался на улице. Продавать мясо в город ездили в основном старики, редко кто из молодежи, и среди них одна женщина – моя мама, тоже в преклонном возрасте. Ей помогали во всех хозяйственных делах, не только как женщине, она ещё и пользовалась уважением своего рода уаков, а ехали в город в основном уаки, так что родоплеменные связи моя мама использовала в полной мере.

Только за счёт поездки в город с мясом на продажу жители двух аулов имели возможность держать в руках деньги, покупать для семьи одежду, обувь, радовать детей сладостями: сахаром, редко кто конфетами.

Для нас, детей, была большая радость – день возвращения наших из города, мы ждали их с нетерпением, потому что знали: они могут привезти сладости, они действительно были тогда очень сладкими. Мы обходили всех, кто ездил в Новосибирск, в надежде – чем-то угостят.

Но подарков мы получали, конечно, не столько, сколько хотелось бы: видимо, не у всех была возможность дарить хорошие подарки, но были и такие, которых сдерживала жадность. От тех, кто совсем ничего не дарил, мы уходили молча, в знак большого недовольства, им мы уже не говорили слова благодарности.

МОИЛЖАН КАНАВВ

В такое очень трудное время моя мама находит возможность и сама же ее осуществляет – увеличить количество мяса, поставляемого в город, следующим образом.

На вырученные от продажи мяса деньги она закупает черный материал, вату и нитки. А приехав домой, шьет из них фуфайки на своей швейной машинке Зингер (откуда она у нее оказалась – неизвестно).

Фуфайки во время войны, да и очень долгое время после неё, пользовались большим спросом, ибо эта одежда была практична и для работы, и не стыдно было выйти в люди во время праздников, если фуфайка была чистая, а ещё лучше – если новая. Обмен товаром был натуральный, как мать говорила: «Баш на баш». Мама отдает фуфайку, а будущий хозяин фуфайки – двух-трех-месячного теленка. Сшив за зиму 5-6 таких фуфаек, она получала столько же телят, которые через год становились телочками и бычками. Но чтобы это осуществить, моей маме необходимо было преодолевать дополнительные трудности: объезжать со своим товаром близлежащие села Панкрушихинского района Алтайского края и Кочковского района Новосибирской области.

Все передвижения в то время совершались на быках, запряженных в самодельные сани. Ей одной всё это сделать было невозможно, и она обращалась с просьбой к одному из стариков аула, чтобы тот помог совершить такую поездку, и старики в этом никогда не отказывали. Был очень интересный случай с одним из этих аксакалов. Рассказав о нём мне, мама просила меня никому об этом не рассказывать. А случай был такой: объезжая русские деревни, приходилось ночевать у местных жителей, которые кормили тем, что у них есть. Хозяйка дома наряду с другими продуктами ставит на стол большой кусок свинины – и аксакал его съедает. Мама посчитала, что аксакал совершил большой грех, съев свинину, хотя сама она пила только бульон от этого мяса.

Так выживали в годы войны, находясь в глубине Сибири, мои сородичи из Павлодарской области, отправив на фронт всех мужчин. Старики, женщины и дети сумели наладить свою жизнь, обеспечив фронт и себя продуктами питания, из-за нехватки которых в мирное время погибали они на своей исторической родине.

Говорят, что беда приходит не одна и эта пословица не обошла и мою маму. Оспанов Жетпысбай, её родной брат, решил поехать в Новосибирск – продавать своё мясо, несмотря на слабое здоровье, а сын Жангер ещё был маленький. Находясь в пути, моей маме приходилось ухаживать за больным

человеком и смотреть за его имуществом. Как и следовало ожидать – умирает близкий человек.

Хорошо, что сородичи из казахского аула Талапты, расположенного близ города, помог им похоронить брата. Мать постоянно благодарила талаптинцев за это, особенно – председателя колхоза Амангельды.

В тот год возвращение моей мамы из города было траурное: причитая, она зашла в землянку брата, чтобы занести его вещи; отдала вырученные за мясо деньги. Дети за подарком к нам не пришли, а стали заходить взрослые люди, выражая моей маме соболезнование.

Спустя много лет, я случайно встретил в Павлодаре дочь Амангельды, рассказал ей о добром поступке её отца, свершённом им в те годы по отношению к моей маме. Разговорились о нашей жизни того времени, которая была очень тяжёлой, но дружной и пришли к выводу, что благодаря ей (дружбе) мы сейчас живём здесь, в Павлодаре.

Не могу не рассказать о крупном скандале, произошедшем между мной и Жетпысбаем, братом мамы, в котором стал арбитром мой папа. Виной всему был мой поступок, во время игры я обидел Жангера – единственного сына Жетпысбая, а что с ним сделал – не помню. Зная, что брат моей мамы сильно любит своего сына (он даже сам кормил его, посадив на колени), следовало ожидать возмездия. Решил спрятаться, прибежал домой и как мог – спрятался. Приходит Жетпысбай и спрашивает у отца (он был болен, сидел в постели): «Где Молкен?». Папа понял, зачем он пришёл, и отвечает ему: «Вы, что, пригласили меня в Нацмен, чтобы побить моего Молкена?». Жетпысбай замолк, и, не сказав ни слова, вышел из нашей землянки.

Жангер женился на девушке по имени Айтбике, уроженке села Харитоновка Завьяловского района Алтайского края, они стали родителями четырёх сыновей – Зарубека, Канатбека, Каната и Тулегена, который, как последний в семье, живёт в отцовском доме, построенном из брёвен Романовской семилетней школы, где я начинал учёбу в послевоенные годы.

Сейчас Тулеген успешно ведёт своё крестьянское хозяйство, первый в ауле приобрёл рулонный прессподборщик, так что с заготовкой кормов у него проблемы решены. Тулеген активно участвует во всех моих мероприятиях, проводимых мною в Панкрушихинском районе. А в последнем из них – это 95-летний юбилей Панкрушихинского района – летом 2019 года, он пригласил гостей из Павлодара, из Щербактинского района во главе с заместителем акима Нугмановой Ризагуль Алексеевной; Панкрушихинского района – с гла-

МОИЛЖАН КАНАВВ

вой администрации Васильевым Дмитрием Владимировичем, знатного фермера края, моего друга Траутвейна Виктора Хрестьяновича, поэта-писателя Солдатова Владимира Ильича и работников Павлодарского областного телевидения, которые подготовили 20-минутный фильм на двух языках. Вечер был по-настоящему душевным, многонациональным. Хотя люди встретились впервые, у каждого было что сказать по теме дружбы народов.

К юбилею района преподнесли подарок жителям Кызыл ту: проложена дорога с твёрдым покрытием к аулу протяжённостью семь километров, асфальтированы и освещены улицы, сооружена современная автобусная остановка. Необходимо отметить, что такое благоустройство населённых пунктов в районе начато именно с аула Кызыл ту.

Мои сородичи, проживающие здесь, отвечают трудовыми достижениями, ежедневно отправляя на молзавод две четырёхтонные машины своей произведённой продукции.

Мы, гости из Павлодара, прожившие трудные годы здесь, были свидетелями, можно сказать, этих исторических событий.

В нашей семье в годы войны произошло ещё очень важное событие: выходит замуж моя сестра. Это как гром среди ясного неба, тем более братья воюют на фронте, она работала счетоводом колхоза, окончив краткосрочные курсы. Одним словом, была она опорой семьи.

Зятем оказался председатель соседнего колхоза Кызыл ту, фронтовик, без одной ноги, второй сын основателя колхоза Елемеса Исокеева, его хорошо знали в сельском совете и районе. Предполагая, что мы будем против этого, он берёт с собой председателя Романовского сельского совета Горюнова. Мать сначала отругала будущего зятя, что у него нет ни стыда, ни совести – забирает сестру, когда братья на фронте, затем перешла к председателю Совета, сказав: «А ты зачем приехал, косо́й чёрт?». Горюнов был одноглазый. Дальше всё шло своим чередом: мать ругалась, сестра собирала свои вещи, сноха Кульпан плакала, а я не знал, что предпринять. Так, моя сестра Баткен переехала из Нацмена в Кызыл ту, мы остались втрём: мама, сноха Кульпан и я. Мать была недовольна калымом – одной коровой, но в этом она винила себя: «Я ведь сказала в Подгорном, что дочь отдам без калыма, зато женю четверых сыновей тоже без него». Наверное, Аллах сказал: «Аминь» – т.е. благословил.

У сестры родились три дочери: Каирпану, Шамшия, Камиля и сын Салыкбай. Каирпану посвятила себя культуре, проработав директором Дома

культуры сначала в посёлке Кызыл ту, затем аула Шолаксор Краснокутского, ныне Актогайского района. В обоих регионах она показала себя с хорошей стороны и неоднократно в них избиралась депутатом районного Совета. Она в Шолакоре приватизировала Дом культуры и проживает там вместе с братом Салыкбаем и его супругой Гуляндой, где похоронена их мать, моя сестра Баткен.

Шамшия с мужем Шайзадой Ахметовым живут в Кызыл ту, который обосновал её дед. Работала в торговле, выйдя на пенсию, стала, можно сказать, центром притяжения мероприятий, проводимых как в ауле, так и в районе.

Изменившуюся ситуацию в семье мама решила использовать в свою пользу, теперь оба руководителя национальных колхозов стали её родственниками: один – племянник, другой – зять. Есть теперь возможность обеспечить себя сеном – это злободневная проблема: если будут корма, то будет молоко и мясо. Они решают организовать воскресник, по-казахски – уме, используя сенокосную технику двух колхозов. Из Кызыл ту пригнали конную косилку, которой правил Гаждан Искиндилов. В первый день две косилки скосили большую площадь травы, высотой почти в человеческий рост, на второй – работали конные грабли, копнения организовали подвоз сена волокушами к стогам и скирдование.

Моя задача была помогать матери доставлять заготовителям воду, айран, коже, накормить обедом, а ужин был уже с бараном. Всё это варила, готовила сноха Кульпан.

За воскресник мы заготовили семь стогов сена, хорошего качества, так как дождя не было. Такого количества сена мы никогда не имели, нам его вполне хватало на долгую сибирскую зиму.

Теперь стояла нелёгкая задача перевезти это сего в зимнее время, в снегу по пояс человеку, домой, заскирдовать на крыше скотопомещений. И эту задачу мама решила успешно: обращаясь за помощью к уакам – своим сородичам, накормив их досыта деликатесом того времени – мясом с картошкой.

Со старшим братом зятя моя мама была знакома с первых дней пребывания в ауле Нацмен. Это Серикбай Мурзабаев. Почему он носит другую фамилию – не знаю, но они оба являются сыновьями организатора колхоза Кызыл ту Елемеса Исикеева. Серикбай был первым председателем колхоза, часто приезжал к моему брату Чаймардану, видимо, по вопросу ведения колхозного учёта.

МОИЛЖАН КАНАВВ

А ещё Серикбай хорошо соблюдал казахские традиции, первым приветствовал старших – папу и маму, за что они были благодарны ему. Мама быстро накрывала дастархан, угощая их, была довольна ими – Серикбаем и сыном, что они востребованные люди. Мама была на седьмом небе, когда Серикбай привёз мешок муки и барана в благодарность за помощь в составлении годового отчёта колхоза Кызыл ту. Мой брат составил ещё отчёт Романовскому колхозу имени Н.К. Крупской, председателем которого был Медведев. Название этого колхоза впоследствии перешло в наименование одного крупного совхоза района – совхоз имени Н.К. Крупской с пятью отделениями.

Где-то в середине войны Серикбая забрали в армию, к сожалению, он с войны не вернулся, на его место председателем стал младший брат, который стал нашим зятем.

У Серикбая был единственный сын Жумабай, его семья сейчас живёт в посёлке городского типа Солнечный, что возле Экибастуза.

У моей мамы в годы войны было предостаточно переживаний и страданий и, что интересно, она вдруг решила об этом сказать четверостишьем, хотя эта форма выражения своих мыслей для неё была совершенно незнакома. Вот что она продиктовала мне на казахском языке:

*Баурында Нацменнын Балаганым
Жеті жыл козым талып караганым
Тубине булл дунниенын ешким жетбес,
Оймнан осы согыс мангы кетбес.*

Примерный перевод:

*Находясь в балагане, что в Нацмене,
Семь лет я смотрю и жду,
Когда же кончится эта проклятая война,
Но я её никогда не забуду.*

Цифра семь означает, что столько лет прослужил её второй сын Мухамеджан.

Со дня организации колхозов людям, работающим в них, нечем было платить зарплату, и придумали оригинальный способ заставить их работать даром: начисляли трудовни. Каждый трудоспособный человек на селе должен выработать минимум трудовней, иначе он привлекался к ответственности, вплоть до уголовной. Учёт трудовней в колхозе вёл счетовод, в нашем им был мой брат Шаймардан. Конторы в колхозе не было и брату пришлось вести свою работу у нас дома. Стали приходить колхозники и узнавать – сколько у них трудовней. Услышав, что сын называет большие цифры, отец однажды

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

спросил у него: «У тебя трудодней на всех хватит?». Поражаешься оптимизму народов, особенно русского, у которого я тогда услышал анекдот-частушку следующего содержания:

«Я на печке сижу, нитки сматываю.

Каждый день трудодень зарабатываю».

Ибо по закону надо было ежедневно заработать трудодень. Стало быть, человек уже приспособился к новым условиям и живёт хорошо.

Однажды все жители аула Нацмен были свидетелями, как моя мама, в прямом смысле этого слова, сражалась с милицией Кочковского района Новосибирской области. Дело было в следующем: в соседнем селе Новые Решёты потерялась лошадь, и решили, что это дело рук казахского аула.

Приезжает в наш аул Кочковская милиция, представляясь, что они уполномоченные Панкрушихинского района, собирают всех жителей аула, чтобы одного из них забрать. Законопослушные мои сородичи пришли все, им было интересно, что же скажет местная власть. Их замысел стал понятным, когда милиционер, схватив за руку Баушана Кузкенова, потащил его к своей телеге. В это время мама подходит к нему и говорит: «Отпусти его, иначе я этим ребёнком (а сама взяла в руки двухлетнюю девочку) ударю тебя!». Милиционер растерялся и, воскликнув: «Что ты! Что ты!», – разжал пальцы. В этот момент Баушан убежал от него. Сначала спрятался в толпе людей, затем ушёл в кусты, которых вокруг Нацмена было предостаточно.

Я был горд, что моя мама не боится никого, даже противостоит самой милиции. В 1963 году Баушан, когда я начинал работать агрономом Кзылтовского отделения, был бригадиром комплексной бригады № 4 аула Нацмен. Опытный, авторитетный, пользовался уважением у директора совхоза Крысанова Николая Фёдоровича, а его сстра Рауза вышла замуж за Тасыбаева Матана Габбасовича, ставшего затем управляющим нашего отделения.

УРА – ПОБЕДА!

Наконец-то пришло долгожданное время – всемирно известный День Победы, 9 мая 1945 года. Эту очень хорошую весть принесла нам, как ласточка на крылышке, русская женщина из соседнего поселка Решёты Кочковского района Новосибирской области, решившая порадовать моих сородичей, пройдя пешком расстояние длиной в шесть километров. Радость была,

МОИЛЖАН КАНАВВ

конечно, чрезвычайная, все обнимались, целовались, от души поздравляли друг друга со слезами радости. Но немало было тех, кто лил слезы горести, настоящее горе было у тех, кому пришли похоронки, кто теперь не дожидается своего сына, мужа, отца или брата.

Так жестока бывает наша жизнь: даже радостное событие может разделить людей на счастливых и несчастных.

По обычаю казахов, кто услышал хорошую, приятную новость – должен сделать подарок тому, кто ее принес, называется этот обычай на нашем языке суюнши. Тот дом, куда приходят люди со словом – суюнши, самый счастливый дом.

Теперь мы, казахи аула Нацмен, соблюдая свои национальные традиции, должны были от всей души дарить русской женщине подарки, что и было сделано, они были в виде натуральных продуктов: масла, яиц, картошки, мяса, а моя мама подарила гостье фуфайку, сшитую собственноручно, и домой эту женщину отвезли на лошади.

К неопишуемому счастью нашей семьи, остались живыми все мои братья, и стали они возвращаться домой в том же порядке, как родились: сначала старший брат Жунус, затем второй брат Мухамеджан, за ним третий – Шаймардан. Они действительно заново родились.

Теперь у моей мамы и снохи заботы стали совсем другого характера: как встретить самых дорогих людей, – они ведь заслуживают, чтобы их встретили на высоком уровне, нужно сделать настоящий той. А основой той у казахов всегда был скот: если он имеется, значит, есть возможность хорошо провести любое мероприятие. В данном случае те невероятные усилия, затраченные моей матерью и снохой Кульпан в течение всех четырех лет войны, дали свои результаты. Они сумели во время войны вырастить скот, увеличить его поголовье, о чем было сказано выше.

Ко времени возвращения моих братьев с войны наша семья имела достаточно скота, чтобы провести той.

Первым вернувшимся с фронта, как я уже говорил, стал старший брат. Осмотрев всё наше хозяйство, распорядился следующим образом: мол, на мой той достаточно двух баранов, а на той двум моим братьям: Мухамеджану и Шаймардану – заколем по одному полторагодовалому быку и барану, они ведь служили долго. Так и было сделано, на той были приглашены все жители двух аулов, это были самые радостные и веселые дни моих сородичей, хотя о водке в то время никто не думал.

Счастьем моей матери не было предела, она действительно выстрадала этот праздник – не знала покоя ни днем ни ночью, она приспособилась свои переживания уменьшать за счет хлопот и нескончаемой работы на выживание. Она на самом деле вымолила у Аллаха своих сыновей, когда уходила в лес и просила Всевышнего, чтобы сыновья вернулись домой живыми и невредимыми. Но я думаю, что этому способствовали ещё и другие обстоятельства. Мои братья ко времени начала войны были достаточно грамотными людьми: они готовы были быстро усвоить, изучить всё необходимое для грамотного ведения боя. Так, например, Мухамеджан всю войну прослужил связистом в штабах различных военных подразделений, быстро освоив беспроводную, самую передовую связь военного времени – так называемую азбуку Морзе. А Шаймардану было поручено ещё более серьезное дело: подготовка в городе Иркутске призывников, солдат-новобранцев всей Сибири к военным действиям, обучение приемам рукопашного боя и т.д. Мой брат так умел хорошо готовить солдат к военным действиям, что его все четыре года войны не отпускали на фронт, считая, что он здесь нужнее, больше приносит пользы, чем на войне. Подготовкой солдат к войне занимались специальные войска НКВД.

О старшем брате – Жунусе – я уже упоминал, хотя у него было всего четыре класса образования, он был хорошим учётчиком и заведующим фермой колхоза «Нацмен», и его долгое время не брали в армию, оставляли по брони, чтобы налаживал работу в колхозе и занимался производством животноводческой продукции. По этой причине он был призван в армию позже, к концу 1943 года.

Вернувшись домой, мои братья занялись тем же, что делали до войны: Жунус опять стал заведующим фермой, Мухамеджан – заведующим и учителем начальной школы, а Шаймардан тоже занялся знакомым делом – стал бухгалтером колхоза.

Теперь у моей матери были радостные заботы – женить своих сыновей: выбор невест был ее прерогативой, не только соблюдая национальные традиции, когда родители у казахов подбирали невест сыновьям сами, но моя мама на это имела и моральное право, родив их заново, о чем было сказано выше.

Так, мама решила Мухамеджана женить на младшей дочери Елемеса, организатора колхоза «Кызыл ту», как бы взамен своей дочери Баткен, на

МОИЛЖАН КАНАВВ

которой во время войны женился её брат Сейтен. Невесту звали Сакыт, она только достигла своего совершеннолетия.

И что интересно, она начинала учиться у него же, Мухамеджана перед самым началом войны, ей в то время было 10-11 лет. Когда Мухамеджан вернулся из армии, прослужив семь лет, ей исполнилось 18. Они всю свою трудовую деятельность провели в одной школе, с одной записью в трудовой книжке: он – заведующий и учитель начальной школы, а она – техничка.

Родили и воспитали троих сыновей: Агзама, Иманмагзама, Сламбака и двух дочерей – Алму и Кулбаршин. Кулбаршин, обучаясь в Барнаульском педагогическом институте, перевелась в Алма-Атинский университет, в настоящее время работает директором Камзинской средней школы Аксуского района Павлодарской области.

А вот третьего сына – Шаймардана – моя мама женила три раза, по всей вероятности, потому, что она жила вместе с ним, видела недостатки невест и считала их недостойными быть женой ее сына. Первую жену звали Бижамал, она родила двоих сыновей: Шаймурата и Кайруллу, была очень работающей женщиной. Видимо, живя на одной из заимок Новосибирской области, приходилось ей выполнять все хозяйственные работы в доме, она очень хорошо справлялась даже с мужской работой.

Вторую жену моего брата звали Майда, она тоже родила двоих сыновей: Турлыбека и Сеита, она была местная, из нашего же аула. Третьей женой моего брата стала девушка, проживавшая недалеко от города Камня-на-Оби, окончившая семь классов, ее звали Уарха, она родила четырех дочерей: Батиму, Карашаш, Шажкен, Кульбайрам и сына Какау. Видать, она больше всех понравилась моей матери. Так моему брату Шаймардану пришлось жениться три раза, чтобы угодить своей матери, таково было её желание, а он беспрекословно выполнял, не хотел огорчать мать.

Особый статус теперь у старшей снохи Кульпан, она это заслужила за годы войны. Все вопросы решались с её участием, включая подбор невест для своих деверей, т.е. братьев её мужа.

Она родила четырёх дочерей – Рымжан, Трумтай, Карлыгаш, Орынбасар и пятерых сыновей – Сапарбека, Сатбека, Рамазана, Тугельбая и Жуматая.

Судьба ещё раз не пожалела – похоронила Рымжан, Сапарбека, Сатбека, Тугельбая и Жуматая. Она мне как-то пожаловалась: «Аллах, оказывается, сирот тоже наказывает».

Рамазан окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт по специальности агрономия, пошёл по моим стопам, проявляя симпатию ко мне и моей профессии. Начал трудовую деятельность агронома Кзылтовского отделения, но по состоянию здоровья был переведён инженером по труду в плановый отдел. Переехав в Павлодарскую область, работал главным экономистом совхоза «Карабидайский» Щербактинского района.

Рамазан женился на Айслу Сыздыковой, у которой мы с Кулятой являемся первыми учителями. Она, как и все дети аула, не знала русского языка, но так как училась у нас с первого класса, была успевающей ученицей в Романовской средней школе и стала студенткой Каменского педагогического училища, после чего работала учителем начальных классов. У них родились два сына Рустем, Еркнат и дочь Асия. Живёт Рамазан в Астане.

Несмотря на невероятно тяжёлый жизненный путь, Кульпан прожила 94 года. В знак глубокого уважения к ней организовали той – 90-летней юбилей в престижном ресторане Павлодара, прокатились на лимузине, а моя сноха Анара накинула на её плечи норковую шубу. Я вижу в них обоих много хороших человеческих качеств.

Головной болью у матери теперь стал я: мне уже больше десяти лет, а я ещё нигде не учился, расту без отца, без отцовского воспитания, что больше всего её волновало.

Время послевоенное, у людей по-прежнему никаких доходов нет, тем более надо было учиться в русской школе, чтобы иметь хорошее образование, как у моих братьев. Пример есть, но тогда наша семья жила в Подгорном, и мои братья гурьбой ходили в школу, вместе с родителями преодолевали трудности – житейские и учебные. У меня оказалась ещё одна большая проблема – не знал русского языка, живя безвыездно в казахском ауле, хотя и в России. Однажды мать приглашает всех троих сыновей и говорит им: «Пришло время учить Молкежана», – так она редко, уменьшительно-ласкательно называла меня. «Нет важнее задачи, чем его учеба, он должен учиться в Романово, отвезите его, определите в школу, найдите квартиру и обеспечьте его продуктами питания».

Она тем самым обязала своих сыновей серьезно заняться воспитанием их младшего брата, растущего без отца: они вместе должны восполнить то, что мог дать отец младшему сыну. Они, мои братья, действительно годились мне в отцы, даже если судить по годам рождения: мой старший брат родился

МОИЛЖАН КАНАВВ

в 1914 году, а я – в 1934 году. Надо сказать, мои братья и сестра оправдали надежды моей мамы, я был обеспечен всем необходимым на долгие годы учебы, до окончания средней школы.

Обо всём этом расскажу потом, а сейчас я должен идти в русскую школу, не зная почти ни слова по-русски. Притом из казахских детей я был один, и никто из моих сородичей и не помышлял учить своих детей. Видимо, многим из них не позволяло экономическое положение семьи, плюс психологическая неготовность их детей идти в русскую школу, а у многих были религиозные предпосылки: «Зачем учить своих детей в русской школе, если они даже не смогут прочитать Коран своему отцу после его смерти?» – рассуждали они.

Да, перед детьми двух аулов стояла серьезнейшая проблема незнания русского языка. Мы ведь обособленно жили в России и говорили только на родном языке, а наши родители тоже не знали русский, только иногда заезжая в русские деревни. Яркий пример тому: как-то мы с братом Шаймарданом поехали в лес привезти строительные материалы – бревна. Он начал возводить деревянные пристройки – так называемые сенки – к землянкам, чтобы облагородить своё жильё.

Мы в околке спилили дерево, и он мне говорит: «Обруби с поваленного дерева сук». Я его не пойму, о чем он говорит, и прошу его указание повторить на казахском.

Мне сейчас часто приходит в голову мысль, что если бы наша семья оставалась жить в Подгорном, где мы хорошо обосновались, прижились, я бы пошел в школу с семи лет, со своими сверстниками, окончил десятый класс, окончил бы очно мною выбранный институт ещё в далёкое послевоенное время.

Не надо было бы строить в 1938 году землянки в ауле Нацмен, заново обживать голое место в России, переносить ещё раз невероятные трудности переселенцев. Однако моих родителей потянуло к своим сородичам – жить с ними, говорить на родном языке, соблюдать казахские традиции и обычаи. Это им казалось дороже всего, да и людям того суматошного времени думать о своём будущем было недосуг.

А сейчас мне предстоит одна-единственная задача: учиться и научиться русскому языку. Я был освобожден от всех домашних работ, что делал по хозяйству, а их было много во все времена года даже у детей, не только у взрослых. Я с тех пор знаю, что эти сезонные работы идут одна за другой, перехле-

стывая друг друга: не успел ещё закончить уборку урожая и подготовиться к зиме – уже надо скот ставить на стойловое содержание.

С тех пор у меня сохранился в памяти анекдот: парень в деревне долго не женится, и у него спрашивают – почему? Он отвечает: «Да вот сезонные работы закончу и тогда уж женюсь».

За годы войны я, конечно, делал какие-то попытки получить знания, самостоятельно и с помощью старшей сестры изучал буквы, складывал их в слова, считал до ста и обратно; но всё это было урывками, бессистемно. Сделал своими руками палочки-считалочки, а потом приспособился считать асыки – бабки, которых было предостаточно, и мы, дети, играли с ними, кроме них и подобных им игрушек у нас не было ничего.

Привезли меня в Романово, определили на квартиру к Карабченко Ульяне, у которой муж погиб на фронте, и она жила с тремя дочерьми, которых звали Дуся, Валя и Шура. Дуся ходила в школу – в старшие классы, Валя – как и я, в младшие классы, а Шура ещё была дошкольницей. Дом у них был деревянный, пятистенный, небольшой, разделенный, как у всех, на две половины: кухонная половина, где в основном питалась и проживала семья, и горничная – где обычно бывает чисто и уютно, куда приглашают гостей.

Семья жила бедно, питались в основном картошкой, овощами и грибами – тем, что смогли за лето вырастить и собрать сами. Хлеба и мяса у них почти не было. Договорились, что за квартиру мои братья будут расплачиваться мясом, а также хозяйка меня будут кормить картошкой и тем, что у них есть. Сначала разместили меня в горнице: отдельная комната, стол, стул, условия неплохие.

На неделю я с собой из дому приносил две булки хлеба, который распределялся на все дни недели до субботы, а потом я возвращался домой за новой порцией.

Романовская семилетняя школа – это было добротное, деревянное Г-образное здание с длинными широкими коридорами на всю его длину. С правой стороны, на определенном расстоянии, располагались двери классов, на которых было написано, какой класс здесь занимается. Была особая комната, называемая учительской. Я оказался один среди многочисленного русского населения, ребят разного возраста и многоуважаемых учителей, их действительно тогда уважали и боготворили.

И что я заметил – почти каждый из них останавливал взгляд на мне, на мальчишке, не похожем на них. Определили меня в третий «Б» класс, посадили на самый задний ряд, потому что в классе я был самый большой.

Была сначала большая проблема со мной – в какой класс посадить: у меня нет никаких документов, подтверждающих, что я где-то учился. Говорю учителям, что я знаю все буквы алфавита, даже понемногу могу читать, знаю все цифры и умею считать, посадите меня в четвертый. Я же уже большой мальчик, буду хорошо заниматься.

Приняли меня в третий класс, видимо, решив: посмотрим на него в течение учебного года, время и его учеба покажут, как с ним поступить. Так началась у меня новая полоса жизни, совершенно не похожая на предыдущую: поменял свою ежедневную трудовую деятельность на умственную, кажущуюся очень легкой, но это только на первый взгляд. На самом деле учиться оказалось значительно тяжелее, чем работать. Работаешь ведь, пока не устанешь, устал – отдохни и продолжай дальше работать, пока не завершишь свое дело. А здесь сидишь на занятии и не понимаешь, о чем ведут речь незнакомые люди на другом языке, слова учителя проходят мимо меня, не доходят до моего сознания. И ещё пренебрежительное отношение ребят ко мне, как к чужому.

Основная цель моего пребывания в русском селе – это учеба, но она мне давалась очень плохо, раз я не знал русского языка, не понимал даже, о чем идет речь на уроках. Да ещё меня ребяташки унижают, обзывают. Посчитал, что для меня сложилась нетерпимая обстановка, пришла в голову мысль бросить учебу в Романовской школе, вернуться домой, учиться у родного брата вместе со своими ребятами, где я обязательно буду преуспевающим учеником.

Но тут же мне в голову пришла другая мысль: мои братья и сестра учились же в русской школе, видимо, им тоже было трудно, они тоже не знали русского языка, но они сумели, преодолели все эти трудности, получили хорошие знания, которые помогли братьям успешно прослужить все военные годы и вернуться домой. Эти думы меня одолевали всю ночь, а утром пришел к выводу, что ещё неделю похожу в школу, доем те две булки хлеба, которых мне хватало как раз до конца недели. Вспомнились ещё слова матери: «Молкежан теперь должен учиться и учиться». Да ещё условия для проживания и учебы становились всё хуже: пока было тепло – сентябрь и октябрь, я располагался в горнице, где мог спать и учить уроки, но с наступлением холодов мы

все переместились в кухонную половину дома, горницу совсем закрыли, ибо надо было ее топить. Семья хозяйки в четыре человека и я должны были теперь проживать в одной комнате размером четыре на четыре метра, где стояла большая русская печь, рядом меньшая печь – так называемая голландка, на которой в основном готовили и варили. На зиму баба Ульяна ещё поставила ткацкий станок, на котором всю зиму ткала изо льна, выращенного в огороде, холстяной толстый материал, из которого русские женщины шили себе нижнее бельё.

Жили без электричества, освещались свечами, в основном самодельными, редко у кого были керосиновые лампы. С наступлением первых морозов переместили в нашу комнату ещё и куриц, ибо в скотном дворе было уже холодно, так как в нем не содержался скот. Для кур в доме сделали клеточное ограждение, чтобы они не ходили по всей комнате, сверху накрыли досками, получилась лежанка, на которую я постелил свою постель и ложился спать, а баба Ульяна со своими дочерьми перебиралась на русскую печь и на полати – навесной потолок.

Интересное и очень полезное сооружение – полати – имелось почти в каждом русском доме, устраивалось ниже потолка кухонной части квартиры на 35-45 сантиметров, чтобы только человек смог туда залезть. Залезали на полати со «спины» русской печи. Несмотря на все кажущиеся неудобства, это сооружение было спасением для сибиряков, где они могли хорошо согреться. Русская печь и полати, можно сказать, сохранили здоровье сибирякам, без них, кажется, невозможно было выжить в сильные сибирские морозы, когда птицы замерзали на лету, – эту картинку, кстати, я видел своими глазами. Тех морозов в настоящее время вообще нет, не поверить, что за жизнь одного поколения может так измениться погода. Сейчас бывают такие оттепели в январе, что даже тает снег, степь покрывается толстым слоем льда, принося большие потери пастбищному животноводству.

Однажды я в полной мере испытал на себе сибирский мороз. Едва дождавшись субботы, быстро собравшись, иду домой, предвкушая встречу с родителями, особенно с мамой. Был сильный мороз, которому я не предал значения, дул северный ветер, а наш аул был расположен к северу от Романова. Не прошёл и половины пути длиной в семь километров, чувствую, что замерзаю, стало лицо колоть, как иголками. Отвернулся, стало терпимо. Приспособился ходить задом наперёд, и, меняя положение тела к ветру, преодолел остаток

МОИЛЖАН КАНАЕВ

пути. Маме об этом не стал ничего говорить, попросил покушать что-нибудь очень горячего и заснул.

Моя учеба в Романово началась для меня ещё с одного необычного события: с переименования моего имени с казахского на русский – из Моилжана (в ауле – Молкена) я стал Ваней. Я понял, что если скажу, меня зовут Моилжан, как было написано в свидетельстве о рождении, то меня опять будут обзывать, я буду посмешищем не только среди ребят, но и учителей, которые просто могут не выговаривать моё имя. Очень редко встречающееся мое имя даже среди казахов и не звучащее на русском, доставшееся мне от старшего брата отца, создало мне большую проблему. Так я стал в Романовской школе Ваней Канаевым в младших классах, в старших – Иваном Канаевым, но это годы и годы спустя, а сейчас я – неуспевающий ученик третьего класса. Но это имя – Ваня – появилось не просто так: оно мне было дано соседями в селе Подгорное, где по русскому обычаю последнему сыну дают имя Иван.

Однако, как говорят, нет худа без добра. Мое положение значительно улучшилось, когда я перешел жить в другую квартиру – к дедам: Михайлову Данилу и бабе Ане. В доме у них было уютно, горницу на зиму не закрывали, как у Карабченковых, где я мог теперь учить уроки и куда баба Аня никого не запускала, говоря: «Там Ванюша учит уроки». Закрывшись, уединившись, я имел прекрасные условия для подготовки уроков, особенно когда нам давали задание выучить наизусть стихотворение или какие-нибудь правила, чтобы они отскакивали, как говорила учительница, от зубов. Там я громко, не стесняясь никого, мог готовить уроки. Постепенно стали появляться результаты по успеваемости, интереснее стало учиться, запас слов и знаний с каждым днем стал пополняться.

Что ещё меня сроднило с этой семьёй: дед Михайлов вёл домашнее хозяйство, имея корову, телку, быка на забой, свиней несколько штук, гусей, кур, которые жили вместе с остальными животными. Им там было тепло, так что их зимой домой не заносили, как у Карабченковых. Я охотно помогал деду по уходу за скотом, мне было даже интересно, как русские управляют: у них во дворе было тепло, как в доме, скот ухоженный, чем у нас. Стены дворов были срубленные так же из бревен, как их дома, но только пониже, да скота у них было значительно меньше, чем у нас.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Кроме всего, дед Михайлов был хорошим плотником, так мне казалось, потому что он всегда был занят строительными делами: рубил срубы для скотных дворов, бани и даже небольшие домики, хотя на их усадьбе все эти постройки были. Я начал помогать ему и в строительных делах – и это ему понравилось: распилить бревно, поднять его на высоту, одному это не сделать. Я научился у него снимать так называемые пазы – т.е. делать выемку вдоль бревна, чтобы оно плотно прилегло к другому, без щелей – от этого зависело, насколько будет теплым строящееся помещение. Научился также выкладывать мох по всей длине бревна, чтобы он был равномерно уложен с начала до конца. Бывает в строительстве и брак, который устраняют с помощью клина и мха, т.е. где щели – забивают клиньями и больше кладут мха, тем самым устраняют недоделки.

Дед Михайлов это объяснял мне русской пословицей: «Если бы не клин да мох, плотник бы сдох». Но мне больше всего нравилось быть возле бабы Ани, она всегда была доброй, обаятельной, опрятной, у нее было два фартука – рабочий и праздничный. Постоянное место ее нахождения – это русская печь и голландка, возле которых она всегда что-то варила, жарила, парила, стряпала, пекла, тушила, готовила борщ с полным набором овощей. Её обеда сильно отличались от нашей аульной еды, где были в основном мясные и молочные блюда, а здесь – овощные, с картофелем, и мясо тоже было, но понемногу. Мне особенно понравилась пареная дыня – очень вкусная и сладкая, можешь ее есть сколько угодно. Она ко мне всегда обращалась уменьшительно-ласкательно: Ванюша – и предлагала что-нибудь покушать. Одним словом, она полностью заменила мне мать, с той лишь разницей: баба Аня ко мне всегда относилась ласково, а моя мама хотя и ласково, но бывало и жестко.

И были дни огорчения: когда поздней осенью кололи свиней. Собирались все соседи, чтобы хорошо провести убойный процесс, но все равно люди вели себя нервно: свиньи сильно визжали, несогласные с тем, что с ними делают.

Оказывается, русские свиньям не перерезают горло, как обычно делают с другими домашними животными, а вонзают нож в сердце – это мне показалось жестоким действием. Кроме всего, когда шел забой свиней, в доме всегда был неприятный запах. В этот день я не мог ни есть, ни пить. Видимо, всё это оттого, что у нас в ауле не держали свиней, мусульманская вера категорически запрещала, хотя свиноводство являлось более скороспелой и быстро окупаю-

МОИЛЖАН КАНАВВ

щейся отраслью, чем коневодство или выращивание крупного рогатого скота, где до убоя животных надо ждать два-три года. Получалось, мусульманин пользовался результатом своего труда через два-три года, а христианин – через полгода, в этом меня многократно убеждал Николай Кириек, житель села Красноармейка, когда мы с ним пасли каждый свой скот – это было в период развала Союза.

Николай с каким-то сожалением повторял мне следующие слова: «Зря, зря, Сулейменович, вы не держите поросят!». И чтобы доказать это, он приносил на пастбище сало, угощал меня. Но я не стал угощаться салом в чистом виде, хотя колбасы, где были смешаны свиной жир с говядиной, употреблял, а в армии, будучи старослужащим, став разводящим, клал в свою тарелку самый большой кусок сала. Получается, русский народ априори, традиционно приспособлен к чрезвычайным ситуациям и обстоятельствам, ведя свой приусадебный участок. Занимаясь свиноводством, птицеводством, огородничеством, русские могут пережить любые трудности, не завися в большой мере от каких-либо природных катаклизмов. Да ещё надо сказать, что природные условия наших сибирских соседей не идут ни в какое сравнение с казахстанской сухостепной зоной. Наоборот, жизнь моих сородичей, об этом говорит сама история нашего народа, все время подвержена риску. Очень часто природно-климатические условия, перемежаясь с человеческими, субъективными обстоятельствами, приносят нам беды, причем человеческий фактор нередко ударяет по судьбам больше, чем природный, что и привело к трагедии казахского народа в 30-х годах прошлого века.

...Так прошли первые месяцы моего пребывания в селе Романово, моего приспособления к совершенно новым условиям во всех отношениях. Первая четверть учебного года при этом была по-настоящему кошмарной. Но по истечении этого времени я почувствовал, что начинаю понемногу привыкать к жизни в русской деревне: нравится идти по широким улицам, при встрече обязательно поздороваться с учителями, стало нравиться бывать в большой деревянной Романовской школе с длинным коридором и многочисленными дверями. Вроде, даже ребятишки стали меньше придираться ко мне, меньше стали обзывать.

Я постепенно начал понимать, о чём идет речь на занятиях, стал выполнять домашние задания, теперь у меня были все условия для этого: целая

горница в доме Михайловых, где я мог в спокойной обстановке выполнять не только письменные задания, но и заняться громким чтением устных заданий и заучивать наизусть правила грамматики и стихотворения писателей согласно учебной программе. С тех пор осталось у меня в памяти стихотворение А.С. Пушкина: «Буря мглою небо кроет» – эти ощущения о поздней осени или зиме, неустойчивой погоде передает автор стихов всего лишь четырьмя словами. В ту осень, мне казалось, мглою покрывалась не только природа. Первую четверть третьего класса я окончил с двумя двойками по грамматике и родной речи – всё, что связано с русским языком. К новому году мне удалось исправить эти двойки на тройки и укрепить свои знания по всем предметам. С большим трудом я преодолел программу третьего класса – это было самое трудное время моей учебы.

Начало занятий в четвертом классе для всех нас, ребят, стало большой приятной новостью: к нам пришла учительница, которая оказалась ненамного старше нас, почти ровесница, ей было всего восемнадцать, а нам, «старшеньким», – по четырнадцать, звали её Нина Дмитриевна. Такое соотношение наших возрастов и её положения было непростым, особенно для нас, «старшеньких»: прилежно учиться у ровесницы вроде не с руки, а не учиться, пренебрегать ею – не положено. Строить же другие отношения, ссылаясь на возраст, не получалось. Такое интересное состояние было, кроме меня, у Алексея Ковалева и Николая Карнаухова – ребят моего возраста, а кто был моложе, те были спокойны. На уроках Нины Дмитриевны была тишина, слушали ее внимательно, ее речь была содержательна, эстетична, слушать красивую брютку было одно удовольствие.

К сожалению, она проучительствовала в нашей школе только первую четверть четвертого класса, и все мы были свидетелями того, как её забирали среди бела дня парень в военной форме, оказавшийся директором Высоко-Гривской семилетней школы. Село Высокая Грива расположено на южной стороне Алеусского ленточного бора, а наше село Романово – на северной, расстояние между ними было двенадцать километров по бору. Узнали про жениха: его звали Черных Николай Михеевич. Нина Дмитриевна подвела итоги первой четверти, раздала нам всем ведомости по успеваемости, и, взявшись за руки, они с женихом ушли в бор, в Высокую Гриву – это тоже старинное русское село, где было пролито много крови во время Гражданской войны, о чем хорошо рассказано писателем Петром Яковлевичем

МОИЛЖАН КАНАВВ

Скабелкиным, уроженцем этого села. Спустя много лет, в восьмидесятые годы прошлого века, мы с Ниной Дмитриевной Черных встретились в селе Подойниково – это центральная усадьба одноименного совхоза, куда входило и село Высокая Грива, как отделение совхоза. Семья Черных в селе Подойниково была уже коренными жителями: Николай Михеевич много лет работал директором Подойниковской средней школы, а Нина Дмитриевна всё продолжала трудиться учительницей начальных классов. Мне по службе пришлось работать в совхозе «Подойниковский» дважды: в первый раз в 1969 году – главным агрономом совхоза, а во второй раз секретарем парткома совхоза – в 1972 году. Наша семья с тех пор не порывает связи с семьей Черных, Нина Дмитриевна стала первой учительницей моей второй дочери Айман – Ани. И что интересно, в поведении Айман очень много схожего с поведением Нины Дмитриевны: ее аккуратность, стремление наводить везде порядок, прилежно учиться, не отступать от намеченного, сочувствие к окружающим. Нина Дмитриевна по-прежнему живет в том же небольшом своем деревянном пятистенном домике. Бывая на Алтае, обязательно заезжаю к ней, вручил ей собственноручно пригласительный билет на мое восьмидесятилетие: обещала приехать в Павлодар, но не смогла, прислала поздравительную телеграмму. Роль первого учителя, конечно, велика, он заслуживает глубокого уважения – по сути он второй родитель. Хочется от всей души пожелать Нине Дмитриевне самого наилучшего в ее жизни, она своими знаниями, поведением заслуживала глубокого уважения, подражания, служила для нас примером, как надо учиться и достигать своей цели.

Как говорится в русской пословице: «Жизнь прожить – не поле перейти». Когда я узнал, что муж её умер, она живет одна в том же домике, где с Николаем Михеевичем и детьми жила счастливо, а сейчас дети живут в разных деревнях нашего Панкрушихинского района, мне стало не по себе. Не нам, как говорится, судить, кто прав, кто виноват, но делать выводы должен каждый: самое главное в жизни – достойно прожить в старости. Об этой истине хорошо сказано в четверостишье большого руководителя областного и республиканского масштаба Казахстана, талантливого писателя Исаева Бориса Васильевича (псевдоним Луков): «И жить ты должен потому, что мать с отцом тебя родили. Пробыть в жизни самому, чтоб дети, внуки не забыли».

...Учеба в четвертом классе уже давалась легче, я почти всё улавливал во время уроков, а что недопонимал – уяснял во время выполнения домашне-

го задания. Теперь стояла задача успешно завершить первое звено образования, получить свидетельство, что я имею начальное образование, дающее мне возможность работать учетчиком в тракторно-полеводческой бригаде или на животноводческой ферме. Ибо кто хорошо знал все четыре арифметических действия: сложение, вычитание, умножение, деление – считались достаточно грамотными людьми, они умели заполнять все необходимые документы, чтобы получить заработную плату, начисляли трудовые в годы войны. Так что кто имел законченное начальное образование, тот был востребован, как мой старший брат Жунус. А многие ребята моего возраста, окончив краткосрочные курсы трактористов-комбайнеров, становились востребованными людьми в сельскохозяйственном производстве.

Начальное образование завершалось серьезным экзаменом по нескольким предметам, главным из них для меня был русский язык. Готовились к экзаменам почти всю четвертую четверть, я особенно тщательно – ибо это был мой первый экзамен, поэтому волнений и тревог было предостаточно. Да и возраст у меня был достаточно зрелым, чтобы серьезно отнестись к этому мероприятию и осознать, что от этого экзамена, от этой первой преграды, зависит многое в моей учебе и, следовательно, жизни. Благо у меня были все условия, чтобы хорошо подготовиться: просторная, чистая комната-горница, из окон которой виден огород, а дальше березовая роща. Эта комната полностью в моем распоряжении, теперь бабушка Аня особенно строго предупреждала всех: «В эту горницу заходить нельзя, там Ваня готовится к экзаменам». Только на ночь заходили внуки дедов – поспать.

В каждом билете по предмету родная речь было задание рассказать наилучшее стихотворение из произведений писателей союзных республик, а если учесть, что их было пятнадцать, кроме того, писатели в основном русской литературы, то становилось понятным: надо немало выучить стихотворений, правил и т.д. Особенно мне нравилось рассказывать стихотворение Джамбула Жабаева: «Ленинградцы, дети мои, ленинградцы – гордость моя». За это стихотворение, когда мы изучали автобиографию казахского писателя, я получил оценку пять, было осознание того, что есть такая нация – казахская, и я являюсь её представителем.

Экзамены за четвертый класс я сдал успешно, выдали документ, что имею начальное образование, в возрасте четырнадцать лет. Время послево-

енное, очень тяжелое, надо было каждому зарабатывать свой кусок хлеба, у каждого брата своя семья, пошли у них дети. Но мать стояла на своем: учиться до конца. Основная тяжесть обеспечения меня питанием и одеждой легла на третьего брата – Шаймардана, у которого мать жила и, естественно, я с ней. У Шаймардана самого была большая семья, от трёх жён он имел восемь детей. Пришла мысль пойти учётчиком в полевую бригаду или на животноводческую ферму, затем окончить курсы бухгалтеров колхозов и стать бухгалтером. Но мать решила учить меня до конца, ведь у неё был опыт обучения своих детей даже в период голодомора.

Выходит, что надо учиться. Учеба в пятом классе шла успешнее, уже был опыт, как надо учиться: внимательно слушать и понимать, о чём идет речь на уроках, тщательно готовить домашние задания. Даже стало интереснее: начали нам преподавать учителя-предметники, а не один, как в начальных классах. Было уже очень интересно слушать разных учителей и познавать разные предметы: кроме основных, мы стали изучать географию, историю, биологию, даже немецкий язык, художественное изображение и т.д. В классе, кроме меня, были ещё три «стареньких» ученика, которые в годы войны, как и я, не учились в школе: Ковалев Алексей, Карнаухов Николай, Попов Александр – мы все были с 1934 года, и наш возраст подошел к тому, что нас могли принять в комсомол, – 14 лет. Претензий к нам по учебе ни у кого не было, мы все старались хорошо учиться. И нам предложили вступить в комсомол, быть примерными учениками в школе, а остальные ученики класса были моложе нас и ещё не могли стать комсомольцами по возрасту.

Подготовку к приему в комсомол мы начали с изучения автобиографии Иосифа Виссарионовича Сталина, генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Осталось в памяти, что он родился в городе Гори в семье рабочего-сапожника, который был неграмотным, грубым человеком. Воспитанием сына занималась мать, учился он в духовной семинарии, где приобщился к большевикам с целью защиты прав трудового народа, рабочего класса. За активное участие в борьбе против царского самодержавия, за построение нового, социалистического общества был несколько раз осужден и сослан в Сибирь, где морозы были крепче наших, алтайских. Несмотря ни на какие трудности он вместе с Владимиром Ильичом Лениным и их соратниками создали рабоче-крестьянское государство, и сейчас мы все живем счастливо, равноправны, нет эксплуататорского

класса. Самая главная заслуга Сталина – под его руководством был разбит, побежден, разгромлен враг человечества – немецкий фашизм. Так нас тогда учили. Кстати, такого же мнения придерживались мои братья, прошедшие все четыре года войны. День похорон Сталина, в 1953 году, я встретил в городе Семипалатинске, будучи студентом геологоразведочного техникума, где был свидетелем того, как люди горевали, даже плакали, говоря: «Теперь капиталисты опять начнут войну против нас, Советского Союза, воспользовавшись тем, что не стало Сталина».

Готовились мы к вступлению в ряды комсомола тщательно, во-первых, надо улучшить дела с учебой, быть примерным в поведении, знать и выполнять права и обязанности комсомольца. А ещё стояла серьезная задача – ответить на все вопросы членов бюро Панкрушихинского райкома комсомола. И настал этот зимний день, нас повезли на двух конных санях в сопровождении секретаря комсомольской организации школы, молодой учительницы, в Панкрушиху. Прибыли в райком вовремя, без опозданий, зашли в небольшую приемную, где будущие комсомольцы ожидали приглашения в кабинет первого секретаря. У стены стояла печка, обтянутая жестью, которая топилась, и мы облепили ее, грелись, хорошо, что она была чистая, до блеска обтертая. Из зала заседания бюро вышла девушка и стала распоряжаться нами, выяснила, все ли мы приехали, установила очерёдность приёма, по её виду можно было догадаться, что будет строгий экзамен. Зашел первым Ковалев Алексей – серьезный парень, хорошо учился, на него мы надеялись, что он хорошо ответит на вопросы и создаст лучшее впечатление о романовских ребятах. Вторым шел я, и когда Ковалев вышел – хотел спросить: как там, но он ничего не успел ответить. Когда я зашел, все так внимательно посмотрели на меня, наступила пауза – все молчали, чувствовалось, или просто подумалось: впервые казаха принимали в комсомол.

Парень, сидевший в торце стола, видимо, первый секретарь райкома комсомола, задал мне вопрос: как учёба? Я ответил как есть – учёба дается тяжело, особенно по русскому языку, по-своему пытаюсь объяснить, почему: все ребята учатся на родном языке, только я – на чужом. На этой основе большие трудности у меня с освоением учебного материала и по другим предметам. Но я стараюсь. Вопросов не последовало, проголосовали единогласно. Получил из рук того же парня, что задавал вопрос, комсомольский билет.

Комсомол – Коммунистический Союз Молодежи – играл большую роль в наше время в воспитании молодежи, начиная с четырнадцати лет. Именно этот период жизни у каждого человека подвергается многочисленным изменениям, как положительным, так и отрицательным. Мы видели, что комсомол помог многим людям, миллионам молодых людей Советского Союза стать настоящими тружениками и патриотами своей страны.

Действительно, я стал заниматься лучше, больше стал получать четверок, даже пятерок. В шестом классе меня избрали секретарем комсомольской организации школы, что было для меня неожиданно и почетно.

Я, конечно, гордился этим и старался как надо ежемесячно проводить комсомольские собрания, подбирать и готовить повестки дня собраний, давать комсомольцам поручения, контролировать их выполнение. Вместе с учителями участвовал в общешкольных мероприятиях. Хочу отметить, будучи уже на своей исторической родине, я заметил, что в Казахстане комсомольским работникам больше доверяют, считают, что на комсомольской работе они приобретают все необходимые качества, поэтому можно доверять им высокие должности. На Алтае, да и по всей России, высокие должности доверяли больше специалистам по своей отрасли, а комсомольские работники в основном работали на идеологическом фронте. В Павлодаре много чиновников, занимавших достаточно высокие посты, каждый год отмечают День комсомола – 29 октября, говоря, что все они вышли из комсомола.

... Вот и наступил 1952 год – год завершения моей учебы в Романовской семилетней школе, которую я окончил с отличием, в свидетельстве об образовании стояли одни пятерки, кроме немецкого языка – по этому предмету была четверка. Долгожданный документ у меня на руках, имею неполное среднее образование, а мои сверстники, т.е. одноклассники, имеют полное среднее образование и право поступать в высшие учебные заведения. Я же только в средние специальные или ещё учиться три года, чтобы иметь среднее образование. Годы войны, прожитые мною без учёбы, как камни преткновения, появляются каждый раз на моем жизненном пути. Я их никак не мог ни преодолеть, ни обойти. Но слава Аллаху, что война отразилась на мне лишь только таким образом.

УЧЕБА В ТЕХНИКУМЕ

Теперь стояла новая задача: куда пойти учиться? Какую выбрать специальность? Никто мне не советовал, даже братья почему-то молчали, ведь они же были грамотными и с большим жизненным опытом. И мать можно понять, она была неграмотной женщиной. Видимо, они все предполагали, что я человек сам достаточно взрослый, грамотный (семь классов в то время считалось уже достаточно высоким образованием), а может, думали иначе: пусть женится, соблюдая казахские традиции, благо не надо теперь платить калым.

Многие одноклассники решили поехать в Кемеровскую область, город Прокопьевск и поступить в горный техникум, в том числе мой близкий друг – Черных Николай, с которым я часто играл в самодельные шахматы. Он, наверное, давно почетный шахтёр Кузбасса, судя по его стараниям. В выборе специальности мне помогла краевая газета «Алтайская правда», где под рубрикой «Куда пойти учиться» было объявление Семипалатинского геологоразведочного техникума с двумя отделениями: геолога и буровых мастеров, куда принимались абитуриенты с семилетним образованием, а кто окончил семилетку на отлично – принимались без вступительных экзаменов. Шёл также приём абитуриентов из числа окончивших среднюю школу, т.е. имеющих среднее образование, уже на второй курс. Я остановился на этом учебном заведении, так как специальность, которую приобрету, – совершенно новая и неведомая. Привлекало, во-первых, то, что буду знать и находить находящееся под землей. Это же здорово, это совсем не то, что шахтеры, которые работают под землей. На эту специальность поехал учиться мой друг. Во-вторых, буду учиться среди ребят своей национальности – это ведь тоже что-то значит, т.е. я буду такой же, как и все окружающие люди. Я даже не представлял, как себя вести в новой обстановке: я ведь привык быть одним среди русских. В-третьих, меня принимают на учебу без вступительных экзаменов, не надо ехать лишний раз для поступления и волноваться: приемная комиссия техникума, получив мои документы, прислала мне извещение о том, что я зачислен на первый курс.

И ещё оказалось, что стипендия в геологоразведочном техникуме была самой высокой среди всех вузов и техникумов города Семипалатинска – 350 рублей. Более того, студентам нашего техникума дали форму из черного сукна с эмблемой геолога на лацкане костюма. Но самое сложное оказалось впере-

ди: как это аульному парнишке оторваться от родных и близких, я же нигде не бывал, кроме Романово и Панкрушихи. Для меня это и было самое лучшее место на земле – здесь, где живу, не надо куда-то ехать, где все чужие. Может быть, думал я, и в самом деле остаться в родных местах, проживу, живут же люди, имеющие только начальную школу, а у меня ведь незаконченное среднее образование – в то время это была редкость. Но настрой, данный мне моей матерью однажды сразу после окончания войны, во мне всегда присутствовал, и я не мог ее волю не исполнить.

...Все трудности уже позади, мне теперь надо собираться в дальний путь, ехать в город Семипалатинск. Очень интересно – еду в Казахстан, в самый настоящий казахский город, где учился Абай Кунанбаев. Это я узнал из книги Мухтара Ауэзова «Путь Абая». Эта книга тоже подвигла меня ехать, ведь давным-давно там учился мой сородич, а почему мне нельзя?

В ауле проводить меня на учебу взялся Елемес Исикеев, тот самый, который организовал в 1936 году колхоз «Кызыл ту», собрав в ауле всех, начиная от стариков и кончая малыми детьми. Елемес вывел меня из толпы, поставил перед ней и начал говорить слова напутствия.

Сначала похвалил за то, что я учусь, а это очень трудно, привел казахскую поговорку, которая гласит: «Учиться – равносильно тому, что иголкой копать колодец. Но зато кто учится – будет ученым человеком. Вот и из нашей среды, из нашего аула хочет стать ученым человеком Молкен, пожелаем ему удачи в этом самом тяжелом деле». И дал мне бата – благословение. Бата у казахов – значимый ритуал, есть даже такое поверье: кто в жизни получил много бата, тому всегда везёт.

Никто из присутствовавших больше ничего не сказал, только у матери покатались слезы. Отвезти и устроить меня в геологоразведочный техникум взялся самый младший из всех братьев – Шаймардан. Мы с ним сели на телегу, в которую была запряжена серая лошадь, и нас отвезли в Панкрушиху. Из Панкрушихи в кузове попутной грузовой машины доехали до города Камня-на-Оби. В кузове машины было много соломы, попутчиков с нами не оказалось, и мы с братом хорошо доехали до города, я даже в уме вспомнил казахскую песню «Ахау Семей», которую мы часто с ребяташками аула пели.

В Камне-на-Оби я впервые увидел реку Обь и пароход, на котором мы должны доплыть до Барнаула. А ещё больше меня удивило, что очень много

домов, улиц, всевозможных зданий, больших и малых, больших магазинов из красного кирпича. А по главной улице – имени Ленина – проложены деревянные тротуары, по которым можно пройти, не замарав обувь.

До краевого центра добирались двое суток – плыли на пароходе, так что времени ознакомиться с новыми обстоятельствами, познавать совершенно новую жизнь было достаточно: во-первых, дорогого стоило узнать, что такое пароход, где имеются все условия для проживания, питания, отдыха, даже есть куда сходить по нужде.

Главное – я узнал, по какой причине двигается пароход: за счет пара, который создает кочегар, доказывая, что это огромное сооружение приводится в движение силой пара, поэтому и называется пароход. Смотреть на кочегара было интересно, он ловко и бодро бросал лопатой уголь в котел, был в хорошем настроении, скорей всего, оттого, что на него смотрела толпа людей, в числе которых были я и мой брат Шаймардан, старавшийся мне рассказывать и объяснять всё увиденное. А увидел я очень многое, плывя на пароходе, проезжая мимо богатой природы, многочисленных русских деревень, казавшихся мне одна красивее другой, не сравнить их с нашими аулами. Дома были большие, деревянные и казались очень высокими по сравнению с романовскими и панкрушихинскими, видимо, оттого, что стояли на берегу реки, а мы смотрели снизу вверх. Во многих деревнях были церкви, но звона колоколов не было слышно. По пути следования останавливались на пристанях, где покупали продукты питания.

На пристанях люди сходили с парохода, их встречали, было немало и тех, которые садились на пароход. До Барнаула доехали благополучно, рано утром. Движение людей и машин меня удивило, они прямо потоком двигались то в одном, то в другом направлении. Приехали на железнодорожный вокзал, а там было настоящее столпотворение людей и машин, мне казалось, что здесь собрались люди со всего краевого центра. Хотели купить билеты на Семипалатинск, но их не оказалось, были распроданы все билеты на несколько дней вперед. Не было места и на самом вокзале, нельзя было не только лежать, но и сидеть. Вышли на лужайку впереди вокзала, где кто-то сидел на своих чемоданах, а кто-то лежал, постелив что-нибудь под себя. Так мы пробыли на этой лужайке весь день и всю ночь, не зная, что делать, кого ждать. Но нам повезло: рано утром кто-то кричит: «Кому надо в Семипалатинск?». Мы с братом соскочили, побежали к нему, он оказался шофером грузотакси,

МОИЛЖАН КАНАВВ

который возил ученого, академика Правдина, специалиста по болезни хвойных деревьев, приехавшего из Москвы, чтобы изучать, выявлять, какой болезнью страдают деревья Космалинского ленточного бора, тянувшегося от Барнаула до Семипалатинска. Нам даже оказалось интересно ехать с академиком, с ним хорошо разговорился мой брат Шаймардан, он рассказывал учёному о Байкальском лесном массиве, какие породы деревьев там растут, хотя академик, видимо, про это знал.

Академик по пути следования из Барнаула до Семипалатинска заезжал во все лесничества, беседовал с лесниками, из первых уст узнавал о состоянии деревьев, даже выезжали в лес, чтобы посмотреть всё своими глазами. А нас с братом оставляли в лесничестве, как обычно окруженном со всех сторон хвойными деревьями, сильно ударяющим в нос хвойным запахом. Так мы на третьи сутки приехали в Семипалатинск, академик в кабине машины, а мы с братом в кузове, обтянутом брезентом, были в кузове на наше счастье и сиденья. В Семипалатинске нас довезли до самого геологоразведочного техникума на улице Максима Горького, 10, возле городского парка.

Наш техникум располагался в добротном двухэтажном здании в центре города, в подвальном помещении находились самые нужные объекты для студентов – столовая и буфет. И оказалось, что наша столовая – самая лучшая среди многочисленных учебных заведений города Семипалатинска, как по качеству приготовляемых блюд, так и по цене.

Нас, как и всех абитуриентов, разместили в общежитии техникума, расположенном почти на окраине города, в длинном одноэтажном здании. Общежитие было разделено на большие комнаты, где размещались студенты по 10-12 человек, а пока мы, абитуриенты с родственниками, проживали в этих комнатах.

Абитуриенты были в основном русскоязычные, славянского происхождения, и были казахи, корейцы. У моего брата Шаймардана были свои задачи и заботы: зная, что я впервые далеко выехал из родных мест, он беспокоился за меня и думал, как лучше пристроить к новым обстоятельствам. Стал подыскивать мне друзей из числа будущих студентов, знакомить меня с ними, спрашивать, где живут их родители, призывать нас дружно жить, помогать друг другу. Организовал чаепитие прямо в общежитии. Особенно он обратил внимание на Калмешева Ертая, жителя аула Арбигень Щербактинского района Павлодарской области, студента второго курса нашего техникума, так

как он уже закончил среднюю школу, имел общее среднее образование – таких сразу принимали на второй курс. Ертаю моему брату понравился, так как был настоящий казахстанец, имел солидное образование, а самое главное – он жил и учился рядом с Алтайским краем, недалеко от нашего Панкрушихинского района. Он прямо сказал Ертаю: «Ты смотри, помогай Моилжану» – а сам, купив железнодорожный билет на поезд Семипалатинск – Барнаул, уехал домой, даже не взял меня, чтобы проводил его до станции, сказав: «Ты готовься к занятиям». Так началась у меня новая жизнь, студенческая, самостоятельная, где ты сам за всё в ответе: сам себя обеспечиваешь, надеяться не на кого – все чужие люди, в незнакомом городе, одно утешение, что живешь в Казахстане, много сородичей, которых видишь в городе. Но основная надежда на Ертаю Калмешева, он мне ровесник, коренной казахстанец, довольно грамотный, солидный парень, кроме того, он дал слово моему брату, что за мной будет смотреть.

Мы поставили свои койки и тумбочки рядом, в комнате проживали около десяти человек. Угнетала ещё контрастность жизни: сельской и городской – парню из аула, деревни, где тихо, спокойно, знаешь всех людей вокруг, оказаться в такой круговерти, кругом много людей, которых видишь в первый раз. Необходимо отметить, что Семипалатинск – действительно старый город, много было здесь ученых людей. Узнал из книги Абая, как он набирался мудрости, проводя долгое время в городской библиотеке. Остался у меня в памяти эпизод из книги «Абай жолы» – «Путь Абая», когда русскоязычный работник библиотеки говорит Абаю: «С каких это пор стали ходить в библиотеку имени Гоголя верблюды?». А Абай сразу же отвечает: «Почему же не ходить верблюдам в библиотеку, когда здесь сидят ослы». В то время Семипалатинск был настоящим студенческим городом, работали педагогический и зооветеринарный институты, более десяти средних специальных учебных заведений, а в 1953 году открылся ещё и медицинский институт.

В техникуме преподавались основные предметы, без знания которых освоить специальность геолога было невозможно – это математика, физика, химия, конечно, языки: русский и казахский. Так я стал впервые в жизни изучать казахский – было для меня очень интересно: оказывается, есть такой предмет. Для русских ребят этот предмет стал проблемой, если по нему получишь двойку – стипендию тоже не получишь. По грамматике казахского языка у меня тоже были проблемы, а читать и переводить тексты – получалось.

Причем по указанным общеобразовательным предметам мы обязаны были за год пройти весь объем средней школы – это было тяжело. С первого же курса стали изучать геологию, геодезию – это уже специальные предметы, которые мы должны знать назубок, должны знать наизусть многочисленные полезные ископаемые, изучали оборудование, с помощью которого можно узнать исследуемый минерал. Учителя были строгие, в основном русские, хорошо знающие свой предмет, и, следовательно, требования к нам, студентам, были соответствующие, жесткие, нам не позволяли отвлекаться, задавать вопросы. Мы должны были усвоить материал во время лекции, а если что-то было непонятно – дополнительно занимался сам.

Стипендию получали ежемесячно те, у кого положительные оценки по всем предметам. Так как она в нашем техникуме была самая высокая среди всех учебных заведений, включая высшие, то и требования, видимо, были идентичные. Кроме этого, будущий геолог был одет в форму с соответствующей эмблемой. Учеба давалась очень трудно. К тому же не было необходимых условий для занятий во внеурочное время, читального зала в техникуме не было, а в общежитии жили по 8-10 человек в одной комнате, было всегда шумно, приходилось как-то приспосабливаться: оставаться после занятий в каком-нибудь пустом классе техникума или учить уроки в общежитии в шумной обстановке.

Мне не раз вспоминались условия, в которых я был, когда жил у деда Михайлова и бабы Ани: один в горнице. Но и в техникуме, как бы трудно ни было, я старался преодолеть эти препятствия, учился без двоек, следовательно, получал стипендию, которой мне хватало, даже решил ежемесячно откладывать 150 рублей, ибо оставшихся 200 рублей мне вполне хватало на питание и на текущие расходы.

Мне было приятно и важно осознавать то, что я успешно учился в Романовской школе, на отлично завершил семилетнее образование, это дало свои результаты – учусь в престижном техникуме. А вот у моего друга, самого близкого человека для меня, Ертая, начались проблемы: он не стал успевающим студентом в техникуме, не усваивал учебный материал из-за слабого знания русского языка, хотя имел полное среднее образование, закончив Галкинскую школу на казахском языке.

Таких студентов, как Ертай, было много, окончивших казахские средние школы, которых принимали на второй курс техникума, но они в основном

стали неуспевающими студентами, поэтому не получали стипендии. Я слышал их слова разочарования: «Мы закончили среднюю школу, думали, что грамотные люди, а на самом деле мы – никто, не можем учиться даже в техникуме». Ертай старался до последней возможности учиться, думал выправить положение дел с учебой в октябре, а затем в ноябре.

Он израсходовал все свои денежные сбережения, а возвращаться домой, в Арбигень, надо было уже по железной дороге через Барнаул, а не напрямую, как летом, по Иртышу, следовательно, затраты на дорогу увеличивались. Наступили настоящие декабрьские морозы. Ертай обращается ко мне: «Моилжан, я смотрю, что, кроме тебя, мне никто не поможет, на дорогу теперь денег требуется значительно больше, чем летом, потому что я теперь поеду через твой Барнаул. Мне необходимо не менее 400 рублей.

Приехав домой, я буду преподавать физкультуру, возможно, ещё и другие предметы, решил теперь заочно учиться в педагогическом институте. Приеду весной поступать в это учебное заведение и верну деньги».

Мне пришлось отреагировать на его неуместную шутку про «твой Барнаул». «Казахи, – сказал я, – оказывается, очень интересный народ: надо одному из них дать деньги за то, чтобы он преодолел мой Барнаул». Но шутка шуткой, а дело-то серьезное – парень, мой друг, остается в чужом городе без средств к существованию, но он в то же время ставит и меня в затруднительное положение: я должен отдать почти незнакомому человеку деньги, поверив ему на слово, что он вернет их после осуществления его задумок. Но не дать денег – это не по-товарищески. Ертаю ответил: «Подумаю». Деньги у меня были, стипендию получал регулярно, даже откладывал, а тех денег, что родители дали мне на дорогу и первые дни проживания, я почти не трогал. Я ещё подумал, что имею же право распоряжаться теми деньгами, которые я сам заработал, а у меня за три месяца накопилось 450 рублей, я эту сумму и отдам. Вернёт – не вернет – пусть будет на его совести.

Но Ертай свое слово сдержал, приехал в Семипалатинск поступать заочно в институт – это было в мае 1953 года. А следующая с ним встреча состоялась также в мае, но в 1981 году. Будучи начальником управления сельского хозяйства Щербактинского района Павлодарской области, я во время моих поездок по хозяйствам района в целях знакомства оказался на центральной усадьбе совхоза «Боровой» – в селе Галкино. Поехали с директором совхоза Блацем в следующее село – крупное овцеводческое отделение Арбигень, со-

МОИЛЖАН КАНАВВ

держащее и обсуживающее около тридцати тысяч овец. Прямо на ферме нас встречают управляющий и зоотехник отделения, и вторым оказался Ертай. Увидев друг друга, мы сильно удивились, затем обнялись как настоящие студенческие друзья. Эмоций было предостаточно с обеих сторон, мы не знали, что делать, как дальше поступать. Увидев происходящее, все окружающие: чабаны, механизаторы, специалисты, управляющий и директор совхоза – были не менее удивлены, чем мы. Они не могли понять, как это новый начальник управления, приехавший с Алтая, знает их зоотехника Ертая Калмешева. Пока мы осмотрели всё хозяйство отделения, овец во всех отарах, провели совещание с чабанами, у Ертая дома был сварен баран, где состоялась дружественная беседа за богатым дастарханом о прошедшей и настоящей жизни моих сородичей.

Очень теплые, семейные отношения сложились у Ертая с моим братом Шаймарданом, переехавшим вместе со мной в районный центр Щербакты. Они встретились как старые друзья спустя более тридцати лет, и им было о чём вспоминать, поговорить о настоящем – они истинные крестьяне, проработавшие всю свою жизнь в самом низовом звене сельского хозяйства – в отделении, где производится вся сельскохозяйственная продукция. Они знали все проблемы селян от рождения до последнего дня жизни, знали выходы из любого положения, а самое главное – тихо и спокойно их решали, как говорят, вырুলивали, сильно не беспокоя руководство совхоза и района.

В 2014 году Ертай отметил 80-летний юбилей, в настоящее время живет в Павлодаре.

Вторым щербактинцем, которого я узнал в Семипалатинске, был Сыздыков Ныгмет – студент первого курса зооветеринарного института, с ним меня познакомил также Ертай, сказав, что он мой родственник – из одного рода Кошен-Шурек. Окончив институт, Ныгмет Бекболатович долгое время работал главным зоотехником совхоза «Боровой», где получил звание заслуженного зоотехника Казахской ССР, затем был переведен директором совхоза «Чигириновский». Почетный гражданин Щербактинского района. Я только этих двух людей знал из Казахстана до переезда в Павлодарскую область.

Учебная программа первого курса геологоразведочного техникума завершилась практическими занятиями по геодезии и картографии. В течение целого месяца на территории Семипалатинского ленточного бора мы жили в палаточном городке, в полевых условиях, очень схожих с солдатскими, тоже

с полевой кухней. Программа была тяжелая, настоящая геодезическая: определить координаты каждого угла замкнутого полигона, т.е. широту, долготу и высоту над уровнем моря каждого угла, а их в полигоне не менее 25-30. Всё это – с помощью теодолита, нивелира и измерительной ленты. Задача практики состояла в том, чтобы, начав работу с первого угла, т.е. с первой точки полигона, координаты которой нам дали, найти такие же параметры у остальных углов. Зачет по практике получали в том случае, если, пройдя все углы полигона, подсчитав их координаты, уже на основании измеренных нами данных, подошли к первой точке, параметры которой нам уже даны. Теперь самое главное, справились мы с поставленной задачей или нет, и она решается очень просто: совпали или нет данные координаты первой точки с нашей вычисленной – они должны быть одинаковыми. Если нет – большая проблема, надо всё начинать сначала, заново.

Наша группа свою программу выполнила в определенные сроки – в течение месяца, но далась она нам нелегко. Зато во время многочисленных вычислений координат каждого угла полигона не было допущено ни одной ошибки. Мы осознали, что это были результаты нашей серьезной учебы в стенах геологоразведочного техникума. Впереди было самое приятное – летние каникулы: собираемся ехать домой, получаем последнюю стипендию первого курса, сдаем коменданту общежития и заведующей библиотекой всё, что мы им должны. И вдруг мне вручают повестку от городского военкома, что я, Канаев Моилжан Сулейменович, призываюсь на действительную военную службу, для чего должен прибыть в военкомат 10 сентября 1953 года к 10 часам утра.

ОПЯТЬ ШКОЛА И СЛУЖБА В АРМИИ

Возвращаться в родные места, в родной аул после такой долгой разлуки, после успешного завершения первого курса престижного техникума было большой радостью и гордостью: я что-то важное сам смог сделать. Я даже самостоятельно могу приехать домой. Сначала я ехал поездом Семипалатинск – Барнаул, затем пароходом Барнаул – Камень-на-Оби и на попутной машине доехал до Панкрушихи, а там на лошади до своего родного аула Кызыл ту. Я был одет в форму геолога с эмблемой на лацкане, и почти все встречные смотрели на меня с любопытством. Встреча с родными, с аульча-

нами была очень радостной, особенно гордилась мать, она ведь начала пожинавать плоды невероятных усилий по обучению своих детей.

На другой день после встречи, когда эмоции пошли на спад, решил рассказать родителям о призыве меня в армию и показал им повестку военкома Семипалатинска. Лица моих родных сразу стали серьезными, задумчивыми, и родичи решили собраться по этому поводу отдельно чуть позже. Суть проблемы состояла в том, что те четыре года войны, прожитые без учебы, давали о себе знать: сначала я учился переростком среди малышей, а теперь вот призываюсь в армию, не имея среднего образования.

Мама пригласила к себе всех четверых сыновей и дочь и спрашивает: что будем делать с Молкежаном? И высказывает свое мнение: как это сына будут призвать из Семипалатинска как беспризорного, никто его не будет провозжать.

Приходят к общему мнению: «Пусть останется дома, будет учиться в Панкрушихе, окончит среднюю школу и поступит в институт». Так я начал учиться в девятом классе Панкрушихинской средней школы, хотя основные школьные предметы в геологоразведочном техникуме мною были пройдены. Но настаивать на приеме меня сразу в десятый класс не стал, теперь думаю, что из-за этого я потерял многое: во-первых, за этот год я мог вполне освоить всю программу средней школы, и, во-вторых, до призыва в армию поступить в институт.

Учеба в средней школе по сравнению с учебой в геологоразведочном техникуме оказалась как небо и земля. Учеба в техникуме была напряженной, требовала большого сосредоточения, внимания в течение всех занятий, дисциплины, организованности и ответственности студента, но зато он был самообеспечен и независим.

Теперь я стал опять вроде младенца, учителя могли объяснять мне материалы многократно, родители опять меня стали обеспечивать всем необходимым. Единственное, что я делал положительного, кроме хорошей учебы, ходил на самодельных лыжах по субботам и воскресеньям домой, в Кызыл ту, через ленточный бор шириной в 12 километров и 15 километров от бора до нашего аула, обеспечивая одновременно себя продуктами питания. В классе я опять стал самым старшим, и если в Романовской семилетней школе нас, старшеньких, было четыре человека, то здесь – я один.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Окончив девятый класс, в 1954 году я продолжаю учиться в десятом классе в возрасте 20 лет, но мне не дают его окончить – 25 октября меня призывают в армию. Нас, призывников, отправляют в Барнаул, за 300 километров, на открытой грузовой машине. Хорошо, что сибиряков не удивишь морозами, а день был ясный, морозный, около 20-25 градусов. Мы тепло одетые – в домашние шубы, валенки-самокатки, в шапки-ушанки – отправились в Барнаул. Ребята все были молодые, окончившие только что семилетку, 18-летние. Из нашего аула был призван ещё один – Маралбаев Кошкумбай – ученик восьмого класса – он был на два года моложе меня. Среди новобранцев был один взрослый парень моего возраста, им оказался Солдатов Анатолий Ильич – тоже ученик десятого класса Велижановской средней школы, уроженец поселка Никольский, дата рождения: 7 июля 1934 года. У него с учебой точно так же, как у меня: из-за отсутствия учителя закрыли Никольскую начальную школу на все четыре года войны – а ему, как и мне, было семь лет.

Это нас сдружило, а ещё больше – наше стремление учиться: нам уже по 20 лет, и мы хотим учиться, а не жениться. Его мысли и жизненное кредо мне сильно понравились, но служить вместе не удалось, нас в Барнауле разлучили – меня отправили в годичную школу авиамехаников в город Фергану, а его в другую часть по той причине, что на его ноге врачи нашли большой шрам.

Хорошим поводом для разговора с Анатолием стали поездки моей мамы во время войны по селам, в том числе в посёлок Никольский, когда она меняла фуфайки на телят. Я говорю: «Моя мама бывала у вас». Он начал вспоминать, что казахи действительно приходили к ним, но не знает, зачем: или они милостыню просили, или фуфайки меняли на телят. Но они, дети, боялись одного, чтобы они в их дом не пришли, не заходили.

После службы в армии мы с Анатолием быстро нашли друг друга и дружим семьями до сих пор. О семье Солдатовых ещё будет идти речь в дальнейшем.

Из Барнаула нас, призывников, отправили поездом-товарняком, расположились мы кое-как на полках и даже на полу и двинулись в одну из союзных республик страны – в Узбекистан, город Фергану, которую когда-то изучали по географии: Ферганская долина с центром в Фергане. С каждым часом езды на юг становилось всё теплее и теплее, мы сбросили шубы, шапки. Вдруг подбегает ко мне друг, аульчанин Кошкумбай, говорит: «Давай быстрее продавать

МОИЛЖАН КАНАВВ

шубы и все тёплые вещи, пока едем ещё по холодной территории, а то через сутки их просто выбросишь». А я говорю:

«Как это без одежды ехать?». Но потом, подумав, пришел к выводу, что он прав. Пока я думал, прошли сутки, и на станции Арысь мне пришлось продать теплые вещи по самой дешевой цене. У Кошкумбая действительно ещё с тех лет голова работала «рыночно», впоследствии он, переехав в Павлодарскую область, в совхозе «Акшиманский» работал председателем рабкоопа, имел в советское время косяк лошадей.

Узбекский город Фергана встретил нас теплом, люди были в костюмах, даже в рубашках. Бросились в глаза ограды-дувалы, сделанные из глины, шириной чуть ли не с метр, ими были ограждены почти все здания города.

В первую очередь нас повели в баню, где хорошо помылись, нас также постригли, побрили и переодели в военное обмундирование. Призывники так изменились, что невозможно было узнать друг друга, пока не посмотришь прямо в лицо.

Годичная школа авиамехаников находилась в довольно приличном военном городке с трехэтажным учебным корпусом, с пятью казармами, в каждой из которых располагалась рота солдат, которых учили на авиамехаников, в каждой роте по три взвода по 30 человек. Мы с Маралбаевым Кошкумбай оказались во второй роте, которой командовал капитан Похазников, в первом взводе под командированием лейтенанта Филиппенко.

Военный городок был огорожен также дувалом, действовала строгая, круглосуточная пропускная система у ворот городка, службу там несли старослужащие.

Военная служба началась с тренировки подъема и отбоя солдат: оказывается, очень важно быстро одеваться и раздеваться, это дисциплинирует человека, притом одеться надо так, особенно портянки, чтобы они не терли ноги, ибо в строю невозможно будет переобуваться. Взводу дается определенное время для отбоя и подъема, и все 30 человек взвода должны уложиться в указанное время. Если по чьей-либо вине взвод не укладывается в срок, дается команда отбой, и всё повторяется заново. Бывали случаи выполнения подъема и отбоя до 5-6 раз. И тому солдату, по чьей вине нам многократно приходилось раздеваться и одеваться, было, мягко говоря, не очень хорошо. Это бывают обычно дети из семьи, где балуют их.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Вторая особенность военной службы – это строевая подготовка, целыми днями находимся на плацу, надо достичь такого, чтобы не сгибая ноги в коленях ставить ступню прямо на землю. Лейтенант Филиппенко заставлял даже задирать полы шинелей, чтобы видно было – в каком положении находятся колени солдата.

Вообще строевая подготовка совместно со спортивными занятиями делают солдат, как я убедился, физически здоровыми, готовят к преодолению трудностей. Сразу же приступили к занятиям, они шли уплотненным графиком, по 5-6 уроков в день, учиться было очень интересно: все-таки изучаем самолеты, теорию – почему они летают, практику – изучаем материальную часть самолета и даже выполняем слесарно-тросозаплетные работы.

Пишем конспекты, которые сдаются в секретную часть. Преподаватели все военные – от лейтенанта до полковника.

К занятиям в авиашколе я быстро привык, они мне напомнили геолого-разведочный техникум, и оказался в числе лучших солдат.

Узнав из биографии, что я когда-то был секретарем комсомольской организации Романовской семилетней школы, меня избрали членом бюро комсомольской организации батальона.

Самое интересное: мы руками трогали настоящие самолеты МИГ-15, МИГ-17, своими глазами видели конструкторов Микояна и Гуревича. Мы теперь должны знать всю материальную часть реактивных самолетов, летающих со сверхзвуковой скоростью, сжигающих 800 килограммов керосина в час на стоянке, 1500 – во время полёта; знать всё, начиная от двигателя и кончая фюзеляжем самолета. По сути, мы стали настоящими студентами, совмещающими учёбу с военной подготовкой: строевой выучкой, знанием автомата Калашникова под №ЖС-127 (это бы номер моего автомата), устава воинской службы и принятия присяги Родине.

Интересно было всё: даже в столовой не имеем права садиться за стол, пока не будет команды. Затем разводящий: это тот, кто разливает и раздает пищу солдатам – пока не выполнит свою функцию, должны сидеть и ждать команды приступить к еде. Для приема пищи отводится определенное время, по истечении которого солдат должен употребить свою порцию продукции и выполнить следующую команду: встать – независимо от того, съел или не доел свою порцию. Когда всё это мы выполняли, я лично думал, что всё это ни к чему, вроде даже издевательство над солдатом. Оказывается, я был не

МОИЛЖАН КАНАВВ

прав – в этом убедился значительно позже, прожив много лет: дисциплина и ответственность, которые нам прививали в армии, нужны не только солдату, но и обычному человеку в личной жизни.

Пришлось также убедиться в том, что недисциплинированные и безответственные люди не могут добиться желаемого успеха. Запоминающимся событием нашей службы был день принятия присяги – 7 ноября 1954 года, где каждый солдат должен был четко произнести текст основного документа, присягнуть Родине – Союзу Советских Социалистических Республик, что готов честно и добросовестно служить Отчизне. Присягу принимали командир батальона полковник Голованов, командир роты капитан Похазников, командир взвода лейтенант Филиппенко.

Много солдат было из среднеазиатских республик: Таджикской, Туркменской, Киргизской, которые слабо владели русским языком, им было очень тяжело учиться, тем более серьезные предметы требовали глубокого изучения материала. Узнав о том, что я хорошо владею русским языком и неплохо занимаюсь, они стали всё больше обращаться ко мне, видя, что я такой же мусульманин, как и они. Хорошим стимулом курсанту для лучшего усвоения материала было правило: тем, кто учился на отлично и хорошо, предоставляли право выбора места дальнейшей службы в действующих лётных войсковых частях Военно-Воздушных Сил, а тех, кто учился слабо, отправляли в худшие климатические условия Советского Союза, например, в Кушку, где температура воздуха 50-60 градусов жары. А также из их числа формировали охранную службу части – через день на ремень – до принятия присяги новым пополнением солдат. Так что плохо учиться было нельзя.

Таким образом, завершился год учебы в Фергане в школе авиатехников, вручили нам свидетельство о присвоении звания авиационного механика за подписью полковника Головина – командира в/ч 75020. Так как я учился хорошо, то сам выбрал республику Литва, город Шяуляй, где дислоцировался полк истребителей-перехватчиков ЯК-25, стал обслуживать самолет командира эскадрильи майора Иванова. Самолет обслуживали два человека – техник-лейтенант и механик – солдат срочной службы, в данном случае – это я.

В 1955 году выходит приказ министра обороны СССР Георгия Константиновича Жукова, обязывающий офицеров-техников, не имеющих среднего образования, уволить в запас, либо в течение двух-трёх лет, обучаясь в вечерней школе, они должны получить среднее образование.

Офицеров, желающих иметь среднее образование, оказалось много, и к осени 1956 года была сформирована группа, которая с 1 сентября начала занятия в вечерней школе города Шяуляя, с выездом на специальном автобусе каждый вечер. Узнав об этом, я решил обратиться к своему командиру и сообщить ему о том, что призван в армию из 10 класса Панкрушихинской средней школы Алтая, упомянув, что все четыре года войны у меня не было возможности учиться.

«Прошу вас помочь мне продолжить учебу в вечерней школе вместе с офицерами», – завершил я свою просьбу. Капитан задумался и говорит: «Напиши рапорт на имя командира части о своей просьбе и дай его мне».

Прошло всего два дня – капитан приносит мне приказ командира части с предоставлением увольнения в течение учебного года в вечерние часы в город Шяуляй. Радости моей не было предела, я чувствовал себя, как говорят, на седьмом небе – неужели я буду иметь долгожданное среднее образование?

Так началась у меня, притом неожиданно, новая, чрезмерно насыщенная жизнь, не совсем похожая на солдатскую. Учеба в десятом классе давалась мне легко, чувствовалась моя подготовленность за предыдущие годы, по сравнению с офицерами, которые когда-то учились в школе и то с большими перерывами.

Особенно трудно давались им математика, физика, химия, да и правила по русскому языку приходилось изучать заново. Офицеры начали обращаться ко мне за помощью, и я, конечно, с большим желанием помогал им в учебе. За это я очень благодарен капитану Иванову, который понял меня и помог посещать школу. Никогда я не думал, во сне не снилось, что среднее образование получу в Литве и в моем аттестате зрелости будут оценки на литовском языке. Так как я учился неплохо, по многим предметам у меня стояла оценка ренки, что значит пять. Таким образом, из трёх лет моей службы в авиации год проучился в школе – это значит, мне сильно повезло. И вдруг трагический случай в нашей эскадрилье – на самолете, обслуживаемом мною, погиб капитан Иванов. Мой командир полетел на разведку погоды – как обычно перед началом планируемых взлётов самолётов полка, вместе с командиром второй эскадрильи капитаном Купцовым. Взлетев за облака и увидев солнечную ясную погоду, что бывает очень редко в Прибалтике, решили полетать и сильно взяли руль высоты на себя, тем самым самолет поставили в вертикальное

МОИЛЖАН КАНАВВ

положение, вошли в штопор, из которого не смогли выйти, так как высота полета была небольшая.

Экипаж самолета ЯК-25 катапультировался, но парашют капитана Иванова не раскрылся по его вине: он сам должен был пристегнуть тросик парашюта к сиденью летчика – это положено по инструкции. В дальнейшем всё происходило автоматически: при катапультировании сиденье отрывается от летчика и срывает тросик парашюта, тем самым автоматически открывается парашют, так как лётчик в это время теряет сознание.

Нашу стоянку, где стоял упавший самолет, сразу оцепили, ящик с инструментами опломбировали, взяли на учёт всё, что было на нашей стоянке. Мне сказали быть постоянно в казарме под присмотром старшины Палюлиса, а технику-лейтенанту быть дома, в военном городке. Проверка показала, что с инструментами у нас всё в порядке, было полное совпадение инструментов в наличии со списком, а если бы какого-либо инструмента не было на месте, могли сказать, что он остался в самолете. Проблему решил капитан Купцов, оставшийся живой свидетель, заявивший, что вины технической службы нет: «Мы, видимо, увлеклись полётом». Вдове погибшего Иванова дали квартиру в городе Воронеже, она была родом оттуда, и я помогал в переезде семьи на новое место жительства.

Тем временем завершался учебный год в городе Шяуляе, и к осени подходило время демобилизации. Стал готовиться к этому большому событию, строить планы – как начать жизнь на гражданке. В армии всё было хорошо, жили на всём готовом, думать не надо ни о чём: кушать готово, спать есть где, делаешь то, что тебе скажут. Стало как-то страшно: что тебе в жизни надо – ты отныне должен сделать сам. Стал предполагать: а вдруг у меня не получится, и я начну жить не с того, что необходимо? Но, с другой стороны: хорошо, что получил аттестат зрелости, теперь уже могу устроиться на работу и поступить в институт.

Раз уж я парень сельский, задумал поступать в Алтайский сельскохозяйственный институт на агрономический факультет, я же ведь имею опыт работы в сельском хозяйстве – пахал на коровах. И тут я узнаю, что вышел приказ Министерства обороны: тот, кто имеет вызов из института, может досрочно уволиться для сдачи вступительных экзаменов. Я в срочном порядке отправляю документы в родной Барнаул, вызов пришел с опозданием, но согласно полученному вызову я был уволен пораньше, в августе. К сдаче

вступительных экзаменов я, конечно, не успел, пришлось сдать документы на заочное отделение института. Приехав в родной аул Кызыл ту, думаю, что делать дальше?

Я – СЕМЕЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК И УЧИТЕЛЬ

Мне уже 24 года, надо в срочном порядке решить две проблемы: создать семью и устроиться на работу. Эти проблемы давно требовали своего решения, особенно первая, ибо я уже нарушаю обычаи и традиции казахского народа: женить сына полагалось с 15 лет, выдавать дочь замуж – в 13 лет. Если раньше основным препятствием у жениха было отсутствие калыма, измеряемого 47 головами разного скота, как это было у моего отца, женившегося в 38 лет из-за его отсутствия, то мою продолжительную холостяцкую жизнь мои сородичи не могли никак воспринять. Желание не жениться, а учиться для многих из них было несерьезным объяснением. Но тем не менее и это «отставание» надо было ликвидировать. Оставался основной вопрос – жениться на ком? Как было сказано раньше, все мои ровесники-мальчики, тем более девочки, из двух наших аулов не учились дальше четвёртого класса, а хотелось, конечно, рядом иметь человека более просвещенного. Жениться на русской девушке – это было весьма проблематично и непредсказуемо для меня во всех отношениях: не хотелось огорчать в первую очередь мать, желающую видеть сноху своей нации.

Оказалось, человек, соответствующий всем моим желаниям, находится от меня не так недалеко, тем более человек знакомый – Кулятай, Клавдия Рамазанова, родственница нашей старшей снохи Кульпан. С семьей Рамазанова Токтара – отца Клавы, Багдан – так звали её мать, и тремя её братьями – Балтабаем, Какамаем и Уакитом – мы общались с самого 1938 года – со времени женитьбы моего старшего брата Жунуса. Клава была единственной дочерью, младшей в семье, и, как обычно, младшую считали маленькой. Когда я уходил в армию, она училась ещё в школе города Камня-на-Оби.

За время моей службы она окончила семь классов, годичную школу бухгалтеров колхозов в Барнауле и начала работать бухгалтером в местном колхозе «Октябрь» Каменского района Алтайского края. Ко времени моей демобилизации семья Рамазановых переехала в Михайловский район края, село Михайлово, и Клава продолжила работать бухгалтером в местном колхозе имени Ильича. Достигшая совершеннолетия стройная брюнетка, имеющая

МОИЛЖАН КАНАВВ

диплом бухгалтера, она стала предметом внимания не только женихов Алтая, но и из близлежащих сел Казахстана.

Как рассказывали мне, часто приезжали свататься. Но ответ у отца Клавы – Токтара – был один: она уже занята, т.е. просватана. Когда наша делегация из Панкрушихинского района, т.е. мой брат Мухамеджан, сноха Кульпан и я, приехали свататься 9 мая 1958 года – она была свободна, и мы, достигнув своей цели, т.е. просватав Клаву, вернулись в родную Панкрушиху. В августе была свадьба, а с 1 сентября мы с Клавой приступили к работе: я – заведующий и учитель Нацменовской начальной школы, а Клава – вторая учительница нашей школы.

Это была вторая свадьба нашей семьи с Рамазановыми, через 20 лет после того, как в 1938 году Кульпан вышла замуж за моего старшего брата Жунуса. И что интересно, в обоих случаях главную роль играет один и тот же человек – отец Кулятай и дядя Кульпан. По всей вероятности Токтар чувствовал, что я приеду свататься за его дочь. Тому подтверждение – он отказывал всем многочисленным женихам и сватам с Алтая и из Павлодарской области, говоря: «Она просватана». Хочу отметить, что Кульпан – старшая сестра Кулятай, как внучка бая, сохранила аристократическое поведение. Так, узнав, что деревенские куры клюют что попало, перестала есть куриное мясо, несмотря на голодное детство и полуголодное существование.

Много раз в жизни я приходил в школу 1 сентября учеником, а на этот раз – 1 сентября 1958 года – пришёл учителем и заведующим школой в родном ауле Нацмен Панкрушихинского района. Школа была начальная, малокомплектная, т.е. мало учеников, в каждом классе по 5-6 человек, каждому учителю необходимо было вести занятия параллельно, т.е. одновременно в двух классах. Один учитель вёл занятия в 1 и 3 классах, а второй во 2 и 4 классах. Клава взяла 1 и 3 классы, а я – остальные два.

Так началась у нас новая семейная и трудовая жизнь, совсем не похожая на предыдущие, но полная забот. Жильё стали строить сами, братья срубили нам стены деревянного домика 4x4 метра – это был первый деревянный домик в Нацмене, а всё остальное – потолок, крышу, двери, окна, пол, печь – сделали сами, совмещая строительство с работой в школе. К 7 ноября мы зашли в дом и жили в нем до 1963 года – все пять лет учительствования в Нацменовской школе. Основной проблемой работы в школе стало незнание или очень слабое знание учениками русского языка. Хотя вокруг были русские населенные

пункты, но местные дети не выезжали из аула, а дома все говорили на родном языке. Поэтому у приходивших в школу детей абсолютно не было словарного запаса. На эту проблему не обращали внимания ни районо, ни родители детей, ибо им было не по силам её решение: районо не могло выработать специальную учебную программу для казахских детей, а родители не хотели переезжать в русские села, чтобы их дети усиленно занимались изучением языка и успешно учились.

Бывшие учителя нашей школы, видно, смирились с таким положением учебного процесса, учили детей в течение четырех лет как придется, как получится и отправляли их в Романовскую среднюю школу, на центральную усадьбу совхоза, где их опять сажали в четвертый класс, чтобы хоть как-то ликвидировать пробелы в знаниях.

Но пополнить за один год знания, недополученные в течение четырех лет, конечно, было невозможно, и, проучившись несколько лет в русской школе, дети вынуждены были бросать учебу. Это была настоящая трагедия подрастающего поколения, но на это никто не обращал внимания.

Получилось, мы с Кулятай наткнулись на жизненно важную проблему, о которой даже вначале не подозревали. Но это же судьба детей, нельзя к ней так относиться. От нас, учителей Нацменовской начальной школы, требовалось не только преподавать учебный материал, а выучить с ними одновременно русский язык, что кажется нереальным.

С другой стороны – это возможно, если ребенок все время находился бы в русской среде, как я, например, всю неделю был в контакте с русскими. А в нашем случае получается, что дети изучают язык только в школе, а всё остальное время разговаривают и мыслят на родном языке. Видно, что дети, а их было 25 человек, в Нацменовской школе стараются и сильно хотят учиться: дают текст, чтобы пересказали, а они его выучивают наизусть.

Вспомнил я своего друга по семипалатинскому техникуму Калмешева Ертая, который, окончив 10 классов казахской школы, не смог продолжить учебу даже в среднем техническом учебном заведении. И пришел к выводу, что эту проблему никто не решит и не поможет, кроме нас с Кулятай – надо взяться за обучение детей путем удлинения времени: сначала учебный материал надо объяснить на казахском языке, затем его перевести на русский и выучить. И так каждый урок, каждый день, а для этого требуется времени в полтора-два раза больше. Если обычно в начальных классах учебный про-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

цесс длится четыре часа, то нам необходимо шесть-семь часов. Нам пришлось пойти на такой режим работы: с утра столько времени занятий провожу я, а с обеда – Клава.

Оказалось, работа учителя не только продолжительная и трудная, но и требующая большого терпения, ибо надо было работать с каждым учеником, способности которых, естественно, разные. Домашние задания для детей были тоже трудными, как письменные, так и устные. Мы задавали им много читать и выучивать наизусть. Дети все как один хотели учиться, но не все могли. И тем не менее результаты учебы стали появляться с каждой неделей, месяцами и четвертями: дети стали лучше усваивать материалы. Кроме учебной программы, мы старались проводить в школе игры на русском языке. Так, например, есть игра «Ворона и воробей», суть которой – всех учеников смены делим на две половины – на ворон и воробьев, и по команде ведущего одна из групп ловит другую. Это игра на внимание и правописание слов: ворона и воробей.

В школе стали проводить новогодние ёлки, моя задача как заведующего школой – съездить на лошади за елкой, в село Романово, и установить в самой большой комнате, а все остальные делали игрушки, наряжали ее. Пели песню «В лесу родилась елочка», рассказывали стихотворения – это было дело Клавы и учеников, которые очень старались, и у них это получалось. Захотелось как-то детям на Новый год съездить в Романовскую школу, посмотреть и поучаствовать в проведении елки в большом русском селе с русскими ребятами.

Поездка состоялась очень интересная – как для казахских, так и для русских детей, только, к сожалению, на открытой тракторной тележке на расстоянии 18 километров. Хорошо, что дети были одеты в тулупы, надо было одевать-раздевать учеников Клаве с двумя помощниками из числа родителей. Результаты нашего труда стали появляться не сразу, наши школьники, которых мы учили с 1-2 класса, стали успешно учиться в Романовской средней школе в пятом классе. Это Садыков Кабай, Канаев Рамазан, которые окончили Новосибирский сельскохозяйственный институт. Ахметова Кульбаршин, Сыздыкова Айслу, Ахметова Бизада и другие окончили Каменское педагогическое училище, поступили в Каменский сельскохозяйственный техникум. Кстати, Кульбаршин продолжила нашу традицию, была всю жизнь учитель-

ницей в нашей национальной школе, вся её трудовая деятельность прошла в одном учебном заведении, что для нас, старшего поколения, отрадно.

Всегда трудно в первые годы семейной жизни, а в нашем случае – вдвойне, даже втройне: нам надо было в срочном порядке построить свой дом, нести большую ответственную ношу сельского аульского учителя, причём всё это надо было сделать в стороне, оторвавшись от своих братьев, которые проживали в другом ауле. В ауле Нацмен большая тяжесть переезда легла на плечи наших дальних родственников по роду Кошен-Шурек – Байгаданова Айдархана и его жены Орындык, которые приняли нас как родных, разместились мы вначале в их однокомнатной землянке, у них было две дочери: Бакыт и Кунслу. Конечно, мы им создали большие неудобства и трудности, но что интересно: они всё это приняли совсем по-другому, по-родственному, как это бывает среди близких людей.

В этом же году, 24 октября родился у нас первый ребёнок – дочь Рысты. Имя ей дала жена Айдархана Байгаданова Орындык. Она имела на это полное право, ведь мы жили у них с первых дней пребывания в ауле Нацмен, и она лучше всех знала невесту.

В большом трудовом и умственном напряжении пролетели эти осенние два с половиной месяца, и 7 ноября 1958 года мы вошли в свой дом.

И что очень символично, в этот день приехал гость из Казахстана – из нашего рода Кошен-Шурек – Скаков Зиада, который помог переезду нашей семьи в новый дом, а самое главное, был обрадован, что его родственники, находясь в Сибири, получают должности и строят дома. Получилось, это не только семейная, но и родовая радость. Много лет спустя, это был 1985 год, мы жили уже в Павлодаре, к нам в квартиру заходит уважаемый аксакал Байгаданов Айдархан, он тоже жил в Павлодаре, и говорит: «Меня Толик пригласил в гости». Оказалось, они случайно встретились, и Толеутай (мой сын) его пригласил. Айдархан любил моего сына и был обрадован приглашению. Пришлось Кулятай заварить настоящий бесбармак, позвать в гости его жену Орындык, дочерей Бакыт и Кунслу. Наша семья была рада тому, что хорошие родственные отношения сохранились не только у старшего поколения.

В следующем, 1959 году, мы прирубили к дому трехстенку, получился пятистенный деревянный дом – похожий на жилье настоящих сибиряков.

Работу учителя я совмещал с заочной учебой в Алтайском сельскохозяйственном институте на агрономическом факультете. Сессии проходили два раза в год, зимняя сессия совпадала частично с зимними каникулами, а

МОИЛЖАН КАНАВВ

летняя – полностью с отпусками учителей в летний период: в этом у меня была хорошая отдушина – я продолжительное время мог посвятить учебе, наверстывать отставание по программе института, находясь долгое время либо в Барнауле, либо дома. Годы работы учителем в Нацменовской школе для нашей семьи были самыми напряженными: мы должны были не считаясь со временем почти весь световой день преподавать в школе не только учебный материал, но и учить детей русскому языку, а я – ещё учиться в институте, создать семейный очаг, заниматься крестьянским подворьем – как это жить в селе без живности?

Учеба в институте дала мне не только специальные знания, но и расширила кругозор. Чего стоило одно только знакомство с однокурсниками, среди которых были знатные люди Алтая, такие как первый секретарь Каменского горкома партии, Герой Социалистического Труда Парфенов Евгений Ерофеевич, директор опытной станции АНИИСХ Мальцев, председатель колхоза «Россия» Каменского района Гуляев Федор Леонтьевич, а также Горский Петр Федорович, занявший пост первого секретаря Волчихинского района.

Среди них я оказался маленьким человеком – учитель начальной школы, а затем уже агроном отделения совхоза, но зато в учебе я их превосходил, они слабо знали теорию по сравнению со мной, поэтому относились ко мне уважительно, а впоследствии со многими из них мы дружили семьями.

А Кулятай знала Парфенова ещё раньше, он, будучи секретарём парткома колхоза «октябрь», давал ей, как молодому специалисту, партийное поручение – раздавать книги работникам конторы колхоза.

КАК ШУТИЛИ МОИ БРАТЯ

Моим братьям и сестре было не до шуток, их в возрасте 5-15 лет настигает голодомор в Казахстане 30-х годов. Перебравшись вглубь Сибири, родители их, не знавших языка, заставляют учиться в русской школе. Только получили образование от четырёх до восьми классов, началась Великая Отечественная война, длившаяся, так уж получилось, для них до восьми лет.

Вернувшись домой, в ставшую родной Приобскую лесостепь, братья приходят в себя, женятся, продолжают обживать благодатную алтайскую зем-

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

лю, которая хорошо отзывается на вложенный труд моих сородичей. Стали обеспечивать себя продуктами питания.

Появилась в их жизни отдушина, возможность даже пошутить. Но шутки у них были очень простые, душевные, взятые у самой жизни. Так семья моего старшего брата Жунуса собирается проводить очередной старый год и встретить новый. Подготовка идёт полным ходом, ещё надо управиться со скотом, встретить детей, прибывающих на каникулы из Романовской средней школы.

Незаметно подошло 12 часов, когда старый год уходит, а новый приходит. Супруга моего брата Кулпан в это время уходит напоить телят и возвращается домой. А её муж, мой брат, предъявляет ей претензию: «Где ты была целый год?»

А мой второй брат, Мухамеджан пошутил в кругу джигитов всего аула. Мои сородичи, проживая в Сибири, вспоминали традиции своих предков – на этот раз «серне», когда мужики аула вскладчину покупают одного барана и съедают. В этом мероприятии самый трудный момент для мужиков – это ждать, когда же сварится баранина. Чтобы время шло быстрее, они рассказывают, кто что знает. Мухамеджан объявляет: «Я знаю, что делает человек, находящийся в другом помещении!» Это всех заинтересовало, подумали, он ведь учитель – может знать. Выставили одного джигита за дверь, он принял заинтересованную позу и спрашивает у моего брата: «В каком он состоянии находится?» Мухамеджан отвечает: «В дурацком!»

Но я был рад совсем другому: что мои братья стали шутить!

РАЗМОЛВКА МЕЖДУ МОИМ БРАТОМ ШАЙМАРДАНОМ С ЕГО ДОЧЕРЬЮ

Она произошла на Алтае, в родном Панкрушихинском районе, когда дети наших двух аулов, освоив русский язык, начали учиться в учебных заведениях Алтайского края и Новосибирской области. В городе Камне-на-Оби, расположенном от нас всего лишь в 80 километрах, имелись: педагогическое училище, сельскохозяйственный и элеваторный техникумы, в которых учились более десяти студентов из аулов Кызыл ту и Нацмен.

Шаймардан Сулейменович в это время был уже на пенсии, и, чтобы ему не было скучно, решили общими усилиями его обеспечить личной авто-

МОИЛЖАН КАНАВВ

машиной «Москвич». Среди обучающей молодёжи была и его дочь Карашаш, которая во время каникул всегда старалась приехать в родные места. Их путь пролегал следующим образом: от города Камня до станции Панкрушиха они передвигались на поезде, а оставшееся расстояние, протяжённостью около 50 километров, добирались, кто как мог, на попутной машине, а в большинстве случаев – пешком.

После очередного прихода домой Карашаш предъявляет отцу претензию: «Папа, почему ты не можешь приехать на станцию Панкруша и забрать меня домой, у тебя есть время и машина?» Отец отвечает: «Не могу!» и поясняет: «Как я тебя одну заберу и поеду домой, когда вас более десяти человек, я же не могу вас всех разместить!»

Так у отца и дочери появилась своя правда, кто здесь прав, кто не прав – пусть рассудит читатель.

АГРОНОМ ОТДЕЛЕНИЯ

Шло время, наступил 1963 год, я успешно закончил третий курс института, и меня назначили агрономом Кызылтовского отделения совхоза имени Крупской, которое состояло из двух казахских аулов – Кызыл ту и Нацмен. Стал настраивать себя на производственную деятельность, которая коренным образом отличается от педагогической, кабинетной, теплой, уютной. Нашёлся покупатель нашего дома в Нацмене – пожелал в нем жить наш родственник, у которого мы жили, – Байгаданов Айдархан. Видимо, ему захотелось жить в деревянном доме, единственном в нашем ауле. Цену дома определил он сам, причем объективную, нас не обидел – таким было старшее поколение в наше время, хотя за плечами у него были тяжелые военные и послевоенные годы. Так завершил я свою педагогическую деятельность, успокоив себя тем, что выпускники нашей начальной школы успешно продолжают учиться в русской средней, имеют возможность поступить в вузы и техникумы. Мы же с Клавой не получили ни одного слова благодарности ни от районо, ни от жителей аула. Зато ученики наши со временем смогли оценить то, что мы для них сделали.

Услышав о том, что меня переводят агрономом отделения, заведующий районо Кривов Василий Михайлович вызывает меня к себе и предлагает дру-

гой вариант моей дальнейшей работы: директором Березовской восьмилетней школы – это новая школа, построенная на новой Среднесибирской железной дороге (станция Панкрушиха), связывающей город Барнаул со станцией Карасук Сибирской магистрали. Ставилось одно условие: перейти учиться в Барнаульский педагогический институт на биологический факультет, даже на тот же курс, на котором я учился в сельхозе.

Предложение было, конечно, заманчивым, должность высокая, уважаемая на селе, а главное – жить на железнодорожной станции, райцентр рядом, 10 километров, и ещё – надежное и устойчивое сообщение со всеми городами Советского Союза.

Кроме того, было очень приятно, что всего лишь после 5 лет работы в национальной малокомплектной школе мне предлагают сразу престижную должность в такой местности, по сути, меня вытаскивают из глубокой глупинки.

Подумав, всё-таки решил остаться на должности агронома в своём родном ауле рядом с сородичами, хотя знал, что работа сельхозника очень тяжёлая, но в то же время самая востребованная в жизни, ибо всё, что необходимо человеку, производится здесь; сельский житель своим трудом проживет, а городской житель без сельского – нет. Кроме того, я усвоил, что из двух отраслей сельского хозяйства полеводство здесь главнее животноводства, и оно определяет будущее всего сельского хозяйства. Вспомнил слова заведующего кафедрой агрохимии института, кандидата химических наук Нестерова: «Самая перспективная отрасль в мире – это сельское хозяйство, ибо отходы полеводства являются ценнейшим продуктом для животноводства, а отходы животноводства – самое ценное удобрение для полеводства».

Полеводство Кызылтовского отделения было в то время самым отстающим не только в совхозе имени Крупской, но и во всём районе и, надо сказать, не только по субъективным, но и по большей части объективным причинам: во-первых, как могли соревноваться в полеводстве с местными вчерашние кочевники, только что переехавшие на новые хлебоборбные места России – и сразу же быть настоящими земледельцами одного уровня? Во-вторых, трудовые ресурсы, с помощью которых создается возможность качественно провести полевые работы, разнятся как небо и земля: если в русских отделениях – Романовском, Луговском, Ленском и Петровском – находилось от ста до двухсот

МОИЛЖАН КАНАВВ

и более дворов, то в Кызылтовском отделении в двух аулах насчитывалось не более 50 семей казахов.

Но, тем не менее, заявление директора совхоза Николая Федоровича Крысанова при назначении меня агрономом было чрезмерно критичным:

«У вас теперь свой агроном, хватит быть всё время в отстающих, вы тянете весь совхоз назад». Конечно, надо признать, что полеводством в нашем отделении по-настоящему никто не занимался, а главная фигура в этом деле – агроном – постоянно менялся: то студенты-практиканты, то жены специалистов совхоза, проживавшие на центральной усадьбе совхоза. Продолжительное время работала агрономом нашего отделения Нина Григорьевна Черенцева – жена главного агронома совхоза. Конечно, это было не женское дело – на лошади объезжать поля, контролировать работу каждого механизатора на расстоянии: от центральной усадьбы совхоза до аула Кызыл ту семь километров, от Кызыл ту до аула Нацмен – десять километров, от Нацмена до полей, граничащих с Новосибирской областью, – ещё восемь километров. А ведь ещё надо найти эти поля, заехать и проверить качество работы механизаторов, которые разбросаны отдельно по полям. Надо решать и организационные вопросы.

Я сменил Нину Григорьевну на этой должности, и её назначили вторым экономистом в совхозе. И что было интересно, она – Нина Григорьевна – постоянно и жестко на всех форумах критиковала наше отделение. Видимо, она исполняла свой служебный долг, а мне было обидно: кроме всего она, будучи агрономом отделения, заезжала к нам домой в ауле Нацмен – попить чаю, притом что у нас никаких отношений с ней в то время не было.

Квартиру в ауле Кызыл ту – центре нашего отделения – мне не предоставили, видимо, оттого, что население всё ещё продолжало жить в землянках, хотя на дворе был 1963 год. Или по каким-то другим причинам. Пришлось купить сруб дома 8х8 метров, благо, что жители сёл около ленточного бора занимались плотницким делом. Перевезли его в наш аул и ставили с помощью русских плотников окна и двери, накрыли крышу, и получился хороший дом, не хуже, чем в районном центре. Пока строили и отделывали дом, наступили первые сибирские морозы, и я решил попросить у директора совхоза, который меня назначил агрономом, стройматериалы, т.е. столбики, доски, чтобы из них быстро построить веранду. А он мне отказывает, говорит, что нет ни досок, ни столбов. Тогда пришлось принять решение построить веранду из местного материала: из берез и осин. Попросил своих ребят, в ос-

новном механизаторов, привезти из леса высокие стройные деревья, и из них русские плотники всего за один месяц поставили веранду на мох, и получился дом 12 на 8 метров.

Когда меня назначили агрономом, управляющим Кызылтовским отделением был Тасыбаев Матан Габбасович. Помню, он провез меня на лошади по бригадам отделения, представил механизаторам двух аулов, радуясь, что у них свой агроном.

В это же время в отделении произошла неприятность – начался падёж скота, основная причина – сильная засуха 1963 года, не смогли накопить необходимое количество сена, вырастить кукурузы. Зимовка скота 1963-1964 годов была самой неблагоприятной не только для общественного скота, но и для личного подворья, падёж начался и там. Даже учителям на зиму давали всего мешок муки сомнительного качества: «Ничего из неё не испечешь», – сетовала Клава.

В районных центрах и крупных сёлах люди стояли в очереди за молоком. Это была идея очередного руководителя страны Никиты Сергеевича Хрущева, не принимавшего личных подворий, мотивировавшего это тем, что люди должны заниматься только общественным трудом, а остальное время – отдыхать, а главное – чтобы люди не растаскивали общественное богатство по домам.

Интересно, почему-то местом проведения разного рода экспериментов, зачастую дилетантских, у первых руководителей страны становилось сельское хозяйство – самая необходимая для общества и самая уязвимая отрасль человеческой деятельности.

Жизнь казахского отделения идет своим чередом: дирекция совхоза производит смену руководства отделения – управляющим назначают моего брата Чаймардана Сулейменовича (во всех документах значится вместо Ш – Ч).

Всякое изменение сложившейся ситуации влияет на окружающих, и данный случай не был исключением. Родственники бывшего управляющего были недовольны случившимся, хотя Матану Габбасовичу дали должность бухгалтера отделения, и, зная о том, что в отделении остро не хватает механизаторов и животноводов, решили они переехать в Казахстан. Пригласить их приехали даже несколько директоров совхозов из Баянаульского и Майского

МОИЛЖАН КАНАВВ

районов и обещали им хорошие должности и работу, где якобы и заработаешь больше, и будешь жить в домах, построенных за счёт хозяйств.

Конечно, человек ищет, где лучше, тем более зовет историческая родина... Но где была эта историческая родина в тридцатых годах, когда с нее люди толпами уходили куда глаза глядят, и редко кому удавалось прижиться в России. И мы, жители двух аулов, находимся среди этой категории людей.

Многим не хотелось съезжать с насиженного места, привычным уже стало им жить среди русских. Они, конечно, помнили о хорошем отношении местных жителей, особенно было жалко оставлять богатую природу Алтая, за счет которой они выжили в годы лихолетья. Однако многие переехали, среди них были хорошие механизаторы, такие как Тасыбаевы Каким и Газез, Маралбаевы Каиркен и Кудайберген, Музданов Кабаш и другие. Они все стали передовыми механизаторами в Павлодарской области, особенно отличился Музданов Кабаш, ставший передовым кукурузоводом Баянаульского района, за что ему дали самую хорошую квартиру и новую технику в Жосалинском совхозе.

Помню много лет спустя (я давно уже на пенсии, живу в Павлодаре) находился на одном из мероприятий, проводимом одним из земляков-кызылтовцев.

Подходит солидная женщина, представляется: «Я Галия – жена Кабаша, хочу вас поблагодарить за то, что вы моего мужа научили выращивать кукурузу, благодаря чему он стал знаменитым человеком, много зарабатывал, мы сумели выучить всех своих детей, дали высшее образование, и нам даже завидовали наши земляки-кызылтовцы».

Мне было приятно, что всё-таки в нашей среде есть благородные люди.

Был случай неординарного порядка в период переезда наших земляков в Казахстан. Жил в ауле уважаемый аксакал Альдекешев Омаш, в годы войны был бригадиром, сыновей у него не было, и помогали ему всегда племянники – дети братьев, которые тоже переехали в Казахстан и стали с собой забирать дядю. Словом, договорились, он согласился тоже переехать – раз все помощники уезжают. Приехал аксакал в совхоз «Казанский» Майского района за транспортом, чтобы осуществить переезд. Завтра рано утром должны выехать, транспорт готов, а вечером аксакал решил пройтись, прогуляться по казахстанскому аулу. Было время прихода скота с пастбища, и вдруг видит: бежит женщина-казашка, плачет, что у нее украли скот. Аксакал был удивлен,

шокирован увиденным и услышанным. И отказался переехать. Он прожил свою оставшуюся жизнь достойно, пользуясь большим уважением всех жителей аула Кызыл ту. Я думаю, что он даже не особенно почувствовал отсутствия близких родственников.

Зато неуважительное, даже пренебрежительное отношение узнали мои сородичи, переехавшие в Казахстан, от тех же директоров совхозов, которые приехали в наш аул их приглашать. Через некоторое время своего проживания они узнают, что являются продавцами совхозного скота, т.е. от имени казахов-сибиряков сдается скот на мясокомбинат, и они якобы получили большие деньги. Конечно, органы разобрались, кто виноват, но доверие к руководству в Казахстане, мягко говоря, у моих переехавших земляков ослабло.

Хорошо, что они не обманули Тасыбаева Матана Габбасовича – ему дали должность управляющего в Жосалинском совхозе, а затем он даже стал председателем рабочего комитета совхоза, ибо заслуживал им быть.

Но вернемся к делам казахов, проживающих в Панкрушихинском районе Алтая. Конечно, не все переехали отсюда в Казахстан, понятно, что оставшимся стало значительно тяжелее: полнейший провал, как в полеводстве, так и в животноводстве, а строительство вообще не ведется. Нет капитальных животноводческих помещений – все временные, а люди всё ещё живут в землянках, только несколько деревянных домов, построенных самими жильцами из древесины местных колков.

Первейшая задача стояла – как перезимовать, сохранить оставшееся поголовье скота при острейшей нехватке кормов. Собрал в конторе всех жителей аула новый управляющий, решил посоветоваться и спрашивает:

«Что будем делать, как выйти из положения?». Выступления были нерадужные, негативные – в смысле, что можно сделать, когда люди уезжают? Видимо, тоже надо собирать чемоданы. Видите, в Казахстане всем дают новую технику, а мы работаем на старой, обеспечивают там новым жильем, а что нам ещё надо? Постепенно собрание из негативного стало переходить в позитивное. Почему бы нам скот не кормить болотной травой? Хотя она плохого качества – камыши, но животные едят, мы же всю осень скот пропасли на болотах на кочкарниках, а их у нас много. Эти кочкарники надо срубить, собрать и привезти.

Механик отделения Булатов Кабай Рахимович предложил их пропарить горячей водой и паром. Идея всем понравилась, тем более есть условия ее осу-

ществить: есть кочкарники, гусеничные тракторы с большими, габаритными тракторными санями, механизаторы в зимнее время свободны. На следующий день около десяти человек на двух тракторах ДТ-54 с санями, вооружившись топорами, ломами, вилами, лопатами, даже бензопилой, отправились по болотам, а Кабай Рахимович с кузнецом Курбатым начали готовить всё, что необходимо для пропарки болотной растительности.

Стали кормить этой массой животных, они сначала не поймут, что им дают, бегают от одной кормушки к другой. Затем успокоились и стали в кормушках ковыряться носами и помаленьку есть. Подъехал директор совхоза, увидев нашу работу, обрадовался и, узнав, что животные всё же с неохотой поедают некачественный корм, решил нашему отделению выделить фураж из расчёта по полкилограмма на каждую голову в день.

Отъезжая от нас, Николай Федорович говорит: «Теперь такой опыт буду внедрять во всех отделениях совхоза». У директора не хватало опыта, он был всего лишь на два года старше меня, специалисты с высшим образованием в то время были на вес золота, они росли в должности не по годам, а по часам. После этих и других принятых мер зимовка скота в отделении стала понемногу улучшаться, прекратился падеж животных.

В таком же положении находилось животноводство в личных подворьях, мои сородичи ещё со времён войны приспособились содержать больше скота, а сейчас тем более, так как сейчас уже мясо отвозят в Новосибирск на машинах, а не на быках. Так что скот давал хорошие деньги жителям двух аулов, местная власть продолжала не замечать ненормированное содержание скота казахами, что в свою очередь отражалось на трудовой дисциплине в нашем отделении: люди старались больше работать на себя.

Получалось так, что даже первые трудовые дни моей агрономической деятельности показали: полеводство – особая отрасль, от которой зависят все остальные отрасли – животноводство, экономика, строительство, культура и т.д.

Но получение хорошего урожая, как мы все знаем, зависит от многих факторов: в первую очередь от соблюдения всех агротехнических требований, т.е. как объективных, так и субъективных факторов. Я как агроном должен влиять и на субъективные факторы, которые в свою очередь зависят ещё от многого: наличия квалифицированных кадров в полеводстве, наличия необходимой техники – тракторов, прицепного инвентаря. И, разумеется, необхо-

димо строгое соблюдение агротехнических условий, которые создадут благоприятный климат для роста культурных растений. Но есть ещё природно-климатический фактор, который вдруг повлияет так, что ничего не получишь. Получается, агроном в сельском хозяйстве – ключевая фигура, от которого зависит многое. Значит, в Кызылтовском отделении, в наших двух аулах я – значимая фигура.

Но как я исполню свою роль, если от меня зависит далеко не всё, если многие факторы, от которых зависит повышение урожайности, в нашем отделении почти отсутствуют: мало кадров, мало техники. Если бы всё зависело от меня, я бы, безусловно, выполнил агротехнические требования хотя бы так, как, например, с учебой в Нацменовской школе учеников, не знавших русский язык, – путем удлинения времени занятий в школе – сколько потребуется. А здесь таким поступком ничего не решишь: это связано со многими факторами, на которые я не могу повлиять. А ещё я выявляю для себя факт, что полеводство работает, говоря языком финансистов, «на предоплате», т.е. пока не сделаешь вложения сил и средств в поле – оно тебе ничего не даст, поле диктует: хорошо выполнишь все агротехнические условия – получишь хороший урожай.

Настало время исправлять положение дел в полеводстве нашего отделения своими силами: ни русское руководство, ни алтайская земля не дают нам скидки на то, что мы казахи. Мы должны если и отставать, то ненамного. Начали это большое дело с агротехнической учёбы механизаторов в двух аулах каждую субботу, хотя она и раньше проводилась, но не на постоянной основе, особенно агроучеба, так как женщина-агроном не всегда могла регулярно выезжать в зимнее вечернее время на дальние расстояния. Мы с механиком Булатовым Кабаем выезжали регулярно на занятия к нашим механизаторам: я – по агротехнике, а он – по механизации. Преподавали не жалея времени, ибо механизаторы были тоже заинтересованы, так как они по итогам занятий сдавали экзамены, и им присваивали классность. Если механизатор хорошо знает агротехнику, техническую часть машин, механизмов и имеет пять лет механизаторского стажа, ему присваивалось звание механизатора 1 класса, и зарплату повышали на 20 процентов.

При тех же условиях, стаже работы два года механизатор 2 класса получает надбавку 10 процентов. Занятия проходили организованно, всегда механизаторы были в сборе, объяснение темы и ее обсуждение происходило

МОИЛЖАН КАНАВВ

заинтересованно, чувствовалось желание моих сородичей быть хлеборобами, получать урожай, в итоге получить хорошую тринадцатую зарплату. А также им хотелось хорошо сдать экзамены перед серьезной совхозной комиссией, возглавляемой главным агрономом Черенцевым Федором Ильичем, главным инженером Гетте Виктором Иосифовичем, главным экономистом Пивоваровой Марией Федоровной и председателем рабочего комитета совхоза.

Коллектив механизаторов всё-таки был, но очень малочисленный, приходилось людям работать не менее полутора смен, весной – на тракторах, а осенью почти все пересаживались на комбайны. Костяком механизаторских кадров в ауле Кызыл ту были Рамазанов Рыспай, Никитин Николай Михайлович – единственный русский в нашем отделении, братья Маралбаевы: Рымбай, Каиркен, Кудайберген; Мурзабаев Жумабай, Альдекешев Табылды, Музданов Кабыкен и другие. В ауле Нацмен – Темиров Мутан, Султангазинов Шрайден, Сиюнишев Тенизбай, Аубакиров Нуриден, Тукаев Айтбай, Султангазинов Закарья и другие.

Затем пополнились ряды механизаторов нашего отделения молодыми: Ибраевым Айтказы, Жалялитденовым Бекболатом, Муздановым Кабашем, Темировым Сейтбатталом, Оспановым Жангером и др.

Возглавляли комплексные бригады механизаторы времен Великой Отечественной, работавшие на тракторах ХТЗ, Тасимов Жамсап – аул Кызыл ту, или бригада № 3, Кузкенов Баушан – аул Нацмен, или бригада № 4. В связи с переездом их в Казахстан бригаду № 3 возглавил Музданов Кабыкен, а бригаду № 4 – Байгаданов Айдархан, бывший постоянный учётчик этой бригады, а на его место был назначен Султангазинов Жанибек – учётчик аула Нацмен. Первая моя уборка урожая выявила, дала мне знать, что главной причиной низкого урожая, основной нашей бедой была засоренность полей.

Злостные сорняки – овсюг, пырей, осот, бодяг, все виды вьюнков, используя благоприятные климатические условия – более 400 мм осадков в год – и черноземные почвы, росли буйно, не зря наш Панкрушихинский район называли в крае цветочным. Сорняки из года в год разрастались, как более приспособленные к климатическим условиям, чем культурные растения, вытесняли и подавляли их. Теперь встал вопрос: как эффективно и быстро уничтожить сорняки? Давно известно – агротехнический, как говорят, классический приём – это парование полей, путем соблюдения севооборота. У нас в Алтае был принят четырехпольный севооборот, т.е. после парования поле

три года используется под зерновыми культурами, а затем опять оставляется под пар. Этот прием оказался неэффективным, получалось, что поле за три года зарастало сорняками и не давало урожая, а если ещё во время парования плохо обрабатывалось, то зарастало в первый же год посева культурных растений.

Зачастую паровые поля использовались как дополнительный источник накопления запаса грубых кормов.

Другой способ уничтожения сорняков – это химическая прополка, которая у нас также не пошла из-за большой залесенности нашей местности – Приобской лесостепи Алтая, где насажено много лесополос ещё со времен сталинского плана преобразования природы. Я удивлён осуществлению этого грандиозного плана, без какой-либо механизации, ведь плоды его видны почти в каждом населённом пункте Панкрушихинского района. При химпрополке получалось, что мы больше губим лесную растительность, чем уничтожаем сорняков. Так что основной, агротехнический способ борьбы с сорняками остается: пропускать поля через пар согласно схеме севооборота, но пары должны быть настоящими, чистыми, необходимо систематически их обрабатывать, паровое поле всё лето должно содержаться в чёрном состоянии, а к осени надо его перепахать. При таком содержании парового поля мы можем надеяться, что оно в течение трёх лет даст урожай, меньше будет зарастать сорняками, а затем мы его опять запаруем. Пары – это в то же время длительный срок борьбы с сорняками, требующий не менее четырёх лет, но другого, более эффективного и быстрого метода борьбы никто ещё не придумал. С таким твердым убеждением прихожу к управляющему отделением, моему родному брату Чаймардану, и говорю: «Без хорошего пара мы не получим урожая, надо обрабатывать пары в течение всего лета» – и рассказываю ему технологию обработки пара.

Он отвечает: «Я всё понимаю, но как это сделать, если более 15 механизаторов отделения уволились и уехали в Казахстан? Сейчас надо срочно подготовить сенокосную технику, организовать эту важную кампанию, набрать в центральную мастерскую комбайнеров для ремонта комбайнов и заняться ещё ремонтом животноводческих помещений. У нас людей и до отъезда в Казахстан не хватало». Сказав эти слова, он отвернулся от меня и стал смотреть в окно. Он, наверное, думал, что я выйду из кабинета, но я сидел и говорю ему: «У меня есть предложение: выделите мне одного механизатора с тракто-

ром ДТ-54 с прицепными орудиями, и больше мне никого не надо, я с этим механизатором постараюсь всё лето содержать в чистоте паровые поля». И хочу назвать фамилию этого механизатора. Брат спрашивает: «Кого?». «Ибраева Айтказы», – отвечаю. Обосновываю своё предложение: он молодой механизатор, заочно учится на агронома, должен набраться опыта по своей специальности, кроме того, он исполнительный. «Так он же уже задействован в сенокосной кампании, на своём тракторе будет буксировать сенокосный агрегат», – говорит управляющий. Затем, подумав: «Давай завтра дам тебе ответ».

Такого тяжёлого разговора с братом у меня не было ни до этого, ни после этого, ни на семейные, ни на производственные темы. Через день управляющий отделением даёт мне положительный ответ: «Давайте с Айтказы занимайтесь паром, только когда будем делать субботники и воскресники, мы вас обоих забираем на сенокос».

Так мы с Айтказы на всё лето ушли обрабатывать паровые поля сразу же после окончания весенне-полевых работ, даже не отдохнув как следует после напряженной полевой кампании, ибо паровые поля стали уже зелёными. Обработывали лушильниками ЛД-10 (лушильник дисковый, 10 метров шириной захват). Сначала хорошо отрегулировали ЛД-10. Обработывали полный световой день, а летом он длинный, обед Айтказы брал с собой. Я был у него в помощниках: что ему понадобится, привезти, увезти, вдруг у него что-нибудь сломается, техника же. Работа с парами тоже напряженная: пока мы обрабатываем одни поля, другие зарастают. Так всё лето конвейерным способом мы уничтожали сорняки, даже было интересно самим: стоит поле зеленое, а мы его делаем чёрным. Были заманчивые предложения – давай сначала скосим на сено. Эти первые паровые поля были так и названы Айтказинскими, и об этом знают все жители не только наших аулов, но и совхоза имени Крупской, так как они обозначены на картах землепользования.

Результаты нашей работы были видны сразу: осенью следующего года получили на них урожай по 27 центнеров с гектара при средней по нашему отделению до 10 центнеров. На паровых полях было хорошее кушение и сформировался большой колос. Согласно севообороту пар «пройдет» по всем полям в четыре года один раз; стало быть, всё это время наше отделение будет в отстающих. Такой срок наведения культуры земледелия никого не устраивал: ни полеводов нашего отделения, ни, тем более, руководство совхоза и района, у которых мы уже давно находимся в зоне жесточайшей критики. И эта проблема стала головной болью у нас всех.

Ещё один способ подсказала сама наша действительность, повседневная практическая работа: те поля, где, по каким либо причинам, позже производились посевы культурных растений, оказались более чистыми, следовательно, урожай был выше. Всё дело было в том, что на этих полях прорастали сорняки, так как мы оттянули сроки посева, и затем они были уничтожены предпосевной обработкой. Оказалось, это один из основных способов борьбы с сорняками, притом очень эффективный, ибо будем уничтожать сорняки каждый год, а не через три года – как на паровых полях. Это нас обрадовало, мы теперь реально сокращаем сроки борьбы с сорняками, т.е. осуществляем свою мечту. Но осуществить эту мечту оказалось не так-то просто: поздние посевы вели к позднему созреванию хлебов и в свою очередь к затягиванию уборки, к потере урожая.

Чтобы этого не допустить, стало необходимо в сжатые сроки проводить как посевную, так и уборочную кампании, т.е. весь объем полевых работ, которые мы раньше проводили по времени более продолжительно, надо сократить почти два раза. А это можно осуществить, или повысив производительность труда в два раза, т.е. выработку действующих тракторов, комбайнов, путем организации двухсменной работы механизаторов, или увеличивая количество техники.

Но наше отделение не могло воспользоваться ни тем, ни другим способами сокращения сроков полевых работ – опять-таки из-за малочисленности населения. Другие отделения совхоза могли использовать имеющиеся у них трудовые и материальные ресурсы. Мы же опять в отстающих.

Нам оставалось работать, конечно, со своими имеющимися ресурсами: кадрами и техникой. Дирекция совхоза ни о какой помощи нашему отделению, как слабому звену в коллективе хозяйства, и не думала, у неё один приём – жесткая критика.

Теперь комплекс проведения агротехнических мероприятий совершенно изменился: сначала луцильниками ЛД-10 уничтожали хорошо проросшие сорняки, затем боронами вычесывали их, сразу же производили посев культурных растений. А чтобы сохранить влагу и выровнять поле, оно сразу прикатывалось.

Все четыре вышеперечисленных агроприема должны проводиться одновременно, след в след. Оказалось, в этом случае не бывает и пыли в поле, так как оно ещё не высохло. Интересно стало даже самим механизаторам:

МОИЛЖАН КАНАЕВ

поле было зеленое – стало чёрное, полностью обработано, посеяно. Смотреть было хорошо, но как это осуществить при острой нехватке механизаторов и техники? Это уже была настоящая головная боль управляющего отделением Канаева Чаймардана Сулейменовича, механика отделения Булатова Кабая Рахимовича и агронома отделения – моя.

Было настоящим испытанием для жителей аула и для меня лично, когда руководство совхоза заставило нас выращивать сахарную свёклу, с которой мы никогда не имели дело. Самое главное – не было никаких условий: ни специальной техники, ни опыта. Мои сородичи не имели элементарного понятия по выращиванию этой культуры, а ведь основная часть её – ручная работа.

Да и мне, как агроному-зерновнику, многое было незнакомо. А остальным отделениям совхоза опять повезло: у них жители ещё с малых лет знали, как выращивать свёклу, и не менее важно – у них достаточно было рабочих рук. Опять попали в затруднительное положение: отказаться от неё, потому что мы не сможем выполнить эту работу, ссылаясь – мы казахи – это показать свою ущербность.

Осознав, что это серьёзный экзамен для нас, взялись за дело. Подтвердилась притча: «Если сильно захочешь, всё получится». Хорошо помог опытный механизатор военных лет, бригадир аула Кызыл ту Тасимов Жамсап. Научились мы выращивать сахарную свёклу, каждая семья обрабатывала свой участок земли от 0,25 до 0,50 соток, а Никитины взяли целый гектар.

Фото, где запечатлён мой брат Чаймардан с супругой Уарха и сыном Какау за уборкой урожая сладких корней подтверждает, что в Кызылтовском отделении совхоза имени Крупской выращен хороший урожай сахарной свёклы – на уровне других отделений, испокон веков занимающихся этой культурой.

Настало время решать проблемы и второй отрасли нашего отделения – животноводства, которое, если говорить простым языком, лежало на боку.

Наше отделение согласно специализации было откормочным подразделением совхоза, куда перемещались все бычки после молочного периода, т.е. после того, как их отпят молоком.

Поставляли такое поголовье скота все четыре остальные отделения совхоза, и численность их достигала от тысячи до полутора тысяч голов. Это была тоже хорошая нагрузка для жителей двух аулов, если учесть их малочисленность. Это поголовье скота надо было обеспечить кормами, скотопо-

мещениями, хорошим уходом; а задача была, чтобы в возрасте 18 месяцев полугодовалый бык имел вес не менее четырех центнеров и высшую упитанность.

Дирекция совхоза руководствовалась тем принципом, что казахи – животноводы, они могут выполнить эту задачу. Надо сказать, что такие задачи до этого ни в совхозе, ни в районе не ставились, а если и ставились, то никогда не осуществлялись.

Но как поднимать животноводство без кормов, причем не просто обеспечить наличие их, а ещё качество – только при этих условиях можно откармливать животных. А это задача для полеводов во главе с агрономом. Сенокосных угодий в отделении было достаточно, но они были малопродуктивные, низкоурожайные, а ещё хуже – закочкаренные: их невозможно косить, у косарей часто ломаются режущие полотна косилок. Виной всему «крото-ройни», наделанные кротами, подземными грызунами, питающимися свежими корнями растений. Кроты в поисках пищи роют норы, делают подземные ходы, как люди метро, а землю выталкивают наружу. В результате на поверхности земли через определённое расстояние появляются кочки, земляные бугры, которые со временем зарастают травяной растительностью, создавая большие трудности косарям. Кроты на богатой растительностью алтайской земле размножались хорошо, особенно на сенокосных угодьях, которые не распахивались. Мер борьбы с кротами, можно сказать, не было никаких, кроме нас, ребятишек. Я с детства помню, как мы весной выходили на луга – это был период, когда кроты усиленно копали норы, выталкивали землю наружу, а мы с большим любопытством наблюдали за их действиями и старались всякими путями их поймать. Нам говорили, что за шкуры кротов платят хорошие деньги, но для этого надо было, кроме того что поймать, отделать шкуру и ещё отвезти в заготконтору села Романово.

Надо было обеспечить кормами не только общественное животноводство, но и животных личного подворья, которые давали моим сородичам хороший доход, ибо продажу мяса в Новосибирске наши жители продолжали, даже улучшили условия доставки животноводческой продукции – на машинах, а не на быках, как было в годы войны. Настало время полеводам нашего отделения по-настоящему заниматься и коренным улучшением сенокосов и пастбищ, как одним из основных источников пополнения кормовой базы.

Начали эту большую работу с небольшого, сильно закочкаренного сенокосного участка площадью 50 гектаров, расположенного среди березовых

МОИЛЖАН КАНАЕВ

колков, который даже перестали косить. Так как почва была солонцеватая, решили ее обрабатывать только поверхностно, а осенью прорыхлить глубокорыхлителем. Так и сделали: за лето несколько раз обработали лушильниками в разных направлениях, в том числе перекрёстно, т.е. сначала в одном, потом в другом направлении; проборонили, пропахали глубокорыхлителем на глубину 20-25 см. Получился у нас хорошо обработанный пар, очищенный от сорняков, обогащенный питательными веществами, а самое главное, что нужно для заготовителей сена, – выровненный земельный участок.

Весной следующего года произвели посев люцерны – это многолетняя бобовая культура в смеси с покровной культурой (взяли мелкую фракцию пшеницы). Осенью убрали покровную культуру, а люцерна ровными рядами продолжала расти и в течение многих лет давала хороший урожай с содержанием кормовых единиц 0,45 (для сравнения: в зерне – одна кормовая единица). Люцерна дает два укоса сена – первую для общественного стада, а вторую раздавали личным подворьям. Жители наших аулов сразу оценили достоинство люцернового сена, вместо двух стогов обычного, лугового сена предпочитали один люцерновый: работы меньше, а результат больше – скот быстро набирает вес, больше и молока.

Самое основное – косари были довольны: уборка люцернового сена производилась на ровной земле без остановок и поломок техники. Теперь уже стояла задача ежегодного увеличения площадей люцерны, заготавливать не только сено, но и закладывать из неё сенаж, в котором полностью сохраняются питательные вещества.

В полеводстве началось постепенное улучшение организации труда, отлаживание взаимодействия между участниками сельхозкомпании. Во время уборки урожая острее всего стояла задача, чтобы не простаивали ни комбайны, ни автомашины, отвозящие зерно, потому что и в тех, и в других ощущалась острая нехватка, их простой считался большим прорчётом в организации труда.

Наблюдая за работой уборочного комплекса, видим, что комбайнер, набрав полный бункер зерна, ждёт машину, чтобы выгрузиться, а сам сидит, получается вынужденный отдых, бесполезно тратится время у комбайнера в такой жаркий период, как уборка урожая. А ещё нередко бывает, что комбайнер начинает двигаться после выгрузки зерна, а у него в комбайне что-то ломается.

Посоветовавшись с комбайнерами, решили этот пробел ликвидировать или, по крайней мере, уменьшить его влияние на производительность труда и комбайнеров, и шоферов путем внедрения технического осмотра комбайна, пока бункер полон зерном, т.е. во время вынужденной остановки. Комбайнер сразу приступает к осмотру всех механизмов своего агрегата, обращая особое внимание на те, которые часто ломаются, и тем самым упреждает крупные поломки комбайна.

На практике это выглядело очень просто: комбайнер, набравший полный бункер зерна, сразу осматривает, подтягивает узлы, на что уходит примерно 10-15 минут, а за это время подъезжает грузовая автомашина. Таким образом мы постарались несколько уменьшить напряженность ведения полевых работ, повысить активность участников уборки урожая.

В один из жарких дней уборочной страды к нам прямо в поле подъехал Лудцев Иван Егорович, первый секретарь райкома партии, и спрашивает – как дела. Докладываю, что всё идёт нормально. Пока мы разговаривали, комбайнеры, наполнившие свои бункеры, стали останавливаться. Заметив это, первый секретарь говорит: «Как нормально, когда комбайны теперь будут стоять?». Я ему рассказал о нашем «новшестве», как мы планировали. И пока мы разговаривали, машины подъехали, комбайнеры выгрузили зерно, и все двинулись: и комбайны, и машины. Я почувствовал, что всё это ему понравилось, отъезжая, он спросил меня: «Какие у тебя планы на будущее?». Мне сразу пришло на ум моё большое желание и мечта учиться очно, и говорю ему: «Иван Егорович, я всё время учился урывками, заочно, хотелось бы по-настоящему поучиться, очно, в Высшей партийной школе». Мне показалось, что такая моя просьба его несколько удивила: люди просят должности, а он учёбу. «Ну хорошо, – сказал он, – посмотрим», – и уехал.

Не лучшим было положение дел в нашем отделении с животноводческими помещениями, все они были примитивными, построенными из столбов, жердей, перегноя и накрытыми соломой, – на скорую руку готовились перед самой постановкой скота на зимовку. Чтобы выйти из этого положения, решили ежегодно строить по одному кирпичному скотному двору длиной 200 и шириной 12 метров хозяйственным способом, т.е. своими силами. Кирпичи делали сами на Панкрушихинском кирпичном заводе в ночную смену – такова была договоренность, ибо в дневную смену работали сами панкрушихинцы. Организовали бригаду людей из 10-12 человек во главе с одним из специали-

МОИЛЖАН КАНАВВ

стов отделения, которые ехали в ночь в районный центр и занимались производством красного кирпича. А в течение зимы готовили строительный лес в Алеусском ленточном бору, Прыганском лесничестве, расположенном далеко от нашего аула, хотя этот же бор проходил мимо нас на расстоянии семи километров.

Из этого леса на пилораме готовили необходимые строительные материалы: брусья, полы, столбы, доски и т.д. Хорошо, что строительством занимались люди с Кавказа, но их надо было обеспечить всем необходимым. Таким путём сумели через пять лет все животноводческие помещения в отделении сделать капитальными сооружениями: стены кирпичные, кормушки и полы – из толстых досок, крыши накрыты шифером.

Еще одна, очень важная проблема оставалась в наших аулах – люди продолжали жить в землянках, обустроенных ещё в 1936-1938 годах. Редко у кого был деревянный домик, построенный из местных берез и осин своими силами.

Причин, почему не строили жильё для моих сородичей, на мой взгляд, было несколько: во-первых, внимание было обращено на производство растениеводческой и животноводческой продукции. Во-вторых, руководство совхоза и района, видимо, думало: стоит ли строить жильё моим сородичам, они же могут в любой момент уехать в Казахстан, да ещё работа у них не совсем ладится, показатели самые худшие. Конечно, в этих условиях всё зависело от руководства отделения, в первую очередь от управляющего, т.е. моего брата, сможет ли он доказать, что казахское отделение будет работать не хуже других. В этом случае наши аулы не попадут в число неперспективных населённых пунктов, и только тогда начнется строительство жилья и объектов социально-бытового значения.

Но прошедший даже небольшой срок по налаживанию производства в отделении показал, что уже наблюдаются подвижки к лучшему, научились на отдельных полях получать хороший урожай, соблюдать технологию выращивания кукурузы и сахарной свёклы, урожайность которых у нас получалась неплохой. А тут ещё начали закладывать сенаж из люцерны и суданской травы – это настоящие витамины во время зимовки скота. Построили механизированный зерновой ток в ауле Нацмен, чему были рады местные жители. В знак благодарности аксакал аула Ахметов Кенжетай сделал мне подарок: наготовил столько мётел, что их хватило на всю уборку.

Стал налаживаться откорм совхозного скота, бычки набирали нужный вес к 18 месяцам. Надо сказать, что во всех этих делах принимал активное личное участие сам Чаймардан Сулейменович, несмотря на то, что он был в возрасте, был участником Великой Отечественной войны с самого начала и до конца, прослужив в армии в общей сложности более шести лет. Но и нам, специалистам отделения, не было покоя, мы обязаны были, кроме своей работы, возглавлять смены на производстве кирпича, вести заготовку леса, ремонт животноводческих помещений, организовывать субботники и воскресники, обязательно с нашим участием.

Чаймардан Сулейменович был бухгалтером в колхозе, затем в отделении совхоза. Будучи уже управляющим, ему пришлось заочно учиться в Каменском сельскохозяйственном техникуме, получить специальность зоотехника – это тоже была большая нагрузка для моего брата в преклонном возрасте. Таково было веление времени, таково было требование Коммунистической партии: кто руководит сельским хозяйством, должен иметь сельскохозяйственное образование. Даже первый секретарь райкома партии Лудцев Иван Егорович, по специальности летчик, обязан был заочно учиться в Славгородском сельхозтехникуме и получить специальность агронома.

По всей вероятности, то, что стало происходить в нашем отделении, удовлетворяло руководство совхоза, а тем более первый секретарь райкома партии лояльно относился к казахам. Началось у нас строительство жилья и одновременно Дома культуры, медицинского пункта, новой школы, конторы отделения.

Сначала было построено пять брусчатых домов, а затем перешли к массовому строительству панельных двухквартирных домов, появились две новые улицы, провели высоковольтную электролинию. Прекратился отъезд казахов на историческую родину, даже некоторые семьи приехали обратно. По урожайности наше отделение стало устойчиво занимать третье место – золотую середину, критиковать нас уже перестали, но почему-то тёплых слов тоже не было, видимо, были не уверены в нашем успехе.

Решили переместить мехток из Нацмена в Кызыл ту, где было больше людей для работы на току, а самое главное – избежали встречной перевозки зерна с кызылтовских полей в Нацмен, а обратно через Кызыл ту на элеватор. Лучше стало и мне – не мчаться ранним утром на своем мотоцикле «Урал» в Нацмен. Почему так быстро продвинулось строительство жилья и соцкультбыта нашего отделения – это подключение наших объектов к подрядным ор-

МОИЛЖАН КАНАВВ

ганизациям, во главе которых стоял краевой строительный трест. Это произошло благодаря, конечно, усилиям Лудцева Ивана Егоровича. Он неоднократно приезжал и интересовался ходом строительных работ.

Однажды он даже привез к нам в аул начальника краевого строительного треста Бахталина(имя и отчество забыл), чтобы ознакомиться с положением дел на месте и, конечно же, решить ряд необходимых вопросов, которые не могли осуществиться без его вмешательства. После долгих разговоров о строительных делах в ауле Чаймардан Сулейменович пригласил их на казахский бешбармак из молодой баранины. За дастарханом собрался разношерстный коллектив не только по национальному составу, но и месту проживания: краевые, районные, совхозные представители, местные казахи, человек около 15.

Казахский бешбармак и русская водка содействовали ещё лучшему взаимопониманию в решении строительных вопросов. А сидели мы в доме управляющего, построенного им из местных материалов: березы и осины.

Кстати, хочу рассказать, как первый секретарь райкома партии соблюдал казахские традиции.

Это произошло в середине 70-х годов 20 века, когда дела наших двух аулов стали налаживаться.

Иван Егорович Лудцев – первый секретарь райкома партии, узнав, что бешбармак из конины является традиционным блюдом казахов, принимает решение продать каждой семье аулов Кызыл ту и Нацмен на согым по одной лошади по себестоимости. Таким путём была решена большая проблема моих сородичей, требовавшая каждую осень немалых финансовых затрат и времени на приобретение лошадей. А самое главное – они были довольны, что первый руководитель района обратил внимание и проявил заботу о них, соблюдая традицию казахского народа.

А Иван Егорович сказал проще: «Что за казах, если в доме не будет бешбармака?»

Но вернусь к истории, когда мой брат Чаймардан принимал в своём доме И.Е. Лудцева и начальника стройтреста Бахталина. Тот вдруг объявляет: «Я принимаю решение, если меня поддержит районное руководство, построить особняк управляющему отделению. Попрошу Чаймардана Сулейменовича начертить на бумаге, какой он хочет дом. Раз у него много детей, значит, надо строить большой дом». Такое неожиданное и приятное предложение краевого начальника обрадовало всех сидящих, а они все сидели на полу, за казахскими столиками. Иван Егорович, конечно, поддержал Бахталина. К осени этого

же года был построен особняк для управляющего отделения размером 12х8 метров. Жаль, что этот особняк в настоящее время пустует, а Чаймардан Сулейменович оставил его своему сподвижнику, участнику войны Ахметову Сапкёну Альтаевичу, с которым они вместе перенесли все тяготы жизни.

Кстати, я однажды сказал брату: «Почему ты не построишь себе дом?». Он ответил: «Когда в ауле в землянке больше никто не будет жить, я же ведь живу в деревянном доме».

Так подходила к концу моя трудовая деятельность агрономом Кызылтовского отделения, где я действительно состоялся как агроном, где принял участие в решении производственных вопросов отделения, где родился и вырос, роднее этой земли, этих полей у меня нет.

Оказывается, однажды была встреча двух великих людей: Кунаева Динмухамеда Ахмедовича и Тулеева Амангельды Гумировича, и на прощание Кунаев дарит Тулееву книгу с надписью: «От горного мастера Кунаева губернатору Кемеровской области Тулееву А.Г.». Тулеев удивился:

«Почему это вы пишете «горный мастер», у вас же титулов вон сколько?». Кунаев ответил: «Если бы я не состоялся как горный мастер, не состоялся бы в остальном».

Я тоже горжусь, что состоялся агрономом среди своих сородичей, на родной алтайской земле. Мне было иногда обидно, что меня не замечают: я среди агрономов отделений в совхозе был единственный, кто имел высшее образование, а когда главный агроном совхоза Черенцев Федор Ильич уходил в отпуск, оставляли за него Алехина Илью Павловича, имеющего среднее образование.

Однажды ко мне домой приезжают первый секретарь райкома партии Лудцев и директор совхоза Крысанов. Для таких солидных людей сварили бешбармак, и они начали говорить о том, чтобы я пошёл управляющим в Ленское отделение совхоза. Разговор состоялся в присутствии моего брата Чаймардана, хорошо провели вечер, и я сказал: «Ответ дам завтра утром». На следующее утро пошёл в контору отделения и позвонил Николаю Федоровичу, что предложение не принимается.

Многие годы спустя Н.Ф. Крысанов, проработавший в этом совхозе 25 лет механиком, зав. МТМ, главным инженером и 14 лет директором, опубликует в районной газете свои воспоминания о тех временах, о том, как происходило становление хозяйства после начала освоения целины.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Не припомню, чтобы Николай Фёдорович хоть когда-нибудь, публично или наедине, хвалил меня в годы моей работы агрономом отделения в Кызыл ту. И для меня стали большой неожиданностью строки из воспоминаний Н.Ф. Крысанова: «Большую роль в повышении урожайности всех культур сыграло внедрение в совхозе безотвальной пахоты плоскорезами-глубококорыхлителями, посев сеялками СЗС-9 и СЗС-2,1. Инициатором этих начинаний был агроном Кызылтовского отделения М.С. Канаев. Его инициативу быстро подхватили во всех отделениях».

Ну что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Я имею в виду эти очень дорогие для меня строки моего бывшего директора, к которому всегда относился с большим уважением.

В сибирском ауле Кызыл ту родились у нас две дочери: Айман – первого января 1965 года и Шолпан – первого мая 1966 года. Обе родились в праздники, что позволило потом проводить их дни рождения лучшим образом. А принимали их обеих моя мама со старшей снохой Кульпан в их доме, куда Кулянтай шла рожать с уверенностью, что всё будет нормально. Имя обеим тоже дала она – Айман и Шолпан – две сестры, прославившегося среди девушек казахского народа.

Отрадно, что дети двух аулов послевоенных лет, окончившие местную малокомплектную школу, стали специалистами сельского хозяйства, учителями, врачами. Это Садыков Кабай, Рамазан и Чаймурат Канаевы, Ахметова Кульбаршин, Сыздыкова Айслу, Булатов Кабыш, Музданов Кабаш, Нархановы Кайролла, Шаймардан, Темирболат, Канаевы Карылгаш, Батима и Кульбаршин, Мусабаев Жумабай, Ахметова Динара, Кузкенова Айгуль и другие.

Солдатова Валентина Ивановна – завуч Романовской средней школы по воспитательной работе – высоко оценила успехи учеников-казахов, сказав: «Они знают два языка, а наши – только один!» Это их большое достижение, если учесть изречение Ф. Энгельса: «Люди становятся на столько раз человеком, сколько языками они владеют!»

Удачным оказалось начало трудовой деятельности Канаева Чаймурата, которого через несколько месяцев работы веттехником переводят главным ветеринарным врачом совхоза имени Крупской, вопреки установкам, что молодой специалист должен отработать в низшем звене не менее 5 лет.

А причиной выдвижения явился следующий эпизод: обедается корова секретаря парткома совхоза Слащёва Алексея Лукьяновича, которая после

операции, проведённой Чаймуратом, встала и пошла. Узнав об этом, директор совхоза Крысанов Николай Фёдорович издаёт приказ о назначении Чаймурата главным ветеринарным врачом совхоза.

Ему же директор совхоза поручил сопровождение железнодорожного состава – вертушки, гружённой быками Кзылтовского отделения для доставки их на Кемеровский мясокомбинат, что являлось немалой проблемой. Чаймурат ежедневно докладывал первому секретарю райкома партии и директору совхоза об итогах сдачи скота, а они были хорошими: «Сто процентов высшей упитанности, весом – 400 килограммов каждый в возрасте 18 месяцев.

Сейчас пенсионер Чаймурат живёт в селе Алексеевке Щербактинского района, где более 13 лет работал акимом сельского округа. В личном подворье держит только баранов и кур, что требует меньше всего трудовых затрат. И что интересно, когда осенью забивает кур, количество снесённых яиц не уменьшается, значит режет тех, кого надо. Я ему говорю: «Ты, оказывается, специалист высокой квалификации и по птицеводству!» Он сознался: «Это дело рук Гали, моей супруги».

ГЛАВНЫЙ АГРОНОМ СОВХОЗА «ПОДОЙНИКОВСКИЙ»

День 1 апреля 1969 года оказался переломным в моей жизни: в этот день я был назначен главным агрономом совхоза «Подойниковский», расположенного в самом прекрасном месте нашего района. Центральная усадьба находится всего лишь в десяти километрах от райцентра, а самое главное – он приютился на южной стороне Алеусского ленточного бора – надежного защитника от холодных северных ветров.

А ещё одна не менее важная особенность этого события: прошло оно внезапно и без всякой подготовительной работы по назначению меня на эту должность. Не было со мной никакой беседы ни с каким районным начальством – ни с первым секретарем райкома партии, ни с начальником райсельхозуправления. Просто мне позвонил начальник отдела кадров райсельхозуправления Василий Александрович Корвяков и сказал: «Вы назначены главным агрономом совхоза «Подойниковский», заберите приказ в управлении сельского хозяйства и приступайте к работе». Услышав в телефонной трубке такое сообщение Василия Александровича, я подумал – это настоящая пер-

МОИЛЖАН КАНАВВ

воапрельская шутка: не может же такое серьезное дело (по крайней мере для меня) решаться одним телефонным звонком, тем более человеком, играющим всего лишь исполнительскую роль.

После настоятельного его: «Приезжайте и заберите приказ» – пришлось поехать в Панкрушиху, в райсельхозуправление, в отдел кадров.

А с другой стороны, видимо, это правильно: расстановка кадров на Алтае шла по налаженному руслу, установленным порядком, кадры выдвигались в соответствии с параметрами, необходимыми для повышения по служебной лестнице. В районе меня знали не только по анкетным данным, но и по конкретным делам, тем более агрономом отделения отработал пять лет.

Прибыл с приказом о назначении в старинное сибирское село Подойниково, основанное ещё в 1770 году. Исполняющим обязанности директора совхоза был Кривов Василий Дмитриевич, мой соклассник по Панкрушихинской средней школе, где я учился в 9 классе после геологоразведочного техникума. Он был на четыре года моложе меня, а когда меня забирали в армию из 10 класса, оставался продолжать учебу в школе, затем поступил в Московскую Тимирязевскую академию и, успешно завершив учёбу, уже в течение нескольких лет работал главным агрономом совхоза «Подойниковский». А бывший директор Самсонов Иван Иванович ушёл на заслуженный отдых. Так я стал главным специалистом одного из крупных совхозов района, имеющего, как и наш, пять крупных отделений, посевная площадь более 30 тысяч гектаров, большие сенокосные угодья, необходимое количество кукурузных площадей. А самое главное – в этом совхозе имелся большой ухоженный сад, обслуживаемый специалистами своего дела. Осенью у ворот сада всегда большая очередь людей, приезжающих со всего района. Василий Дмитриевич представил меня коллективу центральной конторы: конечно, все с удивлением смотрели на главного агронома, казаха по национальности.

Основными фигурантами в хозяйстве были главные специалисты и секретарь парткома. Секретарем парткома совхоза работал Астахов Александр Федорович, главным инженером – Лисицын Александр Федорович, главным зоотехником – Крашевский Виктор Александрович, главным врачом – Потапов Иван Филиппович, главным бухгалтером – Васильев Дмитрий Ефимович, его замом – Еланский Михаил Гаврилович, главным энергетиком – Трубецкой Николай Николаевич, председателем рабочего комитета – Никишов Иван Васильевич, председателем сельского Совета – Епифанцев Виктор Николаевич, секретарем комитета комсомола – Савиных Иван.

Мое выдвижение на эту должность было напрямую связано с уходом на заслуженный отдых директора совхоза Ивана Ивановича Самсонова, человека из когорты «тридцатитысячников» – директоров совхозов, направленных решением правительства России на подъем сельского хозяйства Сибири. Иван Иванович до прихода в наш совхоз проработал в нескольких хозяйствах края, а к нам прибыл из Алейского района – совхоза «Дружба». Он был настоящим наставником директоров совхозов нашего района, особенно к нему был привязан молодой директор нашего совхоза имени Крупской Крысанов Николай Федорович, который однажды даже привез Самсонова в наш аул в гости на бешпармак, где я с ним впервые познакомился. Остались у меня в памяти и слова Ивана Ивановича: «Люби своих специалистов, как душу, но трясни, как грушу».

Никого в совхозе я не знал, заведующий хозяйственной частью определил меня на квартиру к механизатору Вавилову, с которым мы вечерами долго разговаривали о том, как вести полевые работы. Начал знакомиться с бумажными делами, документами, касающимися полей. Хорошо, что семеновод совхоза Берёзова Валентина Прокопьевна – опытная, хорошо знающая своё дело женщина-специалист – стала вводить меня в курс дела.

Апрель на Алтае – это сплошная и непролазная грязь, в это время года дают о себе знать алтайские чернозёмы: ездить уверенно можно только на гусеничных тракторах. А наш совхоз, как было сказано выше, находится всего лишь в 10 километрах от райцентра, на трассе Славгород – Камень-на-Оби – Барнаул, и поэтому районное руководство в такое время года – частые гости в нашем хозяйстве. Не преминул такой возможностью воспользоваться редактор районной газеты «Трибуна хлебороба» Костенко Николай Андреевич. Приехал ко мне и спрашивает: «Как дела?». Я отвечаю: «Да вот, знакомлюсь с документами, анализирую агрономические данные».

Задаёт следующий вопрос: «Где вы были? Как отделения вашего совхоза подготовлены к весенней посевной кампании?». Я отвечаю: «Ещё нигде не был, сейчас никуда и не выедешь из-за грязи». Через несколько дней выходит разгромная статья обо мне в районной газете: главный агроном совхоза «Подойниковский» Канаев всё ещё сидит в кабинете.

Но у меня положительных эмоций было все равно больше: мне доверили целую отрасль крупного хозяйства, которую я должен повести вперёд во что бы то ни стало. А для этого у меня есть опыт, в моем распоряжении

МОИЛЖАН КАНАВВ

автомашина ГАЗ-69, притом пятиместная, самая престижная машина нашего времени, а не лошадь, как это было в Кызылтовском отделении. Кроме того, стал получать ежемесячно заработную плату в размере 175 рублей, а в родном ауле – только 77 рублей. Сомнений – как поведу работу – было, конечно, много, и одно из них: если раньше я работал среди казахов, своих сородичей, то сейчас – только среди русских. В совхозе никто из казахов не проживает, к кому мог бы заехать, поговорить по-казахски, попить чай. А ещё я оказываюсь в ситуации, когда возглавляю людей, испокон веков занимающихся земледелием, настоящих хлеборобов. Отсюда возникает вопрос: могут ли они принять меня за хорошего специалиста, а потом уже руководителя? Пришло на ум – почему я не пошел учиться на зоотехника, тогда бы мне лучше доверяли и подчинялись беспрекословно. Но я в душе надеялся на опыт агрономической работы, полученный в Кызылтовском отделении совхоза имени Крупской. Сделал для себя вывод, что в своей практической работе надо больше с людьми советоваться, обговаривать, как лучше тот или иной агроприем выполнить, а потом уже, если надо, применить свои знания и опыт.

С целью знакомства и обмена мнениями объехал все отделения совхоза. Центральное – Подойниковское отделение – было в самом селе Подойниково, с двумя полеводческими бригадами, удалёнными от села на расстоянии до десяти километров, где были построены добротные полевые станы: дома для механизаторов, зерноток, машинные дворы, бани и, конечно, большая кухня со столовой. Второе – Ленинское отделение совхоза – это село Высокая Грива, тоже старинное село, основанное в 1765 году, расположенное в 12 километрах от центральной усадьбы, но его полевые станы находятся на значительном удалении от села и обустроены точно так же, как в Подойниковском отделении. Управляющим отделением работал Флигинский Николай Степанович, настоящий сибиряк, двухметрового роста, имевший высшее сельскохозяйственное образование, член райкома партии. Агрономом этого отделения был Куденко Николай Иванович, имеющий также высшее сельскохозяйственное агрономическое образование и проработавший в этом отделении более десяти лет.

В Коневском отделении совхоза управляющим работал Спольник Иван Петрович, в Ильинском – Толстокоров Николай Максимович, затем он был назначен управляющим центрального, Подойниковского отделения и стал моим хорошим соседом, когда я работал секретарем парткома этого совхоза.

Начало полевых работ в совхозе показало, что с соблюдением агротехнических мероприятий, мягко говоря, не всё в порядке. Во-первых, о комплексном проведении весенне-полевых работ, как в совхозе имени Крупской, нет и речи, агрегаты предпосевной обработки и посева работают разрозненно, после каждого проведенного агроприёма проходит продолжительное время, а земля высыхает.

Так, например, после обработки луцильниками сразу не проводится боронование, посев и прикатывание, как это необходимо, а делаются они с большими перерывами во времени, что и ведёт к высушиванию почвы. Сначала я думал, что это единичный случай, который в ежедневных делах иногда случается. Чтобы уяснить себе обстановку, я объехал все пять отделений, все десять полевых бригад и ознакомился с работой многих механизаторов, побывал непосредственно у агрегатов и пришёл к выводу, что это у них такой стиль работы, так они все в основном работают.

И что интересно, самое грубое нарушение агротехники выявилось в Ленинском отделении, где руководители опытные и грамотные, как было сказано выше. Пришлось задуматься, прежде чем принять решение по ликвидации этой злободневной проблемы: если принять жёсткие меры, наказывать приказом, я могу не понравиться всему коллективу полеводов совхоза, в первую очередь директору, который был здесь долгие годы главным агрономом, но если промолчать, то не получим урожай.

Пришёл за советом к секретарю парткома совхоза Астахову Александру Федоровичу, он, кстати, мой земляк – из совхоза имени Крупской. Поговорив, решили провести заседание парткома совхоза прямо на полях Ленинского отделения, где воочию всем показать настоящее бракоделие. На партком были приглашены все управляющие и агрономы отделений. Приглашенные убедились – увидели своими глазами, что посев проведен по плохо обработанной земле, семена лежали прямо на поверхности почвы.

Никакой культуры земледелия не было, приглашённые на заседание парткома молчали, в том числе и директор совхоза, в конце форума выступил Никишов, председатель рабочкома совхоза, агроном по специальности, и краткое заключение сделал секретарь парткома Александр Федорович Астахов. С волнением жду реакцию руководства совхоза и отделений, специалистов всех уровней: агрономов, управляющих и, конечно, в основном Кривова Василия Дмитриевича, бывшего главного агронома совхоза, а

ныне директора. Реакции не последовало никакой ни с чьей стороны. Значит, думаю, приняли к исполнению, ведь, как говорят, молчание знак согласия. Предположил, что хороший урок был преподнесен в первую очередь агрономам отделений, управляющим, которые поняли, что за брак в работе теперь будет учинён строгий спрос и наказание. По бракоделству в Ленинском отделении был издан приказ по совхозу, где вынесли наказание агроному Куденко Н.И. – выговор, управляющего Флегинского Н.С. – предупредить. Что ещё удивило меня, директор совхоза подписал этот приказ без изменений.

Справедливость и объективность вроде бы восторжествовали, не было никаких последствий со стороны коренных жителей, под вид того: приехал новичок и учит нас, настоящих хлеборобов, как выращивать хлеб. Живым свидетелем этих событий в настоящее время остался только один человек – Толстокоров Николай Максимович, тогда управляющий Ильинским отделением совхоза.

До комплексного проведения весенних полевых работ в совхозе «Подойниковский», когда все четыре агроприема осуществляются след в след, где мы по-настоящему могли бы бороться с сорняками, применяя поздний посев, было далеко. Для этого нужна была не только техническая, но психологическая подготовка участников этой важной кампании.

Подумал: чтобы решить эту проблему, надо основательно подготовиться, сначала на агротехнических занятиях, а затем уже организационно во время подготовки к весенней посевной кампании следующего года.

Объезжая поля и другие уголья совхоза, обратил внимание на дорогу, называемую «соляной тракт», которая проходила по землям трёх отделений совхоза – Подойниковского, Первомайского и Ильинского, общей протяженностью не менее 15 километров. А с обеих сторон пашня, между дорогой и нею оставлены полосы шириной до трёх метров, не засеянные никакой культурой, и, естественно, они зарастают бурьяном, всякими сорняками. Спрашиваю: «Почему не засеваем эту полосу?». Отвечают:

«Зачем? Летом, в дождь (а они на Алтае бывают часто), машины буксуют на соляном тракте, выезжают на эти полосы и дальше продолжают свой путь».

Получается, чтобы проезжали машины, мы специально оставляем полосы земли, которые у нас значатся в пашне – это же неправильно. Даю указа-

ние – все полосы с обеих сторон дороги обработать и засеять той культурой, которой засеваем основное поле. Так и сделали, полосы земли были засеяны до самого кювета дороги, было приятно видеть, что у самой дороги росли культурные растения. А чтобы машины не съезжали с дороги, приходилось за лето несколько раз ее грейдировать. Мы затем убедились: следов машин, съехавших с дороги, было мало. Заслуживает эта дорога особого внимания ещё и в историческом плане, не зря она названа «соляной тракт». Вернее, только небольшой её участок расположен на территории нашего совхоза, а вся она тянется от Павлодара, точнее, от аула – села Коряковка, что рядом с областным центром, до города Камня-на-Оби. По этой дороге и возили соль из солёного озера Коряковки, из других озер степи Казахстана в соседнюю Сибирь.

Соль – в то время самый дефицитный товар в Западной и Восточной Сибири, ибо на этой огромной территории нет соляных месторождений. Село Коряковка пошло от фамилии основателя этого населенного пункта, который одновременно организовал соляной промысел и развернул активную торговлю. Коряков – организатор солепромысла, действовавший, как говорили казахи, от имени белого царя, развернул торговлю солью – самым востребованным продуктом питания на обширной территории всей Западной Сибири, путём доставки её на Каменскую пристань реки Обь.

Фундаментом выгодной торговли этим товаром были дешевая рабочая сила и недорогая доставка. Добытчиками соли из озера были местные жители, мои сородичи, которые за мизерную оплату выполняли очень тяжёлую работу, целый день находясь в солёной воде.

Доставку соли обеспечивали тоже они на своих верблюдах, на каждого из них грузили соли столько, сколько на телегу. Стало быть, Корякову не надо было делать ни телег, ни саней, не было расходов на корм лошадей, ибо верблюды легко переносят голод и безводье в течение нескольких дней.

Не исключено, что выгодами соляного тракта воспользовался и основатель села Панкрушиха, поляк пан Крушинский, сосланный в Сибирь после поражения поляков в войне с Россией. Богатство пана, говорят, не было конфисковано. Об истории этой семьи мне рассказал потомок пана – Виктор Дмитриевич Крушинский, коренной житель Павлодара, 1948 года рождения, а ему рассказывал его дед Павел Симонович Крушинский, 1870 года, ему, в свою очередь, пан Крушинский доводится дедом. Получается, житель Павлодара Виктор Дмитриевич Крушинский является прямым родственником пана

в шестом колене. Павел Симонович рассказывал о своем деде – пане Крушинском внуку Виктору: и о том, что соль они возили именно на верблюдах, и что ямшевская соль считалась лучше коряковской – она была кристалликами.

О Крушинских в Павлодаре я узнал тоже случайно, будучи начальником областного плодовоовощного объединения, в далеком 1985 году. В нашем коллективе работала заместителем директора первой плодовоовощной базы Крушинская Валентина Александровна, у которой я поинтересовался: «Не имеет ли ваша фамилия какое-то отношение к моему родному району – Панкрушихе?». Она ответила: «Да, только не я, а мой муж». А беседа с её мужем состоялась в 2017 году, когда я решил этот эпизод включить в свою книгу.

Так, годами, веками создавалось Обь-Иртышское пространство, сама жизнь и её сложные ситуации сплачивали проживавших на этой территории людей разных национальностей и вероисповеданий одним желанием: как выжить в трудные времена, периоды катаклизмов, которые бывают здесь нередко, устроенные природой, а чаще самими людьми. В таких условиях простые люди объединялись, сближались, помогали друг другу, познавались кто есть кто, подтверждая пословицу: «Человек познается в беде». О том, что было большое общение на всём Обь-Иртышском пространстве, говорят названия старинных сел: так, например, село Хабары, скорее всего, от казахского слова «хабар», что буквально означает «сообщение». Кстати, районные центры Хабары и Панкрушиха расположены всего лишь на расстоянии 60 километров. Село Каратояк Хабарского района в переводе – «черная палка», город Бердск – от казахского слова «бер» – значит «дай». И эти примеры можно продолжать. Барнаул состоит из двух казахских слов: бар и аул – в переводе – богатый аул. Значит, жили когда-то тут богатые мои сородичи.

А ещё торговые ряды в Павлодаре и Камне-на-Оби одинаковой архитектуры, из того же строительного материала – красного кирпича.

Баню казахи называют монша, слово по звучанию и содержанию схожее с русским «мойся». Велика вероятность, что оно заимствовано из русского словаря по следующим причинам: мой сородич приезжал к своему русскому другу, тамыру, тот, протопив баню, говорит: «Иди, мойся!» Такое случалось со мной многократно, особенно сейчас, когда я приезжаю в Панкрушиху после дальней дороги из Казахстана.

Но вернёмся в совхоз «Подойниковский», где мы уже завершаем посевную кампанию, делаем, как положено, «отсевную», то есть отмечаем её

окончание и после небольшого отдыха приступаем к подготовке и заготовке кормов. Это очень важная сельхозкампания, от которой зависит, насколько хорошо мы проведём зиму скота.

Зоотехники рассчитали нам, какое количество и какого вида кормов надо заготовить, даже посчитали, сколько надо кормовых единиц, а нам, полеводам во главе с агрономами отделений, надо эту задачу выполнить.

С председателем рабочего комитета совхоза Иваном Васильевичем Никишовым разработали и довели еженедельные задания по заготовке кормов до каждого отделения, всех кормозаготовительных бригад, разработали условия социалистического соревнования для участников сенокосной кампании по видам работ, и все эти нормативы были разъяснены на производственных собраниях.

Но когда приступили к осуществлению намеченных планов, встретились те же трудности и проблемы, которые имели место в родном Кызылтовском отделении: закоряченные сенокосные угодья, невозможно их косить, ломается сенокосная техника, к тому же они малопродуктивны, урожайность трав низкая.

На таких угодьях, естественно, прочного запаса кормов не создашь. Надо немедленно их улучшать. О своем опыте, проделанном в Кызылтовском отделении по этой проблеме, я стал говорить, но желаемой положительной реакции не получилось: наверное, подумали, что я восхваляю себя. Тогда я предложил: «Съездим или вы сами можете поехать и посмотреть в ауле Кызыл ту эти улучшенные сенокосные угодья».

Настаивать: давайте я поеду и покажу свою работу – я тогда не стал, но, оказывается, Спольник Иван Петрович, управляющий Коневским отделением совхоза, съездил в Кызыл ту, разыскал одну из этих плантаций, где росла люцерна, стал расспрашивать пастуха Смайлова Токена, пасшего скот личного подворья недалеко от этого участка. Токен Ивану Петровичу рассказал всё: «Получаем два укуса сена, первый – для совхозного, а второй – по одному стогу люцернового сена – для скота личного подворья». Только нам, пастухам, стало хуже – нельзя скот пасти на люцерне – будет вздутие живота у скота, может погибнуть.

Иван Петрович, видимо, убедившись, что это хорошее дело – улучшать малопродуктивные сенокосы, начал этим делом заниматься в своём отделении, что для меня было отрадно: лёд тронулся, мне только оставалось снова,

МОИЛЖАН КАНАВВ

но уже уверенно сказать остальным управляющим и агрономам: «Поезжайте в Коневское отделение, посмотрите, как это отделение занимается улучшением своих сенокосов». Про себя подумал: «Убедить хохла дорогого стоит, раз уж он начал заниматься, то остальные руководители отделений должны последовать его примеру».

Так незаметно прошли дни, недели и пять месяцев моей работы главным агрономом совхоза. Заходит однажды ко мне в кабинет Василий Дмитриевич и говорит: «Пойдем после работы ко мне домой, попьем чай и поговорим по одному вопросу». Я не пойму причину приглашения, подумал, что, наверное, вспомнил наши школьные годы и заодно захотел поговорить с главным агрономом о производственных делах. Не успел зайти в дом, поздороваться с его женой – Шурой, Кривов мне говорит: «Иван Сулейменович, меня на бюро крайкома партии на должность директора совхоза не утвердили, я бы хотел остаться на своей прежней работе, т.е. главным агрономом. Смогу ли это сделать – зависит от тебя, уступишь или нет – это твое решение». Это сообщение от и.о. директора для меня было как гром среди ясного неба: я вроде неплохо начал приживаться на новом месте работы, главное, люди меня начали понимать, и к тому же несколько хороших задач поставил перед собой для осуществления в полеводстве совхоза, которые через два-три года дали бы свои положительные результаты. Я даже не предполагал, что удастся за такой короткий срок прокрутить столько агромероприятий, и они были в основном приняты.

Только проведение комплексного весеннего сева таило в себе уверенное повышение урожайности сельхозкультур, которое мы сумели организовать даже в малочисленном Кызылтовском отделении, а здесь-то рабочих сил достаточно, не было только настоящей организации. Получается, я должен попрощаться со своей перспективой, которая бывает у человека не часто. Но с другой стороны, Василий Дмитриевич мне не совсем чужой человек, он мой одноклассник, я хорошо подружился с его отцом, плотником по специальности, с его помощью построил большой деревянный дом в ауле Кызыл ту, благодаря его стараниям дом оказался не хуже домов районного центра, а главное – тёплым. Кроме того, во время моих многочисленных переездов моя дочь Рысты жила у них и доучивалась, к моей дочери они относились трепетно. На доброе отношение людей надо отвечать тем же. В жизни, оказывается, хоть и не часто, но бывает совпадение желаний: я вспомнил

наш разговор с первым секретарем райкома партии в поле Кызылтовского отделения, когда на его вопрос: «Какие у тебя планы на будущее?» – я ответил: «Хочу поучиться в Высшей партийной школе, ибо до сих пор мне не удавалось по-настоящему учиться – среднюю школу окончил вечернюю, высшее образование получил, обучаясь заочно». На что Иван Егорович ответил тогда уклончиво: «Посмотрим».

Я об этом разговоре с И.Е. Лудцевым рассказал Кривову и ответил ему на вопрос: «Если первый секретарь райкома поддержит моё предложение, я тебе уступлю твою работу».

Василий Дмитриевич повеселел, дальше наш разговор продолжался за обильным сибирским столом.

Рано утром следующего дня Кривов был в кабинете первого секретаря и сообщил ему о моем намерении. Интересно было наше время тем, что первые руководители помнили свои слова и сдерживали обещания, независимо от того, кому их давали. Я был зачислен слушателем в Новосибирскую партийную школу, хотя время зачисления уже прошло. Я был принят на учебу даже без собеседования и не имея никакого отношения до этого к партийной работе. Таким образом, произошел такой крутой поворот в моей жизни, неожиданно-негаданно. Все были удивлены таким поворотом моего жизненного пути, был простой деревенский парень, жил в самом малочисленном и удаленном казахском ауле сначала бригадного, затем отделенческого значения. Братья и сестра молчали, не было с их стороны ни одобрения, ни отрицания, они, наверное, по-прежнему думали: он человек взрослый, достаточно грамотный, мы ему не советчики, как устраивать свою жизнь.

Единственно категорически против была мать, говоря: «У тебя трое детей, построили тебе хороший дом, работаешь агрономом, жена учителем, чего тебе ещё надо?».

Конечно, я ее понимаю, ей хотелось каждый день видеть нас, детей, своих внуков. Мне кажется, что она для этого выходила на улицу, садилась посреди улицы на деревенскую траву, называемую конотоп, и обозревала всё, что происходило вокруг. Особенно смотрела, следила за внуками, желая как-то управлять ими, направить их поведение в правильное русло.

Может быть, мама не желала нашего отъезда и потому, что хотела по-своему участвовать в воспитании моих детей. По ее мнению, самое лучшее воспитание в семье – трудовое и коллективное. Так, например, в

МОИЛЖАН КАНАВВ

период сбора клубники – царицы ягод – она собирала всех внуков от четверых сыновей, притом начиная с возраста, когда они уже могли сидеть, и из старших, могущих собирать ягоды, формировала группу. Снабжала их всем необходимым для сбора и отправляла собирать клубнику, а маленьких оставляла у себя – сидеть и ждать прихода старших с ягодами. Наказ для сборщиков ягод был строгий: прийти сюда и поделиться с теми, кто их с нетерпением ждёт. Но бывали среди ее внуков и такие, которые со своими ягодами, не желая делиться, всякими путями уходили по своим домам. Мать на это сильно возмущалась, называла их бессовестными, особенно попадало их родителям, что их дети так поступают. Что ещё интересно, она любила организовывать сбор сыновей, снох и внуков за общим дастарханом: по её инициативе в любой день, особенно летом, варилась в большом казане лапша из семи-восьми куриц, забытых на скорую руку. Весь интерес этого мероприятия для нас был в том, что, когда лапша готова, надо всем сесть за дастархан и употребить её, пока она горячая, вкусная. И тут кто-то опаздывает, кто-то совсем не смог прийти, из-за чего она сильно огорчалась: «Не могут даже прийти и покушать готовенькое».

Видимо, она хотела, чтобы моя семья всегда была под боком и участвовала во всех мероприятиях. На мой отъезд на учёбу ещё более категорично отозвался директор совхоза Крысанов Николай Федорович, сказав: «Для умного человека достаточно одного высшего образования». Очевидно, он сильно обиделся на то, что я не пошел управляющим Ленского отделения совхоза имени Крупской.

Немалый переполюх со своей учёбой я наделал дома, в семье, где трое детей, из них только Рысты училась в третьем классе в местной национальной школе, Айман – дошкольница, детсадовского возраста, а Шолпан исполнился только год... Я же решил переехать в Новосибирск, жить с семьей. Получилось – из самой сибирской глубинки переезжаем в крупный областной город, центр всей Западной Сибири с миллионным населением, где предстоит жить немало времени – целых два года.

А тут ещё болезненное дело – распродавать всё, что имеешь, в город ведь не повезёшь деревенское: дом, живность, за счёт которых мы уверенно жили. Совхоз «Подойниковский» выделил грузотакси, крытую грузовую машину, и на ней всей семьёй мы накануне 1 сентября 1969 года поехали в город. Нас вызвался сопроводить аульчанин Мусабаев Шитен – он близкий человек

нашему роду, а главное – он был деловым человеком, способным выполнить любую работу со свойственными ему быстротой и желанием.

В Новосибирске мы нашли домик на земле, недалеко от Высшей партийной школы, Оперного театра, но расположен он был в овражной местности, на пойме небольшой речки, куда невозможно было в непогоду проехать на машине. Здешние улицы так и назывались: конный спуск, пеший спуск. Оказалось, в основном в этом месте живут слушатели нашей школы по следующей причине: частные домики, построенные здесь когда-то, теперь сносят, бывшим жильцам дали новые, благоустроенные квартиры, и их новым жильцам теперь не дают прописываться постоянно, а временным можно жить, ибо они не претендуют на жилплощадь.

Я – СЛУШАТЕЛЬ НОВОСИБИРСКОЙ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ

Осуществилась моя многолетняя мечта – учиться в Высшей партийной школе, в самом престижном учебном заведении Советского Союза, где обучались и получали дополнительные знания руководители страны, краев, областей и районов.

По всей Российской Федерации таких школ было всего две: Московская и Новосибирская, которая готовила партийные кадры от Урала до Дальнего Востока. Из нашего Алтайского края, состоящего из 66 районов, в этом году поступили учиться только семь человек, в их числе оказался я.

Меня взяли в свои объятия большие сомнения: как это я, по сути, отделенческий агроном, простой аульный деревенский парень, буду учиться среди партийных боссов, которые уже работали в партийных органах, руководили крупными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями? А я всё, что имел, продал, попрощался с родным аулом и совхозом «Подойниковским», где опробовал себя, нашёл домик в Новосибирске, а вдруг мне скажут, что меня нет в списках слушателей – я не проходил собеседование. Но эти сомнения быстро прошли, когда ректор школы Щёголев с преподавательским составом знакомился с нами: называли фамилию, имя, отчество. Мы обязаны были вставать и сказать: «Я здесь».

Здание партийной школы оказалось в центре города, рядом со знаменитым на весь Союз оперным театром, он строился, оказывается, в течение

МОИЛЖАН КАНАВВ

всех четырех лет Великой Отечественной войны. Говорили, что настаивал на завершении строительства Генеральный секретарь ЦК КПСС Иосиф Виссарионович Сталин, этим самым он создавал уверенность в победе советского народа. Мы были частыми гостями этого очага культуры, всегда приглашались на премьеру спектаклей.

Контингент слушателей оказался солидным не только по занимаемым прежде должностям, но и по возрасту, средний равнялся примерно сорока годам, а одному из них было 55 лет – бывшему председателю райисполкома. В год поступления в Высшую партийную школу мне исполнилось 35 лет, и я оказался в числе молодых слушателей. Наконец-то удалось сбросить груз самого старшего в классе, что обременяло и тяготило меня в течение десяти лет, когда обучался в средней школе.

По национальному признаку школа демонстрировала полную федеративность, были представители всех автономных областей, краёв и республик Зауралья – в основном азиатской внешности. Но никакого сходства в традициях, обычаях, религии, языка с моей национальностью они не имели. Что меня удивило – фамилии, имена и отчества у них были настоящие русские. Среди слушателей нашей школы казах я был один.

Изучаемые предметы заметно отличались от тех, что я осваивал ранее, они имели более глобальные, всеохватывающие понятия. Основными были философия, политическая экономия, международное рабочее движение, экономика промышленности, экономика сельского хозяйства. И, конечно, чисто партийные дисциплины: организационно-партийные и массово-политические. Основное внимание уделялось изучению трудов Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Владимира Ильича Ленина, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Среди трудов основоположников марксизма-ленинизма «Капитал» Карла Маркса отличался не только объёмом, но и глубиной знаний изучаемого материала – за счёт чего же создается капитал – богатство? Перед нами ставилась очень трудная задача законспектировать этот труд, преподаватели это объясняли так: «Пока не законспектируете – не поймёте Маркса».

Суть конспектирования заключалась в следующем: прочитав несколько раз отрывок материала из этого труда, поняв его суть, записываешь ее в свой конспект своими словами. Объем работы был таким: если конспектировать каждый день в течение 1-1,5 часов, то требовалось бы времени около трёх месяцев. Я горжусь тем, что выполнил эту работу. Позже моими

конспектами воспользовались заочно обучающиеся в Высшей партийной школе мои друзья-панкрушихинцы: Карнаухов Петр Андреевич, Фурцев Павел Владимирович, Кухаришин Владимир Иванович – из Михайловского района. Смысл «Капитала» Маркса был простой – богатство создается трудом рабочего класса.

Очень интересным предметом для меня было международное рабочее движение, которое прозвали МРД, – раньше такой дисциплины я не встречал нигде. МРД повествует о том, как рабочий класс в мире боролся за своё экономическое положение, за свои права, за равноправие, против дискриминации по национальному признаку в течение многих веков. В каких странах эти события происходили, и кто ими руководил. Сложность этого предмета заключалась в том, что надо было запоминать многочисленные события, где главным действующим лицом был трудовой народ. Каким путём происходило отстаивание рабочими своих прав, и чего они в результате добились. Интересно было знать руководителей этих событий, нашим кумиром был Фидель Кастро.

Своеобразным предметом были курсы лекторского мастерства, где нам объясняли, как надо выступать перед аудиторией, литературно грамотно, со знанием дела – говорить, выглядеть самому эстетично, а самое главное – нам внушали основной критерий оценки мастерства лектора: надо говорить до тех пор, пока тебя внимательно слушает аудитория. Если перестали слушать – уходи с трибуны. Мне такой принцип общения с аудиторией и вообще с людьми, независимо от количества присутствующих, с тех пор понравился, и я взял его на вооружение.

По желанию слушателя изучался один иностранный язык: немецкий или английский. График учебы был напряженным, почти целый день находились в школе, с утра – занятия, после обеда самоподготовка в библиотеке партийной школы, где нам были предоставлены все условия для плодотворной учёбы: вся необходимая литература и отдельный персональный стол каждому слушателю, где мы могли оставить конспекты и вещи. Поздно вечером возвращались домой или в общежитие школы, кто жил там, а в период подготовки к семинарам или экзаменам засиживались до 10-11 часов вечера. Было очень приятно возвращаться домой по вечернему Новосибирску, освещенному разноцветными гирляндами, и те 15 минут ходьбы доставляли большое

МОИЛЖАН КАНАВВ

удовольствие, ведь в моих аулах Кызыл ту и Нацмен тоже был электрический свет, но только от дизельной электростанции.

Учёба давалась с трудом не только мне, но и моей старшей дочери Рысты, в России ее звали Лариса, чтобы легче было обращаться к ней. Дал о себе знать уровень подготовки учащихся в городской и сельской школах, а тем более Рысты училась в малокомплектной казахской школе. Училась она уже в третьем классе, и за эти годы, конечно, накопилось немало учебного материала, недоусвоенного ею, по сравнению с городскими школьниками.

Видать, Рысты сама хотела решить все эти проблемы, нам, родителям, о своих трудностях в школе не говорила, но однажды все эти пробелы в её знаниях вышли наружу. А получилось следующее: наступила весна, детям давали материалы на эту тему и однажды объявили, что они будут писать сочинение. На доске мелом написали: «Сочинение на тему «Весна».

Для Рысты это был гром среди ясного неба: она не только была не готова написать сочинение, но самого этого слова не слышала. В классе было оживлённо, все усердно готовятся выполнить эту работу, раздали каждому лист чистой бумаги. Рысты, видя такую обстановку в классе, уложив свои книги и тетради в сумку, тихо уходит из школы домой.

Дети в классе, конечно, над ней смеялись, что она уходит, но ей больше ничего не оставалось, как уйти. На самом деле ничего, как говорят, крамольного не произошло, она по сути с осени до весны проучилась, видимо, слабо, но была в числе успевающих по всем предметам, а вот на сочинении – прокол.

Но мы с ней этот пробел в знаниях постарались решить в течение недели, сначала наблюдали, что весной происходит с природой: дни становятся длиннее и теплее, тает снег, на солнечной стороне домов появляются сосульки разной длины, в зависимости от температуры весеннего дня. Природа оживляется, деревья распускают почки, люди становятся весёлыми, а главное – кончается самая длинная четверть, и мы уходим на каникулы. Все эти факты мы изложили своими словами в предложениях, и получилось осознанное сочинение Рысты.

В Новосибирске произошёл ещё один неординарный случай, но здесь главным героем оказалась моя мама, будучи у нас в гостях. Всё дело в том, что она, оказывается, не умела расписываться, и мы, её дети, до сих пор об этом не знали.

А выявился этот факт следующим образом: раздали всем ученикам школы какую-то бумажку, в которой срочно должны расписаться родители школьников. Пришла Рысты домой с этой бумажкой, а в доме, кроме бабушки – моей мамы, никого не было, и ей пришлось расписаться – по-арабски, справа налево, поставила какие-то каракули. В школе все были удивлены, что, оказывается, есть ещё люди, не умеющие расписываться, а мы, её грамотные дети, тоже впервые узнали об этом, но мы, наоборот, считали маму самым умным и достойным человеком на земле.

Главной причиной приезда моей мамы в город оказалось её желание узнать, как же будет жить её сын с семьёй на одну стипендию, не имея скота и не сажая огорода.

Всё надо покупать, рассуждала она, откуда столько денег у сына-студента? Такие грустные думы терзали, оказывается, и мою маму. Осенью соседи в Новосибирске усиленно занялись квашением капусты на зиму, что в ауле было не принято, считалось несерьезным делом. Но мы решили запастись необходимым объемом квашеной капусты на зиму, а мама на это говорит: «Тогда давайте побыстрее работайте, лучше ночью, а то наши сородичи из аула увидят и скажут: «В городе семья Моилжана перешла на капусту»».

Так традиции очень крепко и долго держат людей в своих оковах. Кулятай пришлось приложить немало усилий, чтобы доказать матери, что в городе мы живём не хуже, чем в деревне, здесь круглый год можно питаться разнообразно, и получает сын не стипендию, а целую зарплату в размере 150 рублей, из них мы не более 100 рублей расходует на питание. После этого моя мама успокоилась, её переодели в современную одежду, она перезнакомилась со всеми соседями и подолгу сидела с ними и о чём-то беседовала. Такая обстановка для неё была не внове, а продолжением той жизни, которой она жила в далеком 1930 году в селе Подгорном Тюменцевского района Алтайского края.

Моим соседом по парте в партийной школе оказался омич Коновалов, прошедший все ступени служебной деятельности до директора совхоза, а его родной брат – до начальника облсельхозуправления.

Учиться серьёзно нужно было ещё и потому, что преподавали нам крупные учёные, знающие и любящие свой предмет, объясняли доходчиво и требовали от слушателей такой же отдачи. Преподавательский состав состоял из четырёх докторов наук, остальные были опытные кандидаты наук. Деканом нашего двухгодичного факультета был Измайлов Георгий Константинович, основательный, степенный, он сразу у слушателей завоевал непререкаемый

МОИЛЖАН КАНАВВ

авторитет, знал каждого и имел своё мнение о каждом из нас. Одним словом, он был настоящим нашим шефом.

Подошел особый праздник – 52 годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции, который здесь празднуют по своему сценарию: слушатели во всей красе представляют свой регион – область, край, национальные автономные области, республики. Мне пришлось представлять Казахстан, хотя я в нём не родился и не жил. Но мне было о чём рассказать: я представлял целую союзную республику, а не какие-то области или автономии внутри краев. Мне приятно было рассказывать о своей исторической родине, что она занимает второе место по территории в Советском Союзе, также лидирует по запасам полезных ископаемых, нефти и их добыче и переработке. Хорошо развито сельское хозяйство, казахстанская сельскохозяйственная продукция отличается высоким качеством – как полеводческая, так и животноводческая. В том числе и благодаря казахстанской меди мы выиграли Великую Отечественную войну. Когда всё это рассказывал, мне самому захотелось жить в этой стране.

Рассказ сопровождался иллюстрациями на большом экране зала, чувствовалось, что он понравился присутствующим. Тувинка Юмбу К.Б., работавшая секретарем райкома партии по идеологии, рассказала о своей автономной республике, Юрий Михайлович Сахаровский – заведующий отделом обкома партии Бурятии поведал о своём крае. И так почти каждая административная единица Зауралья красочно представила себя. Но рассказ о Казахстане вышел за рамки не только территориально, но, мне кажется, и по объёму и содержанию изложенного материала.

Так день за днём прошёл первый, самый трудный год учёбы в Высшей партийной школе, весь в заботах, невероятных волнениях, переживаниях и адаптации к городским условиям жизни, что было чрезвычайно сложно сельскому жителю, человеку из самой что ни на есть глубинки. К моему удивлению, год был удачным, я оказался в числе слушателей, учившихся на хорошо и отлично, меня даже наградили похвальной грамотой за подписью самого ректора школы К.М. Щеголева. Годом позже он же вручил мне медаль «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина.

Новый учебный год начался с выбора первого нового состава партийного бюро двухгодичного факультета нашей школы. Это ответственное меро-

приятие, ибо в список избираемых попадают лучшие слушатели, и, к моему удивлению, я оказываюсь в составе партийного бюро факультета. Проголосовали единогласно.

Про себя я думаю, что это к лучшему: «Буду набираться опыта партийной работы, которой у меня нет». Но был чрезмерно удивлен, когда декан нашего факультета Измайлов предложил новому составу избрать меня секретарем партийного бюро. Перед членами бюро я вынужден был честно признаться, что никогда партийной работой не занимался, я специалист сельского хозяйства. Конечно, как коммунист присутствовал на партийных собраниях, приходилось выступать на них, но даже не был секретарем партийной организации отделения. Кстати, им был долгое время мой брат Чаймардан, будущи бухгалтером отделения, пока его не назначили управляющим. Наконец-то члены бюро согласились с моими доводами, избрали секретарем партийного бюро другого человека.

Меня до сих пор удивляет поступок декана факультета, оказавшего мне большое доверие, предложив мою кандидатуру на столь ответственный пост – секретаря партийного бюро двухгодичного факультета Высшей партийной школы. Кстати, двухгодичный факультет в школе считался престижным по сравнению с четырехгодичным, слушателей которого набирали из коммунистов с общим средним образованием.

Мне потом стало известно, что если слушатель Высшей партийной школы во время учёбы избирался секретарем партийного бюро, то он после окончания учебного заведения избирается или назначается на более высокие должности. Видимо, чего и желал мне Георгий Константинович.

Годы моей учёбы в городе мы решили использовать в полной мере: приобрести вторую специальность для Кулятай – бухгалтера промышленных предприятий. Годичная школа по этой специальности располагалась на левом берегу реки Обь, в Кривошеково, и ездить каждый день на трамвае через весь город и величайшую сибирскую реку доставляло большое удовольствие, тем более проезд был без пересадок от станции «Оперный театр», что в десяти минутах ходьбы от нашего дома, и останавливался трамвай возле школы бухгалтеров. Училась она хорошо, ибо раньше окончила подобную Барнаульскую годичную школу бухгалтеров колхозов и совхозов. Мы же предположили, что в районных центрах, где обычно бывает несколько предприятий городского типа, будет востребован бухгалтер промышленного уклона.

МОИЛЖАН КАНАВВ

По завершении курсов Кулятай была принята на работу по специальности на большое предприятие Новосибирска – швейное объединение «Северянка», насчитывающее более тысячи человек.

Завершилась моя учёба в Новосибирске, наступил 1971 год, знаменитый контрастными событиями для нашей семьи. Очень радостная весть – родился сын, продолжатель нашего рода, притом он оказался необычным мальчиком – по весу 4,9 килограмма, чем удивил всех рожавших женщин и обслуживающий персонал Панкрушихинского роддома. А 6 июля 1971 года умерла моя мама, дорогой человек нашей семьи. Так случается, ходят рядом радостное и печальное.

Уже в преклонном возрасте мама обычно сидела на улице нашего сибирского аула в камзоле, который сама сшила, за каким-нибудь рукоделием и все проходившие мимо останавливались, здоровались с ней. Рассказывали, чьи они родственники, женщины советовались по важным для них вопросам. Так что она всегда была в курсе всех аульных дел новостей.

В эти дни, а это июль 2021 года исполняется 50 лет со дня кончины нашей мамы, а для внуков – бабушки Жамилы. Мы не можем собраться все вместе, чтобы почтить её память. Но обязательно поминаем в семьях дома. А наша Анара устраивает каждую пятницу поминальный ас в столовой фирмы «ДАН». Мы помним нашу маму, а значит, она и сегодня с нами.

На похоронах моей мамы, 50 лет назад, были тщательно соблюдены традиции казахского народа, присутствовали не только жители аулов Кызыл ту и Нацмен, но и казахи-жатаки – так мы называли тех наших сородичей, которые проживали в русских деревнях или заимках, а их было много как в алтайских селах, так и в соседней, Новосибирской области. Каждая семья жатаков привезла по барану, местные аульчане-казахи тоже соблюдали традиции по усопшему человеку, в итоге получилось так, что баранов привезли значительно больше, чем требовалось их заколоть.

Все мероприятия проводились в семье Чаймардана, где в основном проживала моя мама, и по очень важной причине: она занималась воспитанием внуков от трёх снох, как было сказано выше – Чаймардан был женат трижды.

Мама не увидела моего сына, он был ещё в роддоме, но напуганная Кулятай, когда она уезжала его рожать: «Я молю и прошу Аллаха, чтобы ты родила сына – наследника Моилжану». Всевышний удовлетворил и эту последнюю мамину просьбу. Так до последнего дня моя мама была на острие событий нашей семьи.

Дать имя моему сыну имел право Чаймардан, так как он больше всех из сыновей ублажал нашу маму, и тем более ее напутствие сбылось.

Чаймардан назвал сына Тулеутаем, что в переводе означает «взамен ушедшему», то есть мать ушла, а сын пришёл. Время покажет: оставила ли мама достойную замену, а пока имеем маленький живой комочек, но уже удививший своей тяжестью.

В душе я был рад, что Чаймардан дал ему такое имя в надежде: мой сын будет похож на свою бабушку по жизни – станет целеустремленным, будет обладать умением выходить из самых тяжёлых ситуаций и добиваться успеха, станет человечным, деловым, сумеет достойно прожить свою жизнь.

Не зря говорят, что достоинство дороже денег. А ещё говорят, что смерть можно победить поколениями, которые ты оставляешь. И, видимо, это так, если поколение продолжит добрые дела своих предков. Такие надежды я возложил на трёхдневного моего наследника.

Наш отъезд из Новосибирска ознаменовался ещё одним неординарным событием. Мы уже продали свой домик по улице Пеший спуск, где в таких же квартирах жили наши соседи. В одном из домов проживала русская женщина Мария Петровна, которая вдруг заявляет: решила поехать жить с вами, я одинокая, но живу достойно, проработала всю жизнь медсестрой, у меня имеются сбережения, ваша семья мне понравилась, буду помогать воспитывать ваших детей – у вас их много, а ещё ваша супруга беременная. Такое заявление красавицы-блондинки, притом человека другой национальности, вероисповедания, традиций и обычаев, пожелавшей прожить оставшуюся жизнь с нами, было как гром среди ясного неба. Нам Мария Петровна оказала большое доверие, такое бывает очень редко.

Казалось, что отказать в её просьбе невозможно. На этом примере я ещё раз убеждаюсь, что в советские времена люди жили дружно, слово дружба имело значение не на словах, а на деле. Было доверие к руководителям всех рангов, ибо Мария Петровна, как я понял, доверяла свою судьбу как будущему руководителю одного из регионов Алтайского края, так как знала, что я учусь в Высшей партийной школе. Но так получилось, что эту просьбу Марии Петровны, к сожалению, оставили без внимания, вышеназванные события (переезды, обустройство на новом месте жительства и работы), так нас закрутили, не дали нам глубже подумать о её просьбе. А вообще-то это было хорошее

предложение для Марии Петровны, а для нашей семьи тем более. Мы об этом не раз вспоминали в нашей дальнейшей жизни, но главное – мы отвергли её чистосердечное намерение.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНУЮ ПАНКРУШИХУ

Окончив Новосибирскую Высшую партийную школу, решил вернуться в родные края, где я родился, где прошли детские, юношеские годы, прошёл неплохую трудовую закалку. Хотя будучи у нас, в партийной школе, Николай Федорович Аксенов – второй секретарь крайкома партии предлагал иной вариант – быть партийным руководителем в районах, где больше проживало моих сородичей-казахов.

В районе я оказался единственным человеком, кто имел тогда два высших образования, две специальности, причем по агрономии – хорошую трудовую закалку, а по другой – хорошую теоретическую подготовку. Иван Егорович Лудцев предложил мне должность главного агронома райсельхозуправления, мотивируя это тем, что надо завершить те агротехнические мероприятия, которые мы раньше начинали. Основными из них были наведение культуры земледелия и борьба с сорняками, которые все ещё доминировали на наших полях. Если сказать простыми словами, сорняки не давали жить нашим культурным растениям. Надо было во что бы то ни стало во всех хозяйствах района их уничтожить, производить поздние посевы сельхозкультур, тем самым эффективно бороться с сорняками.

И вторая, не менее важная задача – усиленно заниматься коренным улучшением сенокосов и пастбищ, ибо без кормов подъем животноводства невозможен. Казалось бы, все эти агромероприятия понятны, имеются возможности их осуществить, но однако они не претворяются в жизнь, район продолжает получать низкий урожай. Стало быть, требуются жесткий контроль и спрос за их невыполнение.

Но в 1972 году получилось так, что сама природа помогла нам в массовом внедрении позднего посева всех яровых культур из-за непрекращающихся дождей в период весеннего сева. Уже вторая половина мая, а полеводы района не могли даже выехать в поле, невозможно выполнять какую-нибудь работу. Дни уходили, хлебоборобы волновались из-за якобы упущенных сроков

посевных работ, а сорняки усиленно росли. Говорят, есть такое поверье: если сильно захотеть и очень стараться, Бог поможет. Так и получилось: поздний посев в тот год нам Бог подарил. Хорошая погода установилась с 18 мая, и мы начали массовый посев зерновых культур именно в поздние сроки, когда проросли все сорняки, и нам удалось хорошо побороться с ними, сразу научились проводить весенне-полевые работы в сжатые сроки, чего не могли добиться годами.

Первый секретарь райкома партии стал посещать наши агрономические совещания-семинары с агрономами хозяйств, бывать на полях и видеть, как осуществляются агротехнические мероприятия в том или ином хозяйстве района. Выезжая по хозяйствам района по полевым работам, брал меня с собой. Такие поездки бывали часты и в период весеннего сева, и уборки урожая.

В 1972 году в уборку урожая внедрили селекторное совещание с помощью рации и диспетчерских служб, которые уже были во всех совхозах района. На совещание приглашались директора хозяйств, главные агрономы и руководители тех отделений, которые отставали в уборке урожая.

Селекторное совещание проводилось прямо из кабинета первого секретаря, где я сначала информировал о ходе полевых работ в районе, обращая особое внимание на отстающие совхозы, отделения, бригады, а также тех, где допускается брак в работе.

Карнаухов Петр Андреевич – секретарь райкома партии по идеологии – сообщал о передовиках производства: совхозе, отделении, полеводческой бригаде и о передовых комбайнерах, трактористах и других работниках полеводства. В заключение селекторного совещания выступал Иван Егорович, которого все слушали с большим вниманием и волнением, ибо его выступление было конкретным и жестким, на живых примерах, где он побывал. Тепло он отзывался о передовых комбайнерах, трактористах, знал их поименно. И одним из них оказался наш сородич – Жалялитденов Бекболат, намолотивший за сутки в районе больше всех зерна. Иван Егорович дал задание первому секретарю райкома комсомола Петру Скабелкину сообщить об этом в край, и наш Бекболат оказался в тот же день в списке комбайнеров края, намолотивших более 1000 центнеров зерна за сутки.

Это было очень приятно, что мои земляки стали передовиками производства, показывали себя с лучшей стороны: мои сородичи находили свою нишу в отрасли сельского хозяйства, которой предки меньше всего занима-

МОИЛЖАН КАНАВВ

лись. Бекболат награждался тремя медалями, в том числе медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина» и знаком «Золотой колос Алтайского края». Кстати, этот знак был похож на Звезду Героя Социалистического Труда. Я также был награжден этим знаком, и, случалось, люди спрашивали: «Вы Герой Социалистического Труда?».

Иван Егорович как-то мне сказал: «Давай Жалялитденова потихоньку будем готовить на Героя Социалистического Труда, он в работе энергичный и к тому же молодой». Был однажды такой случай: поздно вечером Лудцев заехал в поле, где молотил Бекболат, а у него вышел из строя двигатель комбайна. Лудцев вызвал по радиации главного инженера совхоза имени Крупской Соколова Владимира Федоровича и говорит ему: «Чтобы к утру комбайн Бекболата был в строю!». На селекторном совещании следующего дня Владимир Федорович доложил первому, что комбайн Жалялитденова в рабочем состоянии.

О нашем новшестве – селекторном совещании, которые мы проводили во время уборки каждое утро, с удивлением узнал первый секретарь соседнего Кочковского района Новосибирской области Курский Василий Данилович и сразу понял, что это хорошо мобилизует людей на уборку урожая. Люди с утра знают все данные о том, как идёт самая важная в селе кампания. Кочковский район был нашим северным соседом, поля были рядом, и наши районы соревновались.

Уборка урожая на Алтае – очень трудная кампания, особенно в приобской лесостепи: здесь влажный климат, даже росы выпадает столько, как будто прошёл небольшой дождь. Скошенные валки зерновых культур, через которые с трудом перешагиваешь, лежат сырые, нельзя молотить, ждём, пока подсохнут, теряем драгоценное время. Трудно в это время не только комбайнерам и трактористам – непосредственным участникам уборки урожая, но и всем жителям села: идёт круглосуточная работа на току, уборка соломы, вспашка зяби, каждой семье надо делать в своем огороде мини-уборку – это тоже не менее важная кампания.

1972 год был высокоурожайным – не только из-за благоприятных климатических условий, но и потому, что полеводам района удалось хорошо побороться с сорняками, в полной мере используя преимущества позднего срока сева. Получилось так, что сама природа подтолкнула хлебородов к осуществлению цели, которую никак не могли достичь в течение продолжительного времени, исчисляемого десятками лет.

Возникла проблема следующего порядка: поздние посевы, да ещё произведённые на больших площадях, и созрели позже обычных сроков, а в Сибири погода не балует, дожди или снег могут пойти в любой осенний день. В это самое сложное время наш первый секретарь договаривается с первым секретарем Бурлинского райкома партии Айдархановым Каримханом Айдархановичем о помощи нам. Вызвал меня к себе Иван Егорович и говорит: «Поезжай в Бурлу к Айдарханову, договорись с ним насчет комбайнов, он пообещал мне дать 40 комбайнов, но ты попроси больше. Ты ему взамен пообещай соломы, пусть берут сколько хотят».

Расстояние до Бурлинского района немалое, надо проехать через два района – Хабаровский, Славгородский – и попасть к Айдарханову до обеда, даже раньше: вдруг он выедет по хозяйствам раньше.

В 12 часов дня я был в приемной Каримхана Айдарханова, рассказал ему о цели своего приезда. Выслушав меня, он сказал: «В два часа подойдете сюда».

К указанному сроку все директора совхозов были в приемной первого, и все мы зашли к нему в кабинет. Здесь же присутствовал второй секретарь райкома этого района Кухаришин Владимир Иванович, с которым у нас позже завяжется крепкая дружба на всю оставшуюся жизнь. Айдарханов представил меня присутствующим в кабинете: главный агроном Панкрушихинского района такой-то, они вырастили хороший урожай, благодаря (он акцентировал особое внимание слушателей на этом) благодатным природно-климатическим условиям Панкрушихинского района, где метровый чернозем и осадков выпадает 400-450 миллиметров в год. Что, мол, не получать урожай в таких-то условиях. Он этим высказал свою боль, проблему Бурлинского района: здесь малопродуктивная, засушливая степь, а ещё хуже – засоленные земли. Так он морально поддержал своих руководителей.

Здесь я вспомнил о двух законах сельского хозяйства, которые мы зубрили в нашем сельхозвузе – это дифференциальная рента-I и дифференциальная рента-II. Первая из них связана именно с качеством земли и природными условиями, где сельхозтоваропроизводителям, работающим в неблагоприятных природных условиях, предусматриваются определенные льготы, выдаются субсидии государства. А вторая рента также законодательно устанавливает преференции тем, кто производит сельхозпродукцию, находясь в некотором удалении от мест переработки и реализации. Эти два благородных закона в сельском хозяйстве решают все проблемы отрасли: создают одинаковые эко-

номические условия для производства сельхозпродукции независимо от качества земли и удаленности сельхозтоваропроизводителя от рынков сбыта.

В цивилизованных государствах, в Советском Союзе эти законы соблюдались.

Но вернусь к той поездке. Каримхан Айдарханович спросил каждого руководителя хозяйства, сколько он сможет выделить комбайнов, и предоставил мне слово. Я рассказал, что в этом году мы вырастили самый лучший урожай, причем он был посеян в сжатые сроки и поэтому полностью одновременно созрел, каждый день передержки грозит большими потерями зерна, оно просто будет осыпаться.

«Учитывая нашу очень сложную ситуацию с уборкой урожая, – сказал я, – прошу вас, Каримхан Айдарханович, выделить комбайнов больше, хотя бы 50». И дальше продолжаю говорить о том, что мы можем дать всем соломы сколько угодно, в чем заверил меня шеф – Иван Егорович. Видать, наша «соломенная щедрость» Айдарханову не понравилась – он сказал, как отрезал: «Вы не хвалитесь своей соломой, мы обойдемся без вашей соломы!». А директорам совхозов наказал: «Завтра к 10 часам утра пригоните свои комбайны к месту сбора, и мы их передадим представителю Панкрушихинского района. Комбайнеры должны быть передовые, опытные, пусть они увеличивают свои намолоты зерна. Обязательно должны быть те, из которых готовим Героев Социалистического Труда». Оказывается, он имел в виду комбайнера-казаха, готовящегося на Героя.

Переночевать я решил в казахском ауле недалеко от райцентра с экзотическим названием Кабанья, жители которого угостили меня чаем и указали дорогу на Бурлу, когда я утром проезжал этот населенный пункт. Мне просто захотелось побыть среди казахов, они ведь живут совсем рядом с моей исторической родиной. Жили они своей самобытной казахской жизнью: две улицы с маленькими домиками, но с большими скотными дворами. Утром, хотя было уже не утро, жителей аула я застал, когда они расходились с планёрки, которую проводил управляющий отделением.

На следующий день в указанное время прибыл к месту сбора комбайнов – их было 50. Присутствовавший при отправке комбайнов Каримхан Айдарханович попросил меня создать хорошие бытовые и производственные условия для высокопроизводительного труда всем комбайнерам.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Не могу не сказать несколько слов об этом человеке – единственном из всех казахов, проживавших не только на Алтае, но и на территориях Новосибирской, Омской, Тюменской, Астраханской и Оренбургской областей, кто был первым секретарем райкома партии – самой престижной должности этого уровня в Советском Союзе. Он работал в двух районах края первым руководителем: Михайловском и Бурлинском. Айдарханов показал себя с самой лучшей стороны, будучи ещё председателем райисполкома Михайловского района. И о том, как он хорошо работал, и как о его уходе сожалели михайловцы, недовольные его преемником по фамилии Горчичный, пишет местный поэт, к сожалению, оставшийся неизвестным:

*Станьте, ушки, на макушке,
Слушайте внимательно:
Мы частушки попоем –
Будет замечательно.
Каримхана заменили,
И пошло всё кувырком,
Потому что посадили
Не того в райисполком.
Зимой мерзли из-за пьяниц,
Простывали наповал.
А Горчичный в исполкоме
Этих пьяниц покрывал.
И за что бы он ни взялся,
Всё идет наперекос,
Видно, тоже он с похмелья,
А чего же красный нос?
Каримхана вспоминает
С благодарностью народ.
Нам о нём напоминают
Стадион, водопровод.
Телевизор в каждом доме,
Все его старания –
Фонари, иobelisks,
И большие здания.*

*Он любил во всём порядок,
Грязь асфальтом заменил,
Рыбу в озере развел он
И село озеленил.
Школы, клубы, магазины
И другое многое...
Ну, а ты чего оставишь,
Чучело убогое?
Всем работающим рядом
Видно очень хорошо –
И двух слов связать не может,
И как скажет – это что?
Часто пусто в учреждениях –
Распустил ты аппарат.
О прилавки магазинов
Оттирается весь штат.
На приёме в кабинете
Не увидишь никого:
Всем давно понятно стало –
Не решает ничего.
Разве трудно догадаться,
Что теперь район наш ждёт,
Ведь такое руководство
Нас до ручки доведёт.
Ой, начальника в райкоме
Переставьте заново!
Вы Горчичного заберите,
Дайте Айдарханова.*

Я поражаюсь справедливости автора этих строк, который ради общего дела, благополучия народа готов идти на всё, может быть, даже где-то рискуя.

Радует то, что эти лестные слова посвящены моему сородичу, который, находясь среди другой нации, заслуживает высокой похвалы, что дорогого стоит. Видимо, Айдарханов заслуженно имеет звание почетного гражданина Алтайского края и стал делегатом XXV съезда КПСС из числа первых секретарей райкомов партии.

Спустя годы я встречался с Каримханом Айдархановичем, будучи секретарем райкома партии Панкрушихинского района по организационно-партийной работе и сельскому хозяйству на пленумах и партийно-хозяйственных активах края. А спустя ещё несколько лет, бывая в районном центре Михайловка Алтайского края, где живут братья моей супруги, я обязательно посещаю пенсионера Айдарханова, живущего на одной половине двухквартирного дома, расположенного на кромке ленточного соснового бора.

На Алтае была хорошая традиция: при уходе на пенсию лучшим первым секретарям райкомов партии дарили автомашину марки «Ока». Был интересный случай: прихожу в Михайловке к ним, а его дома нет, говорят, куда-то вышел. Нахожу Каримхана Айдархановича в гараже, сидит за рулем незаведённой машины. Пришла на ум мысль: «Не знает, куда ехать, значит, он не востребован».

При разговоре с ним, я ему задал вопрос: «Почему не пишете мемуары, сейчас же многие пишут книги?». А он отвечает: «Кому нужны мои книги, мои похождения по жизни, кто их будет читать?». Видимо, Каримхан Айдарханович был огорчен невостребованностью в тот момент – это бывает, ведь всё время быть востребованным невозможно. А книги дают какую-то возможность хоть когда-то быть нужным, во всяком случае тем, кто прочитает, особенно детям, внукам.

Выходит, он себя недооценивал, не подозревал, что является гордостью нации, раз так о нём говорят спустя много лет после ухода его в иной мир. Ведь смысл жизни человека – служить народу, быть гордостью своей нации, прославлять её. Он оставил после себя след везде, где работал: в Михайловском и Бурлинском районах.

Так, например, районный Дом культуры в селе Михайловка, который даст фору городским очагам культуры. Причем он был построен методом народной стройки, где бесплатно работали в субботние и воскресные дни все жители районного центра. Оставил он след, построив самое красивое трехэтажное здание райкома партии, в котором в настоящее время расположен лицей его имени, где висит мраморная плита с изображением Каримхана Айдархановича.

Интересный момент был в работе Айдарханова, когда он решил построить свинокомплекс в Бурлинском районе. Чтобы быстрее решить проблему с производством мяса в районе – путем откорма свиней, он обращается к на-

МОИЛЖАН КАНАВВ

чальнику крайсельхозуправления Процюку Ивану Степановичу и говорит: «Помогите построить свинокомплекс в Бурле, иначе мы ещё долго будем в отстающих по производству и сдаче государству мяса».

Иван Степанович (кстати, он был директором совхоза «40 лет Октября» Панкрушихинского района) отвечает: «Каримхан Айдарханович, все деньги и материалы уже давно распределены по районам, у меня нет никакой возможности помочь тебе».

Тогда Каримхан Айдарханович парирует: «Иван Степанович, в твоих поступках нет никакой логики. Я, казах, хочу заняться производством свинины, а ты, хохол, мне в этом отказываешь!». Через не могу Процюку пришлось решить вопросы Айдарханова.

Такие люди, как Каримхан Айдарханович, являются, не побоюсь сказать, национальной гордостью своего народа, в данном случае казахского народа, ибо окружавшие его люди знают его в первую очередь как казаха и, конечно, по нему дают оценку всем его сородичам, всем казахам. В крайком партии Айдарханова звали трижды ханом: в его фамилии-имени-отчестве трижды упоминается слово хан.

Из числа наших сибирских казахов национальной гордостью, на мой взгляд, можно назвать ещё Амангельды Гумировича Тулеева и Каирбека Скакова.

Первый из них – губернатор Кемеровской области (теперь, правда, бывший) – самый авторитетный среди своих региональных коллег в Российской Федерации, на последних выборах за него проголосовали 97 процентов избирателей области.

О нём очень хорошо говорит следующий факт: накануне 8 марта 2017 года в Павлодаре случайно встречаюсь с молодой парой на машине с кемеровскими номерами: жена из Павлодара, муж из Кемерово, приехали поздравить мать и тещу с Международным женским днём.

Я сразу задаю молодым вопрос: «Как живет наш земляк Тулеев?». Женщина отвечает: «Я благодаря ему имею четверых детей, хочу иметь пятого». И объясняет: «Амангельды Гумирович создал хорошие условия для пенсионеров и многодетных семей, только он болеет, дай Бог ему здорovia».

Второй – Каирбек Скаков – в годы голодомора был участковым милиционером в городе Ленинск-Кузнецке Кемеровской области, мог налаживать сложные взаимоотношения прибывших своих сородичей с местными жителями, заслужил высокое звание почётного гражданина этого города, в котором

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

одна из улиц носит его имя. Вырастил и воспитал со своей женой 12 детей, один из которых – Боранбай Скаков, уважаемый человек в нашей области, полковник в отставке.

Возвращаясь к нашим уборочным делам, следует сказать, что комбайнеры Бурлинского района помогли нам очень хорошо, мы за счёт них подтянули на уборке отстающие хозяйства. Степняки были удивлены нашим урожаем, но сетовали, что здесь не разгонишься – поля у нас небольшие. Уборку закончили успешно, получили богатый урожай, и мне поручили возглавить делегацию нашего района на краевой слёт передовиков уборки урожая 1972 года, в которую входили люди, занявшие первые места в нашем районе: директор совхоза «Велижановский» Потапов Геннадий Петрович, главный агроном совхоза имени Крупской Черенцев Фёдор Ильич, а также один управляющий и один агроном отделения совхоза, остальные – комбайнеры, трактористы, всего 15 человек, в том числе был передовой комбайнер нашего района Жалылитденов Бекболат, которого наградили знаком «Золотой колос». Краевой слёт передовиков уборки – это зрелищное и масштабное мероприятие, в котором я участвовал первый раз, собрало лучших хлеборобов из 66 районов края. Обслуживание было такое, которое нас удивляло: начиная со встречи у вагонов поезда, вкусных обедов и заканчивая экскурсиями по городу и промышленным предприятиям. Самое главное мероприятие – это слёт передовиков: огромный Дворец культуры краевого центра переполнен. Присутствуют Георгиев Александр Васильевич – первый секретарь крайкома партии, Аксенов Николай Федорович – председатель крайисполкома, Овсяников Иван Васильевич – начальник крайсельуправления. Торжественная обстановка, пропитанная уважением к человеку труда, ко всем, кто причастен к большому алтайскому урожаю. Такое не забывается.

СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА СОВХОЗА «ПОДОЙНИКОВСКИЙ»

Успешно завершена уборка урожая, остались осенние полевые работы, которые тоже требуют своевременного их выполнения: сволачивание и скирдование соломы, а если учесть, что объёмы её большие, это же создаёт определённую напряженность в этот период. Плюс вспашка зяби – обязательное условие для получения устойчивого урожая, осенняя очист-

МОИЛЖАН КАНАВВ

ка семян, чтобы их не травмировать во время сильных сибирских морозов. Выполнение этих агромероприятий не требует столь высокого напряжения, как сама уборочная кампания, их можно осуществлять в более спокойном, рабочем ритме.

В это время приглашает меня Иван Егорович и говорит, что надо начинать партийную работу: «Имеешь высшее политическое образование – необходима теперь практика, которую можешь получить, работая секретарём парткома совхоза. Это самая низовая партийная организация, которая очень многое даст, получишь хорошую закалку, ибо в совхозах, в их коллективах работают партийные, комсомольские и профсоюзные организации, их и надо возглавлять. Предлагаю совхоз «Подойниковский», коллектив тебе знакомый, ты там работал главным агрономом, а теперь будешь секретарём парткома совхоза. Ответственность больше, чем у директора: если руководитель отвечает за хозяйственную деятельность коллектива, то секретарь парткома ещё дополнительно за морально-политическое его состояние. Как представителю партии, являющейся руководящей силой в стране, к тебе могут обращаться люди с любыми вопросами и жалобами на любого члена коллектива, включая руководителя хозяйства. Основная обязанность – руководить и направлять работу партийных, комсомольских, профсоюзных организаций и сельских советов, активизировать деятельность членов этих организаций».

Я, конечно, представлял и знал в общих чертах работу партийных руководителей, знал об их непререкаемом авторитете. Были значимы, конечно, и выступления коммунистов, но последнее слово всегда было за партийными руководителями.

Теперь мне предоставляется право быть одним из таких, управлять и руководить во многом сложной, непонятной, всеобъемлющей работой, причем в обстановке, когда ты являешься представителем другой национальности.

Когда я был специалистом, знал свое дело, занимался конкретно им, находил общий язык с людьми для решения конкретных вопросов и проблем, было легче. А здесь – пока для меня все туманно, много вопросов без ответов.

Директором совхоза был Веретенников Валентин Александрович, которого назначили на эту должность, когда я уезжал учиться в Высшую партийную школу. Кривов Василий Дмитриевич продолжал трудиться по своей профессии – главным агрономом. Председателем сельского Совета был Епифанцев Виктор Николаевич, проживавший раньше в селе Галкино Щербак-

тинского района Павлодарской области, чем-то импониравший мне как бывший казахстанец. Председателем рабочего комитета был Никишов Иван Васильевич. Савиных Иван – секретарь комитета комсомола, он же спортивный инструктор совхоза.

Основная работа партийного комитета – это воспитание коммунистов, соблюдение морального кодекса всеми членами партии, т.е. быть честным, трудолюбивым, хорошим семьянином, передовиком производства, примером для всех работников коллектива. Примерно такие же требования предъявлялись и к комсомольцам, членам профсоюзов.

Теперь наша семья будет жить в старинном русском селе Подойниково, где испокон веков живут настоящие сибиряки, умеющие переносить все тяготы жизни, одним словом, трудяги, даже само слово «подойники» призывает быть настоящими тружениками села.

Вжиться в эту своеобразную среду нашей семье, конечно, стоило немалых забот и волнений, а мне, как главе семейства, тем более.

Объем работы и ответственность возросли, а заработная плата у секретаря парткома оказалась небольшой, в размере 140 рублей – так партия воспитывала свои кадры, не балуя их материальным достатком. Имея два высших образования, получать такую зарплату было как-то не по себе. Правда, один раз в году выдавали 13-ю зарплату и бесплатную путевку в партийные санатории им. Ленина и Фрунзе, что в городе Сочи. Но зато я был в центре внимания всех жителей совхоза от мала до велика, все относились с большим уважением – во всех пяти отделениях совхоза, во всех пяти школах, сельском Совете, центральной мастерской, автобазе, на заправках и т.д. В моем распоряжении была легковая пятиместная автомашина «ГАЗ-69» с шофером Алексеем Мостивенко, он оказался моим ровесником, тоже с 1934 года, и ему мы благодарны за уважение к нашей семье.

Возникла необходимость трудоустроить Клавдию Токтаровну, мою супругу, на работу, чтобы не жить на одну зарплату. Решили – воспитателем в детский сад (сыну Тулеутаю, звали его Толиком, как раз исполнился год), предполагая, что он будет вместе с матерью, и отвозить и привозить также будет удобно. Но в коллективе детского сада пошли разговоры о том, что жена секретаря парткома устраивается у них на работу с малолетним сыном, он ведь не даст ей работать с другими детьми: «Она будет сидеть со своим сыном, а мы будем за нее работать?». Заведующая детским садом Веретенникова Мария Дмитриевна, жена директора совхоза, поддерживала мнение коллекти-

ва. Передал эти разговоры Кулятай, она выслушала меня и говорит: «Хорошо, поговорю с Толиком». А сам думаю: «Что-то Клава несерьезно относится к проблеме». На другой день Клавдия дает мне ответ: «Будем работать, Толик дал мне слово – не мешать. Попробуем».

На удивление всем Тулеутай никому не мешал, он, как обещал, вместе другими ребятами играл, кушал, спал, вел себя достойно, слово, данное матери, сдержал, только соскакивал с места и собирал свои вещи, когда приходил за ним Алексей, чтобы увезти его домой.

Семейный бюджет мы стали пополнять ещё за счет ведения личного подворья: завели опять две коровы, кур, гусей, занялись огородом. Почему бы не заняться на селе этими делами, когда здесь имеются все условия: корма дешевые, только трудись, показывая своим детям пример трудолюбия. Интересно и полезно было присутствовать на профсоюзных и комсомольских собраниях, повестки дня их были специфичными, в соответствии с профилями этих организаций: соблюдение трудового законодательства, нелицеприятный спрос с нарушителей трудовой дисциплины, поощрение передовиков производства. Часто шел спор, что профсоюзные организации награждают, поощряют не тех, кого нужно.

Немалые проблемы были у комсомольцев, которые и рассматривали на их собраниях, – это соблюдение устава комсомола, учеба и работа комсомольцев, проведение молодежных мероприятий, особенно Дня молодежи, который в районе проводился ежегодно.

Более серьезно проходили собрания в цеховых партийных организациях – в пяти отделениях совхоза, центральной ремонтной мастерской, автотарке, Подойниковской средней, Высоко-Гривской восьмилетней школах и других.

В целях улучшения работы комсомольской организации совхоза нам дали должность освобожденного секретаря комсомольской организации, и мне, как секретарю парткома, необходимо было подобрать соответствующую кандидатуру. Как раз из армии возвращались молодые ребята, и среди них выделялся Гордиенко Володя, красивый, спортивного телосложения, имел среднее образование, сын заместителя директора совхоза по хозяйственной части Николая Ивановича Гордиенко. Володя дал согласие, провели общесовхозное комсомольское собрание, где его единогласно избрали секретарем комитета комсомола совхоза.

Комсомольцы и молодежь были довольны, что у них появился освобожденный от всех других забот руководитель, и ждали улучшения работы комитета комсомола. Но прошло совсем немного времени, приходит ко мне Володя и говорит: «Иван Сулейменович, я извиняюсь, что вас обнадежил, – мне нельзя работать в дневное время, при лучах солнца – я облучен в армии во время испытания атомной бомбы, думал, что пройдет». Конечно, это было для меня неожиданной неприятностью, я даже не нашелся, что ему сказать, но думаю, надо его поддержать, постараться оставить на работе. Пришла в голову мысль: пусть он работает вечером, даже ночью, проводит комсомольские собрания, культурно-массовые и спортивные мероприятия и многое другое. Предложил ему остаться, продолжать свою работу. Щадящий режим занятий, свежий сосновый воздух, натуральное питание дали свои результаты, здоровье его стало поправляться, работа с молодежью стала заметно улучшаться. Володя стал настоящим вожаком молодежи нашего совхоза.

Володя женился на дочери Альдони, единственной литовки, работавшей в совхозе заведующей нефтебазой, где она навела идеальный порядок: чистота, все покрашено, растут цветы, выпившие шофера оставались без заправки. Одним словом, получился уголок Европы в селе Подойниково. Жена Володи была по специальности учительницей, долгое время работала директором Подойниковской средней школы, стала заслуженной учительницей Российской Федерации.

Володя быстро пошел по служебной лестнице вверх: вскоре был избран председателем рабочего комитета совхоза, секретарем парткома, назначен директором совхоза, когда совхозы развалились во время кризиса 90-х годов, был избран председателем сельского Совета. Так что люди доверяли ему до конца, он был одним из уважаемых жителей Подойниковского сельского округа.

Бывая на малой родине, в Панкрушихинском районе Алтая, я всегда приезжал к нему, их двор и дом были ухожены, усадьба настоящего хозяина-сибиряка, с примесью европейского быта. И что интересно, у них всегда были заранее заготовленные пельмени и белые грибы, так называемые дорогие, и пока мы с дальней дороги управлялись с ними, была готова настоящая сибирская баня, которая была мне знакома ещё раньше. Я, конечно, отдыхал от души на таких встречах, и сотен километров от Павлодара до Подойниково – как не бывало.

Хотя я, секретарь парткома, за производственные дела напрямую не отвечал – было кому отвечать, но меня всё время тянуло туда, где люди занимаются полезным делом: узнать – какое у них настроение и отношение к своим обязанностям, как работает тот или иной специалист, руководитель производственных участков, насколько они авторитетны в своих коллективах. Из первых уст узнаешь, какие нерешенные вопросы и проблемы имеют место на том или ином производственном участке.

Были недобросовестные специалисты и руководители, которые, получая установленную заработную плату независимо от результатов труда коллектива, не желали утруждать себя, лишь бы день прошел. А у рабочего была материальная заинтересованность лучше работать, ибо его зарплата зависела от проделанной работы или полученной продукции. Получается, вышнелазванные товарищи не давали возможности своим рабочим получать высокую зарплату. Чтобы получить хороший результат, естественно, надо хорошо организовать коллективы, труд, чего не было. Таких руководителей называли временщиками – они только «отводили время» и получали высокую заработную плату. Видимо, это и явилось одной из причин развала социалистической системы Советского Союза. Временщиками в основном были недобросовестные директора совхозов и главные специалисты, которых вполне устраивала хорошая зарплата, а также материальное обеспечение. Такое отношение к производству имело место и в нашем совхозе, годами работали, а положение дел оставалось на прежнем уровне.

Одним из таких оказался, к сожалению, и главный агроном совхоза, пожелавший остаться на прежней работе, и мне пришлось уступить ему должность и уехать на учёбу в Новосибирск. Я видел его работу: укреплением, улучшением агротехнических мероприятий он не занимался, часто домой возвращался выпившим, даже пьяным. Директора совхоза такая работа главного агронома не возмущала, он, видимо, как зоотехник, упущения в работе агронома не видел, а страдал от этого весь коллектив совхоза.

Мне просто было неудобно нападать на своего коллегу, тем более на одноклассника. Но пришлось вернуться к этому вопросу через пять лет, будучи начальником райсельхозуправления. С болью в сердце освободил от должности главного агронома совхоза «Подойниковский», но уже при новом, требовательном директоре Викторе Христиановиче Траутвейне. Мне по-человечески жалко Васю Кривова – лучшего ученика школы, выпускника Московской

Тимирязевской академии, он вполне мог стать достойным руководителем не только в районе, но и в крае. А его заменила по предложению В.К. Траутвейна Ольга Карловна Давыденко. Агроном со средним образованием, большим опытом и с желанием взявшаяся за улучшение агротехники в совхозе, добившаяся многого в этом важном деле.

Узнав о том, что я интересуюсь производственными вопросами, этим решил воспользоваться директор совхоза, рекомендуя мне взять на контроль самое отстающее отделение совхоза – Ильинское, во-первых, самое отдаленное, а самое главное – оно отставало в проведении всех сельхозкампаний.

Я знал, что поднимать отстающее отделение – это удел директора и главных специалистов совхоза, а не секретаря парткома, а здесь же решили прокатиться на идеологическом работнике. Я мог сказать, что это проблемы не партийного работника, и в райкоме партии меня бы поддержали. Но не стал этого делать, а взялся за хозяйственные дела Ильинского отделения.

В селе Ильинка насчитывалось около 80 дворов, была только начальная школа, занимались как полеводством, так и животноводством, так что все сельскохозяйственные кампании надо проводить как и в крупных отделениях, но с меньшими здешними силами, малым коллективом людей. Мне это напомнило прошлое, родное Кызылтовское отделение, проблемы те же: мало рабочих рук, особенно недостает механизаторов, слабая трудовая дисциплина, а здесь ещё и пьянки. Но в Ильинке лучше тем, что всю работу надо проводить в одном селе, а не в двух, как это было в Кызылтовском отделении.

Управляющим отделения был Толстокоров Николай Максимович, заведующей фермой – Щербакова Зоя Николаевна, учетчиком – Бажан Петр Григорьевич. Оказалось, что мне здесь легче, чем в Кызылтовском отделении, так как, во-первых, я официальное лицо, и мои требования законные – надо лучше трудиться, чего я не мог сразу жёстко предъявлять своим сородичам, с которыми рос с малых лет. Чтобы решить эти проблемы, стал здесь чаще бывать, видеть, как происходят сами процессы производства. Для этого у меня тоже были возможности: на «ГАЗ-69» расстояние в 25 километров не представляло трудности.

Выяснилась причина пьянства: оказывается, Бажан – учетчик – выписывал фиктивные наряды некоторым работникам, и они организовали пьянки на дармовые деньги.

Провели партийное собрание отделения с повесткой дня «Персональное дело коммуниста Бажана П.Г.», где ему объявили строгий выговор с занесением в учетную карточку. Это был большой урок не только коммунистам, но и всем труженикам села. Затем провели собрание со всеми рабочими отделения, состоялся откровенный, нелицеприятный разговор по всем вопросам, касающимся производства. Приняли постановление собрания. Эти и другие принятые меры стали постепенно давать свои результаты, ильинцы стали своевременно проводить сельхозкампании, которые чередой идут одна за другой: посевная, сенокос, уборка урожая, подготовка к зиме и сама зимовка. Оказалось, наш соревновательный дух – членов парткома совхоза, распределенных по отделениям совхоза – передался и нашим женам, а стало это известно из разговора жены директора совхоза с Клавдией Токтаровной: «Мой Веретенников сказал, что за прошедшую пятидневку по заготовке сена ильинцы опять идут впереди».

Так получилось, что, находясь на партийной работе, я принял непосредственное участие в решении хозяйственных вопросов. Мне это было не в тягость.

Но основное мое назначение – это массово-политические и культурные мероприятия, которые должны проходить на высоком идейно-политическом уровне, и главное – участие в них всех коллективов совхоза, особенно рабочих, механизаторов, доярок: чем больше их участие, тем выше ставилась оценка хозяйству.

Стало традицией ежегодное проведение в районе смотра художественной самодеятельности, к которому готовились всю долгую сибирскую зиму.

Начинали его с малых сел, бригад и отделений, затем на центральной усадьбе совхоза организовывалась общесовхозная художественная самодеятельность, которая выезжала на смотр таких коллективов всего района. Соревновательный дух был очень высоким, каждому совхозу хотелось во что бы то ни стало быть победителем. Условия – жесткие: обязательное участие всех категорий работников из всех производственных участков совхоза. Выполнить все эти условия, создать хорошую художественную самодеятельность оказалось не так просто. Эта работа начинается с репетиций людей, ежедневно занятых как на производстве, так и дома, приходилось агитировать, уговаривать, даже заставлять всех, кто что-то сможет сделать по этой части.

Особенно нам захотелось организовать большой общий хор, чтобы показать массовость проводимого мероприятия. Известно, зимой много людей

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

занято в животноводстве – это доярки, скотники, специалисты, разнорабочие. На каждой ферме стали проводить репетиции и, соединив их, создали совхозный хор. В основном люди согласились, но оказались и ярые противники. Однажды даже произошел неординарный случай: на коневской ферме доярка, не пожелавшая ходить на репетиции, ударила по голове ведром свою подругу, которая активно участвовала в хоре, была запевалой.

Поднять престиж нашей художественной самодеятельности удалось за счет исполнения стихотворения участника Великой Отечественной войны Селиванова Михаила Федоровича, провоевавшего все 4 года войны и чудом оставшегося в живых. И то, что он видел своими глазами, пережил, передал в стихотворной форме. Стихотворение называлось «Солдат».

*Шел солдат с походной сумкой
И в пилотке набекрень,
С трехлинейкой и подсумком,
Верил в наш победный день.
Верил сердцем, верил мыслью,
Верил пламенной душой,
Командирам-коммунистам,
Что шагали вместе в бой.
Шел солдат и днем, и ночью,
Шел он в слякоть, зной, пургу,
Шел болотами по кочкам,
Подбираясь к врагу.
А кругом земля горела,
Непрерывный стон людской.
Туча черная висела
Над родимой стороной.
На пути озера, реки,
Горы, сёла, города.
Не забудется вовеки
Путь солдатский никогда.
Шел солдат упорно, долго,
На Берлин и Будапешт.
Шел от Волги и от Дона,
Чтоб врагу поставить крест.*

*Шел во вражий край далекий,
Под свинцовые дожди,
А Танюше синеокой
Он писал: «Родная, жди».
И принес солдат победу,
Вместе с нею – ордена.
Нет минуты для беседы:
Надо строить, ждет страна.
И сейчас гвардеец старый
В трудовом строю идет,
Молодым солдат бывалый
Опыт свой передает.*

Это стихотворение подоийниковского поэта рассказывала моя четырёхлетняя дочь Шолпан (на Алтае – Тома) перед аудиторией Подоийниковского Дома культуры, наполненного зрителями, стоя перед самим автором – Михаилом Федоровичем. Этот номер подоийниковцев не оставил никого равнодушным – ни в районном Доме культуры, ни на зональном смотре художественной самодеятельности в Камне-на-Оби. Он отличался не только глубоким содержанием, но и убеждал, что это победа всех народов, объединенных в Советский Союз, а звонкий голос, хорошая дикция на чисто русском языке казахской девчонки придали особый эмоциональный подъем.

В селе Подоийниково пошла в первый класс моя вторая дочь Айман, по-русски Аня, и, что интересно, ее первой учительницей стала Нина Дмитриевна Черных, та самая, которая учила меня в четвертом классе Романовской семилетней школы в послевоенные годы. Айман понравилась Нине Дмитриевне, она четко выполняла все задания, училась хорошо. Нина Дмитриевна была уже опытная и заслуженная учительница начальных классов в районе, и у нее было правило обязательно посещать квартиры своих учеников, узнавая, в каких условиях занимаются ее воспитанники. Насколько я понимаю, к условиям Ани у нее претензий не было. И что замечаю сейчас: в поведении Нины Дмитриевны и Айман много общего – деловитость, обязательность, чистоплотность, стремление, как бы трудно не было, дело доводилось до конца.

Появилось у меня большое желание своих дочерей приобщить к музыке, научить играть на фортепиано. К этому подвигли соседи – семья Селива-

новых, он – Леонид Михайлович, завуч нашей школы, она – Мария Никифорова, заведующая школьной библиотекой.

Семья Селиванова-младшего (Михаил Федорович – местный поэт – его отец) была интеллигентная, двое их дочерей самоучками играли на фортепьяно, которое они имели в доме. Решили детям дать настоящее музыкальное образование, для чего возникла необходимость возить их в районный центр в музыкальную школу два раза в неделю в Панкрушиху за 10 километров. Четырех девочек из двух семей, в том числе моих Айман и Шолпан, пришлось возить на служебном «ГАЗ-69». Проучившись два года, они успешно закончили Панкрушихинскую музыкальную школу.

Этот эпизод из моей жизни я привожу для того, чтобы подчеркнуть: иногда человек совершает опрометчивые поступки, не думая о последствиях, ведь стоило сказать хоть одному из подойниковцев, что вот, мол, секретарь парткома учит музыке своих детей в райцентре, а наши хуже что ли? – и было бы у меня много неприятностей, и не было бы у меня дальнейшей служебной карьеры. Но жители совхоза «Подойниковский» простили мне этот мой «музыкальный порыв», за что я им благодарен до сих пор.

Во время подготовки художественной самодеятельности произошел, с одной стороны, смешной случай, а с другой – грустный. Дело было в следующем: по сценарию я должен был поблагодарить всех участников и сказать им спасибо на всех языках национальностей, проживающих в нашем совхозе. Стал готовиться к исполнению своей роли, встречаться с представителями каждой нации и спрашивать их, как они говорят это слово на родном языке. Русский сказал спасибо, казах сказал рахмет, немец – данке шон, литовка Альдона, мордвин Никишов тоже сказали спасибо на своем языке. А вот чуваш Васильев Дмитрий Ефимович, главный бухгалтер совхоза, не мог вспомнить это слово долгое время и после нескольких напоминаний мне говорит: «Чуваши не говорят слово спасибо» – таким образом он нашел выход из затруднительного положения. А мне кажется, этот случай грустный, когда человек потерял свою нацию, не знает ни языка, ни обычаев, ни традиций.

Конечно, жизнь диктует свои условия, людям приходится проживать там, где более комфортно или куда их поневоле забросила судьба. Дмитрий Ефимович приехал на целину, много лет проработал учетчиком полеводческой бригады села Ленское совхоза им. Крупской, продвигаясь по служебной лестнице, стал очень грамотным бухгалтером района.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

В селе Подойниково 24 апреля 1974 года произошло ещё одно радостное событие: в нашей семье родилась младшая дочь Гульмира, так ее назвал выпускник Алтайского сельскохозяйственного института, мой племянник Чаймурат Канаев, из числа учащейся молодежи двух аулов, получивших высшее образование, из наших.

Секретаря парткома касались все проблемы, имеющиеся в хозяйстве. Время было осеннее, шло размещение скота по животноводческим помещениям, и вдруг выявляется, что более 250 голов скота не размещаются, стоят под открытым небом. Главный зоотехник совхоза Крашевский заходит ко мне в кабинет и говорит: «Столько-то скота не размещено, Иван Сулейменович, один на другого кивает, ничего не решается. Мороз ударит, животные начнут падать, и я буду виноватым».

Собираю заседание парткома, приглашаем всех, кто причастен к этому вопросу – строительству животноводческих помещений, а также зооветеринарную службу и директора совхоза. В ходе обсуждения вопроса выясняется, что должны были построить скотопомещения в двух отделениях совхоза, но подрядчиков подвели субподрядчики, не поставившие строительные материалы. А совхозные строители к этому объекту никакого отношения не имеют.

Как говорят, ситуация патовая, дальше движения по решению проблем не просматривается. Спрашиваю, что будем делать? Скот не будет же зимовать под открытым небом. Все молчат. Тогда я предлагаю свой вариант решения проблемы и говорю: «Казахи всю жизнь свой скот содержали в примитивных, приспособленных скотопомещениях, построенных из подручных материалов, т.е. тех, что имелись в наличии. Не обязательно содержать скот в железобетонных помещениях, предлагаю сделать самим простые помещения из берез и осин, связав их по две штуки в верхней части, расставить их друг от друга на определенном расстоянии наподобие шалаша, скрепив жердями, и накрыть соломой». Оказалось, это был выход из положения. Построили два таких временных помещения, одно в Подойниково, другое в Первомайском отделении. Постелили соломы, чтобы животные могли лежать, кормили их в денниках и, пробуравив скважину, обеспечили водой. Таким образом, животных мы разместили, и они чувствовали себя хорошо: наевшись и напившись, заходили в непродуваемое помещение и могли даже лежать.

Оказывается, много лет спустя этим нашим «новшеством» воспользовался Иван Иванович Лоор, будучи директором Плотниковского совхоза Ка-

менского района. Видимо, у молодого директора возникла такая же ситуация, как у нас в своё время в совхозе «Подойниковский». В это время в нашем совхозе директором был Траутвейн Виктор Христианович, который направил Ивана Ивановича в Первомайское отделение, где он перенял наш опыт. С тех пор Лоор считает Траутвейна своим учителем.

Трудовую биографию Ивана Ивановича считаю интересной для всех: начал трудовую деятельность с тракториста, управляющего, директора совхоза, заместителя, первого заместителя начальника краевого управления, затем – начальника краевого управления сельского хозяйства, председателя краевого Законодательного собрания, а затем он был избран депутатом Государственной Думы Российской Федерации.

Живя на Алтае, я Ивана Ивановича не знал. Когда он приезжал в Подойниково, я работал начальником Панкрушихинского райсельхозуправления, но встречи у нас с ним не было. А будучи начальником Алтайского краевого управления сельского хозяйства, он на мое семидесятилетие добился для меня медали «За освоение целинных и залежных земель» за подписью министра сельского хозяйства Российской Федерации и прислал для вручения мне в Павлодар Ряжина Николая Васильевича – первого заместителя главы администрации Панкрушихинского района.

В день моего восьмидесятилетия 5 декабря 2014 года Иван Иванович Лоор поздравил меня правительственной телеграммой, будучи председателем краевого Законодательного собрания, – от имени депутатов края и направил краевую делегацию во главе с председателем правления краевой общественной организации национально-культурной автономии казахов Муратом Сериковичем Бекмуратовым, писателем Петром Яковлевичем Скабелкиным из Панкрушихинского района, директором ТОО «Майское утро» Косинского района Виктором Христиановичем Траутвейном – моим другом по совместной работе в Панкрушихинском районе. Алтайцы высоко оценили не только мой труд, когда я пребывал на малой родине – в Панкрушихинском районе, но и мои потуги в настоящем, послепенсионном периоде: «Довести до сведения населения, особенно молодежи двух регионов, как старейшее поколение переживало самые трудные времена, страшный голод тридцатых годов, военные и послевоенные времена и тяжелые годы восстановления хозяйства. Молодёжь должна знать, как эти годы лихолетья были преодолены благодаря дружбе, взаимопониманию и взаимовыручке двух народов: русского и казахского».

МОИЛЖАН КАНАЕВ

На этом торжестве Мурат Серикович вручил мне благодарственное письмо от имени администрации Алтайского края, управления по обеспечению международного сотрудничества между Алтайским краем и Республикой Казахстан за подписью начальника управления А.Ф. Жилина.

Я ещё благодарен Ивану Ивановичу за то, что он помог мне организовать замечательное событие в жизни моих сородичей, проживающих в ауле Кызыл ту Панкрушихинского района, – юбилейный праздник, посвященный 80-летию образования этого казахского аула на территории Алтая, в благодатной и плодородной Приобской лесостепи, где мои сородичи смогли спастись от голода 1930-х годов и живут по настоящее время. Причем живут неплохо: от тридцати семей аула увозят ежедневно три молоковоза молока, произведенного ими в своих подворьях.

Теперь я убежден, что счастье человека в том, когда оценивают его труд, тем более по прошествии нескольких десятков лет. Когда Иван Иванович поздравлял жителей Кызыл ту с 80-летием села, в Панкрушихинской районной газете «Трибуна хлебороба» посвятил лично мне несколько строк: «Отрадно отметить, что бывшие аульчане не забывают свою малую родину, в их числе Канаев Иван Сулейменович, внесший большой вклад в развитие агропромышленного комплекса Панкрушихинского района. В настоящее время он проводит большую работу по развитию и укреплению дружбы, межнационального согласия между двумя регионами России и Казахстана – Алтайского края и Павлодарской области. Он является настоящим народным дипломатом».

СЕКРЕТАРЬ РАЙКОМА ПАРТИИ

Октябрь 1975 года был для меня знаменательным месяцем – меня избирают секретарем райкома партии Панкрушихинского района по организационно-партийной работе и сельскому хозяйству. Если учесть, что наш район сельский, то это большая ответственность и честь.

Видимо, высшее руководство района и края посчитало, что я созрел для такой работы, и это было видно во время приема у первого секретаря крайкома партии Георгиева Александра Васильевича, который тепло принял меня, вышел из-за своего стола и задал единственный вопрос: «Как вы оцениваете поведение первого секретаря вашего района, на него жалуются, что он груб и нетактичен в поведении?» Я, конечно, совсем не ожидал такого до-

верительного отношения ко мне первого руководителя края, но у меня сразу нашелся ответ, так как эта проблема в районе назревала давно. И я ответил: «Он груб и нетактичен с теми, кто недобросовестно относится к своей работе, получая высокую зарплату, кто не хочет утруждать себя проблемами сельского хозяйства».

Дело было в следующем: второй секретарь райкома партии Ворсин Петр Иванович, проработавший более 10 лет на этой должности, захотел быть первым и организовал жалобу на Лудцева И.Е., якобы он ведет себя не по-партийному. Подписывают эту бумагу, кроме него, руководители и главные специалисты совхозов, у которых производственные дела шли неважно, за что их и критиковал первый секретарь на различных форумах. В числе подписавших был и мой бывший директор совхоза Веретенников Валентин Александрович.

Я вспомнил эпизод из моей жизни секретаря парткома совхоза, когда мне предлагали быть уполномоченным в самом отстающем отделении совхоза, а сами, получая почти в два раза большую зарплату, брали под ответственность более благополучные отделения. Но истина восторжествовала. Ворсина переводят в другой район на такую же должность, а меня избирают на его место.

Это была у меня вторая встреча с первым руководителем края, первая у нас состоялась летом 1973 года. Я был тогда секретарём парткома совхоза «Подойниковский», и мы с директором совхоза Веретенниковым встречали Александра Васильевича в нашем совхозе по случаю сдачи в эксплуатацию современного Дома культуры на 400 мест. Никаких пышных торжеств, высокопарных слов в адрес краевого руководителя не было. Он подъехал, мы с Валентином Александровичем встретили, привели к Дому культуры села Подойниково, где были только работники культуры. Осмотрев его, поговорив с культработниками, А.В. Георгиев дальше продолжил свой путь.

В советское время самые лучшие люди могли быть коммунистами, а секретари райкомов партии руководили ими и всеми остальными категориями населения. Мечтой многих коммунистов – руководителей на селе, всегда было стать секретарем райкома партии, одним словом – быть элитой общества. Не стану греха таить: многие местные жители не хотели видеть меня, «иностранца», в такой престижной должности, рассуждая: «Кого поменяли на кого, не нашлось, что ли, своих достойных коммунистов?». Однажды даже произошёл неприятный случай. Возвращаюсь из Барнаула домой на поезде, при посадке

МОИЛЖАН КАНАЕВ

видел, что садились наши панкрушихинцы. Уже поздно ночью заходит ко мне в купе Залесов Анатолий, специалист районной ветеринарной лаборатории, и говорит: «Вы что, решили руководить сельским хозяйством всего района? Значит, мы его покончим!» – и ушел. Было обидно, ощутил себя одиноким, подумал, что в Казахстане никто бы так не сказал. Видимо, он не один придерживался такого мнения, просто решил его озвучить. Давно был готов для этой должности в районе Волобуев Александр Михайлович, проработавший более 10 лет заведующим организационным отделом райкома партии и еще 10 лет – председателем комитета народного контроля. Но вдруг, по их мнению, неожиданно выскакивает на эту должность Канаев, даже не русский по национальности.

На следующий день моего приезда из Барнаула прихожу в райком партии, в моей приемной ждет меня Залесова Октябрина Александровна – наш районный судья, супруга того самого ветеринара, который имел свое мнение по поводу моей новой работы. И говорит: «Извините, Иван Сулейменович, пожалуйста, за глупый поступок моего мужа, это же позор и преступление одновременно. Разве можно говорить такие слова секретарю райкома партии. Его просто подставили те, с кем они выпивали». Пришлось согласиться с доводами Октябрины Александровны из уважения к ней. Дело в том, что она, уважаемый человек в районе, приехав в наш район молодым специалистом, осталась у нас на всю жизнь, осуществляя справедливое правосудие. Она даже не побоялась остаться жить в райцентре после выхода на пенсию, сейчас живет в новой, благоустроенной квартире в ставшей родной Панкрушихе.

Про нее даже рассказывали приятные анекдоты, и один из них такой: «Судит Залесова мужика за изнасилование, грозит ему большой срок, да еще позор на всё село, и даёт она ему сказать последнее слово, прежде чем вынести приговор. И он говорит, обращаясь к судье: «Уважаемая Октябрина Александровна, что я могу поделать: вы меня судите, а мне сейчас хочется». Говорят, судья учла его чистосердечное признание при вынесении приговора...». Шучу, конечно...

Октябрина Александровна сыграла большую роль в выборе профессии моей старшей дочери – Рысты. Все дело в том, что в нашем районе придумали такой способ стимулирования выпускников средних школ для поступления в высшие учебные заведения: им аттестаты зрелости вручали те специалисты, профессию которых хотели приобрести выпускники. На семейном совете мы

решили, что Рысты будет юристом, и документ об окончании средней школы вручит ей Октябрина Александровна. Планы осуществились: Рысты успешно закончила Алтайский государственный университет, юридический факультет.

Но она не стала судьей, как этого хотела ее бабушка по материнской линии Багдан, которая говорила: «Я сильно хотела видеть, чтобы кто-нибудь из моих внуков вершил правосудие».

Но Рысты посвятила себя другой системе, где также требовались юридические знания, – социальной, начав трудовую деятельность инспектором Панкрушихинского райсобеса. Продолжила работу в Павлодарском облсобесе, а затем возглавляла Государственный центр по выплате пенсий по Павлодарской области. Эту важную службу ей удалось восстановить после худшего положения во время развала Советского Союза. Её труд оценен высоко – она награждена орденом «Күрмет».

Но вернёмся в Панкрушиху... На пленуме райкома партии, где меня избрали в секретари, произошёл ещё один случай, и не в мою пользу. Дело в том, что меня в Панкрушихе все звали Иваном Канаевым, а затем Иваном Сулейменовичем. Но на пленуме первый секретарь райкома партии произносит мое труднопроизносимое казахское имя Моилжан – так, как записано в партийном билете. Да и само произношение прозвучало не совсем приятное. Реакция зала была мгновенной, с усмешкой, мол, человек с таким именем будет руководить нами... То ли дело Пётр Иванович, Пётр Андреевич, Пётр Яковлевич – продолжатели дел Петра Великого...

Много лет прошло с тех пор. В Панкрушихе я проработал не один год, стал там по-настоящему своим. Но помню и теперь, как больно поразила меня тогда реакция зала, неготовность людей признать право быть руководителем человека лишь потому, что он «вроде не наш», не той национальности. Может быть, и не стоило вспоминать об этом, но не зря же говорится: из песни слов не выкинешь...

Мне, как секретарю райкома, необходимо было руководить двумя отделами: один из них – организационный отдел, заведующим которым был Савченко Василий Иванович, выпускник Новосибирской Высшей партийной школы, уроженец Топчихинского района. Отдел занимался подбором и постановкой кадров, приемом в члены партии и организационными вопросами проведения всех партийных мероприятий: пленумов, бюро, партийных конференций, партийно-хозяйственных активов, а также контролем за проведением партийных собраний во всех партийных организациях района. Этот от-

МОИЛЖАН КАНАВВ

дел считался лицом райкома партии, ибо по тому, как и на каком уровне они проводились, была видна работа в целом райкома партии.

Второй отдел, который я курировал, – это управление сельского хозяйства района. Начальником райсельхозуправления был Дубовой Анатолий Григорьевич, затем его сменил Мирашников Николай Степанович, бывший директор совхоза «40 лет Октября».

Этот отдел был для меня роднее и ближе, здесь решались все хозяйственные и финансовые вопросы. В этой должности у меня стало больше возможностей контактировать с первым секретарем райкома партии, стали практиковать совместные выезды в хозяйства района, встречи с людьми на их рабочем месте. Вели разговор о проблемах, путях их преодоления вместе с руководителями и специалистами совхозов. Повышение культуры земледелия, очищение полей от сорняков путем повсеместного внедрения позднего посева – эти вопросы всегда оставались в центре внимания наших встреч с полеводами района.

Такие наши поездки по совхозам, отделениям хозяйств молва окрестила так: «Едут два Ивана». Видимо, не всем и не всегда было приятно нас встречать и сопровождать по своему хозяйству. Зарботная плата секретаря райкома партии оказалась на 100 рублей выше, чем секретаря парткома совхоза, но зато одна служебная машина «УАЗ-469» обслуживала двух секретарей райкомов.

Секретарем райкома партии по идеологии был Петр Андреевич Карнаухов, родом он из села Романово, где я начинал учиться после окончания войны. Он тогда уже учился в старших классах семилетней школы, был довольно грамотным человеком по сравнению со мной и, видимо, поэтому не участвовал в баталиях, когда ребята младших классов дразнили меня. Петр Андреевич продолжительное время работал в этой должности, до развала Советского Союза, что мне давало хороший повод пошутить над ним: «Из-за твоей неудовлетворительной идеологической работы в Панкрушихе развалилась советская власть».

В Романово семья Карнауховых жила при въезде в село со стороны аула Кызыл ту, и этим воспользовался во время войны Петя Карнаухов. Дело было в следующем: мимо их дома ежедневно проезжал Смайлов Елубай, фронтовик без одной ноги, привозил молоко из колхоза «Кызыл ту» на Романовский молзавод. Петя договаривается с Елубаем, что тот при въезде у Карнауховых

оставляет один литр молока, а при выезде – два литра обрат. А взамен Елубаю Петр Андреевич весной обещал дать картошки на семена. И своё слово сдержал.

Я, как секретарь райкома партии, подчиняюсь непосредственно крайкому партии, в основном двум его отделам: организационно-партийному, заведующим которым был Ярошенко Иван Васильевич, и его заместителю Сафронову Виталию Александровичу, нашему земляку из села Кривое и заведующему сельхозотделом Мальченко Николаю Фёдоровичу и его заместителю Затлеру Аркадию Францевичу, уроженцу села Чёрное Лебяжинского района Павлодарской области, его родители похоронены здесь, но он об этом мне не говорил, хотя был у меня дома. Главной фигурой для меня был секретарь по сельскому хозяйству Овчинников Василий Иванович. Крайком партии уделял особое внимание внедрению и распространению нового, передового опыта, где лучше обстоят дела и решаются проблемы.

Так, в Каменском горкоме партии провели семинар-совещание с секретарями-орговиками по теме воспитания и расстановки кадров. С основным докладом выступил Парфенов Евгений Ерофеевич – первый секретарь горкома партии, Герой Социалистического Труда, мой сокурсник по заочной учебе в Алтайском сельскохозяйственном институте. Форум оказался солидным – 66 секретарей райкомов партии. Евгений Ерофеевич был очень скромным человеком, он никогда не кичился своим положением, и о нём я слышал позже, бывая на малой родине, что, выйдя на пенсию, он продолжил свою любимую работу токарем, вернувшись на ремонтно-механический завод, где начинал трудовую деятельность.

Другой семинар-совещание с нами был в Алтайском научно-исследовательском институте животноводства, где директор института Мкртчян, армянин по национальности, рассказывал и показывал свои теоретические и практические достижения. Очень интересными и полезными были темы в научно-исследовательском институте зернового хозяйства, которым руководил доктор сельскохозяйственных наук Каштанов Александр Иванович.

Стали меня приглашать на пленумы, партийно-хозяйственные активы края, где я впервые увидел столько авторитетных людей, собранных в одном месте. Можно только представить, сколько соберется людей, если из каждого, из 66 районов, соберутся по три секретаря райкома партии и один председатель райисполкома. Эти люди представляли, конечно, самую лучшую часть

МОИЛЖАН КАНАВВ

населения Алтая, и я был очень рад, что нахожусь среди них. Достоинно и солидно выглядели первые руководители края: Георгиев Александр Васильевич, Аксенов Николай Федорович и другие.

В этой толпе были только два казаха; кроме меня, здесь присутствовал первый секретарь Михайловского райкома партии Айдарханов Каримхан Айдарханович. Первая моя встреча с ним была в 1972 году, во время уборочной страды: будучи главным агрономом Панкрушихинского райсельхозуправления, приезжал к нему за комбайнами. И вот теперь должна состояться вторая встреча, на этом форуме. Было волнительно, как он меня встретит, поздравит или нет, он ведь здесь единственно близкий человек по крови; по сути, здесь я только его и знаю. Он стоял в кругу первых секретарей райкомов партии – около десяти человек. Я подошел, сказал:

«Ассалау магалейкум» – и подал, как полагается казаху, две руки. Он принял мои руки и ответил стихами поэта М.Ю. Лермонтова: «На ловлю счастья и чинов заброшен он по воле рока». Я его не понял, то ли он одобряет мой рост по службе, то ли нет, но ожидал от него другое, казахское: «Каирлы болсын!». И еще более непонятными и неоправданными прозвучали лермонтовские строки: я заброшен на Алтай не на ловлю чинов, а мои родители сбежали из родных степей, спасаясь от голодной смерти. А каким чудом я оказываюсь здесь, на этом высочайшем форуме всего Алтая, ему должно быть понятнее и яснее всех присутствующих, но он почему-то говорит совсем другое.

У меня стало складываться определенное мнение, чем я должен заниматься, будучи секретарем райкома: быть пропагандистом по внедрению нового, передового по всему району. Масштабы моих возможностей значительно увеличились, значит и результаты от внедрения будут весомыми. Но новое всегда внедряется с трудом, даже часто отвергается. Видимо, не зря в истории человечества были дикие случаи, как, например, с Коперником, который предсказал: это Земля вертится вокруг солнца, а не наоборот, как тогда считалось...

По партийной работе также хотелось улучшить положение дел, провести семинар-совещание на одну из тематик организационно-партийной работы. Во время учебы в Высшей партийной школе мне сильно понравилась лекция одного преподавателя на тему «Партийные поручения – основа воспитания коммунистов». Преподавателю по организационно-партийным дисциплинам удалось хорошо раскрыть свою тему, что осталось надолго в моей

памяти. Начал он с того, что в обществе не всё должно делаться на платной основе; жизнь становится краше, когда люди украшают ее всеобщим, бесплатным трудом, а партийные поручения – это есть благое намерение коммунистов сделать такое. Но многие почему-то партийные поручения называют партийными нагрузками, даже есть такое распространенное выражение: «Каждый коммунист должен нести партийную нагрузку». А надо бы сделать так, чтобы партийные поручения были бы не нагрузкой, а благородным делом, которое дает возможность значительно улучшить нашу жизнь. Надо поменять эти понятия местами: это не нагрузка, а доброе дело для всего общества. Чтобы осуществить эту мечту, решили провести районную конференцию на эту тему с приглашением этого преподавателя из Новосибирской Высшей партийной школы. Были приглашены и присутствовали на этом форуме секретари партийных комитетов совхозов, секретари первичных и цеховых партийных организаций района и аппарат райкома партии.

Основным докладчиком на конференции был наш гость из Новосибирска, содокладчиком выступил заведующий отделом организационно-партийной работы райкома партии Савченко Василий Иванович, со своими мнениями и предложениями по данной теме выступили Пчелинцев Иван Павлович – секретарь парткома совхоза имени Крупской, Овчаров Иван Григорьевич – секретарь парткома совхоза «Велижановский», поделились своим опытом работы несколько секретарей первичных и цеховых партийных организаций. Тема конференции заинтересовала всех присутствующих, было много вопросов и дебаты – как давать партийные поручения и какими методами контролировать их исполнение. Было интересно еще и потому, что такое мероприятие в районе проводилось впервые, и оно касалось абсолютно всех коммунистов.

Мне было очень приятно, что я смог провести такой форум руководителей партийных организаций, и он всем понравился, а в заключение сказал: «Отныне к партийным поручениям будем относиться серьезно, будем добросовестно их выполнять, тем самым каждый коммунист внесет свою лепту в улучшение жизни и покажет достойный пример в нашем обществе».

В отделе организационно-партийной работы партийным собраниям уделялось особое внимание, велся их строгий учет, чтобы каждая партийная организация проводила собрания ежемесячно. Убедились, что партийные собрания имеют большое воспитательное значение. Истина была простой:

когда идет коллективное обсуждение, а партийное собрание и есть коллектив коммунистов, субъективного подхода в решении вопросов или проблем почти не бывает. В данном случае люди озабочены больше общезначительными проблемами, чем личными. На собрании коммунисты равны, имеют одинаковые права, не делятся по служебному положению, предоставляется возможность всем сказать свое мнение, а это и есть полнейшая демократия, верный способ воспитания человека, исправления его ошибок, ибо каждый человек не застрахован от них. Получается, именно всесторонне и коллективно обсуждая проблему, можно прийти к правильному решению, к справедливости.

Перестановка кадров в крае шла постоянно, и на этот раз коснулась нашего района, крайком партии решил забрать от нас Лудцева И.Е., проработавшего в Панкрушихе более 13 лет, и избрать его первым секретарем Павловского района, одного из самых крупных в крае, расположенного всего лишь в 60 километрах от Барнаула.

На пленум по переизбранию приехал первый секретарь крайкома партии Аксенов Николай Федорович. Секретарь райкома партии по идеологии Карнаухов Петр Андреевич был в отпуске, и проведение значимого мероприятия полностью возлагалось на меня, что сильно волновало: смогу ли я достойно провести организационный пленум в присутствии первого руководителя края? Но волнения стали постепенно спадать с момента приезда Николая Федоровича в наш район. Он попросил нас вывезти его на природу, захотел даже там ночевать, сказав, что у него для этого всё есть.

Решили его отвезти на озеро Глухое, расположенное в Алеусском ленточном бору, недалеко от села Романово, на территории совхоза имени Крупской. На Глухом нас встретили директор совхоза Глазунов Виталий Александрович (Крысанов Н.Ф. уже не работал, после инфаркта миокарда) и Пчелинцев Иван Павлович – секретарь парткома. На озере мы были допоздна, провели время в приятных занятиях: гоняли в футбол и купались. После короткого перерыва всё это повторялось. Таким образом сделали три захода в озеро, мешали только комары, от них мы спасались рипудином, которым нас снабжал Николай Федорович. На посошок спели песню «Лебединая верность», и мы с Иваном Егоровичем поехали в Панкрушиху готовиться к пленуму, который должен состояться на следующий день в 10 часов утра.

Пленум состоялся в назначенное время, все члены райкома партии и члены бюро прибыли вовремя, открывать партийный форум пришлось мне, ибо Иван Егорович был уже первым секретарем Павловского района. Предоставил слово первому секретарю крайкома партии Аксенову Н.Ф., который, дав краткую информацию о положении дел в крае, приступил к основному вопросу, смене руководства района. Дал положительную оценку деятельности И.Е. Лудцева, рассказал о решении крайкома партии выдвинуть его руководителем одного из крупных районов края, предложил членам райкома партии освободить его от должности первого секретаря Панкрушихинского райкома и предложил на эту должность Колбунова Федора Ильича, председателя райисполкома. В обоих случаях проголосовали единогласно. Трогательным и коротким был момент прощания с Иваном Егоровичем: я ему подарил от имени райкома партии наручные часы, и члены райкома стали расходиться, разъезжаться. Каждый из них раздумывал о том, что случилось, а получилось так скромно, что никто даже не выступил, не сказал тёплых слов в адрес человека, отдававшего в течение многих лет всю свою энергию и знания нашему общему делу.

На место Колбунова перевели в наш район Пятецкого Сергея Михайловича председателем райисполкома, оказавшегося также кабинетным работником, мало кто видел, чтобы он ездил по полям и фермам, интересовался производственными делами.

Так полностью обновилось руководство нашего района. Возглавили его люди, которых население не знало. Часто стали вспоминать Лудцева Ивана Егоровича, как человека беспокойного, заботившегося о положении дел и принимавшего все меры, чтобы улучшить его. Иван Егорович, видимо, учитывая, что я кадр некоренной национальности или по другим причинам, проявлял заботу о нашей семье. Однажды он, проезжая очень поздно мимо нашего дома (я тогда работал секретарём парткома совхоза «Подойниковский», и наш дом стоял на трассе Панкрушиха – Барнаул), увидел свет в окнах и утром следующего дня звонит к нам и узнаёт, всё ли в порядке? Почему горел свет? А ещё другой, более серьёзный случай, подтверждающий его внимание к нашей семье. Иван Егорович, будучи избранным на XXV съезд КПСС делегатом уже из Павловского района, неожиданно для нас поздравил Клаву из Московского Дворца съездов, с женским праздником 8 Марта, тем самым создав большой резонанс, шумиху по всей Панкрушихе.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

И ещё одна вынужденная и, можно сказать, трагичная смена руководства произошла в одном из крупных хозяйств района. В совхозе имени Крупской возглавлявший этот коллектив в течение многих лет Крысанов Николай Фёдорович, получив два инфаркта, вынужден был оставить свой пост по требованию врачей-кардиологов.

Было жаль Николая Фёдоровича, вложившего много труда, энергии и нервов, чтобы вывести одно из самых отстающих хозяйств в передовые.

Он только начал пожинать плоды своего напряжённого труда и в возрасте 45 лет вынужден уходить на пенсию по болезни. Он всего на три года был старше меня, но стал моим воспитателем благодаря требовательному, безусловному подходу в решении всех вопросов и проблем. Благодаря ему совхоз имени Крупской повысил культуру земледелия, стал получать хорошие урожаи. Родом Николай Фёдорович из Воронежской области. Окончив Воронежский сельхозинститут, инженерный факультет в 1954 году, прибывает на Алтай, на освоение целинных и залежных земель. Его жена Раиса Фёдоровна Крысанова-Астахова – учитель по образованию и завуч по воспитательной работе. У них двое сыновей. Заменял Крысанова Глазунов Виталий Александрович, проработавший в этом совхозе недолгое время секретарём парткома. А выходец он из совхоза «Велижановский», где продолжительное время работал председателем рабочего комитета.

...Шла уборка урожая 1977 года, всегда напряжённая кампания для сельских жителей, которые от мала до велика живут в это время согласно поговорке: осенний день год кормит. Как раз в это время в районе произошла большая трагедия – умер прямо за рабочим столом в своем кабинете начальник нашего райсельхозуправления Мирошников Николай Степанович. Трагический случай потряс всех жителей района, все мы, особенно районное руководство, были в трауре, чувствовали себя дискомфортно, даже в некоторой степени виноватыми.

Конечно, о случившемся было доложено в крайком партии, прилетел к нам на вертолете Аксенов Николай Федорович, первый секретарь крайкома партии, сходил в семью Николая Степановича, выразил соболезнование и, придя в райком партии, собрал членов бюро и сообщил своё решение: «Я предлагаю назначить начальником райсельхозуправления Канаева Ивана Сулейменовича, чтобы он непосредственно руководил сельским хозяйством

района, мы не можем оставить без руководителя управление сельского хозяйства во время уборки урожая».

Так неожиданно, как говорят, неожиданно-негаданно, я стал начальником райсельхозуправления родного района. Это была самая трудная и ответственная должность, на которой руководители более одного-двух лет не задерживались.

НАЧАЛЬНИК ПАНКРУШИХИНСКОГО РАЙСЕЛЬХОЗУПРАВЛЕНИЯ

Получив благословение от первого руководителя края, что меня, конечно, воодушевляло, я пошел садиться в кресло начальника. Почему-то никто из первых руководителей района не привел меня в наше здание, не представил коллективу управления сельского хозяйства, как это обычно делают. Некоторый дискомфорт предстояло мне еще преодолеть и в связи с тем, что именно в этом кресле умер мой предшественник. А теперь как сидеть на этом месте?

Я решил в кабинете обстановку оставить прежней, ничего из мебели не менять.

Хорошо, что кадры управления сельского хозяйства были мне знакомы, знал, что они профессионалы своего дела. Заместителем начальника и главным зоотехником управления был Дубовой Анатолий Григорьевич, раньше работавший начальником; главным агрономом – Рогач Владимир Тимофеевич, занявший эту должность после моего ухода с поста секретаря парткома совхоза «Подойниковский», главным бухгалтером был Малыгин Алексей Иванович, опытный финансист, член бюро райкома партии; главным экономистом – Голобоков Александр Николаевич; экономистом по труду была Володина Светлана Ивановна; главным инженером – Запаров Михаил Иванович; главным ветеринарным врачом – Сигаев Петр Федорович, переехавший к нам из Каменского района; начальником отдела кадров был Корвяков Василий Александрович, который в свое время вызвал меня в управление сельского хозяйства и вручил приказ о назначении главным агрономом совхоза «Подойниковский»; главным инженером-строителем был Лавренев Валентин Андреевич, грамотный специалист в этой отрасли.

Мне было легко и интересно работать с этими людьми, советуясь с ними, я познавал их проблемы, и мы принимали совместные решения. Хотя

МОИЛЖАН КАНАВВ

изначально у меня были сомнения, что специалисты управления, зная о моем малом опыте работы, будут недобросовестно выполнять свои функциональные обязанности, почувствуют слабость начальника управления, тем более что я представитель некоренной национальности.

Тем не менее надо было руководить трудной отраслью в районе, где часто меняли первого руководителя. Начал свою работу с того, что почти ежедневно посещал хозяйства региона. График был следующим: до обеда в кабинете бумажные дела или совещания, а после обеда до позднего вечера знакомство с делами одного из хозяйств, благо район был компактный, самое дальнее хозяйство расположено на расстоянии не более 40 километров от райцентра. Видеть своими глазами производственные процессы: посевные и уборочные работы, заготовку кормов, обработку паров, дойку коров и зимовку скота, строительные объекты – вникать во все дела, давать оценки – это стало обычным делом. Хорошие результаты стали давать выезды в хозяйства со всеми специалистами управления, когда каждый по своей отрасли проверял работу и давал оценки на итоговом совещании, которое обязательно проводилось после каждого такого выезда.

Кроме того, у меня были большие сомнения – найду ли я общий язык и построю ли деловые отношения с корифеями сельского хозяйства: директорами совхозов, опытными главными специалистами хозяйств, ибо многие из них уже работали на своих должностях, когда я только осваивал свою профессию, будучи агрономом Кызылтовского отделения совхоза имени Крупской.

Так, например, Потапов Геннадий Петрович уже работал директором в соседнем совхозе «Велижановский», когда я начинал агрономическую деятельность; директор совхоза «Подойниковский» Веретенников Валентин Александрович – бывший начальник райсельхозуправления, с которым я работал секретарем парткома совхоза. Грамотные и опытные главные специалисты совхозов Лыгин Николай Филиппович, Васильев Владимир Иванович, Конищев Николай Александрович, Дронов Владимир Дмитриевич, Меречин Алексей Дмитриевич, Штарк Петр Петрович, Сафронов Иван Степанович, Приль Александр Гугович, Кондратенко Олег Александрович и другие – эти руководители были золотым фондом, имели своё мнение и смело высказывали его, а мне, как районному руководителю, надо было быть готовым ответить на их вопросы и решать возникшие проблемы.

Исходя из личных наблюдений, пришел к выводу, что ключевыми фигурами на селе, организаторами сельскохозяйственного производства являются управляющие отделениями совхозов, они и создают там хороший трудовой коллектив. А специалисты по отраслям у управляющего являются как бы сезонными помощниками, агроном – летом, зоотехник и ветеринарный врач – зимой. От управляющих зависело не только решение производственных вопросов, но и всех житейских проблем населенного пункта, где проживают сотни и тысячи людей, которых они знали от мала до велика. Там, где управляющие отделениями были разумны, справедливы и были профессионалами своего дела – там непременно появлялись хорошие результаты.

В нашем районе было 25 отделений, и я поставил себе задачу хорошо познакомиться с каждым из них и помогать им в решении постоянно возникающих вопросов и проблем. Соответствовали своим должностям и поэтому были авторитетными управляющие: Воронин Василий Иванович, Саморядов Афанасий Никитович, Кобер Иван Иванович, Еланский Михаил Гаврилович, Ярманов Иван Христович, Канаев Чаймардан Сулейменович, Спольник Иван Петрович, Звягинцев Кузьма Михайлович, Толстокоров Николай Максимович, Плетнев Василий Гаврилович, Попов Александр Иванович – мой ровесник-соклассник по Романовской семилетней школе, Зорин Владимир Иванович, Мазур Иван Александрович, Кабак Василий Данилович, Дронов Владимир Дмитриевич, Сытых Геннадий Григорьевич. Молодыми управляющими были Ибраев Айтказы Ибраевич, Ряжин Николай Васильевич, ставший затем директором совхоза «Велижановский» и первым заместителем главы администрации Панкрушихинского района. Всю тяжесть работы управляющего я познал через брата Шаймардана, проработавшего 15 лет управляющим Кызылтовским отделением совхоза имени Крупской. Он не знал покоя ни днем, ни ночью, ни зимой, ни летом – всегда были кампании, идущие одна за другой, всегда были проблемы и требующие немедленного решения вопросы.

Зная, что основой подъема сельского хозяйства является полеводство, мне пришлось особое внимание уделить этой отрасли, благо определенный опыт по повышению урожайности у меня уже имелся. В связи с переходом Ивана Егоровича первым секретарем в Павловский район и уходом на пенсию по болезни Николая Федоровича, директора совхоза имени Крупской, эту инициативу пришлось взять на себя управлению сельского хозяйства, как это полагается. Ибо эти два руководителя уделяли решению этой проблемы

МОИЛЖАН КАНАВВ

особое внимание. Мы, с главным агрономом управления сельского хозяйства Рогачом Владимиром Трофимовичем часто выезжали в хозяйства.

Основное внимание уделялось качеству ведения полевых работ и позднему посеву зерновых культур – как самому эффективному методу борьбы с сорняками.

Выезды были не всегда приятными, и вот один из них: осматриваю полевые работы Петровского отделения совхоза имени Крупской, где управляющим работал в течение многих лет Кабак Василий Данилович. А картина была такова: по плохо обработанному полю, где не уничтожены сорняки, производят посев пшеницы, во многих местах семена лежат на поверхности почвы.

Разве можно ожидать хорошего урожая от такого ведения весенне-полевых работ? А ведь я ехал к нему с хорошими намерениями: думаю, поучусь у старого хлебороба, тем более он друг моего брата, часто он заезжал к нам попить чай, ибо наш аул был по пути из Романова – центральной усадьбы – в Петровское. Пришлось наказать Василия Даниловича и агронома отделения приказом по управлению сельского хозяйства.

По-прежнему плохо работал главный агроном совхоза «Подойниковский» Кривов Василий Дмитриевич.

Создание прочной кормовой базы путём коренного улучшения сенокосов и пастбищ, повышение урожайности зеленой массы кукурузы, расширение посевов суданской травы – эти вопросы всегда были в центре внимания.

Превратив малопродуктивные, закочкаренные сенокосные угодья в высокоурожайные площади многолетних трав, мы, по сути, решили бы проблему кормообеспечения.

Слабым звеном в животноводстве оставались ненадлежащие уход и содержание скота в течение долгой сибирской зимы, соблюдение санитарно-ветеринарных условий, создание нормальных бытовых условий труда животноводов. С каждым выездом по хозяйствам района убеждался, что труд животновода не привлекательный, а наоборот – тяжелый, грязный. Люди работают в сырых, загазованных помещениях с сильным силосным запахом, который надо выветривать в течение нескольких суток. Поэтому с неохотой люди шли работать на ферму, особенно молодежь. Животные, находясь долгое время в таких условиях, были грязными, подвергались заболеваниям, а их продукция – молоко – было некачественным. Причиной всех бед была несо-

вершенная система навозоудаления – транспортёрными лентами, проложенными на всю длину животноводческого помещения, а это около 200 метров. Транспортёры часто разрывались под тяжестью за всю ночь накопившегося навоза от большого поголовья скота.

Конечно, разрывы устранялись, но рабочий процесс останавливался, навоз продолжал накапливаться, и требовать от доярок чистоты животных и качественного молока мы не имели права. Хорошим выходом из создавшегося положения была так называемая сплавная система удаления навоза, без транспортёрных лент. Ее суть заключалась в том, что навоз сразу попадал в бетонную траншею, накрытую чугунными или железными решетками, на которых привязанные коровы стояли задними ногами. Теперь все нечистоты сразу сметались через решетку в траншею и оттуда, смытые водой, выкачивались фекальными насосами в 3- или 5-кубовые емкости и вывозились на будущие кукурузные поля.

Таким образом, сплавная система удаления навоза давала нам возможность содержать животных в чистоте, соблюдать санитарные условия, повысить качество продукции, а самое главное – облегчить труд животноводов, сделать его более привлекательным.

Идея-то хорошая, но осуществить ее оказалось не так просто, ибо реконструкцию коровников надо было вести хозяйственным способом – тем же управляющим, которые едва успевали проводить сельскохозяйственные кампании, идущие одна за другой в течение всего года. Пришлось уделить мне этому вопросу больше внимания, поставить перед директорами совхозов задачу ежегодно реконструировать в своем хозяйстве не менее одного-двух коровников и требовать её исполнения. Попросил в крайсельхозуправлении дополнительные фонды по цементу и сделать чугунные решетки – это основные строительные материалы, необходимые для реконструкции. Первым в районе сделали сплавную систему удаления навоза в Борисовском отделении совхоза «40 лет Октября», где управляющим был Саморядов Афанасий Никитович, а директором совхоза – Штарк Петр Петрович. Эти два человека оказались более оперативными, здесь провели районный семинар-совещание, куда пригласили директоров совхозов, главных зооветспециалистов, часть специалистов среднего звена, доярок и скотников. Показали идеальный способ удаления навоза и других нечистот. Теперь стояла задача, чтобы такая система удаления навоза была во всех коровниках района.

МОИЛЖАН КАНАВВ

С тех пор у меня с Афанасием Никитовичем сложились самые теплые и дружеские отношения, мы еще оказались одногодки: у него день рождения – 1 февраля, а у меня – 5 декабря 1934 года.

Я давно уже живу в Казахстане, более 30 лет, решил навестить давнего друга, живущего так же в своей деревне Борисовке, в том же доме, хотя ему минуло 80 лет. Но он был бодрый, вёл свое личное подворье, огород, занимался пчеловодством. Его жена, бывший культработник, была в добром здравии, как и прежде весела. Сразу же Афанасий Никитович повел меня в коровник со сплавной системой удаления навоза, похвалился:

«Работает она до сих пор исправно, сбоя нет. Только хозяин помещения другой, фермер, который вас знает и помнит. Вы, будучи секретарем райкома партии, пригласили в райком его, демобилизованного солдата, и дали путевку на учёбу в Каменский зооветеринарный техникум».

Однажды ко мне зашел Крысанов Н.Ф., бывший директор совхоза имени Крупской, два года тому назад ушедший на пенсию по болезни. Рассказал, что он чувствует себя лучше, врачи порекомендовали ему легкий труд. Я ему предложил должность инженера строящегося в районе, на территории совхоза им. Крупской, в селе Луковка, комбикормового завода ОКЦ-50, где уже завершилась строительная часть и надо было приступать к комплектации и монтажу оборудования. Николай Федорович согласился, но взяли его сомнения, что первый секретарь согласится с моим предложением. Напомнил мне о своем критическом выступлении в адрес председателя райисполкома, который сейчас является первым секретарем райкома партии. «Колбунов не пропустит мою кандидатуру», – сказал Николай Федорович. «Постараюсь решить вопрос положительно», – сказал я и повёз его домой, на обед. В нашей районной квартире он был первый раз, понравился ему мой особняк, стоящий на южной стороне Алеусского ленточного бора. А самое главное – нам удалось поговорить с ним о делах, о жизни, которые меняются очень быстро.

Пришлось простить Николаю Федоровичу все обиды, которые он наносил мне в течение всей нашей совместной работы, а их было немало. Сначала он не захотел выделить доски, чтобы сбить из них веранду к дому, который я построил своими силами. За пять лет наше отделение с последнего места устойчиво стало занимать третье, но нигде об этом дирекция совхоза не сказала ни слова. Из пяти агрономов отделений совхоза только я имел высшее образование, но исполняющим обязанности главного агронома совхоза на время

отпуска назначал человека из другого отделения. Видимо, не случайно, когда меня назначали главным агрономом совхоза «Подойниковский», Крысанов был в отпуске, иначе бы возражал. Он был категоричен, узнав, что я поступаю учиться в Высшую партийную школу, и сказал: «Для умного человека достаточно одного высшего образования». Получается, он во мне не видел не только районного, но и совхозного руководителя. Подтверждением этого является случай, когда он приезжал ко мне, взяв с собой Ивана Егоровича, «свататься», чтобы я пошел управляющим Ленским отделением. Но всё это я ему простил, ничего не высказал: нельзя, пригласив человека домой, высказывать обиды. Важнее то, что Николай Федорович сделал мне добра больше, ибо он научил меня преодолевать трудности в начале моей трудовой деятельности. Помог мне состояться как личности, а это ведь самое главное в жизни.

Вопрос о назначении на должность главного инженера комбикормового завода Крысанова я решил быстро: доложил первому о том, что строительная часть ОКЦ-50 завершена, надо немедленно приступить к установке оборудования, для чего нужен инженер-механик, и предлагаю на эту должность Крысанова Н.Ф., которого он знает. На что Федор Ильич ответил сразу: «Ваш объект – ставьте кого хотите». Из очередного прихода в район новых легковых автомашин, так называемых «пирожковозов» с будкой, одну выделил Крысанову, и он приступил к работе.

Интересным был случай с водителем Белокозом Александром Григорьевичем. Он много лет возил первого секретаря райкома партии, попросился ко мне шофером, мотивируя, что скучно стало работать, сидеть целыми днями. Я знал Александра Григорьевича раньше, когда мы с Иваном Егоровичем выезжали по хозяйствам района, у него в характере – пунктуальность, чистота и порядок. Как бы мы поздно ни приезжали в гараж, он, не помыв машину, не приведя ее в порядок, не уходил домой. У него было хобби – заядлый охотник, всегда в движении. Во время посещений совхозов, которые продолжались не менее двух-трёх часов, он успевал съездить на охоту и охотно делился трофеями: утками, куропатками, зайцами, лисами, однажды даже косулей. И он как-то высказал мне свое мнение: «Иван Сулейменович, когда-нибудь вам будет очень обидно». Спрашиваю: «Почему?». Отвечает: «Вы так много работаете, а ведь могут не оценить!». Такую справедливость и доброту русского человека я встречал не однажды. Уходя на пенсию, Александр Григорьевич вместо себя предложил своего сына Анатолия, который

работал не хуже отца, а по предприимчивости даже превосходил его. В мою бытность начальником управления сельского хозяйства Щербактинского района Павлодарской области он приезжает ко мне на «КамаЗе»-длинномере и говорит: «Я приехал за арбузами». Его приезд ознаменовался еще одним сенсационным открытием для щербактинцев. Дело в том, что Анатолий, зайдя в приемную управления сельского хозяйства, говорит: «Я хочу зайти к Ивану Сулейменовичу». Ведь именно так меня звали в Панкрушихе. А секретарша отвечает: «Такой у нас не работает». Вскоре эту новость узнали все кому надо, особенно коллеги-курдасы.

Появился в Панкрушихе один кадр районного масштаба, немец по национальности, секретарь райкома партии по сельскому хозяйству Траутвейн Виктор Христианович, выпускник Новосибирской Высшей партийной школы, четырёхгодичного срока обучения. Он имел большой опыт хозяйственной деятельности, прошел путь от механика бригады до председателя колхоза в Косихинском районе. Несмотря на то, что был в районе новичок, он высказывал свое мнение, показывая знание сельхозпроизводства, и стремился дать объективную оценку происходящим событиям. Для меня это было очень важно, ибо от секретаря, курирующего эту отрасль, зависело очень многое. Виктор Христианович, как и я, не принадлежал к титульной нации, но не по этой причине наши отношения складывались наилучшим образом. Он, как человек, прошедший тяжелый жизненный путь из-за того, что являлся представителем нации, развязавший Вторую мировую войну, смотрел на происходящие события по-другому. Он сумел выбиться в самый высокий эшелон советской власти благодаря трудолюбию, порядочности и честности. Как настоящий производственник, Траутвейн попросился с должности секретаря директором совхоза, и я, как начальник управления сельского хозяйства, поддержал его просьбу.

Работая руководителем районного масштаба, я приобрел двух настоящих друзей в других районах края. Один из них Кухаришин Владимир Иванович, второй секретарь райкома партии Бурлинского района, а затем начальник управления сельского хозяйства Михайловского района. Помог нашему знакомству Айдарханов Каримхан Айдарханович, первый секретарь Бурлинского, а затем Михайловского районов. Будучи председателем райисполкома Михайловского района, Каримхан Айдарханович присмотрел Кухаршина и предложил ему совместно трудиться дальше. Мы стали встречаться на сове-

щаниях в крайком партии, часто заселялись в одной комнате крайкомовской гостиницы и долго говорили о работе, о житье-бытье. Владимир Иванович подробно рассказывал о семье своего шефа Айдарханова: у него две дочери и сын, они уже взрослые, но семейные дела у них плохи. Всё дело в том, что дочери Каримхана Айдархановича вышли замуж за русских, один – главный врач районной больницы, другой – управляющий районной «Сельхозтехникой», вроде фигуры значимые, но жили плохо и развелись. Жена Айдарханова говорила: «Лучше бы мои дочери вышли замуж за казаха-пастуха. Жили бы спокойно». Поэтому каждый раз при встрече Владимир Иванович уговаривал меня переехать в Казахстан, на историческую родину. «Живут же люди там!» – говорил он.

Владимир Иванович на полгода старше меня, испытал голод 30-х годов в полной мере, в семье было десять детей, он один – мальчик. «Поэтому родители кормили меня, – говорил Владимир Иванович, – а сестры умерли, осталась только одна». Сейчас Владимир Иванович живет в родном селе Михайловка, районном центре, в благоустроенной квартире на кромке бора, состоящего из хвойных деревьев. Целый день занят своим личным хозяйством, погреб у него полон разными видами вин, которые мне очень нравятся.

А второй мой друг – начальник управления сельского хозяйства соседнего Хабаровского района, расположенного от нашего на расстоянии 60 километров, Адамовский Иван Кириллович. Иван Кириллович – долгожитель нашей должности в крае. Он до моего назначения начальником Панкрушихинского РСХУ проработал в своем районе четыре года, параллельно мы с ним проработали еще четыре. Затем я, переехав в Павлодарскую область, отработал более 10 лет, а он всё ещё работал в своей должности – начальником управления сельского хозяйства Хабаровского района. Все годы нашего проживания в Казахстане мы тесно общались семьями, каждый год ездили друг к другу, особенно ему нравилось бывать в Павлодаре, в моей пятикомнатной квартире. Он интересовался моей работой – начальника управления земледелия Павлодарской области. Я знакомил его с работой пригородных овощных совхозов и плодоовощных баз. Он еще отличался тем, что, постоянно живя в селе и руководя сельским хозяйством района, не содержал скот, то есть не вел личное подворье, чем удивлял всех нас. Причина тому была веская: его жена, истинная ленинградка, приехав на учебную практику в Хабары, осталась жить вместе с Иваном Кирилловичем, но с одним условием – она не будет ухаживать за

МОИЛЖАН КАНАВВ

скотом. И еще одна особенность быта этой семьи – это баня, расположенная внутри квартиры, рядом с кухней: пока обедаешь – баня готова, и не надо куда выходить.

Он для меня еще был привлекателен тем, что взял на себя обязательство обеспечивать каждый год согымом, мясом не менее одной туши конины. При этом только из одного хозяйства – колхоза-миллионера «Москва», где председателем был Герой Социалистического Труда, немец по национальности.

Хорошие отношения у меня сложились с работниками крайсельхозуправления, мне пришлось работать с тремя его начальниками: Овсянниковым Иваном Васильевичем, много лет руководившим на этой должности (а со мной – один год); на его место пришел Назарчук Александр Григорьевич, после трёх лет работы он был избран председателем краевого Совета народных депутатов, затем депутатом Верховного Совета Российской Федерации, назначен министром сельского хозяйства РФ (он мой ровесник, сейчас на заслуженном отдыхе, после долгих лет мы встретились на 80-летнем юбилее Алтайского края в августе 2017 года в Барнауле. Договорились, что будем встречаться чаще, теперь есть на это время); третьим начальником крайсельхозуправления при мне был Бивалькевич, при нём я уволился и переехал на историческую родину.

Также хорошие отношения были с начальниками подразделений управления: Мишиным Анатолием Борисовичем – начальником управления земледелия края, Симоновым Анатолием Михайловичем – начальником управления строительства, он был нужнее всех, и хорошие взаимоотношения с ним дорогого стоили. Однажды я зашел к нему по одному вопросу, сидим, думаем, как его разрешить, и в это время звонит ему наш первый секретарь Ф.И. Колбунов. Анатолий Михайлович отвечает ему: «Как не решить ваш вопрос, если вы с начальником сельхозуправления синхронно работаете». Это была очень важная и своевременная поддержка.

В решении производственных вопросов хорошо помогли мне балансовые комиссии, проводимые райсельхозуправлением, на которых отчитывались директора и главные специалисты совхозов. Мы имели право их наказывать за те или иные упущения в работе, что стало сильным рычагом воздействия на них.

Уборка урожая 1980 года была очень напряженной – моя последняя на Алтае. В этом году был выращен самый высокий урожай в нашем районе.

Необходимая подготовка к уборке была проведена своевременно, хлеборобы видели результаты своего труда и старались всеми мерами убрать хлеб без потерь.

В разгар уборки урожая приехал к нам первый секретарь крайкома партии Аксенов Николай Федорович. Приехал он поздно вечером, а утром в семь часов следующего дня смотрю: ко мне в кабинет заходит Николай Федорович, один, сел за приставной столик. И я хотел сесть напротив, чтобы было удобно беседовать. Но он велел мне оставаться за своим столом. Естественно, беседа шла об уборке урожая, я ему доложил о положении дел, о темпах уборки, графике уборочных работ. Он спросил, нужна ли помощь? Ответил, что постараемся убрать хлеб своими силами. Звонил мой телефон, я ответил: «Позвоните позже – у меня первый секретарь крайкома партии». На что Николай Федорович среагировал следующим образом: «Вы работайте, как работали, отвечайте на телефонные звонки». Пробыл он у меня примерно полчаса и, пожелав удачи в уборке урожая, пошел к двери. Я хотел проводить его до выхода из здания управления, но он велел мне остаться в кабинете.

К двум часам дня собрали хозяйственный актив района, где выступил Николай Федорович, рассказал о положении дел с уборкой урожая в целом по краю, поставил задачи. Замечаний по уборке от него почти не было, но критиковал за то, что мы в магазинах торгуем привезенными консервированными овощами, на что председатель райисполкома Пятецкий Сергей Михайлович ответил: «Мы, Николай Федорович, запустили школьную теплицу и уже пользуемся её продукцией». На что в резкой форме Н.Ф. Аксёнов ответил: «То-то я вижу – у вас ноги выпрямились». Тем самым он хотел сказать, что давно надо было позаботиться о выращивании собственных овощей в районе.

Это была у меня уже четвёртая встреча с Николаем Федоровичем. Самая первая произошла в Новосибирске, в Высшей партийной школе, по вопросам распределения выпускников-слушателей по районам края. Мне он предложил должность секретаря в регионах, где больше проживает казахов, но я решил остаться в своем районе на любой должности.

Вторая встреча – на организационном пленуме, когда избирали первым секретарем райкома партии Колбунова Федора Ильича: мне пришлось проводить этот пленум.

Третья – когда он прилетел в наш район, провел бюро райкома партии, направил меня работать начальником управления сельского хозяйства. А по-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

следняя моя встреча с первым руководителем края будет 25 марта 1981 года на бюро райкома партии. Но об этом подробнее будет сказано на следующих страницах моего повествования.

Столько раз встречаясь с Аксёновым Н.Ф., я не осознавал, что передо мной был необыкновенный человек, который мог руководить республикой и даже великой страной, которая называлась СССР. Об этом говорят факты его жизненного пути. Будучи первым секретарём Алтайского крайкома партии, он тесно общался с моей исторической родиной – Казахстаном, были в хороших, даже дружественных отношениях с Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым – Первым секретарём ЦК Компартии Казахстана.

Николай Фёдорович умел убедительно и с большим юмором говорить о серьёзных вещах. Выступая перед большой аудиторией в ЦК Компартии, он сказал о судьбе русского и казахского народов: «У нас в дружбе с казахами всё нормально, но есть одно но (в зале все притихли). Мы, русские, говорим казахам: мы вас любим, а казахи говорят: нет, мы вас больше любим».

Достоверно известно, что Кунаев предлагал Аксёнову пост второго секретаря Компартии Казахстана. Также известно, что после смерти Кулакова – секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству – на это пост были выдвинуты две кандидатуры: Горбачёва Михаила Сергеевича и Аксёнова Николая Фёдоровича. И если бы избрали Аксёнова, то, возможно, вся дальнейшая история СССР сложилась бы по-иному. Но история, к сожалению, не имеет сослагательного наклонения.

1980 год – последний год моей работы на родной Панкрушихинской земле, на благодатной Алтайской ниве. В этом году наши хлеборобы добились хороших показателей в полеводстве: по урожайности и сдаче хлеба государству мы попали в десятку лучших районов края. Среди хозяйств района первое место занял совхоз имени Крупской, получивший урожай по 20,7 центнера с гектара. А среди отделений – Кызылтовское отделение совхоза имени Крупской, получившее 25 центнеров зерна с каждого гектара зерновых культур.

Решением бюро крайкома партии были премированы: начальник управления сельского хозяйства (то есть я) и директор совхоза имени Крупской Глазунов Виталий Александрович – автомашинами «ГАЗ-24». Машины для нас были настоящим подарком, ибо мы даже не знали о таком поощрении, о них нам сообщили из крайпотребсоюза, чтобы мы их забрали, притом в сроч-

ном порядке до Нового года. Мы с Виталием Александровичем вынуждены были срочно выехать в Барнаул, пригнали их точно под Новый год, 31 декабря 1980 года.

Управляющий Кызылтовским отделением Ибраев Айтказы Ибраевич, агроном отделения Нарханов Темирболат Уакасович были премированы путевками на ВДНХ в столицу СССР. Орденами, медалями, денежными премиями были награждены многие комбайнеры, механизаторы, руководители и специалисты всех уровней. Многие хлеборобы за сезон заработали по пять и более тысяч рублей, столько, сколько стоит автомашина «Москвич». Хорошую заработную плату стали получать и животноводы, ибо кормовая база их отрасли значительно улучшилась за счёт коренного улучшения сенокосов и пастбищ. Стали создавать прочный полугодовой запас кормов, повысились надой молока, привесы животных. Знаю, что наши успехи стали результатом многолетнего упорного труда старшего поколения хлеборобов, начавших свой путь с пахоты на коровах, в лучшем случае – на быках.

Я горжусь тем, что в производстве самого ценного продукта человечества – хлеба – наряду с русскими принимали участие, заняли свою достойную нишу мои сородичи-казахи из Павлодарской области, проживающие в аулах Кызыл ту и Нацмен Романовского сельского совета Панкрушихинского района Алтайского края, занявшего первое место в районе среди 25 отделений. Стали появляться положительные статьи о нашем районе на страницах краевой газеты «Алтайская правда», приехало к нам краевое телевидение, сопровождение которого по району Федор Ильич, наш первый секретарь райкома партии, поручил мне.

Телевидение в районе – в то время очень редкое явление, я сам, сколько жил в Пакрушихе, его не видел. Оно и понятно: в крае 66 районов, более десятка городов, и появлялось оно по необычным поводам.

Нам было отведено два дня, в течение которых я обязан всё показать и рассказать о полеводстве района, за счет чего получен хороший урожай. Основная тема – повышение культуры земледелия: очищение полей от сорняков не только на паровых полях, исключительную роль сыграли применение поздних посевов, комплексное проведение весенне-полевых работ, когда одна за другой ведутся обработки полей: предпосевная, боронование, посев и прикатывание идут одновременно. Показали, как научились выращивать высокий

МОИЛЖАН КАНАВВ

урожай кукурузы, суданскую траву, многолетние травы на сенокосах и пастбищах, внесение органических и минеральных удобрений.

Все наши достижения показали по краевому телевидению, брали интервью у передовиков-хлеборобов. Было и моё выступление по краевому телевидению. Был случай, когда с работниками телевидения у меня произошла почти конфликтная ситуация на национальной почве. Дело было в следующем: как обычно, после плотного трудового дня бывает застолье, мы охотно и обильно угощаем гостей, особенно редко появляющихся у нас. Один из гостей, работник телевидения, задает мне вопрос: «Иван Сулейменович, как вы попали в Алтайский край, в частности в Панкрушихинский район?». Меня этот вопрос задел, и я ответил в резкой форме: «Я не попал сюда, а родился здесь, вот директор совхоза попал – он к нам приехал из другого района края». А сам думаю: зачем сердиться, ведь на самом деле пусть не я, а мои родители попали сюда. Видимо, надо собираться и ехать на историческую родину, она ведь одна, хотя я здесь неплохо прижился. Думы об исторической родине присутствовали всегда: язык, обычаи, традиции, менталитет своего народа – они дороги каждому человеку. Бывало, еду по панкрушихинским полям, вдруг по приемнику машины звучит казахская песня, останавливаюсь, чтобы лучше послушать, а она кончается, и я оказываюсь опять оторванным от родины. Я еще подростком, будучи студентом Семипалатинского геологоразведочного техникума, поднимал эту тему, предполагая, что мне от этого будет хорошо. Но все три брата были категорически против: видимо, еще не стерлись из их памяти ужасы голодомора, ибо они были в возрасте от 10 до 14 лет, все невзгоды перенесли на себе.

Но сейчас уже совсем другая обстановка, другое время, мне уже 45 лет, надо по-серьезному решать предстоящие проблемы не только свои или своей семьи, но и каким-то образом я обязан помогать братьям и сестре, которые постарели, и их детям – моим племянникам, оберегать их. Из моей головы не выходили советы, наставления моего друга Кухаришина Владимира Ивановича, который на примере семьи Айдарханова доказывал необходимость переезда на историческую родину. Но переехать мне было не так-то просто, а тяжело, родившись здесь, прожив столько времени, хорошо прижившись: признают и оценивают твой труд, причем признание исходит и от первого руководителя края. Русская пословица гласит: «От добра добра не ищут». Здесь, на Алтае, я сделал карьеру не только себе, но и всесторонне помогал выучить-

ся племянникам: Рамазан окончил Новосибирский сельхозинститут, Шаймурат – Алтайский сельхозинститут, Батима – Алтайский институт культуры, Кульбаршин и Карлыгаш – Алтайский педагогический институт, Трумтай, Карашаш, Агзам, Мегзам – Каменское педучилище и сельхозтехникум.

Мои братья учёбу и судьбу своих детей доверили мне, как себе, а это на меня возлагало большую ответственность. Причем братья о своих проблемах и вопросах мне не говорили, я должен был о них знать сам и решать. Учить всех детей, дать им среднее и высшее образование и в советское время было не так просто, но еще больше забот они приносили родителям потом: трудоустройство, создание семьи, семейного очага и т.д.

А если учесть, что все мои племянники послевоенные, одного возраста, стало быть, их желания надо было осуществлять одновременно... В связи с этим вспоминаю слова Крысанова, директора совхоза имени Крупской, сказанные Веретенникову – директору совхоза «Подойниковский», где я в то время работал секретарем парткома этого совхоза: «Валентин Александрович, теперь машина секретаря парткома твоего совхоза будет работать на племянников Ивана Сулейменовича». Это он имел в виду транспортное обслуживание свадеб моих племянников. Я считал своим долгом лечить родственников, возить их по больницам Барнаула и Новосибирска, все операции моим близким в этих городах происходили при моем присутствии и участии.

Мои братья и сестра уходили в иной мир нестарыми, едва достигнув 60 лет. И это совершенно не от того, что у них была тяжелая жизнь и судьба, а от несвоевременного обращения к врачам и неграмотного предоставления услуг медицины. У моей сестры болели легкие, половина их потемнела. Повез ее в Новосибирск к хирургу города Кононенко Виктору – моему сокласснику по Панкрушихинской средней школе. Врачи сказали: надо удалить половину легких, для чего мы вынуждены будем убрать одно из ребер, на что мы не согласились. У старшего брата был эхинококк печени, в запущенном состоянии, врачи Барнаула во время операции сделали всё что могли, сказали, через 4-5 лет будет рецидив, то есть возврат болезни, так как мы не смогли вычистить все палочки эхинококка. Так оно и случилось.

Были проблемы с племянниками и другого характера: один из них твердо решил жениться на русской девушке, которая вместе с ним каталась на автомашине «ГАЗ-53», выделенной Панкрушихинской автобазой как демобилизованному солдату. Дело дошло до того, что он уже познакомил с ней отца,

мать, братьев и сестер, которые были против, но он никого не слушал и слушать не хотел. Племянник приезжает к нам в Панкрушиху и говорит: «Помогите мне, родственники не понимают меня». Пришлось его долго уговаривать, пока не пришли к общему мнению, что этого делать нельзя. Правильность такого решения подтверждалась различными ситуациями в жизни: выбором нации и религии у детей смешанных семей, кому из родителей они отдадут предпочтение на старости лет. Иногда даже похороны в смешанных семьях превращаются в большие проблемы – по правилам какой религии хоронить родителей. В дальнейшем дети и внуки не знают, какую из религий соблюдать. Был даже на этот счет интересный случай: конец 2017 года, казахская семья проводит поминальный обед в одном из лучших ресторанов Павлодара, куда приглашены бывшие руководители области. Напротив меня сидел сын казаха, рожденный от смешанного брака, и что меня удивило: присутствуя на этом мероприятии, он не соблюдал казахские обычаи. Мне стало обидно за его отца, моего сородича, ведь я его знал, он был первым руководителем района, занимал большие должности в области и республике. Отец, естественно, его воспитывал, учил, дал всё, что нужно для жизни. И вот какой сын получился...

Переселяться в Казахстан надо было не только моей семье, а всему нашему семейству, как иногда говорили, «клану Канаевых». Жить вместе – это традиция казахов, но особенно этого желала моя мать, которая всю жизнь к этому стремилась и смогла сохранить единство своих детей и внуков, хотя это ей дорого стоило. Теперь эту миссию приходилось продолжить мне, что сильно меня волновало: смогу ли я по сути в незнакомой стране ее выполнить, тем более у меня было достаточное количество племянников, имеющих высшее, среднее образование, которым нужны были должности и устройство быта.

После долгих раздумий принимаю решение послать свой личный листок, как сейчас говорят, резюме, председателю облисполкома Павлодарской области с просьбой принять меня на работу, равноценную выполняемой мной в Панкрушихинском районе, то есть начальником райсельхозуправления. Ответ ждать пришлось недолго: приезжает ко мне председатель Щербактинского райисполкома Ашимбетов Кемер Кожаметович – от имени председателя облисполкома Каирбаева Махмета Каирбаевича и первого секретаря обкома партии Исаева Бориса Васильевича предлагает должность начальника Щербактинского управления сельского хозяйства. Я не ожидал такой быстрой и

доброжелательной реакции со стороны первых руководителей Павлодарской области и был чрезмерно тронут их вниманием. Во-первых, сам посланец выглядел по-особому: в дубленке, норковой шапке, представительном костюме, кожаной утепленной обуви. Подтянутый, уверенный в себе, он еще оказался кандидатом сельскохозяйственных наук. События развернулись так быстро, что я об этом не успел сказать своим братьям, без согласия которых не имел права переезжать – такова традиция казахов и нашей семьи тоже. В связи с этим я говорю Кемеру Кожаметовичу: «Посоветуюсь с братьями и дам ответ». На что Ашимбетов ответил: «Я должен доложить сразу по приезде домой» – и выразил недоумение, почему не отвечаю конкретно. Я попросил Кемера Кожаметовича с ответом подождать до понедельника (он приехал в пятницу), и я сам приеду до обеда этого дня и дам ответ.

В воскресенье поехал в родной Кызыл ту, собрал братьев и сестру и рассказал им эту новость. Родственники единогласно одобрили мое предложение, подчеркнув, что в данном случае нельзя отказывать, хотя мы здесь живем хорошо и, конечно, жалко расставаться.

К 12 часам дня в понедельник я был в кабинете Ашимбетова, затем мы оба зашли к первому секретарю райкома партии Гегеру Николаю Федоровичу. Вкратце познакомившись со мной, Николай Федорович по вертушке позвонил Каирбаеву и передал трубку мне. Разговор с ним был короткий, но приятный, он сказал: «Вопрос по вашей работе решен во всех инстанциях, быстрее увольняйтесь и приезжайте исполнять свои обязанности». Я был очень удивлен: такие сложные для меня судьбоносные вопросы решаются хорошо и быстро. Кемер Кожаметович пригласил на обед, и я тогда принимал впервые казахстанскую пищу из рук Тлектес – супруги Ашимбетова.

Во время обеда меня удивил чай, он был бордовый, очень красивый, я подумал, что казахи действительно умеют заваривать этот напиток, а оказалось – это от молока, обработанного, хранящегося в специальных баночках.

На самом деле мой переезд был не совсем гладким, как это я представлял: получив мою просьбу о переезде в Павлодарскую область, Махмет Каирбаевич приходит к первому секретарю обкома партии, чтобы получить его добро на должность начальника управления, а Борис Васильевич приглашает второго секретаря обкома партии – казаха по национальности, чтобы совместно обсудить и решить мой вопрос. Но мой сородич был против, сказав, что у нас достаточно своих кадров. Тогда Борис Васильевич сам принимает ре-

шение: удовлетворить мою просьбу и послать официального человека, чтобы он меня пригласил. Этим человеком оказался Ашимбетов Кемер Кожахметович – председатель Щербактинского райисполкома, куда меня определяли на работу. С районом, где я должен был работать, было продумано областным руководством очень хорошо: во-первых, на границе с Алтайским краем, во-вторых, здесь проживало более 75 процентов русскоязычного населения.

Теперь у меня возникла новая большая проблема: как уволиться с работы, сняться с партийного учета. Пришёл к своему первому секретарю райкома партии, рассказал ему о моем желании переехать на историческую родину в связи с семейными обстоятельствами. Федор Ильич даже слушать не захотел: что это вдруг у меня возникли вопросы с семейными обстоятельствами и я вспомнил историческую родину... Хотя эти слова он вслух не говорил, но дал понять: мы, мол, тебя выучили, хорошо отблагодарили за труд, а ты нас покидаешь...

В том же русле у меня произошел разговор с Пятецким Сергеем Михайловичем – председателем Панкрушихинского райисполкома. Таким образом, первые руководители района были категорически против моего переезда, они ждали от меня дальнейшей хорошей работы. Конечно, их можно понять. Что надо человеку? Это признание его и его труда. Этому начало у меня уже положено. Да и отношения у меня с ними улучшились, они ведь меня всё время считали человеком Лудцева, но совместная наша работа в течение четырёх лет дала достойные результаты: привела нас к взаимопониманию, и они даже спокойно приняли тот факт, что поощрили меня, а не их. Я часто приходил к мысли, что, в самом деле, может, подождать или вообще оставить это желание? Но в этом случае я проживу жизнь без исторической родины, однобоко, не познав ее достоинств и недостатков. Значит, у меня нет национальной гордости...

Подождать несколько лет – тоже не пойдет: кому нужен человек пенсионного или предпенсионного возраста? Поэтому решил не опережать события, а дать им в складывающихся обстоятельствах помочь мне в решении моей проблемы. Они действительно помогли: получил положительный ответ от принимающей стороны – это большое достижение. Сейчас мне нужно решить еще немалую проблему – уволиться с работы, сняться с партийного учета, что важнее, чем первое, – так было в советское время. Мне пришлось опять обратиться к человеку, который все время следил за моей служебной ка-

рьерой, помогал мне, – Лудцеву И.Е. Он, как было сказано выше, работал уже первым секретарем Павловского райкома партии, был в хороших отношениях с Аксеновым Н.Ф. – первым секретарем крайкома партии. Если Иван Егорович убедит Николая Федоровича, то я перееду в Казахстан, если нет, то придется жить и работать в Алтайском крае. Действительно, если сказать правду, Аксенов непосредственно участвовал в моей биографии, начиная с учебы в Высшей партийной школе до назначения начальником сельхозуправления и поощрения автомашиной.

Моя судьба решилась утром 25 марта 1981 года на бюро райкома партии, которое вел сам Николай Федорович. Кадровый вопрос всегда бывает первым; не успел зайти в крайком партии, а меня уже приглашают на заседание бюро. Мое заявление зачитал заведующий сельхозотделом крайкома партии Мальченко Николай Федорович, огласив: «Прошу снять с партийного учета и уволить с работы в связи с переездом на родину». Николай Федорович сразу меня поправил, сказав: «Родина там, где родился и вырос, а ты просишься на историческую родину, но учти, когда живешь далеко, казахи приглашают, а когда приедешь, могут отвернуться». Это, кстати, всегда тоже сидело у меня в голове – что так могут сделать мои сородичи. Видимо, поэтому я быстро среагировал на замечание, ответив: «Николай Федорович, если такое случится, вы меня обратно примете?». Он покачнулся в кресле и сказал: «Нет». А члены бюро, особенно Овчинников Василий Иванович, секретарь крайкома партии по сельскому хозяйству, сказали: «Примем». Вопрос решился положительно, я уволился, снялся с партийного учета Алтайского края 25 марта 1981 года – эта дата у меня в памяти сохранена на всю жизнь.

Но оказалось, это не последнее событие на территории родного района. На следующий день меня приглашают на бюро райкома партии. Я подумал, что это будет повторение бюро крайкома партии о снятии с партийного учета и увольнения с работы, но вопрос оказался совершенно другим: «В связи с выездом начальника управления сельского хозяйства Канаева Ивана Сулейменовича оставить автомашину «ГАЗ-24» в районе, с последующей передачей ее передовику сельхозпроизводства». С таким предложением на бюро райкома партии выступил Волобуев Александр Михайлович – член бюро, председатель народного контроля. Теперь должен был выступить еще один из членов бюро райкома партии, поддержать это предложение, чтобы проголосовать уже единогласно.

Но вместо предполагаемого единодушия получилось совершенно другое. Выступил член бюро райкома партии, директор совхоза «Подойниковский» Траутвейн Виктор Христианович, сказав: «Вы не имеете, во-первых, права отменять решение бюро крайкома партии, а во-вторых, вы не имеете право отбирать личную собственность гражданина». И Федор Ильич был вынужден объявить бюро закрытым. Удивляюсь такому выступлению Виктора Христиановича, который теперь противопоставил себя руководству района, оставаясь в полном подчинении, – всё это ради справедливости, ради меня. Помимо этого, он сделал громкие проводы меня в своем совхозе, пригласив весь аппарат управления сельского хозяйства, директоров и секретарей парткомов всех совхозов.

Собрались проводить меня на историческую родину все те, с кем я работал в течение четырёх лет, будучи начальником управления сельского хозяйства. Слова были самые тёплые, от души, много изменений произошло за это время, к счастью, они были неплохие, но они давались трудом всех тружеников района, и, конечно, не последнюю роль играли сидящие здесь за столом. Не было среди нас корифеев сельского хозяйства производства: Крысанова Николая Федоровича, Мирошникова Николая Степановича, Веретенникова Валентина Александровича, на их место пришли молодые директора совхозов: Штарк Петр Петрович, Глазунов Виталий Александрович, Меречин Алексей Дмитриевич. Остались в памяти слова Дубового Анатолия Григорьевича, бывшего начальника управления, при мне работавшего заместителем: «Иван Сулейменович всегда был уравновешен, он никогда райкомовские накладки не переносил в управление сельского хозяйства». Подарили мне шахматы, чтобы я всегда думал и был в строю.

Вышли мы все на улицу, выпили, как полагается, на посошок, и, обнявшись с каждым, простился я со всеми и сел в машину «ГАЗ-24», присланную за мной председателем Щербактинского райисполкома Ашимбетовым Кемером Кожахметовичем, на которой я вернулся на историческую родину.

Конечно, меня тянуло и тянет побывать в родных местах, и в один из таких приездов я остановился у Мальгина Алексея Ивановича, главного бухгалтера сельхозуправления, который мне рассказал, что его вызывал Колбунов Федор Ильич и спросил: «За чей счет вы сделали проводы Канаева?». А Алексей Иванович ответил: «Мы скинулись». Так у районного руководства осталось в памяти, что я поступил нечестно, оно на меня рассердилось за

то, что переезжаю на родину, но у меня всё равно было и остаётся твердое убеждение, что русский народ, особенно сибиряки, справедливые люди. Скажу ещё так: сибиряки – это нация, к которой обращаются в трудные времена. И всегда получишь поддержку.

Так завершилось мое пребывание в родном Панкрушихинском районе, куда меня привезли родители в четырёхлетнем возрасте из села Подгорное Тюменцевского района, и я прожил здесь более 45 лет. Если сказать кратко об этом периоде моей жизни, то он очень грустный вначале. Грустный потому, что меня вообще могло не быть на этом свете: чудом я рождаюсь в пик голодомора на чужбине у родителей, которые уже имели троих моих старших братьев и сестру. Затем началась Великая Отечественная война, и я в семилетнем возрасте на своей корове начинаю пахать колхозные поля. Я чудом спасаюсь от копыт коровы, которая в любой момент могла покалечить меня. Единственным мальчиком из казахского аула в возрасте 10 лет учусь в Романовской семилетней школе и каждую субботу иду домой, чтобы повидаться с родителями и взять две булки хлеба на неделю, преодолев расстояние в семь километров. Приходилось идти в сильные сибирские морозы, и они мне не казались помехой, чтобы сходить в свой аул.

Много волнений и переживаний доставили мне также смена места работы, жительства – не только сельского, но и городского, а также переход с привычного, сельскохозяйственного профиля работы на партийный, причем каждую из них начинал с низового звена.

Теперь всё это позади, говорю всем панкрушихинцам, кто меня окружал: большое спасибо за науку – вы дали мне путевку в жизнь. Полон был хорошими событиями последний год моей работы в должности начальника управления сельского хозяйства района, с которого увольняли, как было сказано, очень часто. Особенно горжусь, что Кызылтовское отделение заняло первое место в районе. Интересен еще тот факт, что меня поддерживал верхний эшелон власти: в совхозе – не директор совхоза, а первый секретарь райкома партии, в районе – не первый секретарь райкома партии, а первый секретарь крайкома партии. Будучи на своей исторической родине, приходилось рассказывать, как меня освобождали на бюро крайкома партии, и некоторые воспринимали это несерьезно: «При увольнении такого не бывает, ты себя чересчур превозносишь». Но всё было именно так.

ГОВОРЯТ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛЯКИ

ЛЮДИ ИЗ СИБИРСКИХ АУЛОВ

Пётр Яковлевич Скабелкин родился в 1938 году. После школы-семилетки работал учётчиком, трактористом. Служил на Балтийском флоте. После службы работал завклубом, инструктором райкома партии. Закончил Омскую совпартшколу, был избран первым секретарём Панкрушихинского райкома комсомола. Заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Затем работал завотделом, секретарём Тогульского райкома партии, директором сельского профтехучилища, в органах исполнительной власти.

Автор ряда книг – об истории Панкрушихинского и Тогульского районов Алтайского края и других. Вот его рассказ:

– Одно из воспоминаний моего военного детства: к нам в Высокую гриву приезжают через бор казахи, поселившиеся несколько лет назад в нашем районе, и ходят по дворам – просят картошки на семена. Пришёл и к нам казах на одной ноге, в диковинной шапке – лисьем малахае... А нас самих пять душ, живём, как и все в ту пору, впроголодь, и своей картошки нам хватает в лучшем случае до конца марта... Мать выносит казаху оставшиеся полведра. «Что я вам должен за это?» – спрашивает казах.

«Ничего, – отвечает мать, – дай Бог, чтобы картошка уродила». Картошкой в войну, оказывается, спасались не только мы, но и бежавшие от голода из Казахстана в Сибирь казахи.

А того, что приходил к нам, я позже вспомнил, когда уже в райкоме работал: это был фронтовик, председатель колхоза «Кызыл ту» Сергей Исекеев, сменивший на этом посту погибшего на войне первого председателя, своего старшего брата. Когда он заходил в райком, громко стуча своим протезом, все, ещё его не видя, знали – это Исекеев идёт. Авторитетный был человек и хороший председатель.

Мне гораздо позднее удалось найти в районном архиве любопытные сведения о двух казахских аулах, появившихся перед войной в районе. Первый – колхоз «Нацмен» – был создан в 1938, а второй – «Кызыл ту» – в 1936 году. И вот в государственном акте о наделении землёй второго говорится,

что имущество на этот момент у хозяйства следующее: плуг конный – один; борона – одна; рабочий бык – один; лошадь – одна. А уже в 1938 году, по сохранившимся в архиве сведениям, колхоз выполнил установленный ему план хлебосдачи.

Есть в архивах и другие сведения об этих аулах – сперва колхозах, а затем отделениях совхоза.

Так, в 1939 году в Кызыл ту было 166 жителей, а в Нацмене – 153. В 1941 году дворов начитывалось: в первом – 29, а во втором – 31. Земли было: у Кызыл ту – пахотной, пашни и залежи – 1212,5 гектара, а у Нацмена – около 1277 гектаров.

В 1959 году население Кызыл ту составляло 235, а Нацмена – 182 человека; в 1970 – соответственно: 272 и 273; в 1979 – 190 и 88; в 1989 – 235 и 24. Второй аул затем перестал существовать, а в Кызыл ту теперь 28 дворов, в которых живут около ста человек.

В Кызыл ту я частенько бывал, и когда работал инструктором райкома партии, и когда стал первым секретарём райкома комсомола. И тогда же познакомился с Шаймарданом Канаевым – бухгалтером, а затем управляющим Кызылтовским отделением. Он много лет возглавлял там на общественных началах партийную организацию. Тогда было такое правило: меня, молодого инструктора, наставляли в райкоме – в ходе проверки парторганизации надо обязательно найти недостатки и упущения и указать на них. Стал проверять, а у Шаймардана – и документы в полном порядке, и взносы партийные уплачиваются вовремя, и партийные собрания проводятся регулярно, по графику. Кстати, на собраниях я потом и сам не раз присутствовал и лично убедился, что не было у них никаких свар, скандалов, шума, что порой случалось в других парторганизациях. В том числе и потому, что высок был авторитет секретаря парторганизации – его в ауле уважали, к словам его прислушивались, ведь он в ту пору был там самый грамотный из всех аульчан, к тому же хорошо говорил по-русски. А после той первой проверки я долго голову ломал, на какие же недостатки в партийных делах указать Шаймардану? Что-то всё-таки ему сказал на этот счёт, и он это на удивление спокойно воспринял – мудрый был человек, на мелочи не разменивался.

Жили казахи до конца 60-х да ещё и в начале 70-х годов преимущественно в землянках. Даже в годы освоения целины их быт не сильно изменился, ведь основные средства и ресурсы тогда шли на новые хозяйства.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Тогда же впервые побывал в их жилищах. В первой части располагалось что-то вроде кухни, а во второй, отгороженной обычно простым поломом, – жилая комната, как правило, всегда чистая, опрятная, со стопами одеял и подушек у стен.

Помню ароматный казахский чай из самовара, с молоком, и запах вяленого конского мяса, его необычный вкус. Казахи всегда были доброжелательны и гостеприимны.

Однажды в Нацмене обратил внимание на то, что жена у хозяина, хоть и в национальной одежде, но явно не казашка, а, скорее, славянка. И услышал необычную историю их семьи. Казах из этого аула освобождал Белоруссию, в одном из сёл увидел местную девушку и сразу в неё влюбился. Сказал: «Останусь жив – вернусь за тобой! Жди!». Вернулся после победы и увёз её в далёкую Сибирь, где жена приняла обычаи и веру прежде незнакомого ей степного народа. Помню своё тогдашнее удивление и вопрос, от которого не смог удержаться: не жалеет ли, мол, она о своём выборе? А она засмеялась: «Разве по мне не видно, что не жалею?».

Люди в ауле были дружные, работающие. В пору уборки урожая на току работали и старики, и женщины, и дети – кто зерно перелопачивает, кто плечей орудует – ими вручную зерно грузили...

Не изгладится из памяти и такой эпизод. То был урожайный год, и нужен был своего рода показательный пример трудового подвига. Не потому, что люди плохо работали, а такое время было – требовались своего рода маяки. Меня, тогда первого секретаря райкома комсомола, вызвал первый секретарь райкома партии Иван Егорович Лудцев и спрашивает:

«Можешь подыскать парня, который взялся бы намолотить на комбайне СКД-5 тысячу центнеров зерна за сутки?». Я ответил, что постараюсь, потому что у меня уже был такой комбайнёр на примете – как раз из Кызыл ту – комсомолец Бекбулат Жалайлитденов. К нему с корреспондентом нашей районной газеты Валерой Воробьёвым и поехали. Спрашиваю Бекбулата: «Ну что, сможешь?». «Смогу, – отвечает, – комбайн надёжный, ещё раз всё проверю, подтяну – не должен подвести». «А от нас помощь какая-то нужна?». «Главное, – говорит, – чтобы мне не стоять из-за нехватки машин на вывозке зерна». Позаботились и об этом, но уже ночью, когда нам стало ясно, что рекорд возможен, с вывозкой и возникли проблемы: машины были ведь бортовые, малотонные, разгружали их на току вручную и не успевали. Сами поехали на ток, стали

помогать на разгрузке. И ровно через сутки стало ясно: есть рекорд! Бекбулат намолотил за 24 часа работы на комбайне СКД-5 1180 центнеров зерна.

Он с чувством исполненного долга пошёл спать, потому что с ног валился от усталости. А мы с Валерой помчались в типографию, вручную набрали листовку: «Есть рекорд – 1180 центнеров за сутки!». Оттиснули и один экземпляр отправили на самолёте, улетающем от нас в Барнаул, в крайком комсомола.

Бекбулат был награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ и знаком ЦК ВЛКСМ «Золотой колос». Какое-то время спустя он уехал в Казахстан, и наши связи прервались. И какой же неожиданной радостью стала моя встреча с ним совсем недавно, на 80-летию Ивана Сулейменовича Канаева в Павлодаре. Мы обнялись, как давние друзья, вспомнили былое...

Кстати сказать, в успехе Бекбулата была и доля труда Ивана – первого агронома-казаха с высшим образованием в нашем районе. Именно он, начав свой путь в Кызыл ту агрономом отделения, закладывая здесь основы культуры земледелия. И казахи стали у нас земледельцами не хуже других. Один из директоров совхозов, увидев чистые, ухоженные поля Кызыл ту, выразился однажды так: «Какие казахи молодцы – утёрли нос всем нам!». Так это и было – в 1980 году: отделение получило высшую урожайность в районе – в среднем по 25 центнеров с гектара. Район тогда вошёл в десятку лучших в крае (среди 66 районов), а Иван Сулейменович – в ту пору начальник Панкрушихинского райсельхозуправления – за достижение высоких результатов был премирован личной автомашиной «Волга» ГАЗ-24 – большой редкостью по тем временам. И хоть мы с ним вместе никогда не работали, знали друг о друге, иногда встречались. Близко же сошлись в последние годы, но об этом чуть позже. А пока ещё немного об ауле. Помню девушек Исекеевых – Галину и Шамшию – комсомольских активисток. Первая заведовала клубом, художественная самодеятельность здесь всегда была на уровне. А на смотрах самодеятельности, когда аульчане выходили на сцену в национальных одеждах, танцевали и пели, зал им всегда рукоплескал.

В ауле, кроме производственных объектов, были построены школа, клуб, другие социальные объекты. Люди перебрались из землянок в новые добротные дома. С лёгкой руки и по примеру Канаевых казахи стали учить своих детей – не только в средних школах, но и училищах, техникумах, институтах. Главврачом в нашей районной больнице работал Николай Алексан-

МОИЛЖАН КАНАВВ

дрович Чукатов, к сожалению, рано ушедший из жизни. А врачом-кардиологом – вышедшая из Кызыл ту Динара Ахметова, теперь она работает в Павлодаре. Врачами также работают Айгуль Кузкенова, Естай Рамазанов. Есть медсёстры-казашки...

Теперь ещё о Моилжане, которого мы всегда звали и по традиции зовём Иваном Сулейменовичем. Подружились мы с ним, можно даже сказать – побратались, в последние годы. Он, приезжая на свою сибирскую родину, собирает и объединяет нас, земляков. Как-то устроил замечательную встречу в лесхозе, затем чествовали его всей Панкрушихой в Доме культуры, где принимали целую казахстанскую делегацию. И та душевная встреча надолго сохранится в памяти у нас, панкрушихинцев.

Иван Сулейменович пригласил земляков на свой юбилей в Павлодар. Не все смогли поехать, а мы с Виктором Христиановичем Траутвейном были тронуты радушным приёмом, знакомством с Павлодаром. Видели – с каким уважением относятся к нашему земляку на родине его предков.

Рад, что и наш с супругой дом стал родным для Ивана Сулейменовича. Вот и недавняя наша встреча с ним была, как всегда, тёплой, душевной, искренней – так, как и должно быть у близких друг другу людей.

Пётр СКАБЕЛКИН

МЫ БЫЛИ КАК БРАТЬЯ

Родился я в 1928 году. Отца своего Мухади, умершего, когда я был совсем маленьким, помню лишь чуть-чуть... Зато военное своё детство помню хорошо.

Мы жили в ауле Кызыл ту на Алтае: мать Батима, старший брат Касен и две его жены, и у каждой было от него по ребёнку. После начала Великой Отечественной войны брата призвали в армию, а в 1942 на него пришла похоронка. Мы жили все вместе, работали в колхозе за трудодни. Чаще всего бывало так: год прошёл – получать нечего.

Помню, как пахали на коровах и сеяли вручную: на шее у сеяльщика мешок, и он пригоршнями семена разбрасывает. Пока их заборонят, часть уже птицы склюют.

Тяжело, конечно, жилось... У нас корова была. Мало того, что пахали на ней и грузы возили, так надо было с неё сдать государству 15 килограммов

масла и 40 килограммов мяса. А откуда? Жили впроголодь, спасались тем, что пекли лепёшки из муки, которую получали из зерна, смолотого на ручной мельничке. Но всё это редко. Учились картошку выращивать, садить её стали помногу. Но не все казахи это делали – это же чуждо нам было.

Уже МТС работали – машинно-тракторные станции. Они по графику обслуживали колхозы – пахали в основном. Это были трактора ХТЗ – Харьковского завода на железных колёсах со шпорами. Работали на них русские женщины (мужчины ведь на фронт ушли). Я был первое время прицепщиком. Трактора старые, часто ломались. Встанет он посреди поля, трактористка плачет, не знает – что делать. Я был парень башковитый, старался вникать в работу техники, налаживал. Так самоучкой будущую профессию и освоил. И, заметив это, бригадир взял меня в бригаду Велижановской МТС – под свою ответственность, по сути незаконно. Так я вскоре стал трактористом.

Нас было пятеро казахов-трактористов: Жамсап Тасимов, Баужан Кузенов, Кабай Булатов, Казкен Музданов и я. Они все старше меня были и все уже умерли. Делали всё, что нам поручали: пахали, лушили, сеяли, убирали хлеб на прицепных комбайнах.

Колхозы тогда своей техники не имели. Так, например, в нашем Кызыл ту было 6 лошадей, 5 быков, 4 коровы и две сотни баранов. Лошади, быки и коровы тоже были. Помню, как приходилось и мне на быках ездить в Камень-на-Оби за соляжкой для нашей Велижановской МТС: 70 километров туда, столько же оттуда, да ещё плюс 30 километров, чтобы развезти горючее к работающим в колхозах тракторам...

Жили бедно, но очень дружно, помогали друг другу, что такое воровство – вообще не знали.

В войну вернулся домой без одной ноги Сейтен Исекеев (русские его Сергеем звали) – стал председателем нашего колхоза. Хороший был мужик, правда, и выпивал иногда крепко. Да ведь и было отчего: на войне насмотрелся всякого и в колхозе жизнь не сахар, председательская ноша – не из лёгких.

Однажды решили его снять с должности: приехал уполномоченный из района. А колхозники-односельчане – ни в какую. Так и пришлось им его оставить.

Вернулись с воинской службы братья Канаевы: старший Жунус много лет заведовал фермой, второй – Шаймардан был счетоводом колхоза, а затем управляющим отделением совхоза и очень многое сделал для развития аула и

МОИЛЖАН КАНАЕВ

улучшения жизни, быта сородичей; третий – Мухамеджан работал учителем. Они все были старше меня, но мы были как родные, как братья. В Кызыл ту это все знали, к нам прислушивались, с нами считались. Канаевы всегда могли положиться на меня, а я – на них.

Авторитетной, дальновидной женщиной была их мать, которая в войну руководила семьёй, оставшейся без мужчин... Моилжан же ещё малолеткой был. Она старалась скот держать, чтобы прокормиться и хоть какую-то копейку заработать на продаже мяса (возили его зимой за 200 километров в Новосибирск). И вот она организовала летом асар – воскресник, чтобы сено для подворья запасти. Приезжал я из Кызыл ту со своей конной косилкой и лошадию, ещё одна такая косилка была у них в Нацмене. Однажды за день мы накосили и сметали семь стогов, которых им хватило на зиму.

Как работали? А вот как: косилку тянут два быка, а впереди у них лошадь – она их ведёт, а то и тянет за собой. А на лошади верхом Моилжан-понщик. Это ещё в войну было.

В 1950 году призвали меня на службу, которую прошёл на Дальнем Востоке, в строительных частях, управляя, как и дома, техникой. В 1953 году демобилизовался, отдохнул немного и пришёл в МТС – устраиваться на работу. И тут – удача: нас, 20 человек, отправляют в Славгород за новыми тракторами – 18 русских и двоих казахов. Это были уже новые, более совершенные трактора ДТ-54. Хорошие машины – в сравнении с теми, на которых в войну работали.

Через год меня назначили помощником бригадира, хотя с трактором я и на этой должности не расставался.

Потом – целина, интересное время большой работы. Особенно если учесть, что земля на Алтае в тех местах хорошая, плодородная, и урожаи были хорошие.

Так я работал до той поры, когда решил переехать в Казахстан... Мне вызов пришёл, грузовую машину прислали за нашим семейным имуществом. Пошёл к директору совхоза Исаеву увольняться, а он говорит:

«Ты что, у меня посевная, вот отсеется, тогда и отпущу, раз уж твёрдо решил уехать». Я семью отправил, а сам ещё на посевную остался.

Потом работал в колхозе «Чигириновский» бригадиром тракторной бригады. Я был российский казах, служил в армии, привык к порядку, дисциплине. Тут же ничего этого не было, пришлось «наводить дисциплину». Ну и

бригада, прежде всегда отстававшая, пошла вверх. И меня решили направить в другую отстающую. Я наотрез отказался. Тогда меня повезли в район, как оказалось, к первому секретарю райкома партии Антонову – Герою Социалистического Труда: вот, говорят, коммунист отказывается от нового участка работы... «Ты мне партбилет на стол положишь!» – сказал Антонов, поняв, что я всё равно не соглашусь. Я ему сказал: «Не ты мне его вручал – не тебе и забирать. А если я вас такой не устраиваю, могу обратно в Россию уехать!». Ну они меня после этого оставили в покое. А из бригадиров я сам ушёл: у них зарплата была минимум вдвое меньше, чем у трактористов. Я на колёсном МТЗ, который мне достался, зарабатывал по 250-300 рублей в месяц при прежних «бригадирских» 120-130 рублей.

Я технику любил, чувствовал её и знал. И с тракторами мне везло. После «колёсника» достался ещё один новый трактор, уже со стартером. Но кто-то утащил аккумулятор от него, и я установил «пускатч».

Трудновато привыкали мы к исторической родине. Скучали, конечно, по Алтаю, родному аулу Кызыл ту. Мать – особенно: приедут, бывало, земляки оттуда, мать от радости не знает куда их посадить и чем угостить... А напоследок передаёт приветы всем-всем, добавляя: мол, даже собакам нашим аульным – и тем привет везите.

Позже, когда уже Моилжан переехал в Щербакты, а затем и брата Шаймардана перевёз, я их в гости приглашал, вспоминали – не могли наговориться.

Я потом ещё десять лет в Павлодаре проработал, в локомотивном депо на железной дороге, ремонтировал тепловозы.

Награждён, ещё на Алтае, медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», а уже здесь медалью «Ветеран труда», имею звание труженика тыла. Есть и другие награды.

Главное богатство – внуки и правнуки: первых у меня 6, а вторых – уже 11. Живу с дочками в Павлодаре.

Бываю и на алтайской родине. В прошлом году ездил в Кызыл ту на 70-летие Победы. Здесь установлен обелиск нашим погибшим сородичам, где есть фамилия и моего брата.

*Гаждан ИСКИНДИРОВ,
труженик тыла*

ОН ОПРЕДЕЛИЛ МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Моим первым учителем стал Моилжан Сулейменович Канаев. Мы жили тогда в казахском ауле Нацмен, где была начальная школа. Никто из нас, тогдашних учеников, ни слова не знал по-русски, а он хорошо говорил на русском, но ему с нами приходилось нелегко. Объяснять предметы он начинал на русском, потом переводил на казахский, и так мы познавали основы грамоты.

Помню, как заботливо он к нам относился. Был строг, но никогда, ни на кого не кричал, и, конечно, пользовался огромным авторитетом у нас и уважением у наших родителей.

Он был хорошим учителем и определил всю мою дальнейшую жизнь. После первых четырёх лет обучения в Нацменовской начальной школе нас переводили в Романовскую среднюю школу, где некоторые из-за плохого знания русского языка оставались на второй год. Я же неплохо освоила его благодаря своему учителю уже в Нацмене и училась неплохо, переходя из класса в класс. И уже тогда в мечтах видела себя учительницей младших классов, представляла, как я проверяю тетради.

После окончания школы поступила в Каменское педагогическое училище, а, закончив его, в Горно-Алтайский пединститут – заочно. Работать стала учительницей младших классов в соседнем ауле Кызыл ту. Проработала на одном месте с одной записью в трудовой книжке 40 лет. Могла бы преподавать биологию и химию – их изучала в пединституте, но этих предметов в нашей начальной школе не было. А муж, чьи родственники жили в Кызыл ту, не хотел оттуда уезжать. Но я не жалею, что всю жизнь преподавала в младших классах.

Определились в жизни и наши дети – сын и дочь, получившие высшее образование в России и продолжившие учёбу в Казахстане. Работают в Павлодаре на государственной службе. Недавно и мы к внукам перебрались – уже больше года как живём в Павлодаре. Занимаемся с внуками, водим в школу, хотя, если честно, скучаем по нашему Кызыл ту, где прошла вся жизнь.

Думая о прошлом, всегда вспоминаю добрым словом Моилжана Сулейменовича, определившего мой профессиональный выбор. Мы все тогда смотрели на него как на особого человека – знающего, грамотного, много повидавшего, учившегося заочно в сельхозинституте. Я хотела походить на него,

писала про него в школьных сочинениях. И, думаю, что не подвела своего первого учителя, ведь и многие мои ученики пошли вслед за мной, стали учителями, уважаемыми людьми. Они меня не забывают – звонят, поздравляют с праздниками, благодарят. Вот так, по цепочке, добрые семена, посеянные когда-то нашим первым учителем, дают добрые всходы.

Кульбаршин Кенжетаевна АПСАЛИКОВА.

ДОРОГОЙ МОЕМУ СЕРДЦУ ЧЕЛОВЕК

Как я познакомился с Иваном Сулейменовичем Канаевым? В 1979 году прошлого века, окончив Новосибирскую высшую партийную школу, я был направлен Алтайским крайкомом КПСС в Панкрушихинский район в качестве секретаря райкома партии, в мои обязанности входило руководство организационно-партийной работы. Бюро райкома партии на меня также возложило курирование сельского хозяйства. Иван Сулейменович Канаев в то время был начальником управления сельского хозяйства Панкрушихинского района. Познакомился я с ним на пленуме райкома партии, на котором меня избрали секретарем. В партии была такая традиция, что вести пленум всегда доверяли бюро райкома партии. Иван Сулейменович был членом пленума и бюро райкома партии. После избрания меня пригласили в президиум, все члены бюро персонально пожали мне руку, поздравили с избранием, в том числе и Иван Сулейменович. Естественно, при рукопожатии все члены бюро представлялись (т.е. говорили, кто есть кто). Представился и Иван Сулейменович: «Начальник управления сельского хозяйства».

Естественно, в процессе работы, касающейся вопросов сельского хозяйства, в основном приходилось общаться с начальником управления сельского хозяйства. Хотя я мог пригласить к себе любого главного специалиста управления, любого руководителя хозяйства или службы, имеющих отношение к сельскому хозяйству.

По части иерархии всё было четко регламентировано уставом партии и положением об управлении сельского хозяйства. Однако в наших отношениях с Иваном Сулейменовичем всегда было полное взаимопонимание. Иван Сулейменович был очень выдержанным, вдумчивым и спокойным руководителем. В своих суждениях, отношении к делам и обстановке, в работе с кадрами он был гораздо более выдержанным, лояльным, в отличие от меня. Иногда

МОИЛЖАН КАНАЕВ

мои резкие, радикальные предложения или даже решения им придерживались, и в итоге он очень часто оказывался прав: т.е. частенько он становился своего рода ограничителем или даже тормозом для моих резких движений.

Что касается отношений с начальством, то понятно, что в районе у нас с ним был один руководитель – первый секретарь райкома партии. Мы с Иваном Сулейменовичем были оба членами пленума и членами бюро райкома партии и имели практически одинаковые полномочия.

Что касается краевого руководства, то я, как секретарь райкома, подчинялся только крайкому партии, а Иван Сулейменович, как член партии, – крайкому КПСС, а как начальник управления сельского хозяйства – краевому управлению сельского хозяйства. Нам с Иваном Сулейменовичем неоднократно приходилось ездить в краевой центр с отчетами по работе с кадрами, по состоянию дел в той или иной отрасли сельского хозяйства, по ходу дел в той или иной кампании (посевная, уборка урожая, зимовка скота и т.д.). Хочу отметить, что к Ивану Сулейменовичу во всех краевых ведомствах относились с большим уважением. Ни разу не слышал, чтобы кто-то из вышестоящих руководителей поднял на него голос или как-то его оскорбил, всё всегда было на приличном уровне, корректно.

Отношения с подчиненными и коллегами у Ивана Сулейменовича всегда были спокойными и ровными. Мы очень много провели с ним совместных мероприятий, т.е. совещаний, встреч, дней животноводов и т.д. Было и такое, когда дела не ладились в том или ином направлении. Я в таких случаях был всегда резким и прямым, иногда даже раздражительным, с ним этого не было никогда. Ещё у него была очень хорошая черта: как бы мы там ни возмущались, ни обостряли ситуацию, ни выдвигали каких-то крутых кадровых решений, Иван Сулейменович всегда в конце мероприятия или поздравит присутствующих с наступающим праздником, или отдельных товарищей с днем рождения. Я, к сожалению, иногда в запале об этом забывал.

Особая история – отъезд И.С. Канаева на родину предков, в Казахстан. Данный эпизод из нашей совместной жизни хорошо описан Скабелкиным П.Я. в книге «Колея жизни». Однако кое-какие подробности о том, как уезжал Канаев на историческую родину, могу сообщить и я.

Мысль об отъезде пришла Ивану Сулейменовичу Канаеву гораздо раньше, когда я начал работать в райкоме партии. С этой идеей и её обоснованием он пришел ко мне. У него, как я помню, в семье было четыре девушки и маль-

чик Анатолий. Девушки были все взрослые, кто-то уже закончил обучение, приобрел профессию, кто-то доучивался. И естественно, Иван Сулейменович как отец был обеспокоен устройством их личной судьбы. В этом отношении он не видел перспектив для них в Панкрушихинском районе. Всё это он мне честно изложил, и мне его доводы показались обоснованными. Он мне сказал, что подал заявление в бюро райкома партии, и просил меня поддержать его. Я ему пообещал поддержку, но, честно признаться, ни с кем из членов бюро на эту тему заранее не разговаривал, надеясь на свое умение убеждать людей во время конкретного диалога. В конечном счете оно так и случилось.

От нашего разговора до заседания бюро прошло приличное время, и я уже работал директором совхоза «Подойниковский», оставаясь членом бюро. На заседании бюро все примерно так и получилось, как я предполагал. Первый секретарь зачитал заявление Канаева с просьбой о его освобождении от должности и снятия с партийного учета и попросил членов бюро высказаться. Я посмотрел – все молчат – и попросил слова. Аргументировано изложив причину его увольнения и обосновав аргументы, по выражению лиц первого секретаря и членов бюро понял, что меня все поддержат, так оно и произошло. Однако после голосования поднялся председатель районного комитета народного контроля Волобуев А.М. с таким нелепым предложением: Канаев, работая в Панкрушихинском районе, по краевой разрядке приобрел автомобиль «Волга» ГАЗ-24, и раз он уезжает, то автомобиль надо бы оставить в районе. Я посмотрел внимательно на первого секретаря, на членов бюро и понял, что по этой части уже была проведена определенная работа (это сейчас выглядит нелепо и неестественно, но в то время, в 1981 году, подобное было вполне возможно, и бюро райкома партии могло вынести такое решение, дать распоряжение ГАИ и задержать автомобиль в границах Алтайского края). Я был очень возмущен этим предложением, немедленно поднялся и очень эмоционально и популярно высказал, что думаю на этот счет. В заключение я сказал (естественно, это было спонтанно), что я якобы вчера видел на Канаеве очень симпатичную рубашку, и она мне очень понравилась. «Так давайте заодно с автомобилем отберем у него и эту рубашку!» – так с возмущением закончил свою речь. Я понял, что убедил членов бюро и первого секретаря: все они опустили головы и отвели взгляд. Больше этот вопрос не дебатировался.

После этого Иван Сулейменович уехал в Павлодарскую область Казахской ССР и был там принят на работу в качестве начальника управления сельского хозяйства района, граничащего с Алтайским краем.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Уже осенью, после уборки, Иван Сулейменович приехал ко мне в хозяйство с просьбой помочь ему в организации так называемой отъездной. Я ему сказал, чтобы не беспокоился, всё сделаю, и в одну из суббот осенью 1981 года в столовой совхоза «Подойниковский» это мероприятие было организовано по высшему классу. Были приглашены все директора и секретари парткомов совхозов и специалисты управления сельского хозяйства. Также я пригласил первого секретаря и председателя райисполкома, председателя комитета народного контроля, но никто из них не приехал (очень жаль – они могли бы многое о себе услышать).

После этого мы с Иваном Сулейменовичем поддерживали постоянную связь. Я в хозяйстве затеял большую строительную программу, особенно по асфальтированию дорог, складов, зерноплощадок, тысяч по 23-30 квадратных метров в год. Для этого нужно было большое количество битума, а ближайший нефтеперегонный завод находился в Павлодаре.

Я выехал туда, встретился с Иваном Сулейменовичем, его уже перевели начальником областного плодоовощного управления. Он познакомил меня с директором завода, остальное, как говорится, было делом техники: до 1987 года совхоз «Подойниковский» ежегодно получал с нефтеперегонного завода до десяти битумовозов по железной дороге – в каждом около 60 тонн битума.

Мы постоянно с ним общались по телефону, обменивались мнениями и выводами обо всех событиях, которые происходили в России и Казахстане.

Хорошая встреча у нас была в 2013 году. Он сообщил мне, что приезжает в Панкрушихинский район с родственниками (это были его племянники). Встречались мы в селе Подойниково, на квартире у бывшего директора совхоза В.Н. Гордиенко. В 2014 году мы снова встретились с ним. Он организовал приезд в Панкрушихинский район делегации Славянского культурного центра и «Землячества Алтая» г. Павлодара. Официальная часть этой встречи прошла в Доме культуры села Панкрушиха, а неофициальная – в селе Подойниково, в столовой «Боровлянка».

В декабре 2014 года я был приглашен в город Павлодар на 80-летний юбилей Ивана Сулейменовича Канаева. Очень подробно об этом написано в книге П.Я. Скабелкина «Колея жизни».

В 2016 году Иван Сулейменович Канаев с делегацией в составе павлодарского фермера Мубарака, публициста, писателя Юрия Поминова и панкрушихинского фермера Сукосяна и его сына приезжали в ООО «Май-

ское». Подробно ознакомились с материально-технической базой ООО и КФХ «Траутвейн В.Х.». Посмотрели социальные объекты хозяйства, посетили животноводческую ферму ООО «СП им. Г.С. Титова». По всему чувствовалось, что они остались довольны той поездкой и нашей встречей.

В 2017 году Иван Сулейменович Канаев во время уборки урожая зерновых приезжал на Дни дружбы Республики Казахстан и России, которые проходили в Барнауле. Заезжал в гости ко мне, с ним был бывший прокурор Павлодарской области Д.Н. Фалеев и кто-то из его родственников. Съездили на поля, они пообщались с механизаторами, проехали с ними на комбайнах лучших мировых фирм и, как понял, были в восторге.

И.С. Канаев, конечно, состоявшийся, грамотный, знающий, вдумчивый, спокойный, очень рассудительный руководитель. Его биография, его работа в Алтайском крае и Павлодарской области это полностью подтверждают. Как человек он очень спокоен, я думаю, даже расчетлив и способен предвидеть ситуацию, обладает хорошей жизненной интуицией. Я ещё раз хочу отметить, что в нашей совместной работе он частенько меня сдерживал от резких движений и радикальных решений, я ему за это благодарен.

Он очень хороший, как мне казалось, немножко даже строгий семьянин. Мне не очень часто приходилось общаться с его семьёй, но я, тоже как отец, заметил, что дети у него очень послушны, дисциплинированы и уважительны, я ни разу не видел, чтобы его кто-то ослушался. Ну а жена его (пусть она меня простит, я называю ее просто Клава) – это образец казахской жены. Сдержанная, грамотная, всегда уважительная и приветливая (мне кажется, что она очень сострадательная). Дай Бог ей и Ивану Сулейменовичу здоровья и ещё много-много лет совместной жизни. Счастья им, удачи и всего самого хорошего в жизни.

С искренним уважением – Виктор ТРАУТВЕЙН

«ЗДРАВСТВУЙ, ВАНЕЧКА!»

Нина Дмитриевна Черных всю жизнь проработала в школе учительницей начальных классов. Почти 70 лет назад она учила М.С. Канаева – тогда четвероклассника Романовской семилетней школы. Учила лишь одну четверть, но М.С. Канаев никогда её не забывал и старается навестить в любой свой приезд на сибирскую родину в Панкрушиху.

Вспоминает М.С. Канаев: «Это был 1947 или 1948 год. На семейном совете мать и старшие братья решили, что я должен продолжить учение. И я четырнадцатилетним переростком (в школу пошёл поздно, в десять лет, потому что в войну нам, детям аульных казахов, было не до учёбы) сижу за партой вместе с десятилетней ребятнёй. А занятия у нас ведёт только что закончившая экстерном Каменское педучилище Нина Дмитриевна Черных – девушка необыкновенной красоты, всего на четыре или пять лет старше меня. И, конечно, я старался, тянулся как мог, чтобы не выглядеть неучем. Хотя учёба мне и нелегко давалась из-за плохого знания русского языка.

Нина Дмитриевна уже стала привыкать к нам, а мы к ней, как в один прекрасный день приехал на лошади, запряжённой в кошеву, красавец-фронтвик и увёз нашу учительницу через бор в Высокую Гриву, где он был директором школы. А я очень жалел, что лишился такой замечательной учительницы и такого доброго, внимательного человека. Когда мы в те времена встречались с ней и я здоровался, она всегда отвечала: «Здравствуй, Ванечка!». И теперь, спустя почти 70 лет, приветствует меня точно так же.

Я ещё не закончил школу, когда меня призвали в армию. Отслужил, вернулся, сам стал работать учителем в Нацмене и заочно учиться в Алтайском сельхозинституте, потом работал уже по специальности. И судьба вновь свела нас, на этот раз в Подойниково, где я был избран секретарём парткома совхоза, а Нина Дмитриевна и её муж Николай Михеевич работали в школе: он – директором, она, как и прежде, учительницей начальных классов. И хоть у нас теперь был другой уровень отношений, моё личное отношение к Нине Дмитриевне, их семье было в высшей степени уважительным. Не только потому, что она учила уже моих дочерей, а и потому, что эта семья была для всех, кто тогда жил в Подойниково, примером образованности и культуры. А некоторые родители даже готовы были на год позже отправить ребёнка в школу – лишь бы он попал в класс, который будет вести Нина Дмитриевна.

В Подойниковской средней школе у неё учились две наших дочери – Айман и Шолпан, которую здесь звали Тамарой. Обе учились хорошо, в чём была заслуга и Нины Дмитриевны. Шолпан совсем недавно вспоминала, какой радостью, каким восторгом наполнялось её сердце, когда за образцово выполненное задание Нина Дмитриевна, кроме выставленной ей пятёрки, делала ещё и приписки: «Отлично! Умница!» или «Молодец!».

Я приглашал её на своё 80-летие, она приехать не смогла, но позвонила, чтобы поздравить. А Шолпан была у нас и захотела сама поговорить с Ниной

Дмитриевной, поблагодарить за науку – школьную и человеческую. Ведь учение пошло впрок не только ей, но и сыну – моему внуку Олжасу, шагнувшему намного дальше нас, окончившему Пекинский университет, работающему в Китае, владеющему, кроме русского и казахского, также английским и китайским языками.

А начиналось всё почти 70 лет назад, с Нины Дмитриевны. Ей сегодня уже под 80 лет, она давно на пенсии. Схоронив мужа, всё так же живёт в Подойниково, сохраняя обаяние и стать, и встречает меня приветливо, как в далёкой юности».

Вспоминает Нина Дмитриевна: «Я, конечно, почти не помню класс, в котором учился Ваня Канаев, но его запомнила: он был единственный в своём роде – казах, уже юноша и к тому же соображал неплохо.

А дочерей его, конечно, помню – прилежных, старательных, всегда аккуратных девочек. И дом Канаевых в Подойниково помню тоже. Тогда существовал такой порядок: я как учитель дважды в год должна была побывать в семьях своих учеников, чтобы ознакомиться с обстановкой, с тем, есть ли у них условия для занятий. Так вот, в доме у Канаевых всегда был просто образцовый порядок – такой редко где увидишь. Это была заслуга супруги Ивана Сулейменовича Кулятай, которую мы звали Клавой. Дети их росли послушными, воспитанными.

На родительские собрания, это я точно помню, всегда приходил Иван Сулейменович и всегда не только внимательно слушал учителей, но и записывал то, что они говорили, хотя замечаний к Канаевым-школьницам никогда не было.

Что самое главное для человека на склоне лет? Здоровье, забота близких, уважение коллег и знакомых. А для учителя важны и судьбы его учеников, их память о школе. Мне во всех этих смыслах, можно сказать, повезло: и с детьми, и с коллегами, и с учениками. Но и среди них всегда особое место будет занимать Ванечка – Иван Сулейменович Канаев».

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Мои родители оказались в Сибири в 1933 году. Бежали от голода из Баянаула, где жили в местности Жуантобе. Шли – куда глаза глядят: где на подводе, где пешком, мимо Кулунды, Славгорода, пока не дошли до Кочков-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

ского района Новосибирской области. Здесь казахи со временем образовали колхоз имени Молотова, в котором в 1937 году и я родился. До меня у родителей уже были два сына – моих старших брата – Кокеш и Кошкимбай (кстати, ровесник Моилжана). А после меня, в 1939 году, родилась сестра Хадиша, а за ней, когда мы уже перебрались в Нацмен, ещё один брат Темирбулат и две сестры – Кульжазира и Кульжамия (там их звали русскими именами – Ира и Нина).

Время было тяжёлое, голодное, хлеба почти не видели, выживали на картошке, которую казахи учились выращивать у русских, и садили её помногу – по целому гектару, ведь семья у нас большие были. Наша мать Умитай наловчилась готовить из картошки самые разные блюда – варила, парила, жарила, пекла, крахмал впрок готовила.

В войну, да и после, из казахских детей мало кто учился: не до того было, считалось, что дети должны помогать родителям по хозяйству. Мы с Моилжаном единственные из всех учились – в начальной школе, потом я ещё два года, а он до десятого класса дошёл, что вообще было по тем временам редкостью. Кстати сказать, учителем у нас был старший брат Моилжана Мухамеджан, сам закончивший восьмилетку ещё в Подгорном.

Из Нацмена наша семья и Канаевы перебрались в Кызыл ту, где располагалась центральная усадьба колхоза. Тогда же началась и моя трудовая деятельность. Ещё война шла, и работали все – от мала до велика. В пору сенокоса быками управлял: их два, спереди лошадь – ведущая, а на ней я. Стал чуть постарше – помогал взрослым ставить стога, а скоро и сам вручную метал стога, косил сено литовкой. Нас было шестеро подростков: Зенаш, Рыспай, я и трое Фарберов – Сашка, Иван и Яшка. Это была единственная у нас неказахская семья – немцы.

Потом – целина, я прицепщик на плуге. В 1957 году пошёл на курсы трактористов при Романовской МТС. Закончив их, сел на трактор, сперва это был керосиновый НАТИ, а затем уже дизельный ДТ-54.

Тогда же женился на своей Балкие, у нас за 20 с лишним лет родилось шестеро детей – три сына и три дочери.

Работал я хорошо, старательно, и меня направили на годичные курсы бригадиров комплексных бригад. Правда, в бригадирах я пробыл недолго, всего один год, а затем вернулся на родину предков, в Баянаульский район. Работал бригадиром тракторной бригады в совхозе «Жосалинский», затем –

управляющим отделением в «Бирлике», затем в Баянауле – главным инженером нефтебазы, замдиректора сельского профтехучилища, главным инженером районной «Сельхозхимии». Даже в пожарной части какое-то время поработал, чтобы пенсия побольше была.

Давно на пенсии, живу в посёлке Солнечный недалеко от Экибастуза. Что помнится из сибирской нашей жизни? Многое помнится, в основном хорошее... Жили мы в Кызыл ту по соседству с Канаевыми, и Моилжана я знаю с малолетства – трудолюбивым был всегда, всё время учился. Когда его поставили у нас агрономом отделения, были самые низкие в совхозе урожаи: мы же казахи, земледелием никогда раньше не занимались. Картошку, правда, уже умели выращивать, но хлеб-то не картошка. И если видели где-то в совхозе неухоженные, заросшие сорняками поля или вообще плохую работу на земле, говорили: «У вас – как в Кызыл ту» – что означало – плохо.

Моилжану приходилось ломать эту традицию: разъяснять, убеждать, доказывать. И пусть не сразу, но всё стало меняться к лучшему. В 1965 году я уже бригадиром был, приехал к нам первый секретарь райкома партии Иван Егорович Лудцев. Мы по этому поводу барана зарезали, прямо в поле сварили, дали ему голову – как почётному гостю. Он её оставил на кромке поля: пусть, говорит, видит вас и слышит, глядит – как вы работаете. Похвалил нас за хорошие всходы, и урожай в тот год был хороший. И в этом была отчасти заслуга агронома Моилжана Канаева, пришедшего на эту должность в 1963 году. Засуха в тот год была необыкновенная, на полях – сплошные сорняки, агротехника на нуле. Так что нелегко приходилось молодому агроному, которого все ещё помнили мальчишкой. Но нельзя не сказать и о том, что настрой у нас был боевой, работали не покладая рук, весной и в уборку часто без выходных. А если порой не хватало авторитета у Моилжана, на помощь ему шёл старший брат, управляющий отделением Шаймардан Канаев, бесценно занимавший эту должность 17 лет. С таким не поспоришь, его слово для всех – закон.

В колхозные времена трудовой вклад каждого учитывался по трудодням, и каждый должен был выработать ежегодно их минимальную норму. А учёт трудодней вёл Шаймардан, и колхозники часто приходили, чтобы узнать, кто сколько трудодней наработал. Ну он и говорил каждому – сколько у него трудодней. Ещё жив был их отец Сулеймен, иногда и в шутку, и всерьёз говоривший сыну: «Эй, Шаймардан, ты смотри, будь поосторожнее, у тебя в конце года хватит ли трудодней на всех?».

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Помню 1961 год... 12 апреля полетел в космос Юрий Гагарин. Событие для всех людей! А у меня двойная радость: мне именно в этот день новый трактор выделили – я на нём первую борозду проложил... Как-то работаю в ночную смену, и в час ночи подъезжает директор совхоза Крысанов, целинник. Он из Воронежа сам. Доволен был, что и ночью не останавливаемся. Уезжая, мне, как в награду, пачку своих папирос оставил.

Был ещё такой случай... Приезжает он к нам после посевной, а сушь стоит – всё на глазах сохнет. Мы по древнему обычаю решили организовать курмалдык и просить у Всевышнего дождя. Сварили барана, молитву прочитали – а тут директор: что это, мол, за сбор такой? Объяснили, и он говорит: ладно, мол, раз такое дело. А если поможет, я ещё от себя двух баранов добавлю. И только мы сели есть – дождь пошёл...

Во время сенокоса, бывало, в шалашах ночевали, чтобы время на переезды в поле и обратно не терять. У нас была своя бригадная дойная корова, поварихи Касанат и Сатина хорошо готовили, вкусно. К нам ребяташки прибегали за семь километров из соседнего села Романово, говорили: «У казахов лапша хорошая, длинная...».

И механизаторы у нас были сильные – труженики из тружеников, я их и теперь почти всех помню: Рыспай Рамазанов, Николай Никитин – единственный русский в нашем селе, братья Газиз и Каким Тасыбаевы, братья Каиркен и Кокеш Маралбаевы, Таболды Альдекешев, бригадиры Тенисбан Сиюнишев и Жамсап Тасимов... И, конечно, трое Фаберов – Саша, Иван, Яков, которых уже упоминал.

Айтказы Ибраев был механизатором, закончил заочно сельхозтехникум в Славгороде и сменил после ухода на пенсию Шаймардана Канаева – стал управляющим. Он и агрономом отделения Темирбулат Нарханов стали участниками ВДНХ СССР. Это был звёздный час нашего Кызыл ту, которое в 1980 году получило на своих 4,5 тысячи гектаров вкруговую по 25 центнеров зерна – лучший результат в Панкрушихинском районе. И хотя я к тому времени уже не один год жил в Казахстане, и Моилжан уже руководил райсельхозуправлением в Панкрушихе, в этом успехе была и доля нашего с ним труда. Район же, кстати, вошёл тогда в десятку лучших в Алтайском крае (из 66 районов), и Моилжан Канаев был премирован автомашиной «Волга». Так что не напрасны были наши труды.

Меня, когда я уезжал в Казахстан, не хотели отпускать. Незадолго до отъезда у нас сарай сгорел. Сразу приехали директор совхоза с партгором и

директор говорит: «Мы тебе новый сарай за счёт совхоза поставим – лучше того, что был... Не уезжай». Потом, когда уже из Казахстана приезжал свою картошку копать, он меня опять увидел. «Видишь, – говорит, – какой у нас в этом году урожай. А ведь ты этот хлеб сеял... Оставайся». Но я не мог этого сделать – семья уже была в Баянауле, я там начал работать.

Как бы там ни было – сибирский период жизни навсегда остался в моей памяти, и я всегда буду благодарен всем, с кем довелось жить и работать в Алтайском крае.

Рымбай МАРАЛБАЕВ

ДРУЖБА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

С Анатолием Ильичём Солдатовым мы познакомились, можно сказать, случайно – оказались рядом в одной грузовой машине, заполненной призванными на службу в армию новобранцами. Было это 25 октября 1954 года в Панкрушихе, из которой нас везли за 300 километров в Барнаул.

Уже работая учителями, я познакомился с Валентиной Ивановной, будущей супругой Анатолия Ильича, которая заведовала после окончания десятилетки Никольской начальной школой и училась заочно в Бийском пединституте. Анатолий Солдатов заведовал в Никольском клубом, и вскоре они поженились. Потом переехали в Романово – на центральную усадьбу совхоза имени Крупской. Анатолий экстерном закончил десятилетку, затем заочно лесной техникум, а в Романово требовался техник-лесовод.

С Валентиной Ивановной мы встречались как коллеги на совещаниях в районе, других мероприятиях. И в Романово уже начали дружить семьями.

А дальше – слово самой Валентине Ивановне:

– Мне сразу понравилась эта семья, я бы сказала – передовая для нашей алтайской глуши. Сразу пришлась по душе Клава – спокойная, деликатная, задающая ровную, доброжелательную атмосферу в доме. Нравилось, что в этой семье чтут свои национальные традиции, сохраняют язык. Я сразу полюбила ароматный неповторимый казахский чай с молоком, да и всю атмосферу их большого дома, который они к тому времени выстроили.

У них было пятеро детей – воспитанных, почитающих родителей, помогающих им по дому и по хозяйству.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Моилжан чем дальше, тем больше занимался служебными делами, рос по службе. А весь дом, дети были на Клаве. Но неправильно будет считать, что она только домом и детьми занималась. Можно сказать, что и она выучила Моилжана: сперва он тянулся за ней, образованной и подготовленной, а потом она создавала ему все возможности для учёбы, стоически переносила их частые переезды с места на место, когда его переводили на другую, более ответственную должность.

Всё это время мы не порывали наших связей: встречались, общались, ходили и заезжали в гости друг к другу. И ещё больше сдружил нас такой случай. Приезжает однажды Моилжан (хотя вообще-то мы его там Иваном звали) и говорит, что племянник, сын старшего брата Жунуса, закончил начальную школу в Нацмене, надо учиться дальше, нужна квартира на центральной усадьбе... И есть ещё большая проблема: племянник после перенесённой болезни стал инвалидом, ему требуются уход и помощь... И мы с мужем не раздумывая сказали: «Пусть живёт у нас».

Нелегко, конечно, пришлось, и хлопотно было, ведь мы оба работали, но моя мать Марфа Кирсановна хорошо помогала. Так Рамазан, мы его звали Аркашей, стал членом нашей семьи, таким же, как наш маленький сын Андрей.

Нелегко было и самому Аркаше: Нацмен – казахское село, а Романово – русское. Но я заметила, что Канаевы все отличались способностью в учении, и Аркаша не уронил честь фамилии: учился старательно, упорно и в школе был не из худших. Потому и не только среднюю школу, но и агрономический факультет Новосибирского сельхозинститута закончил, пойдя по стопам своего дяди Моилжана.

Надо сказать, как ни трудно было всем Канаевым, волею судьбы оказавшимся за пределами своей исторической родины, когда им приходилось снова и снова вживаться в новую, во многом непонятную, неведомую им жизнь, преодолевать многие лишения и трудности, все они выстояли, стали уважаемыми людьми. Сначала глава рода Сулеймен, которому пришлось тяжелее всего, сделал всё, чтобы его дети, ни слова не знавшие по-русски, учились, и этим помог им не просто уцелеть, но и состояться. Потом уже дети в том же духе воспитывали своих детей...

Тут я прерву на время рассказ Валентины Ивановны, чтобы подтвердить её слова примерами. Про племянника Рамазана уже сказано. Карлыгаш,

дочь старшего брата Жунуса, закончила пединститут в Барнауле и работала в школе, выросла до её директора – уже в Щербактинском районе.

Сын брата Шаймардана Шаймурат закончил Алтайский сельхозинститут и стал ветеринаром. Дочь Шаймурата Батима закончила Алтайский институт культуры... Другие племянники получили среднее техническое образование.

Не ударили в грязь лицом, продолжили семейные традиции и наши с Кулятай дети – старшая дочь Рысты, когда жили в России, закончила юридический факультет Алтайского госуниверситета и начинала работать ещё в Панкрушихе. Выучились, нашли своё место в жизни и другие наши дети, учатся за границей внуки.

А теперь опять продолжает свой рассказ Валентина Ивановна Солдатова:

– Жизнь нас с Канаевыми если и разводила, то только территориально, дружить же мы никогда не переставали. И жизнь всё время подбрасывала нам новые сюжеты. В Романово моего мужа избрали председателем местного сельского Совета, в состав которого входили центральная усадьба и два чисто казахских отделения – Нацмен и Кызыл ту. По службе Анатолий – по сути второе лицо на территории после директора совхоза – был теперь выше Ивана, агронома отделения в Кызыл ту, но это никак не сказалось на их отношениях, которые по-прежнему оставались дружескими.

Мать Ивана Жамиля встречала Толю, когда он заезжал домой к Канаевым, как сына. И даже если Ивана не было, усаживала за стол, кормила, поила чаем. Ездил он, кстати, тогда на лошади, у него для этого специальный удобный ходок был, как у председателя сельсовета. И только потом мотоцикл выделили с коляской, и он на нём даже зимой ездил. Лошадь у Толи была уж слишком норовистая, Иван предложил обменять её на свою, тоже полагающуюся ему в качестве транспортного средства, но более спокойную и тоже выносливую. И этот обмен состоялся.

С председательством Толи в сельсовете связан ещё один случай, который также хорошо характеризует натуру Канаевых. Старший брат Ивана Шаймардан 17 лет возглавлял отделение совхоза, находившееся в селе Кызыл ту. Должность эта очень непростая, заботы никогда не кончаются, и управляющий отвечает за всё. Шаймардан был человеком деловым и, что очень важно, справедливым, его уважали и в Кызыл ту, и во всём совхозе. Не один созыв он избирался депутатом сельского Совета.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Закончился первый срок Толиного председательства, предстояли очередные выборы... И хотя никаких претензий к нему ни у односельчан, ни у районных властей не было, в районе подобрали другую кандидатуру на пост председателя. И представитель райисполкома объяснил на сессии этот шаг тем, что надо выдвигать на руководящие посты и женщин. Дальше должно быть голосование. И тут встаёт депутат Шаймардан Канаев и задаёт вопрос: а чем же нехорош на этом посту нынешний председатель сельсовета, он что, чем-то провинился? И поскольку никакого вразумительного ответа не последовало, депутаты проголосовали за Толю.

Ситуация нестандартная – ослушались рекомендации сверху. Представитель райисполкома тут же позвонил председателю. Тот спросил: «А кто предложил Солдатов?» – «Управляющий Кызылтуским отделением Шаймардан Канаев». – «Тогда всё правильно», – закончил председатель райисполкома, хорошо его знающий, и вопрос был исчерпан.

Со временем семья Ивана переехала в Панкрушиху, а наша – в Крутинский район. Продвигались по службе мужа, а семьями мы продолжали дружить. Мы ездили к ним в Панкрушиху, они – к нам. Канаевы тогда жили на кромке бора, где было очень уютно отдыхать в любое время года. Мне особенно помнится одна из наших встреч зимой, когда мы резвились в засыпанном снегом бору как дети.

Толя потом закончил юридический институт в Новосибирске (филиал Свердловского), Иван – Высшую партийную школу в Новосибирске. И мы продолжали общаться. Хорошо знали друг друга и общались и наши дети.

В 1980 году Иван перевёз свою семью в Казахстан, а мы уехали в Бердск и на какое-то время потеряли друг друга из виду. А потом судьба вновь соединила нас.

Наша дочь Марина окончила Томский университет, вышла замуж за однокурсника Юру Ивановского, который обосновался в Павлодаре, начав работать на предприятии «Фармация». Теперь он занимается бизнесом.

Приехала я в Павлодар, чтобы навестить их, и сразу начала разыскивать Канаевых. Почему-то решила, даже была убеждена, что они обосновались в Баянауле. Звоню туда в справочное, отвечают, что такой не значится. Да не может такого быть, говорю, он же известный человек. Словом, так и не нашла: оказывается, не там искала...

Вернулась домой, рассказываю мужу и слышу, что он в Щербактах, и даже адрес есть. Приехала в Павлодар снова, звоню в Щербакты, а Канаев

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

вы уже в Павлодар перебрались – Иван получил новое назначение. Звоню на квартиру – не узнают. Говорю: «Это Валя Солдатова». А у них праздник – 60-летие Ивана. Позвонила Толе – он тут же выехал, а ему ещё и сюрприз устроили. Иван его встретил на железнодорожном вокзале и сказал, что по казахским обычаям его надо здесь женить, уже и невесту подыскали, она в машине ожидает. Ну а там, конечно, я была...

Когда наши семьи опять нашли друг друга, дочь сказала: «Как хорошо, что теперь есть родная душа в Павлодаре». Это она Канаевых имела в виду. И с тех пор мы уже не расставались. Вместе отмечали 70-летие Ивана. Дети Канаевых приезжали к нам в Бердск, как к себе домой.

Мы были больше чем родня – нашей дружбе больше полувека.

Когда умер муж, Ивану позвонил его брат Владимир Ильич. А Иван позвонил мне, и когда я сказала, что на похороны едет зять из Павлодара, тут же принял решение ехать с ним. Проводил друга в последний путь, сказал о нём добрые слова... И так дорого нам было это дружеское – родное – участие.

Вспоминали Толю, его порядочность, пунктуальность, надёжность. Он – из многодетной семьи, их было у матери с отцом 14, осталось восемь... Все Солдатовы – труженики, долгожители, художественно одарённые люди, обладают разнообразными талантами. Кто-то вырезает из дерева, кто-то рисует, кто-то пишет... Владимир Ильич – писатель. Когда Иван приезжал с павлодарцами в Панкрушиху, чтобы повидаться с земляками, сказать им доброе слово, отпраздновать с ними свой юбилей, Владимир Ильич был активным участником этой встречи...

Словом, дружба наша, которую мы пронесли через всю жизнь, выдержала все испытания. Она – как драгоценный подарок судьбы двум нашим семьям.

Валентина СОЛДАТОВА

АЙТКАЗИНСКИЙ ПАР

Айтказы Ибраев родился в 1940 году в колхозе «Кызыл ту». Отца своего не видел – он умер ещё до рождения сына, и мать поднимала детей одна. Работал скотником, бригадиром животноводства, механизатором, бригадиром тракторно-полеводческой бригады, управляющим отделением.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

– Всю свою жизнь я живу в Кызыл ту. Учиться долго не пришлось. В школу пошёл поздно, лет в десять, как и многие из нас, детей-казахов. В самом ауле окончил четыре класса и помню своего первого учителя – Мухамеджана Канаева, они с братом Жунусом были в то время единственными грамотными среди здешних казахов.

В пятый класс пришлось идти в Романово, которое находилось за 12 километров от Кызыл ту. Жили мы, трое или четверо аульчан, на квартире у колхозников – таких же бедных, как и наши семьи. По субботам ходили домой пешком, за 12 километров. Приду, мать меня разденет и начинает одежду мою стирать, чтобы успела высохнуть к моему уходу через сутки.

Не потянул я эту школу: и учение давалось тяжело, мы ведь русского языка не знали, нас обычно в пятом классе по два года держали, и стыдно было уже четырнадцатилетнему переростку сидеть с десяти-одиннадцатилетними детьми.

Не шло мне тогда учение в голову...

Пошёл работать в колхоз – скотником в родильное отделение. А бригадиром у нас был Жунус Канаев. Девять лет проработал в животноводстве и решил стать механизатором – это мне казалось интереснее.

Работал на всех тогдашних типах тракторов и комбайнов – ДТ-54, Т-4, СК-3, СК-4. Одних тракторов в бригаде насчитывалось до 15 штук, до десятка и более комбайнов. Правда, техника была не очень производительная, и людей всё время не хватало.

Такой случай помню... Назначили к нам в отделение агрономом Моилжана Канаева, окончившего сельхозинститут в Барнауле. И начал он свои знания применять на практике – пары внедрять, про которые мы до этого и не слышали. А пахут их летом, когда и без того забот полон рот – сенокос, ремонт техники, другие неотложные работы. Не знаю уж, как убедил он брата Шаймардана, бывшего в ту пору управляющим, выделить один трактор и одного механизатора на эту работу. И это был я. И про то место, где я пахал, стали говорить: «Это там, где Айтказы пар пахал». Потом ещё проще: «Где айтказинский пар». Вот так, можно сказать, в историю вошёл...

Году в 1974 мне предложили стать помощником бригадира по технической части, потом ещё четыре года был уже бригадиром тракторной бригады. С работой, в общем, справлялся – всё мне знакомо было: людей и технику хорошо знал.

Закончил сельскохозяйственный техникум по специальности агрономия.

Приятно вспомнить то время – как мы работали. Управляющим был Шаймардан Канаев – человек знающий, требовательный, временами до жёсткости. Он на себе по сути дела два аула тянул (это уже были не два колхоза, а одно отделение совхоза «Романовский»). Две тракторные бригады сеяли до четырёх тысяч гектаров зерновых, было дойное стадо, крупный рогатый скот на доращивании и откорме. С приходом Моилжана к нам агрономом стали улучшаться дела в земледелии. Позднее уже и мехток появился, в урожайные годы на току работали все – и женщины, и дети. Хлеба столько бывало, что приходилось валить его на площадки рядом с током (там уже места не хватало).

С ростом животноводства стала отставать кормовая база. Естественных сенокосов уже не хватало, стали осваивать неудобья, сеять травы. Добывали семена – где только могли, даже в Казахстане. Посеяли 90 гектаров люцерны, получили с неё два укоса. Как она выручала наше животноводство! Костёр ещё сеяли... Само собой, и технику подтягивали соответствующую, сеноуборочную: косилки, грабли, прессы... И силос у нас был свой, и сенаж, и концентраты получали.

Дойное стадо у нас потом забрали, а доращивание и откорм мы хорошо наладили. Бычков по 300-400 голов, весом до 400-450 килограммов, высшей упитанности, гнали после Нового года своим ходом на станцию за несколько десятков километров, грузили там их в специальные вагоны-«вертушки» и везли в Кемерово. Шахтёры Кузбасса давали стране угля (так тогда говорили) с помощью мяса, выращенного нами, алтайскими казахами.

Что ещё сказать про то время? Мы много тогда строили: и производственных, и социальных объектов, и жилья (казахи ведь вплоть до 70-х годов продолжали жить всё ещё в землянках). Зимой мужчины группами выезжали в бор на заготовку строительного леса. И управляющий, кстати, всегда ездил с нами, хотя мог бы и не делать этого – работа ведь была налажена. Но он считал, что должен быть вместе с людьми. И я потом тоже взял это себе за правило. Кроме всего прочего, тогда и спросить можешь с них – все же видят, что ты себя ни от кого не отделяешь.

Сами готовили и кирпич для строительства на местном кирпичном заводе. Выезжали туда по графику, без исключения (молодой агроном Канаев, например, тоже), и там всё делали до обжига, а потом получали готовый

МОИЛЖАН КАНАВВ

обожжённый кирпич. Выстроили, таким образом, несколько капитальных животноводческих помещений, от которых теперь, к сожалению, мало что осталось. Как и от социальных объектов – конторы, клуба, магазина, фельдшерского пункта, Дома быта. Хорошо ещё, здание школы уцелело – и то потому лишь, что там теперь мечеть.

В ту пору и мы стали, наконец, переселяться из землянок в добротные дома. Большая заслуга была в этом Шаймардана, нашего управляющего, также и всего коллектива, ведь казахские аулы не были никакими нахлебниками на шею государства, а стабильно давали стране нужную людям продукцию – хлеб, мясо, молоко. День и ночь работали. Только в Кызыл ту тогда было 60 дворов.

Потом у Шаймардана случился инфаркт, он всегда с большой нагрузкой работал, всё на нём держалось... Он стал болеть, я его замещал, и он же рекомендовал меня на должность управляющего. А сам ещё несколько лет в ауле продолжал жить, помогал мне, советовал, пока его Моилжан не забрал к себе в Казахстан.

Мы продолжали работать. В 1980 году получили лучший в районе урожай зерновых – по 25 центнеров с гектара, а по итогам пятилетки вышли одними из первых в нашем совхозе «Романовский». Это мы, казахи, чьи отцы и деды вообще не знали земледелия! А мы научились работать не хуже других в краю алтайских хлеборобов.

К сожалению, после тогдашнего взлёта, хоть и не сразу, а годы спустя начнётся и угасание двух наших казахских аулов. Причин тут много: и то, что потревожили их разного рода реорганизациями, разговорами о неперспективности... Ликвидировали школу в Нацмене – это тоже сыграло свою роль... В какой-то мере повлияло на распад Нацмена и уменьшение Кызыл ту то, что первые наши сородичи, перебравшиеся в 1960-80-е годы на родину предков, потянули за собой остальных, а люди, уже вставшие на ноги, могли решиться на переезд.

Но настоящий кризис придёт позже, в конце 80-х – начале 90-х. Тут всё сошлось: и хаос в стране, начавшийся с горбачёвской перестройки, и то, что сельское хозяйство у реформаторов-рыночников оказалось в пасынках, и то, что государство перестало обращать на него должное внимание... Из двух бригад в отделении скоро осталась одна, а потом одна и во всём бывшем

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

совхозе, в которой я ещё несколько лет был бригадиром... Скоро Кызыл ту остался без скота и техники, не стали сеять хлеб – нечем было... Не сразу мы, казахи, сориентировались в этой совсем непривычной для нас ситуации. И в итоге остались без всего... Мне, во всяком случае, с моим более чем 40-летним трудовым стажем после дележа бывшего совхозного имущества достался дом, в котором живу, да земельный пай в 22 гектара, который сдаю в аренду, получая за это, можно сказать, символическую натуроплату... Примерно то же «богатство» досталось и землякам, всё ещё живущим в Кызыл ту. Нет теперь ни добротных производственных объектов – животноводческих, мехтока; ни социальных, которые я перечислял.

В ауле осталось 28 дворов, в которых проживают примерно сто человек. Но мы не бедствуем – живём за счёт собственного скота. В каждом дворе – дойные коровы, от 4-5 до 15. Молоко круглый год сдаём заготовителям, приезжающим в аул, по цене, в зависимости от сезона, от 10-12 до 17 рублей за литр. Это – хорошее подспорье к нашим пенсиям (у меня 13 тысяч рублей плюс разного рода льготы на 2,5-3,5 тысячи), плюс возможность учить детей, чаще всего уезжающих из аула.

Кроме коров, держим молодняк, лошадей, овец. Сбыть этот скот – тоже не проблема: заготовители приедут по звонку и заберут на месте.

Можно сказать, к новым условиям жизни и хозяйствования приспособились: в каждом дворе легковой автомобиль, а то и два, другая техника (для заготовки сена на зиму и других нужд). Смотрим спутниковое телевидение, правда, в последнее время без казахстанских каналов. Есть телефонная связь, в том числе и сотовая, не всегда, к сожалению, устойчивая.

Никто у нас ни на кого не работает, каждый – сам себе хозяин. Но все праздники, торжественные и скорбные даты отмечаем сообща, вместе. Жаль, конечно, что не осталось у нас производств прежнего масштаба, но жизнь аула продолжается, и это главное. Готовимся в скором будущем отметить его 80-летие.

Жизнь моя прожита не зря: вырастили с супругой восьмерых детей из девяти родившихся, подаривших нам 22 внука и 11 правнуков. Разве это не радость?

Айтказы ИБРАЕВ

МЫ РАБОТАЛИ ВМЕСТЕ

Пётр Андреевич Карнаухов – секретарь Панкрушихинского райкома партии:

– Мы с Иваном Сулейменовичем много лет шли по жизни рука об руку, работали вместе, в наших судьбах много общего. Даже выросли мы в селах одного сельсовета – Романовского, только я на центральной усадьбе, в Романово, а он в казахском ауле – отделении Романово. Мы учились в одной школе. Позднее оба закончили сельскохозяйственный институт, партийную школу, были в одно и то же время секретарями Панкрушихинского райкома партии.

У нас общее голодное военное детство, мы – из деревенской бедноты. Часто говорят, что русские в Сибири помогали бежавшим туда от голода казахам. И это правда. Хотя и казахи нам помогали тоже. Вот одно из ярких воспоминаний моего военного детства: одноногий казах Илюбай Смайлов из Кызыл ту везёт мимо нас молоко в приёмный пункт и нет-нет да и сунет бутылку – когда молока, когда, на обратном пути, обратя. Нарушал, конечно, суровые военные правила, рисковал, но и нас спасал... Разве такое забудешь?

Моя жизнь сложилась так, что в трудовой книжке только две записи, связанные с работой в комсомоле и в партийных органах. И в течение десятилетий мы так или иначе работали или рядом, или вместе.

Помню их с Клавой, когда они были учителями начальной школе в Нацмене. Я знал всех старших братьев Ивана Сулейменовича и могу без преувеличения сказать, что цивилизация в этих двух казахских аулах началась именно с Канаевых: старшим отец сумел дать образование ещё до войны, а Иван учился уже после и стал первым дипломированным агрономом-казахом в районе, а может быть, и в крае. Прошёл большой путь становления и роста: по сути именно он закладывал основы современного земледелия в Кызыл ту, когда после окончания сельхозинститута был назначен агрономом тамошнего отделения. Вывел его из вечно отстающих. А годы спустя, в 1980 году, оно стало лучшим в районе, получив по 25 центнеров зерна с гектара.

Потом Иван работал главным агрономом совхоза «Подойниковский», главным агрономом райсельхозуправления и заместителем начальника райсельхозуправления. Закончил, как уже говорил, Высшую партийную школу в Новосибирске, возглавлял крупную партийную организацию совхоза «Подойниковский», избирался секретарём Панкрушихинского райкома партии. Я – в то время секретарь этого райкома партии – поддержал его кандидатуру.

Так мы оба стали работать под началом первого секретаря райкома партии Ивана Егоровича Лудцева – фронтовика, воевавшего в авиации, человека с характером, жёсткого, но также делового, болеющего за производство. Его слова и решения, как правило, не оспаривались. Но однажды, уже точно не помню детали, ко мне зашёл Иван Сулейменович и сказал, что мы оба должны пойти к Лудцеву и убедить его изменить позицию по одной из хозяйственных проблем района. Мне аргументы Канаева показались убедительными и, хоть не принято было в ту пору так решать вопросы, оспаривая мнение «первого», мы с ним отправились к Лудцеву.

– Чего это вы вдруг, да ещё вдвоём? – удивился Иван Егорович, не ожидавший нашего «непланового» визита.

Мы объяснили суть дела, и он, не привыкший менять своих решений, признал, что есть резон в наших рассуждениях, и скорректировал свою линию.

Для меня в этой истории Иван Сулейменович, которого я знал как человека работающего, образованного, принципиального (не раз бывая на партсобраниях в «Подойниковском», где он был секретарём парткома, видел, как он ведёт дела, каким пользуется авторитетом), открылся и с другой стороны – как человек, убеждённый в своей правоте и способный отстоять её перед высоким начальством. Это последнее качество далеко не всем дано.

Помню, ещё как-то проверяющие из края сделали однажды замечание Канаеву – секретарю райкома: мол, он уделяет больше внимания хозяйственным делам в ущерб партийным. Он это оспаривать не стал, хотя мог бы, ведь и в качестве секретаря райкома жил заботами района, нуждами людей. И работал всегда с людьми, считая своей главной опорой прежде всего руководителей низшего и среднего звеньев – наперечёт знал бригадиров тракторно-полеводческих бригад и, конечно, управляющих, от которых больше, чем от кого-либо, зависело настроение людей и положение дел. А он умел говорить с людьми, потому что сам как никто другой знал цену сельскому труду, на собственном опыте изучил психологию сельского жителя – и как аульный мальчишка военной поры, и как аульный учитель, и как первый в отделении агроном.

Начальником райсельхозуправления Ивана назначили в разгар уборки, когда его предшественник скончался прямо за своим рабочим столом. В Панкрушиху прилетел первый секретарь крайкома партии Аксёнов, собрали бюро

МОИЛЖАН КАНАЕВ

райкома партии, на котором он сказал, что главное сейчас – не упустить уборку урожая, и предложил кандидатуру Ивана Сулейменовича на пост начальника райсельхозуправления, выразил надежду, что тот оправдает оказанное ему доверие.

Канаев с ходу включился в дело, хорошо ему знакомое, и ту трудную уборку район завершил успешно. О том же, как поработал на своём посту начальник райсельхозуправления, можно судить и по такому факту: в 1980 году Панкрушихинский район по итогам уборки урожая вышел в первую десятку районов края (всего их тогда было 66), а Иван Сулейменович был премирован личной автомашиной «Волга» ГАЗ-24, в ту пору такой в районе ещё не было ни у кого.

С этой машиной, правда, была неприятная история. Когда Иван Сулейменович решил вернуться в Казахстан, один из членов бюро райкома высказался в том смысле, что надо бы у него её забрать, раз он уезжает. Тогда встал Виктор Христианович Траутвейн, сменивший ранее на посту секретаря райкома партии Канаева, а в это время уже работающий директором совхоза «Подойниковский» и остающийся членом бюро райкома партии, и сказал, что награда эта вполне заслуженная, что отнимать её не только несправедливо, но и не по-человечески, ведь если следовать логике этого члена бюро райкома, то можно было бы отнять у Канаева и красивую рубашку, какой нет больше ни у кого, хотя она, как и премиальная «Волга», куплена на собственные деньги. Так вопрос был закрыт.

Можно сказать ещё, что до Канаева у нас довольно часто менялись начальники райсельхозуправления, а он проработал на этом посту пять лет.

Иван Сулейменович, уехав в Казахстан, никогда не порывал связей с родным Панкрушихинским районом: часто приезжал, объезжал земляков, организовывал наши встречи. По стопам братьев Канаевых пошли многие земляки. Скажу лишь о тех, кого знаю. Несколько лет проработала кардиологом в нашей районной больнице Динара Ахметова – грамотный, внимательный специалист, обаятельный человек. Многие мои земляки жалеют, что она уехала от нас в Павлодар, где тоже работает по специальности. Работает врачом в нашей больнице Айгуль Кузкенова. На подходе выпускник Алтайского мединститута Естай Рамазанов, анестезиолог. Все они – выходцы из Кызыл ту, как и одна из медсестёр, Ибраева, имя, к сожалению, запомнил.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Что ещё сказать об Иване Сулейменовиче? То, что он человек с благодарной памятью. Именно по его инициативе мы вместе ездили в Барнаул на 80-летие Ивана Егоровича Лудцева. Как тронут был вниманием этот суровый, в общем, человек, прошедший войну, когда ему надевали традиционный казахский чапан.

Из казахов Алтайского края особую память о себе оставил Каримхан Айдарханов, много лет возглавлявший соседствующий с Казахстаном Михайловский райком партии, ставший почётным гражданином края. Знаю, кстати, что Ивану Сулейменовичу довелось лично встречаться с этим неординарным человеком. А в нашем Панкрушихинском районе такую же добрую память о себе оставил Иван Сулейменович Канаев.

Пётр КАРНАУХОВ

КАК НАМ, КАЗАХАМ, ПОМОГЛА СИБИРСКАЯ ВЫУЧКА В ЖИЗНИ

Нас было трое сестёр, от 10 до 15 лет, когда мы осиротели, проживая в одном из сёл Кочковского района Новосибирской области. Нас приютила, перевезла к себе наша тётя Камиля Оспанова, проживавшая в ауле Кызыл ту Панкрушихинского район Алтайского края, где её сын Жамсап работал бригадиром комплексной бригады совхоза имени Крупской.

Моя тётя и мать братьев Канаевых Жамиля были в ауле самыми уважаемыми женщинами. Они приучали к порядку не только своих снох, но всех замужних женщин и взрослых девушек, чтобы они уважительно относились к мужчинам, соблюдали родовые традиции, а сами гордились тем, что являются снохами рода Кошен-Шурек.

Уже в преклонном возрасте они сидели на улице в старых камзолах с заплатками, демонстрируя тем самым скромность, бережливость и, увидев проходящих мимо молодых людей, спрашивали их как у них дела и какие проблемы. Конечно, нас приучали и заставляли трудиться, в результате мы научились делать абсолютно всё, что было в наших силах. Мы и дети ходили в школу, учителями были Канаевы – Мухамеджан-ага и Клавдия Токтаровна, строгая и стройная, её мы, дети, уважали и боялись. На учёбу особого внимания не обращали, у девочек было одно желание – выйти замуж за хорошего парня.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

У меня так и получилось: окончив три класса Кзылтовской начальной школы и повзрослев, вышла замуж. В соседнем доме жили Муздановы. У них был деловой дед по имени Досымхан, он всегда держал много скота, жил с младшим сыном Кабашем, таких у казахов всегда балуют. Он окончил в Романове семилетку, училище механизации и стал работать на тракторе «Беларусь» – это была своего рода привилегия, он считался комфортнее, чем гусеничный ДТ.

Однажды управляющий отделением Канаев Чаймардан Сулейменович даёт задание агроному Молкелю, мы так называли Моилжана в ауле, чтобы он с Кабашем занялся выращиванием кукурузы. На это задание у него было основание: Кабаш начал заочно учиться в Славгородском сельхозтехникуме, на агрономическом отделении. За дело они взялись упорно, зимой реконструировали кукурузную сеялку на квадратно-гнездовой высев семян, а потом стали выращивать эту культуру, соблюдая все условия агротехники. Участвовал в этом также главный агроном совхоза Черенцев Фёдор Ильич. Результаты сказались сразу, стали получать хороший урожай зелёной массы – 250-300 центнеров с гектара.

В 1962 году мы с Кабашем поженились, я стала домохозяйкой, а в летнее время обрабатывала 0,25 гектара сахарной свёклы, такой был порядок в ауле. Даже наша учительница обрабатывала свой участок.

Всё было нормально, можно было жить в таких хороших природно-климатических условиях. Но отец Кабаша принимает решение переехать на историческую родину, и мы в 1970 году оказались в совхозе «Жасалинский»-Баянаульского района Павлодарской области. Директор совхоза Кульшманов Токтыбай Бралинович, узнав, что Кабаш кукурузовод, решает организовать звено по выращиванию этой культуры, хотя здесь ею раньше не занимались. Дело было в том, что и здесь имелись отдельные плодородные участки, которые до этого использовались не по назначению. На них начали получать высокие урожаи не только зелёной массы кукурузы, но и картофеля.

В итоге мой муж оказался востребованным и уважаемым человеком, построили нам дом, продали вне очереди мотоцикл «Урал» с коляской, дали Кабашу новый трактор и стали продвигать по службе. Мы смогли выучить детей, даже баянаульские родители желали выдать замуж своих дочерей за моих сыновей.

Я считаю, всё это благодаря тому, что Кабаш стал хорошим специалистом, учился у настоящих мастеров своего дела, находясь далеко от истори-

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

ческой родины, на российской земле. Много лет спустя я случайно смогла выразить за всё это свою благодарность Канаеву М.С.

*МУЗДАНОВА Галия Макаровна
(Так записано отчество в паспорте)*

«КАНАЕВ ВСЁ РАВНО НАС ДОКАНАЕТ!»

Познакомился я с Иваном Сулейменовичем в 1976 году, он был тогда секретарём райкома партии по организационно-партийной работе и сельскому хозяйству. А более близкое знакомство состоялось, когда готовился у нас организационный пленум райкома по перевыбору первого секретаря райкома партии. От нас уходил Иван Егорович Лудцев, его избрали на такую же должность в Павловский район, самый крупный в крае и пригороде. На этот форум приехал первый секретарь крайкома партии Аксёнов Николай Фёдорович.

Накануне этого мероприятия звонит мне Иван Егорович и говорит, что в плане встречи высокого гостя предусмотрена ночёвка его на озере Глухое. Оно находилось на территории нашего совхоза и было излюбленным местом для встречи высокопоставленных гостей, потому что располагалось в глубинке Алеусского ленточного бора, окруженное со всех сторон хвойным лесом. Только в одном месте можно было подходить к воде, где как по заказу был песчаный берег. Здесь же стало традицией угощать гостей бешбармаком, ибо в нашем совхозе проживали казахи в аулах Кызыл ту и Нацмен.

К вечеру на озеро подъехали уважаемые гости: Аксёнов Николай Фёдорович – первый секретарь крайкома партии, Иван Егорович Лудцев – первый секретарь нашего района и Иван Сулейменович Канаев – секретарь райкома партии. Было заметно, что у них было хорошее настроение. Николай Фёдорович и Иван Сулейменович пошли купаться, Иван Егорович почему-то воздержался от этой процедуры.

Мы, оставшиеся, готовили ужин, главной фигурой у нас был Ахметов Сапкен Альтаевич – секретарь партийной организации отделения, его супруга Баден и молодой парень Апсаликов Шаймурат.

Гость купался около получаса. С Иваном Сулейменовичем в воде они находились рядом и постоянно о чём-то говорили, видимо, о делах Панкру-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

шихинского района. По выходу из воды играли в футбол, а затем сели за стол. Немного отдохнув, повторили это ещё раз.

Николай Фёдорович пожелал ночевать у озера, для этого у них с шофёром было всё, начиная с палатки и заканчивая средством от комаров. А Ивану Сулейменовичу завтра предстояло провести организационный пленум – это большая ответственность, да ещё в присутствии первого руководителя края.

Первым секретарём райкома партии избрали Колбунова Фёдора Ильича – председателя райисполкома, а через некоторое время на его прежнее место пришёл Пятецкий Сергей Михайлович с должности заведующего отделом пропаганды и агитации Славгородского района. Таким образом, оба первых руководителя района оказались работниками идеологического фронта, что начало сказывается на делах – меньше стали обращать внимания на производство, реже бывать на местах.

В сентябре 1977 года во время уборки урожая в районе произошло чрезвычайное событие – прямо на рабочем месте за столом умер Мирошников Николай Степанович – начальник управления сельского хозяйства района. В связи с этим к нам прилетел на самолёте первый секретарь крайкома партии, собрал членов бюро райкома партии, директоров совхозов и объявил, что рекомендует на эту должность Канаева Ивана Сулейменовича: время не терпит – идёт уборка урожая.

Мы все были согласны и довольны тем, что руководить сельским хозяйством будет человек от сохи. Так оно и получилось, начальник управления, специалисты сельского хозяйства района стали выезжать в совхозы, учиться спрос за недостатки.

Два раза в год, по полугодиям проводили балансовые комиссии в управлении сельского хозяйства, где могли наказать виновных как морально, так и материально. Я среди директоров совхозов был самым молодым и как бывшему профсоюзному работнику мне приходилось часто обращаться к Ивану Сулейменовичу за советом и поддержкой. И он всегда помогал, учитывая ещё и то, что я руководил совхозом, где он рос и работал.

Будучи директором совхоза, я хорошо узнал брата Ивана Сулейменовича Чаймардана Сулейменовича – управляющего Кзылтвовским отделением совхоза. Он, приняв самое отстающее хозяйство в совхозе, за 13 лет работы смог его сделать передовым не только по совхозу, но по району. При мне он

ушёл на пенсию в возрасте 58 лет, по болезни, дала о себе знать тяжёлая работа управляющего отделением.

У Ивана Сулейменовича был свой метод или стиль работы, всегда корректный, уважительный и доброжелательный, но в то же время не терпел людей необязательных, многословных. Никогда не делал скоропалительных выводов, не оставлял без внимания заданные ему вопросы. Их он решал, советуясь со своими специалистами. По мере необходимости привлекал районное руководство, крайсельхозуправление, даже мог выходить с проблемными вопросами в крайком партии, где его знали как партийного работника. Также он мог спросить и потребовать, если его указание своевременно не исполнялось, но при этом не срывался, голос не повышал и всегда держал проблему на контроле, пока она не будет решена. Видимо, поэтому у нас, руководителей, появилось изречение: «Канаев всё равно доканает!». И что нас ещё удивляло, он умел убеждать и договариваться с собеседниками. Мы знали его темы, которые он поднимал постоянно, – это борьба с сорняками путём увеличения площадей позднего посева, коренное улучшение сенокосов и пастбищ и наведение ветеринарно-санитарного порядка в животноводческих помещениях за счёт внедрения сплавного метода удаления навоза.

В итоге управление сельского хозяйства стало помогать и одновременно решать наши вопросы, а нерадивых – наказывать. Мы, директора совхозов, перестали обращаться в райисполком и райком партии, не особо на них надеясь, ведь как говорят: «Каков поп, таков приход». Стали мы ежегодно улучшать производственные показатели, а по итогам 1980 года наш район попал в десятку лучших в крае, наш совхоз занял первое место в районе, получив по 20,7 центнера с гектара, сдав государству 27 тысяч тонн хлеба. Кызылтовское отделение нашего совхоза заняло первое место в районе среди 25 отделений. Нам с Иваном Сулейменовичем в порядке поощрения продали по автомобилю ГАЗ-24 – это была инициатива Николая Фёдоровича Аксёнова. Ибраева Айтказы и Нарханова Темирболата, управляющего и агронома Кызылтовского отделения премировали путёвкой на ВДНХ СССР в Москву.

Жаль, что Иван Сулейменович захотел переехать на историческую родину, он своим трудом завоевал у нас непререкаемый авторитет, отработав четыре года начальником управления сельского хозяйства района. Так долго на этой должности никто не держался. Мы сделали ему хорошие проводы в совхозе «Подойниковский», где он также был своим человеком, секретарём парткома этого хозяйства.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Я был в гостях у Ивана Сулейменовича, в посёлке городского типа Щербакты, где он продолжал работать в той же должности, что у нас. Показал мне свой особняк, построенный специально для его семьи, по его проекту, где можно, не выходя на улицу, затопить печь, управиться со скотом, помыться в бане, зайти в гараж.

Иван Сулейменович помогал нам, алтайцам, особенно услугами Щербактинского ремзавода по капитальному ремонту грузовых автомобилей. Было очевидно, что его хорошо приняли на исторической родине.

Виталий ГЛАЗУНОВ, директор совхоза имени Н.К. Крупской Панкрушихинского района Алтайского края

КАК МЫ СТАНОВИЛИСЬ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМИ

Когда казахи, бежавшие от голода, оказались в Сибири, их задачей было не просто выжить, но многому научиться, освоить новые для себя занятия и профессии. В том числе и для того ещё, чтобы не стать иждивенцами – обузой для приютивших нас русских людей. Так, например, мы, потомки скотоводов, становились земледельцами. Чтобы элементарно прокормиться, заводили огороды, учились и научились выращивать картошку и овощи. Парни осваивали технику – профессии механизаторов, водителей автомашин и даже достигали в этом деле немалых успехов. Пример тому – трудовая биография моего сибирского земляка Бекбулата Кабдулхаковича Жалялитденова. Вот его рассказ.

– Родился я в 1942 году в Ребрихинском районе Алтайского края. В 1948 году наша семья переехала в Панкрушихинский район, где были созданы казахские аулы Нацмен и Кызыл ту. В том же году, шестилетним, остался без матери (она умерла), под присмотром бабушки Сагилы, матери отца, дожившей до 93 лет. И мама, и бабушка, и отец похоронены там же, в Нацмене.

Отец мой – выходец из зажиточного рода уаков, чьи земли и аулы находились в нынешнем Лебяжинском районе, там впоследствии располагались второе и третье отделения села Чёрное. А родовые пастбища уаков были в урочищах Айдарша, Малыбай, откуда родом, кстати, и мать Моилжана Канаве, которая была немного старше моего отца, а потому очень им почитаема.

Мой отец был человеком редких качеств – достаточно образованным (а это редкость по тем временам), хорошо, чисто говорившим по-русски. Ему

столько бед и невзгод пришлось перенести, но они его не сломали – он никогда не терял спокойствия и выдержки, всегда сохранял самообладание, оставался рассудительным и доброжелательным. Сородичи всегда прислушивались к его мнению, почитали, ему не раз предлагали разные должности, но он всегда отказывался, а за советом к нему шли и стар и млад, включая председателей наших казахских аулов Нацмен и Кызыл ту. Кстати говоря, когда казахи в семидесятых годах стали целыми семьями возвращаться на родину предков, в Казахстан, я, другая родня, друзья уговаривали и его. Он же сказал – как отрезал: «Я остаюсь!». Теперь, спустя годы, думаю, что у него были причины для такого решения: ещё не стёрлись из памяти насильственная коллективизация, разорившая их вполне благополучное, напому ещё раз, зажиточное хозяйство и тем самым обрекшая семью на голод и скитания; тяжелейшие годы выживания на сибирской земле, смерть детей (всего их было больше десяти, а я остался единственный сын)... Было, конечно же, и чувство благодарности к русским сибирякам, приютившим нас, казахов, и делившимися с нами всем, что они сами имели...

Словом, отец остался... Односельчане-русские звали его на свой манер – дядя Гриша. А для казахов он и другой аксакал из Кызыл ту, Елемес, были самыми главными авторитетами. Дядя Моилжана Таскара был председателем колхоза в Нацмене и ни одного важного решения не принимал без совета моего отца. А в Кызыл ту председательствовал сын Елемеса, который в главных делах опирался на опыт своего отца. Об аульчанах же и говорить нечего: в присутствии этих двух аксакалов они молчали и слушали, наслаждаясь их беседами, меткими изречениями или нарочито шутивными спорами.

Любопытно, что когда начал учиться Моилжан и стал говорить по-русски, мой отец ставил его в пример сородичам, считавшим, что незачем учить детей, да ещё на русском, ведь для того, чтобы пасти скот или делать другую несложную работу, особых знаний не надо. Моилжан вспоминал позднее, как мой отец в присутствии старших заводил разговор с ним о российской, царской ещё, Государственной Думе, о том, что и казахи были её депутатами, а тот, не понимая толком, о чём идёт речь, только головой кивал. Другие же считали, что разговаривают не просто аксакал с мальчиком, а два вполне образованных, просвещённых человека.

Скажу ещё, что к нашей семье (напомню: отец, бабушка и я – единственный сын) и в ауле, и в совхозе вообще было особое, я бы сказал, мило-

МОИЛЖАН КАНАВВ

сердное отношение. В начале 60-х годов, особенно, кажется, в 1963, даже в хлебном Алтайском крае в деревнях и, конечно, в наших аулах простого хлеба не хватало, были урезаны личные подсобные хозяйства, с которыми боролся тогдашний руководитель СССР Никита Сергеевич Хрущёв... Ели даже сырой кукурузный хлеб... А нашей семье выделяли пшеничную муку – сразу по мешку. Бабушка пекла из неё хлеб – нам надолго хватало. И никто нас никогда этим не попрекал – такая душа у русских людей.

Двумя нашими колхозами руководили всегда казахи. Первый – Серикбай Мурзабаев – пропал без вести на Великой Отечественной войне. Его сменил брат Сейтен Исекеев, вернувшийся с фронта без ног. Кстати сказать, он был зятем Моилжана, мужем его сестры. Про других председателей – колхоза Кызыл ту – уже говорил... Все были достойные люди.

В ауле меня не только любили, но и баловали, как единственного сына. Но работать я начал, как и все, рано. Помню, на быках верхом таскал волокушу – сено сгрёбал, весь зад отбил... Пошёл учиться, почти ни слова не зная по-русски. Отец настоял, чтобы в четвёртом классе учился ещё один, второй год. Окончил семь классов – в то время большое дело, редкий случай, особенно в казахских семьях.

Выучился на механизатора, но практики, конечно, не было. Моими наставниками стали опытные Имаш Байкенов и Нуриден Аубакиров. Под их присмотром и вместе с ними отремонтировал первые свои два трактора: колёсный МТЗ-2 и гусеничный ДТ-54. Начал работать, освоился, к тракторам добавил комбайн и со временем даже наставников стал опережать.

В 1971 году хороший хлеб уродился, и я, намолотив за 17 дней одиннадцать тысяч центнеров (больше тысячи тонн!), занял первое место в совхозе. А в один из дней установил рекорд, намолотив 75 бункеров: такое зерно было налитое, полновесное, что бункерный вес доходил до 15 центнеров при обычных 11-12 центнерах, а в общем итоге вышло тысячи четыре центнеров. Журналисты ко мне приезжали, газеты писали... Первый секретарь райкома комсомола Пётр Скабелкин, теперь известный писатель, лично следил за тем, как идут у меня, комсомольца, дела на уборке.

Мы свой хлеб тогда убрали организованно, быстро, и нас троих – Геннадия Маркина, Виктора Штрака и меня – послали помогать на уборку в Красноярский край. Прилетели туда на самолёте, получили технику. Я новый комбайн настроил, но поработать толком не удалось: там местность не как у

нас равнина, а холмы, неудобья, к тому же погода испортилась, да и организация неважная была... И мы вернулись.

За ту уборку меня наградили знаком ЦК ВЛКСМ «Золотой колос», а от совхоза я получил мотоцикл с коляской – за мои же деньги, правда, но зато вне очереди, а для села такая техника, да по тем временам, получше иной машины считалась...

Были и другие награды – знаки отличия – медаль «За трудовую доблесть», юбилейная Ленинская, дважды посылали на ВДНХ СССР, был на слётах передовиков края, в международном молодёжном лагере на Украине.

Совсем молодым, оставаясь механизатором, стал ещё и помощником бригадира Тенисбая Сиюнишева. Я не хотел, отказывался, говорил: «Молодой ещё». А директор совхоза отвечал: «Ты нам сейчас и нужен молодой, а старый кому нужен будешь?».

Назначили и сразу дали задание – найти запчасти для силосных комбайнов, кукурузу надо было убирать. У меня был знакомый в соседнем совхозе, завскладом МТМ другого, Кочковского района. Поехал к нему, упросил, вернулся с нужными дефицитными транспортёрами. «Ты где их взял?» – удивился бригадир. «Нашлись, – говорю, – добрые люди, помогли...»

У всех нас тогда было стремление не отстать от других и даже обойти, ведь наше отделение из пяти совхозных (мы тогда уже совхозом стали) всегда по урожаям в последних ходило – мы же, казахи, земледелием никогда не занимались. Ну и учились вместе – с молодым агрономом Моилжаном Канаевым, назначенным к нам, набирались опыта, сами начинали экспериментировать – со сроками сева, нормами высева, мы их варьировали, в зависимости от качества почв и других факторов от 150-180 до 240 килограммов на гектар. И получалось, в том числе и потому ещё, что с сорняками стали бороться по-настоящему, системно. С осени зябь готовили, весной дважды закрывали влагу; как только сорняк проклёвывался – пускали луцильники, следом – боронование, сев с прикатыванием. И всё это с разрывом не более двух часов между технологическими операциями. По инициативе агронома Моилжана Канаева и учётчика Айдархана Байгаданова поля против ветровой эрозии делили на 50-гектарные клетки, закладывали лесополосы. Непросто всё это было, особенно с новациями разного рода. Скажем, с теми же поздними сроками сева. Надо было, даже начав позже, уложиться в общепринятые сроки, чтобы созревание хлебов

МОИЛЖАН КАНАВВ

не затянулось. Да и как опоздаешь, если первый секретарь райкома партии, фронтовик, военный лётчик Иван Егорович Лудцев за этим лично следил, говорил:

– У меня 15 мая день рождения, и кто меня уважает, тот с 15-го сеет. Так постепенно, сообщая, под началом первого агронома-казаха и выбивались в люди, выходили из отстающих. Рядом с нашим аулом был совхоз «Решетовский», уже Новосибирской области, его директор Головкин дружил с нашими казахами, бывал в гостях у нас, приехал однажды, увидел наши поля – чистые, с налитым колосом, сказал: «Ну казахи так казахи – утёрли нам нос даже здесь».

Научились мы и с землёй работать. Для Моилжана это стало главным делом жизни – рос по службе, продолжал учиться, возглавил райсельхозуправление – такие должности так просто не даются. Меня, можно сказать, в герои труда двигали, и стал бы, может быть, если бы не уехал. Но у меня сын Махмут – это дед его так назвал, пошёл в первый класс, надо было определяться, и я решил уехать. Обосновался в совхозе «Жалтырский» Майского района, как и на Алтае, работал механизатором, даже металлолом в город на своём МТЗ-50 с двумя тележками возил. А осенью на комбайн садился... Масштабы, правда, были не те, что у нас: в 1976 году «Жалтырский» выполнил аж восемь годовых планов по сдаче зерна. А план был очень маленький по сравнению с планом нашего казахского алтайского отделения, меньше во много раз.

С приходом в район первым секретарём райкома партии Вахапа Бекевича Сыздыкова начались добрые перемены в земледелии, стали повсеместно сеять просо, налаживать агротехнику, создавать просоводческие звенья. Район в то время давал до 40 процентов общеобластных сборов проса. Ну и мы работали не хуже других. В урожайном 1979 году собирали на отдельных участках до 25-30 центнеров проса. Я в тот год намолотил 20 тысяч центнеров, подобрал валки с площади в тысячу гектаров. Это был лучший результат в области. Представляли меня к ордену Ленина, дали орден Трудового Красного Знамени.

А наше с Моилжаном отделение стало в тот или следующий год лучшим не только в совхозе, но и в Панкрушихинском районе. И хоть мы с ним там уже не работали, в этом успехе была и доля нашего труда, мы тоже закладывали ростки его в прошлом.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Десять лет я отработал в «Жалтырском» механизатором, отказываясь от других предлагаемых должностей. Потом закончил Красноармейский сельхозтехникум, был бригадиром полеводческой бригады, управляющим, заведовал совхозной МТМ, на пенсию ушёл с должности инженера по технике безопасности и охране труда. И на всех постах стремился работать честно и добросовестно.

В Жалтыре же однажды совершенно неожиданно повстречался с Моилжаном – в ту пору начальником управления земледелия областного агропрома, или, как его ещё называли, главным полеводом области. Вот как далеко шагнул мальчик из алтайского казахского аула, когда-то ни слова не говоривший по-русски. К нам он, кстати, привёз тогда московского гостя – представителя Госагропрома СССР, интересовавшегося проблемами засушливого земледелия. И нам было что ему показать.

С благодарностью вспоминаю и наш аул в Сибири, которому в этом году исполняется 80 лет, и своих казахстанских коллег – главного агронома совхоза Каирбека Омарова, секретаря парткома Шакирима Альпаева, директора Куата Есимханова, других специалистов, механизаторов, животноводов.

Живу теперь в Астане. Недавно встречались с Моилжаном, вспоминали общее житьё-бытьё, сородичей, друзей-товарищей. Интересная у нас была жизнь, полная труда, больших дел, значимых событий.

Бекбулат ЖАЛЫЛПИТДЕНОВ

ЗЕМЛЯКИ

Меня зовут Абсаликов Шаймурат Иванович. Откуда такое отчество? От отца, которого записали, как часто тогда практиковалось, Иваном Петровичем, хоть звали его Шайхислям. Я работал учётчиком, комбайнёром. В 1980 году, когда отделение по итогам уборки вышло по урожайности на первое место в районе, наше звено комбайнёров на жатве стало в районе вторым. Потом освоил трактор К-700. Был секретарём партийной организации нашего отделения. А мой общий трудовой стаж составляет почти 40 лет. Депутат Панкрушихинского райсовета и в меру своих сил отстаиваю в нём интересы аула.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Моя супруга Гульбаршин, которую, кстати, учили в своё время Моилжан и Кулятай Канаевы, и сама всю жизнь проработала в школе учителем. У неё единственная запись в трудовой книжке. Она тоже ветеран труда.

Мы вырастили троих детей – сына Марата и двух дочерей, Жанаргуль и Айнуру, дали им хорошее образование. Все они работают сейчас в Павлодаре.

Тулеген Оспанов – внук первого председателя колхоза Нацмен Таскары Нургалиева. После школы работал скотником, основал в Кызыл ту крестьянское хозяйство, заготавливает для него на собственной технике сено. Приобрел в кредит рулонный пресс-подборщик, быстро сумел погасить кредит. И теперь у всех у нас на подворьях сено только в рулонах, что очень удобно. В этом и его немалая заслуга.

Умаров Солткен – механизатор с почти 40-летним стажем, ветеран труда. Всегда был в передовиках, освоил все виды техники, мастером-наладчиком был, помощником бригадира – труженик, одним словом.

Ахметов Шайзада работал шофёром, механиком, а когда всё развалилось, занялся собственным подворьем, на котором выращивает скот. Уважаемый в ауле человек, как и его супруга Шамшибану, дочь председателя колхоза, фронтовика Сейтена Исекеева, и наша главная общественница, без неё не обходится ни одно важное мероприятие. Настоящая патриотка, говорит, что заболевает от одной мысли о том, что может уехать из родного аула.

Дочь Ахметовых Динара после окончания мединститута восемь лет проработала врачом в Панкрушихе и пользовалась большим авторитетом среди коллег и доверием у пациентов. Сейчас работает в Павлодаре.

Шахизада Ахметов после окончания техникума работал ветеринарным специалистом, много сделал для развития животноводческой отрасли в нашем отделении. Трое его детей живут и работают в Павлодаре и один – в Новосибирской области.

Конечно же, это далеко не все, кого хотелось бы назвать... Но ведь всех назвать невозможно. Скажу ещё, что у нас была нелёгкая, а порой и очень трудная жизнь. Однако нашим отцам и старшим братьям было ещё тяжелее, и они всегда были для нас примером в работе, преодолении трудностей. Помню, мне, молодому ещё механизатору, довелось работать в паре с Калешем Султановым, которому было уже под 60 лет. Мы так работали с ним на пахоте, что наши трактора не успевали заправлять горючим. Но я-то молодой,

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

и то уставал, а ему каково? Откуда у него силы брались? Думаю: чем бы ему помочь, как облегчить ему работу? Встану пораньше первым, на рассвете, и заведу пускатом его трактор ДТ-54, всё ему меньше мучиться спозаранку – там ведь и сила, и сноровка нужны были...

Урожайные годы ещё помнятся... Десятки комбайнов на пике уборки, десятки грузовых машин на вывозке зерна (они же маломощные были)... Круглые сутки мехток гудит... И весь наш аул в движении и работе на общее благо... Хорошую мы жизнь прожили, много трудились и не зря трудились.

*Шаймурат АБСАЛИКОВ,
ветеран труда*

МЫ БЫЛИ СОСЕДЯМИ

Николай Максимович Толстокоров много лет проработал в совхозе «Подойниковский» – управляющим Ильинским, Подойниковским отделениями, заместителем директора совхоза.

– Наш район никогда не был обделён хорошими руководителями, специалистами. Мне приходилось со многими из них встречаться, с кем-то работать бок о бок, перед кем-то держать отчёт.

Вспомнить хотя бы руководителей района – Лудцева, Кобзева, директора нашего совхоза Веретенникова... Люди были с характером, знали село, болели за общее дело. Потому и совхоз наш, и район в целом уверенно шли в гору.

В числе таких толковых, грамотных, принципиальных специалистов-руководителей, считаю, был и Иван Сулейменович Канаев, с которым мы вместе проработали в «Подойниковском» не один год.

Помню, как он пришёл к нам главным агрономом в 1969 году. Во время посевной поехал по полям и обнаружил явный брак. После чего устроил механизаторам, специалистам, бригадирам, управляющим показательный урок: настоял на выездном заседании парткома совхоза – у кромки этого самого поля. Разговор был жёсткий, нелицеприятный, но очень необходимый. Брак устранили, конечно, а урок всем пошёл впрок.

Вообще, надо признаться, о высокой культуре земледелия в ту пору говорить ещё не приходилось. На полях свирепствовал овсюг, много было других недоработок в полеводстве. Поэтому свежий взгляд толкового специалиста, а Иван Сулейменович ведь был дипломированный агроном, уже прошедший школу в отделении соседнего совхоза, был не только важен, но и необходим. И хотя главным агрономом он проработал у нас немного – был направлен на учёбу в партийную школу, потом вернулся к нам же секретарём парткома. И полеводство из вида никогда не упустил.

Часто действовал нестандартно. По землям нашего совхоза проходил так называемый соляной тракт, по которому когда-то возили соль, и ещё с тех давних пор вдоль этого тракта оставались широкие, метров в пять-шесть, обочины по обеим сторонам. К ним все давно привыкли, не обращали на них внимания, хотя эти полосы давно стали настоящими рассадниками для сорняков. Иван Сулейменович настоял, чтобы эти обочины распахали-окультурили, как и пространство вокруг столбов электролиний на полях, на что тоже никто раньше не обращал внимания.

Мелочи вроде, но на самом деле это не так: порядок в доме начинается с малого – вот он нам всем это и показал. Мы тогда шаг за шагом совершенствовали технологию земледелия и сделали многое: севообороты с парами, полевое кормопроизводство с многолетними и однолетними травами, даже кочкарники и другие неудобья стали облагораживать и использовать. Люцерну начали сеять и брали в год по два укуса.

Так и животноводство поднимали, а оно у нас было крупное: дойные гурты, ремонтное стадо, молодняк, большое свиноголовье. Кормовая база для развития этой отрасли имела решающее значение.

Вот ещё что помню: Ильинское отделение у нас долго было в отстающих. А тогда существовала такая практика: главных специалистов, других руководителей – членов парткома на время сельхозкампаний (посевной, сенокоса, уборки, зимовки скота) закрепляли за производственными подразделениями, отделениями совхоза. И директор совхоза Веретенников – человек крутой, властный, не любивший, когда ему возражают, а тем более когда его критикуют, – предложил именно за секретарём парткома закрепить это отстающее отделение. Тут был, конечно, и свой расчёт: ты же, мол, лезешь во все дела, всегда имеешь собственное мнение, вот и докажи на деле – какой ты сам

организатор. Канаев этот вызов принял, и под его присмотром, с его помощью дела в Ильинском стали налаживаться, а по надоям молока оно и вовсе вышло на первое место в совхозе. Так что парторг не просто нас учил и наставлял, но и личным примером воспитывал. Потому и директор совхоза стал больше к нему прислушиваться.

Вообще же мы много и дружно тогда работали, потому и результаты были. И как мы только всё успевали? У меня сохранились рабочие журналы тех лет, когда я был управляющим Подойниковским отделением. Как-то взялся их просматривать и даже сам удивился: всё время что-то новое внедряли – и в полеводстве, и в животноводстве. А сколько строили! Сплавную систему навозоудаления на ферме внедряли – коровы у нас потом всегда чистые были. Кормов всегда вдоволь запасали – с естественных угодий, сеяных трав. Так ещё и веточный корм заготавливали.

Большое внимание селу уделялось государством: выделялись средства на строительство производственных объектов; постоянно шла к нам новая техника – тракторы, комбайны, другие сельхозмашины и орудия; были созданы и успешно работали специализированные предприятия – строительные, а также «Сельхозтехника», «Сельхозхимия», много внимания уделялось семеноводству, прогрессивным технологиям в полеводстве и в животноводстве.

В урожайные годы на помощь к нам шли целые воинские эшелоны – со своими грузовыми автомобилями (к сожалению, малотоннажными, бортовыми), с собственным техобслуживанием – всё для автономного действия в полевых условиях. Встречать эти воинские эшелоны выезжал лично первый секретарь райкома И.Е. Лудцев с директорами совхозов, в которых должны были работать солдаты, и говорил генералам, сопровождающим эшелоны, знакомя их с директорами: «А это мои генералы!». Да, уборка урожая в те времена становилась поистине всенародным делом. На нас же, сельчанах, всегда лежала особая ответственность за судьбу страны. И мы старались – как только могли.

Мы с Канаевыми были соседями – наши дома стояли друг против друга, через дорогу. Вместе отмечали праздники, общались. Мне нравилось наблюдать, как Иван Сулейменович обращается с лошадью – как умело её запрягает, казалось, они понимают друг друга. Это ведь тоже человека характеризует.

МОИЛЖАН КАНАВВ

У нас в совхозе к нему люди хорошо относились. Потому что он хорошо относился к людям – внимательно, уважительно, как равный к равным. То же самое могу сказать и о его супруге Клаве. Помню, как хорошо она говорила по-русски, всегда очень тщательно, точно подбирая слова. Говорила так, как не всякий русский скажет.

Добрую память о себе оставил и коллега Ивана Сулейменовича Виктор Христианович Траутвейн, работавший директором нашего совхоза.

Настоящий был хозяин – каких поискать. И труженик из тружеников. И дружбу со службой никогда не смешивал. Случалось, сойдёмся на бильярде – чуть не до утра режемся. А утром попробуй опоздать к семи утра (а в посевную-уборку и раньше) на планёрку – мало не покажется.

Так мы жили и работали. И нам за прожитые годы, за всё, что смогли и успели сделать, не стыдно

Николай ТОЛСТОКОРОВ

ПАНКРУШИХИНСКАЯ ШКОЛА

В наших судьбах много общего: и хотя Иван Сулейменович на несколько лет старше, мы люди одного поколения, так или иначе опаленного войной. Трудное детство, лишения, работа с малых лет. Когда мы стали узнавать друг друга, это нас тоже сближало, соединяло. И ещё, конечно, профессия: мы оба закончили агрономический факультет Алтайского сельхозинститута. Только я в 1966 году очно, а Иван Сулейменович в 1967 заочно, или, как он сам иногда говорит, «заушно».

Оба работали главными агрономами: я – в «Велижановском», он – в «Подойниковском», а позднее главным агрономом райсельхозуправления, а затем был назначен его начальником. Мы были представителями классической школы алтайского земледелия и считали своим долгом вести его так – как нас учили: нашу кормилицу-землю надо беречь, не истощать её, а повышать культуру, умножать плодородие. Я это в меру своих сил и способностей старался делать в «Велижановском» совхозе, созданном на базе трёх колхозов, где проработал главным агрономом шесть лет. Мы тогда имели 16 тысяч гектаров посевов – в основном, пшеницы, но были также фуражные культуры, лён. Принимал хозяйство со средней урожайностью в девять

центнеров с гектара, и за шесть лет мы смогли поднять её до 18 центнеров. Кстати сказать, как только мы год за годом стали наращивать урожайность, нам тут же план хлебосдачи добавляли. И мы с ним справлялись. Я помню тот высокий настрой, с которым мы тогда трудились. Но была и материальная заинтересованность.

Насколько знаю, всё то же делал с своём казахском ауле молодой агроном Иван Сулейменович Канаев, и заложенная им система земледелия продолжала работать и после его ухода на повышение, а отделение, в котором он работал, достигло в 1979 или 1980 году наивысшей в районе урожайности, собрав в среднем по 25 центнеров зерна с гектара.

Агроном в ту пору в Панкрушихинском районе считался ключевой фигурой и, думаю, не будет преувеличением сказать, что у нас даже сложилась тогда своя, панкрушихинская агрономическая школа хозяйствования и школа работы вообще. Чего теперь, к сожалению, нет: земля используется далеко не по-хозяйски, истощается, снизилась её отдача. У нас тоже не всё и не всегда получалось: так, например, хотя мы и ставили во главу угла семеноводство и добивались выделения лучших сортов семян через Алтайский институт селекции семеноводства, через крайсельхозуправления, стремясь превратить совхоз «Велижановский» в семеноводческий, у нас это не получилось. Я пытался действовать в этом плане как депутат краевого Совета депутатов, Иван Сулейменович – как начальник райсельхозуправления, но, повторю, не удалось. Но зато удалось многое другое: была повышена культура земледелия, выросла урожайность, наш Панкрушихинский район вошёл в десятку лучших районов края по урожайности.

Конечно же, во всём этом была немалая заслуга и начальника райсельхозуправления И.С. Канаева, который сам прошёл хорошую школу, досконально знал здешнее земледелие, умело выстраивал кадровую политику, отношения с людьми. Помимо других достоинств руководителя, всегда ставшего на первое место не себя самого, а интересы дела, он обладал ещё одним качеством, на мой взгляд, очень важным – человечностью. Он с уважением относился ко всем нам, своим подчинённым. И мы платили ему тем же – считались с его мнениями, поддерживали начинания, старались не подвести. Помню, на работу он обычно приходил к 7 утра, связывался по телефону или по радиисвязи с хозяйствами и только потом проводил рабочую планёрку.

Хозяйства района прошли через несколько реорганизаций. Сначала на базе колхозов были созданы совхозы, а потом из пяти совхозов путём разукрупнения их были созданы ещё два. Мне было доверено возглавить одно такое – вновь организованное хозяйство – совхоз «25 лет КПСС». Здесь многое предстояло создавать заново: обустраивать центральную усадьбу, возводить жильё, производственные и социальные объекты, создавать всю необходимую инфраструктуру.

В этом совхозе я проработал директором шесть лет. Сохранился в памяти один не совсем обычный эпизод, связанный с Иваном Сулейменовичем. Тогда нас нередко вызывали в крайсельхозуправление – на совещания или другие мероприятия или с отчётами. И вот однажды мы возвращаемся из Барнаула втроём в машине Ивана Сулейменовича: он, я и Пётр Петрович Штарк, директор совхоза «40 лет Октября», тоже, кстати, агроном. И по дороге домой, где-то в районе Камня-на-Оби проезжали село Подгорное. Иван Сулейменович вдруг говорит: «Ребята, а вы знаете, ведь я здесь родился! Может, заедем?». И хотя ночь уже была – заехали. Увидели в одном доме свет в окне – зашли. Иван Сулейменович объясняет хозяйке, женщине лет сорока, кто он и кто мы, почему здесь. Она оказалась продавщицей магазина, без лишних разговоров выставила на стол две бутылки водки, закуски, решительно отказавшись от предложенных Иваном Сулейменовичем денег... А где-то за занавеской лежала бабка, её мать, услышала разговор и тоже подала голос: мол, да, как же помню-помню, жили у нас тут ещё до войны пришедшие казахи, родился у них мальчонка и выжил... Такая вот оказалась у Ивана Сулейменовича встреча с первой родиной, свидетелями чего и мы стали.

А у меня с ним случилась ещё одна памятная встреча – уже начальником Щербактинского райсельхозуправления, когда я – директор совхоза «25 лет КПСС» – приехал к нему за семенами суданки. Зашёл в райсельхозуправление, говорю, что мне нужен начальник, Иван Сулейменович.

Нет, говорят, такого. Как нет? Есть, отвечают, Моилжан Сулейменович. Я облегчённо вздохнул и сразу вспомнил, как в Панкрушихе, на партийной конференции, когда его имя-отчество называли официально – Моилжан Сулейменович, в зале начинали недоумённо переглядываться: это кто же такой?

А тогда, в Щербактах, он повёз меня домой, накормил, расспросил о новостях. Само собой, и семена я тоже взял. А оттуда поехал в Павлодар, где у меня тоже были знакомые строители, кого-то ещё он рекомендовал. И мы по-

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

том для обустройства совхоза привезли и металл, и стекло, и другие нужные и в то же время дефицитные материалы.

Так мы тогда жили, работали и дружили...

*Алексей МЕРЕЧИН,
бывший главный агроном совхоза «Велижановский»,
бывший директор совхоза «25 лет КПСС»,
Панкрушихинского района Алтайского края*

МЫ ЖИЛИ НЕ ЗРЯ

Афанасий Никитович Саморядов родился в 1934 году в Панкрушихинском районе. Служил на Тихоокеанском флоте. Работать начал с 13 лет. Был учётчиком, заведующим фермой, управляющим отделениями. Учился в Каменском и Славгородском сельскохозяйственных техникумах. Работал заведующим МТМ, главным агрономом, прорабом, замещал директора совхоза.

Общий трудовой стаж А.Н. Саморядова составляет 56 лет.

– В судьбах наших с Иваном Сулейменовичем много общего. Мои родители – стольпинские переселенцы отправились в далёкую Сибирь в поисках лучшей доли в начале двадцатого века. Но им, преодолевшим при этом многие трудности, было всё же легче, чем Канаевым. «Стольпинцы» ехали по государственной программе, им предоставлялись субсидии, помогали местные власти. Канаевы же и другие их сородичи, лишённые привычного уклада жизни и обречённые насильственной коллективизацией на голодную смерть, бежали подчас сами не зная куда, где их никто не ждал, и могли рассчитывать лишь на самих себя да на милосердие русских и украинских сибиряков, которые в те времена тоже не жировали... Но казахи проявили необыкновенную стойкость, мужество, трудолюбие и с помощью местных жителей обрели здесь вторую родину.

Мы с Иваном Сулейменовичем одноклассники, дети войны, хлебнувшие лиха в те годы, рано познавшие всю тяжесть сельского труда. Из-за войны он переростком пошёл в первый класс, а я, окончив 5 классов обычной, а шестой – вечерней школы, в 13 лет начал работать в колхозе. Был погонщиком волов, на лошадях косил и сгребал сено, а чуть окрепнув, вручную метал стога. Считался со своими шестью классами грамотным, и меня поставили учётчиком полеводства.

До службы на флоте женился на своей Нине Романовне, с которой, кстати, мы вместе уже более 60 лет. Вернулся со службы – профессии нет, пошёл в школу шоферов. А дальше – работал там, где требовалось, куда направляли. Пять лет заведовал фермой. Видимо, неплохо работал, если затем назначали управляющим в соседнее село Гонёнок. Затем в нашей Борисовке управляющий заболел – перебросили сюда, а это, кроме неё, ещё три населённых пункта.

Средство передвижения – лошадь. Летом – ходок, зимой – сани или кошева. Снегу наваливало столько, что никаких дорог не оставалось, только на лошади и можно было проехать.

Потом меня пригласили в райком партии и направили в краевую школу руководящих кадров. Учился в двух сельхозтехникумах – Каменском и Славгородском, получил специальность агронома. Кстати, когда в Барнауле учился, познакомился и подружился с казахом Бари Искужиновым, бригадиром овцеводства. Мы и потом постоянно общались, и очень жалею, что наши связи прервались, когда он переехал в Казахстан.

А меня после учёбы куда только не бросали: заведовал МТМ в совхозе «40 лет Октября», был опять управляющим в Красноармейском, потом опять в Борисовке – с 1976 по 1992 год. Потом, уже на пенсии, работал главным агрономом, помогал в качестве прораба реконструировать коровник, монтировать доильную установку.

А с Иваном Сулейменовичем мы ближе познакомились и сошлись, когда он стал начальником райсельхозуправления, а я был управляющим в Борисовке. И хоть оба мы по специальности агрономы, нашим общим делом на несколько лет стал один из проектов, который Иван Сулейменович продвигал в животноводстве. Это была так называемая сплавная система навозоудаления в коровниках. А у нас до этого были транспортёры – вещь не очень удобная, громоздкая, вечно с ними проблемы возникали.

Приехал он однажды в Борисовку и спрашивает: «Ну что, Афанасий Никитович, получается у вас что-то со сплавной системой?». А мы в одном четырёхрядном коровнике уже сделали её. Посмотрели вместе с ним – всё действует, коровы – чистые, в помещении – чисто, а то, что смывается, сразу везём на поля – это отличное органическое удобрение.

Обошли другие базы, где транспортёры, с которыми постоянная морока. «Может, и тут сделаем? – спрашивает. – Ведь для всех лучше будет».

«Сделаем, – отвечаю, – только и вы помогите». «Помогу, – сказал, – чем могу».

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

И мы начали эту непростую работу, всю эту реконструкцию своими силами в другой базе по уже опробованному ранее образцу. И за одно лето всё сделали.

Приезжает Иван Сулейменович:

– Ну как?

– Спасибо вам», – говорю.

– Мне-то за что?

– За подсказку, за то, что настроили нас на нужное дело. Мы на следующий год ещё одну базу реконструируем. И всё это до сих пор работает.

Так мы первыми в районе внедрили сплавную систему навозоудаления, мобильную раздачу кормов. А между нами с тех пор установились не просто хорошие рабочие, но по-человечески душевные, товарищеские отношения. Он вообще тогда делал ставку на управляющих отделениями, знал нас всех по именам-отчествам. Он умел располагать к себе, всегда разговаривая с людьми, как равный с равными. Он редкой породы человек, каких бывает немного. И хоть мы оба прожили нелёгкую жизнь, я, да, думаю, и он тоже, на неё не обижаемся. Трудовая была жизнь, нам за неё не стыдно

Афанасий САМОЯДОВ

ПАМЯТЬ СОХРАНЯЕТ ВСЁ ЛУЧШЕЕ

Ольга Карловна Давыденко работала агрономом отделения в совхозе имени Крупской, затем в совхозе «Подойниковский» – главным агрономом, председателем профсоюзного комитета совхоза. Награждена орденом «Знак Почёта».

– Агрономом я мечтала быть с детства и даже, ещё учась в школе, была у сельской ребятни за бригадира. Закончила Каменский сельскохозяйственный техникум и была назначена в совхозе имени Крупской агрономом крупного Ленского отделения, имевшего примерно десять тысяч гектаров пашни. В отделение входили три села, а через Кызыл ту приходилось часто ездить. И почти всегда мы останавливались, чтобы попить чаю у местных казахов. Они же всегда старались угостить нас самым лучшим, что у них было. Я, правда, совсем молодая тогда была, отчаянно стеснялась, сидела тише воды, ниже травы.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

На совхозных совещаниях бывала вместе с управляющим Кызыл ту Шаймарданом Канаевым – знающим дело, авторитетным человеком. Его выделял среди всех тогдашних директор совхоза Крысанов и говорил нам, молодым, что у него многому можно поучиться. Потом агрономом в это отделение пришёл закончивший сельхозинститут в Барнауле молодой агроном Иван Канаев, прежде работавший в Нацмене учителем.

Позже судьба свела нас уже в совхозе «Подойниковский», где он был сначала главным агрономом, а затем, после окончания партшколы, секретарём парткома, а я – сначала агрономом отделения, затем главным агрономом и девять лет – председателем профсоюзного комитета этого совхоза. Кстати говоря, главным агрономом меня назначал Иван Сулейменович, уже работая в райсельхозуправлении.

В «Подойниковском» мы, как тогда говорили, сеяли всё, кроме богородской травы: зерновые, бобовые, кукурузу на силос, травы – улучшали сенокосы. Был опытный участок, где испытывали 17 видов различных сельхозкультур.

Ещё был большой сад на 40 гектаров, в нём выращивали яблони, малину, смородину, черноплодку, овощи – для совхозного общепита.

Первыми в районе мы завели теплицу, в которой старались вырастить цветы к 8 Марта. А потом мне было поручено помочь в устройстве такой же теплицы в Панкрушихе, в которой, кроме цветов, ещё и редис выращивали.

Интересное было время – соседи удивлялись: утром встаём – тебя уже нет, ночью спать ложимся – тебя ещё нет. Так мы тогда работали...

Ещё я была секретарём партийной организации отделения совхоза и по партийной линии подчинялась секретарю парткома Канаеву. Как-то нашу парторганизацию проверяли – приезжали из крайкома партии. Проверяющий сказал потом мне: «Благодарим вас за хорошую бесплатную работу».

Вообще я многим людям благодарна за участие в моей судьбе, за поддержку и науку, за доброту. Разве можно забыть, например, как меня, совсем молодого специалиста, только-только начавшего работать, возил в Москву председатель колхоза Пётр Исакович Мельниченко. Он сам был москвич и всюду нас возил – на ВДНХ, в Кремль. А это был 1957 год, в Москве как раз проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, и я видела все эти иностранные делегации, удивительную атмосферу праздника. Разве такое забудешь!

Директоров совхоза помню – Крысанова, Траутвейна... Траутвейн мог нас, специалистов, в 6 утра в поле собрать...

Или такое... В районе идёт аттестация агрономов, по итогам которой присваивается та или иная категория. Я хоть и была в ту пору уже достаточно опытным агрономом, не особенно рассчитывала на первую категорию, ведь у меня не было высшего образования. Ответила, правда, хорошо на все вопросы. А потом именно Иван Сулейменович настоял на том, чтобы мне дали первую категорию. Справедливость, уважительное отношение к кадрам, умение ценить их и выстраивать с ними отношения, всегда доброжелательные, были его отличительными чертами.

Или вот такой ещё случай... Он уже работает в Павлодарской области начальником Щербактинского райсельхозуправления, а я приехала к нему за семенами трав. Он тут же отдал все необходимые распоряжения, напоил меня чаем... Я говорю: «Спасибо, Иван Сулейменович, я пойду – машину грузить надо». А он: «Сиди, без тебя нагрузят!». Словом, не просто как коллега коллегу принял, хоть мы уже были, как говорится, в разных весовых категориях по службе, а как близкого человека...

Когда он уезжал от нас, я говорила с сожалением: уезжает человек, который по-настоящему знал сельское хозяйство, а полеводство – в особенности, потому что прошёл по всем ступеням служебной лестницы. При нём район по урожайности впервые вышел в десятку лучших в крае. Это ведь о многом говорит.

А Иван Сулейменович, кстати, никогда не забывал и не забывает о своей сибирской родине – часто здесь бывает, встречается с друзьями и коллегами. Вот и ко мне в очередной раз заглянул домой, в Панкрушиху, где мы теперь живём с дочерью Татьяной. Она, как и я, агроном. Я была против её выбора, ведь это же такая жизнь, когда ни дня, ни ночи без забот не бывает. А она заявила: «Решайте сами: или шофёром буду, как папа, или агрономом, как мама!». Что тут поделаешь – пришлось смириться, тем более что она с детства со мной пропадала в поле, помогала пробы брать на опытном участке...

А теперь у нас с ней домашний огород в образцовом порядке. Ивана Сулейменовича, когда был в гостях, угостили, кроме прочего, квашеной капустой собственного засола. Вырастили всего девять кочанов, зато весом они были до 15 килограммов и даже больше. Жаль, помидоров уже не было, кото-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

рые тоже удались: отдельные экземпляры «Бычьего сердца» тянули на килограмм с лишним.

Сидели, вспоминали... То время, людей, с которыми работали... Клич оповещения среди механизаторов и бригадиров: «Полундра! Ольга Карловна едет!». Что означало: надо быть начеку – может и нагоняй случиться за те или иные упущения.

Будто вчера это было, хотя мне уже под 80 лет, а Ивану Сулейменовичу за 80... Но память сохраняет всё лучшее, что тогда было...

Ольга ДАВЫДЕНКО

КАК МЫ РАБОТАЛИ С КАДРАМИ

Василий Александрович Корвяков, опытный управленец, в течение 13 лет возглавлял отдел кадров Панкрушихинского райсельхозуправления.

– «Кадры решают всё» – была в своё время такая известная сталинская формулировка. Между прочим, очень справедливая, потому что в любом деле, а в сельском хозяйстве в особенности, именно кадры обеспечивают успех или неуспех многомесячной работы.

Как мы с Иваном Сулейменовичем Канаевым работали с кадрами? Теперь, по прошествии многих лет, могу с уверенностью сказать: работали грамотно, ответственно, со знанием дела. До Канаева, кстати, у нас довольно часто менялись начальники райсельхозуправления, а он проработал на этом посту более четырёх лет. У них сложился хороший тандем с первым секретарём райкома И.Е. Лудцевым, который Канаеву доверял, в том числе и в кадровых вопросах. Они же и для нас были одними из главных, ведь именно наша служба вела подбор, анализ и назначение специалистов отделений и главных специалистов, управляющих отделениями, рекомендовала на назначение директоров совхозов. Сразу скажу, что никакой кадровой чехарды при Канаеве не было, он ведь и сам прошёл до этого хорошую школу: от специалиста отделения до главного агронома райсельхозуправления; от секретаря парткома крупного совхоза до секретаря райкома партии. Важно и то, что нам он тоже доверял в этих вопросах, но с новыми назначениями на должность всегда и сам проводил собеседования.

Директора совхозов у нас менялись редко – разве что случалось что-то непредвиденное. Скажем, инфаркт у директора совхоза имени Крупской Кры-

санова (у него, кстати, Иван Сулейменович начинал – агрономом отделения), и тогда директором был назначен работавший до этого секретарь парткома Глазунов.

Тогда же началась работа по разукрупнению совхозов: из бывших пяти крупных и подчас трудноуправляемых надо было сделать десять. Начинали эту реорганизацию при Канаеве, а заканчивали уже без него.

Не было нам нареканий по работе с кадрами и со стороны краевого управления сельского хозяйства, потому что в райсельхозуправлении и его службах руководители и специалисты хорошо знали своё дело, положение дел на местах, часто выезжали в хозяйства. То же делали мы с Иваном Сулейменовичем, отправляясь в совхозы: он объезжал с директорами и специалистами производственные участки, я проверял работу кадровых служб.

На еженедельных планёрках в райсельхозуправлении главные специалисты докладывали о сделанном, сообщали о планах, обозначали проблемы, требующие решения. Начальник внимательно всех выслушивал, хотя, как правило, знал положение дел не хуже докладывающих. Был всегда доброжелателен, деловит, но мог и потребовать, спросить за упущения. И на него не обижались: всё и всегда было по делу.

Большую роль играли балансовые комиссии, где анализировалась – по статистическим отчётам, другим данным – работа хозяйств по отраслям, и, если надо было, учинялся спрос. То есть, ещё раз скажу, велась постоянная планомерная работа по всем направлениям.

Действовал районный учебно-курсовой комбинат, где специалисты совхозов повышали свою квалификацию.

Авторитетные, знающие люди возглавляли районные службы: главный зоотехник Анатолий Григорьевич Дубовой, работавший, кстати, раньше начальником райсельхозуправления; главный ветврач района Пётр Федотович Сигаев; главный агроном Виталий Рогач; главный экономист

Голобоков... И этот список можно продолжать.

Традицией были совместные выезды – семьями – на природу, где супруга Ивана Сулейменовича Клава часто готовила в большом казане вкуснейший бешбармак на нашу большую компанию...

Хорошие были времена – созидательные. Потому и сегодня помнятся – как хорошие, светлые.

Василий КОРВЯКОВ

С НИМ ХОРОШО РАБОТАЛОСЬ

Светлана Ивановна Володина – экономист, председатель Панкрушихинского районного совета ветеранов.

– Годы совместной работы с Иваном Сулейменовичем Канаевым, когда он был начальником райсельхозуправления, а я – главным экономистом этого управления, вспоминаются как годы дружной работы, как время создания. В районе было пять крупных совхозов, и все они были прибыльными, крепко стояли на ногах, как правило, выполняли планы. Успешно развивались главные отрасли – полеводство и животноводство, активно велось строительство – производственных и социальных объектов и жилья. Село активно поддерживалось государством через дотирование электроэнергии, горюче-смазочных материалов, удобрений, стройматериалов – всё это было недорогим. Шли регулярные гарантированные поставки техники.

Сельские труженики постоянно ощущали эту заботу государства и осознавали важность своего труда. Велась плановая подготовка кадров для села – высшего и среднего звена, механизаторских кадров. Сельская молодёжь охотно шла в агрономы, инженеры, зооветспециалисты. Многие выпускники школ, закончив сельские профтехучилища, становились механизаторами.

На уровне района всю эту сложную, многоуровневую работу организовывало и координировало райсельхозуправление, имевшее постоянную тесную связь с хозяйствами района. Райсельхозуправление тогда действительно управляло производством в районе, обеспечивало снабжение, заботилось о подготовке кадров и вело кадровую политику.

Теперь же почти ничего этого, к сожалению, нет. Есть, конечно, государственная поддержка крестьянских фермерских хозяйств, государственные программы развития села, но нет той координации и организующей роли районного звена, поскольку нынешние сельские бизнесмены, руководители крестьянских и других хозяйств действуют по собственному усмотрению. И никто им не указ. Далеко не всегда это идёт на пользу делу.

Во всяком случае эффективность и результативность прежней системы хозяйствования, пусть во многом и несовершенной, и ныне действующей, на мой взгляд, несопоставимы.

Если же говорить об Иване Сулейновиче, то все мы, кто работал под его началом, и я в том числе, вспоминаем его как в высшей степени порядоч-

ного человека, всегда болеющего душой за производство и всего себя отдававшего общему делу. Он умел выстраивать доброжелательные и в то же время деловые отношения со всеми. Его авторитет и профессионализм признавали директора совхозов, которых и он в свою очередь поддерживал словом и делом. Отсюда были и результаты как в животноводстве, так и в полеводстве. Именно при нём наш район по итогам уборки 1980 года вошёл в десятку лучших Алтайского края, чего не было ни раньше, ни после.

И ещё с Иваном Сулейменовичем приятно было иметь дело как с человеком всегда выдержанным, корректным, умеющим чувствовать людей. Поэтому мне приятно встречаться с ним и спустя многие годы, хоть мы давно вместе не работаем

Светлана ВОЛОДИНА

ОН ПОМНИТ И УМЕЕТ ДРУЖИТЬ

Было это почти полвека назад, а будто вчера: я, заочница Томского университета (пятикурсница юридического факультета в Барнауле) направлена судьёй районного суда в Панкрушиху. И в дальнейшем вся моя судьба оказалась связанной с этим районом, где я без малого 30 лет проработала председателем райсуда и судьёй в одном лице. Только незадолго до моего ухода в почётную отставку сюда был направлен ещё один специалист. Итого с 1967 по 1994 год – целая жизнь.

На первых порах тяжело, конечно, приходилось: не хватало опыта, на первых порах помогали более опытные коллеги, сама на ходу училась. Носила домой сумки с документами, просиживала над ними ночами. Хорошо ещё мама со мной жила – во всём была опорой, вела дом, двух дочерей помогла поднять.

Судья в районе, где почти все друг друга знают, – фигура особая. Как говорится, во всём надо соответствовать должности, положению, и я, конечно, старалась. Понимала, что от меня зависят судьбы людей, – к рассмотрению дел подходила со всей тщательностью, и поэтому у меня практически не случалось отменённых приговоров. И уже тот факт, что после ухода в отставку я осталась жить в ставшей мне родной Панкрушихе, говорит о многом: мне не стыдно смотреть людям в глаза, и ко мне здесь относятся с уважением. Многие до сих пор помнят. Как-то совсем недавно позвонила женщина и долго

МОИЛЖАН КАНАЕВ

благодарила за то, что я помогла им с мужем сохранить семью. Они на развод подали, а я находила возможности, зацепки, откладывала решение, убеждала их ещё и ещё раз подумать, не спешить. И вот столько лет спустя такой приятный привет из далёкого прошлого.

Дорого мне и то, что хранит память о прошлом наш панкрушихинский земляк Иван Сулейменович Канаев. Почти сорок лет назад он решил вернуться на родину своих предков, а российскую свою родину тоже не забывает – часто наезжает к нам, встречается с бывшими коллегами и товарищами, передаёт приветы.

Примерно два года назад приехал в Панкрушиху с целой делегацией павлодарцев. Было большое торжественное мероприятие в районном Доме культуры, где его чествовали в связи с 80-летием. Выступали коллективы художественной самодеятельности нашего района и Павлодарской области.

Я тоже была на этом торжестве, порадовалась за Ивана Сулейменовича, хотела тоже подойти, поздравить, но он всё время был в окружении других людей и у меня не получилось...

Многое вспоминалось тогда – как мы вместе работали, общались. Мой муж, Анатолий Яковлевич, работал зоотехником в райсельхозуправлении, а начальником которого был Иван Сулейменович. Одно время мы жили по соседству, дружили наши дети с их старшей дочерью Ларисой (так мы её звали, хотя её казахское, правильное, имя Рысты). Как-то Иван Сулейменович напомнил мне, что я даже вручала её, как одной из лучших, на школьном выпускном вечере аттестат зрелости. И она тоже закончила в Барнауле юридический факультет, а теперь руководит областным центром выплаты пенсий. Достойная биография! Иного и быть не могло у дочери таких родителей.

Я хорошо помню – каким авторитетом пользовался в нашем Панкрушихинском районе Иван Сулейменович Канаев – и когда работал секретарём райкома партии, и когда руководил пять лет райсельхозуправлением. Все мы знали его как человека искреннего, открытого, коммуникабельного, добросердечного. Виделись мы на пленумах райкома партии, сессиях районного Совета депутатов, в которых я всегда участвовала как член райкома партии и депутат райсовета. Была в курсе всех районных дел, выстраивала деловые отношения с районными руководителями – тем же первым секретарём райкома Иваном Егоровичем Луцевым. Отстаивала, если нужно было, свою точку

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

зрения, убеждала. И меня понимали, во всяком случае, серьёзных конфликтов не возникало.

Мы тогда много внимания уделяли профилактике: я до сих пор храню вырезки из районной газеты с моими публикациями под рубрикой «Из зала суда», «Консультации юриста» и другими. Организовывали выездные сессии суда. Несмотря на большую загруженность, выезжала в составе районных групп на сельские сходы, выступала с лекциями на них, а также в трудовых коллективах, школах. Погода при выездах не имела значения: помню, как-то пришлось в Высокую Гриву в весеннюю распутицу даже на тракторе добираться.

Жизнь была у нас тогда насыщенной до предела. Но и на отдых находили время. Запомнились семейные выезды на отдых, организатором которых был Иван Сулейменович Канаев: отдыхали на природе, общались, супруга Канаева варила вкусный бешбармак в большом казане.

Ещё помнится как мы были у них в гостях в ауле Кызыл ту: сидели за низким столиком-дастарханом, угощались национальными казахскими кушаньями. Так тогда Иван Сулейменович знакомил нас с обычаями и традициями казахского народа.

Мне по душе, что Россия и Казахстан сохраняют братские отношения. Нравится видеть и слышать Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева – как хорошо он говорит по-русски, насколько он всегда убедителен. Хорошо и то, что есть такие люди, как Иван Сулейменович Канаев, – помнящие, как когда-то сибиряки приютили бежавших из родных краёв от голода незнакомых им казахов. Люди, умеющие помнить и дружить, всегда будут связующей нитью между двумя нашими странами.

*Октябрина Александровна ЗАЛЕСОВА,
председатель Панкрушихинского районного
суда Алтайского края в 1967-1994 годах*

ПРИМЕР ВСЕМ НАМ

Николай Васильевич Ряжин родился в 1949 году. Работал механизатором, бригадиром тракторно-полеводческой бригады, управляющим отделением, директором совхоза, первым заместителем главы Панкрушихинского района. После ухода с государственной службы создал вместе с сыном Нико-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

лаем крестьянское хозяйство «Ряжин Н.Н.», которым теперь руководит сын – Николай Николаевич Ряжин.

– Бывают в жизни встречи – как будто мимолётные, недолгие, можно сказать, просто рабочие, но они почему-то долго помнятся. Такой была наша первая встреча с Иваном Сулейменовичем Канаевым. Это 1978 год, уборка урожая – трудная, нервная, работу всё время тормозят дожди... И в тот день тоже шёл дождь, мы сидим в вагончике, комбайны стоят... И к нам в бригаду приезжает начальник райсельхозуправления Иван Сулейменович Канаев. Завернул, наверное, не случайно, ведь бригадир наш Кузьма Михайлович Звягинцев был без преувеличения хлеборобом с большой буквы, кавалером ордена Ленина. И хоть был бригадир не только у нас, но и у начальства в большом авторитете, подумали: раз начальство прибыло – воспитывать будет, накачивать... Бывало, что и в дождь требовали выводить комбайны в поле. Толку от этого, конечно, никакого, только хлопот потом с техникой добавляется.

Тут же – нормальный человеческий разговор: как вообще дела, как дома – картошку выкопали, сена на зиму запасли? Есть ли жалобы? Да нет, говорим, жалоб, разве что дождь... «Ну так всё равно уберём ведь, ребята?» – спрашивает напоследок. «Конечно, уберём!» – сказали.

Люди всегда чувствуют – как к ним относятся. Вот и нам было очень важно тогда, что с нами говорили как с равными, уважая нас и даже сочувствуя нашему вынужденному простоя. Мы поняли: человек этот – один из нас, потому что знает своё дело, цену труда, уважает рабочего человека. Позже узнали, что он тоже хлебороб, работал агрономом отделения и совхоза... Словом, наш человек...

А следующий, 1979 год стал для меня особенно памятным: уродился хороший хлеб, и я намолотил девять тысяч центнеров зерна.

Потом я был уже бригадиром, и мы одними из первых в нашем «Велижановском» и в районе стали работать по бригадному подряду. Были более тесные встречи с Иваном Сулейменовичем, в том числе на районных совещаниях. И хоть близко в ту пору с ним мы не были знакомы, поскольку находились, если можно так сказать, в разных весовых категориях, да и по возрасту я был гораздо моложе, но я не раз слышал тогда отзывы от тех, кто знал его лучше моего: Канаев – настоящий профессионал, умеет выстраивать отношения с людьми, говорить с ними, а главное – слушать. И, что тоже немало важно, говорили о его высоких человеческих качествах.

Вспоминаю обо всём этом ещё и потому, что потом, уже в качестве управляющего отделением, директора совхоза (а эти два поста я занимал по восемь лет), пришлось иметь дело с руководителями, которые далеко не всегда обладали этими качествами.

Более десяти лет назад случилась у нас ещё одна очень памятная для меня встреча. Иван Сулейменович отмечал в Павлодаре своё 70-летие и позвонил тогдашнему главе нашего района Ивану Ивановичу Подкопаеву, прислал нам приглашительные. Думали, что ему подарить, и решили – пусть это будет картина местного художника с местными видами: Панкрушиха, река Бурла, наша природа... Ехать собирались вместе с И.И. Подкопаевым, кстати говоря, хорошим организатором и руководителем, много сделавшим для преодоления экономического кризиса в районе. Но Иван Иванович должен был ехать по неотложным делам в Барнаул, и в Павлодар поехал я.

Опускаю подробности пересечения российской таможни, которую я из-за картины проходил не без проблем. Замечу лишь, что перед казахстанской таможней меня ждала очередь из нескольких десятков машин, и я понял, что к назначенному времени на юбилей Ивана Сулейменовича не успеваю. Пошёл к казахстанским таможенникам, объяснил ситуацию, показал приглашительный, и меня за считанные минуты провели на выезд.

Потом была прекрасная встреча в Павлодаре. Приятно поразила организация юбилейного торжества, гостеприимство, увидел настоящий казахский дастархан и с удовольствием вкушал его блюда. Видел, с каким уважением относятся к Ивану Сулейменовичу в Павлодаре – коллеги, друзья, общественность, чувствовал, что люди говорят не по обязанности, а от души.

Мне тоже дали слово. Я говорил о том, что есть известное изречение: дай вам Бог и врагов сделать друзьями, а друзей никогда не превратить во врагов – и о том, что Иван Сулейменович обладает счастливым даром делать и то, и другое. Что его до сих пор с теплотой и благодарностью вспоминают в Панкрушихинском районе. И что мы гордимся тем, как чествуют нашего земляка на родине его предков в Павлодаре.

Нас очень тепло, по-дружески проводили домой. И с тех пор мы уже не теряем связи с Иваном Сулейменовичем: созваниваемся, обмениваемся новостями, обсуждаем дела наших крестьянских хозяйств. И хоть я никогда не работал под началом Ивана Сулейменовича, я очень рад, что судьба свела меня с ним. Да и не так много у нас в районе было руководящих кадров, которые

МОИЛЖАН КАНАВВ

оставили бы после себя такую память. А его до сих пор вспоминают добрым словом.

А роднит нас ещё и то, что мы оба, уходя из власти, создали крестьянские хозяйства. Трудно было и ему, и нам с сыном. Только тот, кто сам прошёл этот путь, знает – насколько он непросто и тернист. Иван Сулейменович, можно сказать, стал для меня примером на этом пути. И если на начальном этапе в нашем с сыном Николаем деле главным был я, то теперь делами заправляет в основном он, а я ему лишь помогаю, когда он в этом нуждается.

Мельницу для нашего крестьянского хозяйства помог купить мой брат. Мы нашли для неё помещение, работали сначала на давальческом зерне (благо, оно стоило тогда недорого). Теперь у нас и посевные площади, и техника, и зерно своё, и склад. Собираемся расширяться – по технической части и животноводством заняться. Не обходится, конечно, и без проблем, но крестьянское хозяйство теперь довольно прочно стоит на ногах, и сделали мы всё это своими силами.

Знаю, что Иван Сулейменович, несмотря на свои 80 с небольшим лет, не сидит без дела: занимается своим крестьянским хозяйством, участвует в общественной жизни, отстаивает права сельчан. И при любой возможности приезжает в родную Панкрушиху. Недавно мы с ним опять повидались, и я был очень рад видеть его в отличной рабочей форме, полным новых интересных планов. Дстойный пример для подражания всем нам!

Николай РЯЖИН

РАБОТА НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЩЕРБАКТИНСКОГО РАЙОНА ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Прибыл в кабинет председателя Павлодарского облисполкома Махмета Каирбаевича Каирбаева. Приём был тёплый, он сразу приступил к делу: позвонил министру сельского хозяйства республики Моторико, сообщив о моём назначении начальником управления сельского хозяйства Щербактинского района, и попросил его выделить мне ещё одну служебную автомашину «ГАЗ-24», мотивируя это тем, что я на Алтае якобы ездил на такой служебной машине. В Министерстве сельского хозяйства быстро оформили все необходимые документы, и уже к вечеру 3 апреля 1981 года министр подписал приказ о моём назначении.

В Алма-Ате я первый раз, удивлён красивым городом, утопающим в зелени, многонациональностью жителей, проживающих в столице Казахстана. Прохаживаясь по улицам столицы исторической родины, думал, что я правильно поступаю, раз принадлежу этой нации. До сих пор моими столицами были Барнаул, Новосибирск, где я окончил Высшую партийную школу, и город Москва, где я недавно два месяца проучился в Высшей школе руководителей сельского хозяйства Российской Федерации.

Так с апреля 1981 года началась моя жизнь на новом месте, на исторической родине, где я себя так же чувствую чужим человеком, ибо никого не знаю и никто меня не знает. На Алтае почему-то большого общения с соотечественниками из Казахстана не было, да и не особенно тяготели к исторической родине мои братья и сестра. Иногда мать просила одного из сыновей свозить её в родные места: село Чёрное, аул Айдарша, где она родилась, провела детские и юношеские годы. Изредка в наш аул Кызыл ту Панкрушихинского района Алтая приезжали родственники – Кошен-Шуреки: Мардан Резуанов, Хамит Амренов, Жумажан Бейсембаев, Молдабек Даутов, Зияда Скаков. Они рассказывали нам, казахам Сибири, как прежде жили и содержали скот наши родители на земле предков в ауле Коктобе и на зимовье-кыстау Кара-Тогай – в пойме Иртыша, всем родом, ведь сообща легче было преодолеть неимо-

МОИЛЖАН КАНАВВ

верные трудности. Гости из Казахстана постоянно нас приглашали вернуться на историческую родину, но также постоянно удивлялись нашей, сибирской природе, говоря: «На такой природе могут хорошо жить даже сироты». И одновременно они решали свою насущную проблему: покупали в Сибири лошадей на согым.

Секретарями обкома партии тогда работали Кабидолла Нурсинович Шакаримов, Сергей Иванович Старусев, Алма Муқановна Ажибаева, заведующим организационным отделом – Иван Иванович Скрипко, заведующим сельскохозяйственным отделом – Олег Александрович Шихалеев.

Заместителями председателя облизполкома были Евгений Григорьевич Азаров, Мурат Рамазанович Таниев, Владимир Филиппович Герасименко, Валентина Васильевна Шершнёва.

Тепло принял меня Кабдуш Темирбаевич Нуркин, фронтовик, секретарь областного Совета народных депутатов, он даже сравнил мой переезд на историческую родину с приземлением космонавта на казахстанской земле. Внушил мне нравоучительную казахскую поговорку: «Кокке карама – копке кара», что означает: «Не смотри в небо, а смотри на народ». Чувствовалось его эрудиция, большой кругозор, он смог поработать с десятью первыми секретарями обкома партии, девятью председателями облизполкома, был награждён орденом Александра Невского, дал бата президенту Н.А. Назарбаеву от имени всех аксакалов Казахстана. Он выразил желание оказывать мне всяческую поддержку, высказывал своё мнение о том, что я достоин быть первым руководителем района, но я молчал, соблюдая российскую традицию – должности не выпрашивают.

Были и сочувствующие. Так, однажды ко мне в гостиничный номер во время областной партийной конференции зашёл Вахап Бекович Сыздыков, первый секретарь Майского района, и сказал: «Если у тебя будут проблемы или пожелания, скажи мне, постараюсь помочь, ты, оказывается, родом из нашего района».

Но меня очень удивил вопрос одного высокопоставленного областного руководителя, члена бюро обкома партии, кстати, русскоязычного: «Кто тебя пригласил в Павлодарскую область?». Я ответил, как это было, но вижу, мой ответ его не устроил. Я ожидал совсем другие вопросы от человека, курирующего сельское хозяйство: «Какие прогрессивные технологии внедряются на Алтае?», «Что вы там делали по повышению урожайности полей, продуктивности скота?» и т.д. Таких вопросов не было, меня это разочаровало, я по-

думал, что такие руководители могут дать необъективную оценку подчинённым. В этих условиях надо иметь надёжную «крышу» над головой, которой у меня нет.

С большим волнением и желанием знакомился я с руководителями Щербактинского района, с которыми мне предстояло жить и работать на новом месте. Я надеялся, что это последний мой переезд, ведь обосновываюсь на исторической родине. Мне повезло с первыми руководителями района Николаем Фёдоровичем Гегером, Кемером Кожаметовичем Ашимбетовым, людьми с большим кругозором, человечными, деловыми, и я, к моему счастью, для них оказался понятным человеком.

Годы спустя как-то первый секретарь райкома партии Н.Ф. Гегер сказал: «Моилжан, ты как будто здесь родился, вырос и продолжаешь работать!».

Вторым секретарём райкома партии был Тулеш Жаркенович Жаркенов, секретарём по идеологии – Евдокия Григорьевна Шелегедо, заведующим сельхозотделом райкома – Николай Николаевич Бурлаков, первым заместителем председателя райисполкома – Фёдор Андреевич Корниенко, заведующим общим отделом райисполкома – Зейнолла Кажимович Кажимов, прокурором – Мухамеджан Жумагулович Тлеулин, начальником РОВД – Какым Нурмагамбетович Каниев, заведующим нефтебазой – Бораш Рахимович Алимбаев, управляющим сельхозтехникой – Санат Борашевич Алимбаев, заведующим орготделом райисполкома – Зейнолла Жакиянович Жакишев, начальником планового отдела – Канапья Амренович Камшатов, главным врачом больницы – Каиртас Жанузакович Уздембаев.

Этим и многим другим щербактинцам выражаю глубокую благодарность, они приняли меня в свои ряды, как высокоуважаемого человека.

Знакомить меня с аппаратом управления сельского хозяйства пришли оба первых руководителя района. Заместителем начальника управления был Кадыр Сейтахметович Сейтахметов, главным бухгалтером управления – Мухтизар Сыздыкович Сыздыков, главным зоотехником – Пётр Петрович Вагнер, главным инженером – Павел Егорович Круценко, главным агрономом – Нияз Асембекович Шунгулов, главным ветврачом – Мирослав Владимирович Дзеба, начальником инспекции по госсельхознадзору – Валерий Павлович Тыщенко, начальником ветеринарной лаборатории – Виктор Карлович Пфайфер, на должность главного экономиста управления попросился бывший начальник управления, которого я сменил, Григорий Афанасьевич Поленов. И что

МОИЛЖАН КАНАВВ

меня удивило, более половины специалистов управления были коренной национальности.

Мне быстрее всего хотелось познакомиться с хозяйствами района – их было 15: шесть совхозов и девять колхозов. Район этот больше, чем мой родной Панкрушихинский, что меня озадачивало. Кроме того, здесь ещё существовали коллективные хозяйства – колхозы, чего не было у нас. В районе был один из крупнейших зерновых совхозов области – «Сосновский», директор Виктор Бороденко; крупный животноводческий совхоз «Боровой», директор – Яков Викторович Блац; совхоз «Чигириновский» – Нигмет Бекболатович Сыздыков; «Карабидайский» – Сагдат Машрапович Оразбаев; имени Богдана Хмельницкого – Александр Богданович Шпейт и откормочный совхоз «Степное» – Кабиден Алигожин. Коллективные хозяйства: «Победа» – председатель Владимир Пантелеевич Поляков, имени 22 партсъезда – Афанасий Степанович Марченко, «Красный партизан» – Владимир Степанович Куш, имени Абая – Николай Григорьевич Соколов, «Ленинский путь» – Геннадий Михайлович Калакша, имени Владимира Ильича – Александр Маркович Лысенко, «Кызыл тан» – Кайролла Кулмулдинович Мусин, имени Шевченко – Леонид Трофимович Парфенов, «Большевик» – Николай Дмитриевич Никитин.

Начало апреля, а снега в Щербактинском районе ни на полях, ни в степи уже нет, а в Панкрушихе в это время земля полностью закрыта снежным покрывалом, оголяются только отдельные участки земли, которые мы называли проталинами. Чтобы лучше ознакомиться с хозяйствами, решил каждому из них посвятить целый день. Дела были неважными – везде нехватка кормов, принимались все меры, чтобы без потерь завершить зимовку скота. Старались быстрее выгнать скот на пастбища, хотя травы там не было, и стояла холодная, ветреная погода.

В совхозе «Боровой», в отделении Арбигень, произошёл интересный случай: я встретил своего сокурсника по Семипалатинскому геологоразведочному техникуму Ертая Калмешева, который вынужден был вернуться в родной аул глубокой осенью 1952 года. Встреча была такой внезапной и неожиданной, что мы долго, узнавая, смотрели друг на друга и стали крепко обниматься, а сопровождавшие во главе с Яковом Викторовичем Блацем не поймут, что происходит – почему это новый начальник, приехавший из России, обнимается с Ертаем?

В этот день моё возвращение в Щербакты было поздним: Ертай пригласил к себе домой, и мы предались воспоминаниям о наших трудных и

счастливых студенческих временах. В дальнейшем отношения и дела с руководством совхоза у Ертая улучшились, он стал управляющим отделением совхоза. Ертаю в свою очередь стал другом и соратником моего брата Шаймардана, переехавшего к этому времени в Щербакты. Прежде, уже писал, он работал управляющим Кызылтовского отделения совхоза имени Крупской Панкрушихинского района Алтая. Они часто стали ездить в гости друг к другу, обменивались советами и помогали друг другу во всём. Таким образом Ертаю помог адаптироваться моему брату в новых условиях, что для меня было очень важно.

С каждым днём пребывания на исторической родине я убеждался, что ведение сельского хозяйства здесь значительно труднее. Люди здесь радуются, если получают 10 центнеров с гектара зерновых, 3-5 центнеров с гектара сена. А природные условия преподнесли мне настоящее испытание: три года подряд были засушливыми. Так, первый летний дождь прошёл 13 июля 1983 года. Из-за бескормицы стали рано весной выгонять скот на пастбище, что было рискованно – переменчивая погода играла злую шутку: дождь, перешедший в мокрый снег, сильный ветер и мороз – и животные на пастбище вымирали полностью. Наши предки с этим явлением были знакомы давно и боролись с ним как могли, часто оставались без скота. И называли это бедствие куралай. Куралай произошёл на пастбище колхоза имени Владимира Ильича, где в загоне пало сразу 250 голов молодняка крупного рогатого скота. Это страшное явление показал мне председатель колхоза Александр Маркович Лысенко, явно чувствуя свою вину.

Про куралай подробно мне рассказал Николай Фёдорович Гегер, хорошо знавший жизнь кочевника, решивший меня ввести в курс степных событий и тем самым, видимо, успокоить новоиспечённого начальника управления. «Степняки всю жизнь боролись с куралаем, чтобы спасти жизнь животным и себе, – начинал он свой рассказ. – Надо многое знать и уметь, быть настоящим астрономом, чтобы в таком природном катаклизме спасти своих драгоценных животных. Кому удавалось сохранить их, были по-настоящему счастливы и своих детей, родившихся в это время, называли Куралай».

Куралай – распространённое имя в Казахстане, с людьми, носящими его, я встречаюсь впервые и поражаюсь, насколько они были зависимы от природы с первого дня появления на белый свет.

Положение дел в сельском хозяйстве района, которым я приехал руководить, если сказать правду, было плачевным. К концу мая 1981 года засуха

МОИЛЖАН КАНАВВ

высушила всю траву, где бы она ни росла, животные с пастбища возвращались полуголодные, их надо было в летнее время подкармливать.

Привёз из Панкрушихи двух коров, которых мы держали всегда, выпустили их на пастбище возле Щербактов, а они идут и идут, не замечая очень низкую, редкую щербактинскую траву. В Панкрушихе от каждой коровы надаивали по ведру молока, а здесь – одно неполное от двух.

Не понравились природные условия и моим детям, самой младшей из них – Гульмире – было семь лет. Она сказала: «Я на попутной машине поеду в Панкрушиху». Почему-то старшие дети промолчали. Часто стали приходиться на ум слова русской пословицы «От добра добра не ищут». Был даже подходящий случай, чтобы вернуться в родные края на прежнюю работу, ибо моя должность оставалась вакантной долгое время. Но я посчитал неприличным проситься обратно, хотя шанс на это был заложен во время заседания бюро крайкома партии, когда первый секретарь крайкома партии сказал по поводу моего переезда: «Когда далеко живёшь, казахи приглашают, а когда приедешь, могут отвернуться». Тогда члены бюро крайкома партии дали мне добро – возможность вернуться.

Езжу по хозяйствам, знакомлюсь с населёнными пунктами, среди которых попадаются аулы с казахскими названиями, что для меня новое, приятное, но большинство сёл имеют русские названия. Руководители, специалисты хозяйств и население в целом встречают хорошо, рассказывают о своих делах, не поднимая проблем.

Начало апреля, а посевные работы ведутся уже полным ходом, за обрабатываемыми и посевными агрегатами пыль стоит столбом, потому что почва была высушена из-за отсутствия комплексного ведения весенне-полевых работ: предпосевная обработка, боронование, посев и прикатывание должны вестись одновременно, одно за другим – тогда пыли не будет, почва не высушивается. О такой агротехнике здесь нет и речи.

Чтобы как-то поддержать животных во время сильной засухи лета 1981 года, стали повсеместно внедрять дрожжевание концентрированных кормов, когда из небольшого количества зерноотходов путём кипячения их в большом объёме воды и с добавлением дрожжей получали бурду желтоватого оттенка, сильно похожую на брагу. Животные пили её очень хорошо и ели что им дают: солому, сено прошлых лет. Это был своего рода выход из положения. Об этом новшестве я по телефону рассказал своему шефу на Алтае Ивану Егоровичу

Лудцеву – сейчас уже первому секретарю Павловского райкома партии. Он организовал делегацию из своего района в составе 15 директоров совхозов, приехал сам и заместитель председателя райисполкома Николай Фёдорович Крысанов, работавший в последнее время в Панкрушихе главным инженером строящегося комбикормового завода.

Моим землякам наше новшество сильно понравилось, им показали и рассказали об оборудовании и сам процесс изготовления и кормления животных. Гости своими глазами видели, как животные напивались бурды из обычных корыт и ели потом всё подряд. Во время обеда богатый дастархан накрыл для алтайцев колхоз «Победа» – его председатель Владимир Пантелеевич Поляков и председатель рабочего комитета колхоза.

А на вечер, соблюдая казахские традиции, дорогих гостей я пригласил к себе домой, хотя он для нашей семьи был временным жильём – половина двухквартирного дома. Но гости разместились все. От казахстанской стороны на ужине были два первых руководителя района – Николай Фёдорович Гегер и Кемер Кожаметович Ашимбетов. Я был беспредельно рад, что оказался связующим звеном между двумя регионами России и Казахстана, что мои коллеги сидят за одним дастарханом, и предметом их обсуждения будет преодоление трудностей общими усилиями, когда мы искренне помогаем и советуем друг другу, как лучше сделать. Причём за моим дастарханом сидят не простые люди, а руководители больших коллективов и регионов, крупных районов стран-соседей. Каждый здесь присутствующий, чтобы достичь своего нынешнего положения, успешно прошёл все ступени служебной лестницы, как это было положено во времена Союза. Поэтому их выступления на вечере были содержательны, слушали их с большим вниманием.

Отличительным было выступление Николая Фёдоровича Гегера, начав с давней дружбы и бескорыстной помощи русского и казахского народа друг другу, взаимопонимания, добрососедского отношения, готовности подать руку помощи, он поблагодарил гостей за то, что воспитали такого начальника управления сельского хозяйства района, то есть меня. Особенно дороги были два человека, которые в составе гостей присутствовали здесь, – это Иван Егорович Лудцев и Николай Фёдорович Крысанов, которые с самого начала моей трудовой деятельности оказывали влияние на мою карьеру. И сегодня, видимо, не случайно они оказались в моём доме, на новом моём месте жительства – в посёлке городского типа Щербакты. Они свой долг выполнили

до конца, представив меня на территории другой страны. Надо отметить, что отношение щербактинцев ко мне после приезда делегации из Алтая стало значительно теплее, улучшилось взаимопонимание. После ужина эти два дорогих человека остались ночевать у меня дома, остальные гости были размещены в районной гостинице. Было нам о чём поговорить всю ночь, которая оказалась очень короткой.

Утром мы с Николаем Фёдоровичем зашли в комнату Ивана Егоровича, побыли у него. А делегация Павловского района была готова к отъезду. Гости подарили нашей семье ящик индийского чая и отправились в путь. На границе между Россией и Казахстаном, в лесополосе, где сейчас расположены пограничные и таможенные службы двух стран, павловцы сделали отъездную, соблюдая сибирские обычаи и традиции, которые мне очень дороги. Прощание было очень трогательное, особенно для меня.

Полеводству уделял я пристальное внимание не потому, что я агроном, а потому, что знал, что без земледелия в животноводстве не будет подъёма. Постоянно объезжая поля совхозов и колхозов, я заметил, что на огрехах, которые засеивались позже, после всходов основной площади посева, растения были выше, колос – длиннее, зерно крупнее. Видно было, что на огрехах урожай выше на 2-3 центнера с гектара, больше набирается также соломы, которую мы ездили заготавливать в те годы в Кустанайскую область. Стал беседовать с руководителями хозяйств, агрономами, полеводцами о преимуществах позднего посева зерновых культур, но ответ у них был один: «В рекомендациях науки, областного управления сельского хозяйства и областного агросовещания, которое проводится ежегодно перед посевной кампанией, указаны сроки, которые мы должны неукоснительно соблюдать». Пришлось доказывать очевидное в течение двух засушливых лет – 1981-1982. Набирал снопы зерновых культур из каждого совхоза и колхоза с полей раннего и позднего посева. Эти снопы хранились у меня в кабинете, и я каждый раз представителей хозяйств, которые приходили ко мне за решением каких-нибудь вопросов, убеждал на примере экспонатов их же хозяйств о преимуществах позднего посева. Двухлетние мои уговоры полеводцов района завершились тем, что на районном агросовещании 1983 года решили проводить поздние посевы зерновых культур, начиная с 15 мая. Противников этого новшества было немало, один из них даже сказал: «Ты сам подашь команду сеять, когда тебе позвонят из области – почему задерживаешь весенний сев?». Я парировал: «Что вам

нужнее – сроки или урожай?». Но они могли подумать ещё, что я их учу, противопоставляю себя всем.

Выйти из затруднительного положения помог мне случай: на областном агросовещании 1983 года предлагают мне выступить от имени начальников районных управлений сельского хозяйства области. И я на нём рискнул высказаться о намерении хлеборобов Щербактинского района проводить поздние посевы. Вёл совещание председатель облисполкома Рыспек Мырзашевич Мырзашев. Основную часть своего выступления я посвятил обоснованию необходимости позднего посева на конкретном примере очень засушливых двух лет и сказал об одном обязательном условии – семена необходимо закладывать глубже, во влажную почву. Сказал также, что поздние посевы эффективно борются с сорняками, и, что ещё не менее важно, растения позднего посева попадают под сенокосные дожди, и поэтому зёрна бывают более крупными. Завершил я своё выступление словами: «Поэтому мы, полеводы Щербактинского района, решили начать сев зерновых культур с 15 мая».

Эффектное и для многих шокирующее заключение моему выступлению сделал Рыспек Мырзашевич: «Будем сеять позже и глубже». А первый секретарь обкома партии Пётр Иванович Ерпилов кивнул головой в знак согласия. Моё выступление было третьим, и пришло время объявить перерыв в работе областного агросовещания. Сразу ко мне подошёл Николай Фёдорович Гегер и сказал: «Что ты так рискуешь?». Я ему ответил: «Теперь нам никто звонить не будет – почему запаздываем с весенним севом?». Я, конечно, благодарен Николаю Фёдоровичу за его заботу. Но случилось непредсказуемое: все молчали, никто не сказал ни слова против. Как говорят: молчание – знак согласия.

Разные методы и способы решения вопросов и проблем у меня продолжались, иногда они приводили к конфликтным ситуациям. Так, однажды, во время весенне-посевной кампании, звонит мне заведующий сельхозотделом обкома партии Алексей Павлович Звягин и спрашивает: «Каков ваш план работы на сегодня?». Я отвечаю: «До обеда текущие, бумажные дела, а после обеда буду проводить совещание с главными агрономами по соблюдению агротехники полевых работ в одном из хозяйств». В ответ слышу возмущенный голос заведующего: «Зачем мы тогда проводили областное агросовещание, сейчас надо заниматься конкретными делами». И закончил разговор: «Я приеду, посмотрю».

Я был в большом недоумении, мы на Алтае такие совещания проводили со всеми специалистами и по другим отраслям, и никто нам не запрещал,

МОИЛЖАН КАНАВВ

а наоборот – это поощрялось, ибо недоделки в работе, нарушение агротехнических, зооветеринарных правил и установок видны и обнаруживаются во время процесса ведения работ. В мою бытность главным агрономом Панкрушихинского райсельхозуправления первый секретарь райкома партии Иван Егорович Лудцев всегда присутствовал на таких совещаниях, и часто прямо в поле, и поэтому был сам в курсе событий, чем занимаются те или иные специалисты или руководители.

Встретил я Алексея Павловича возле здания управления сельского хозяйства и повёз его в колхоз имени Владимира Ильича. Первую часть совещания провели в поле, где был обнаружен брак в работе, обсудили со специалистами факт нарушения агротехники, пути его устранения и дальнейшего недопущения. Вторую часть совещания провели в кабинете председателя колхоза Александра Марковича Лысенко, где сначала слушали выступление главного агронома управления Нияза Асылбековича Шунгулова, состоящего из замечаний по нарушениям агротехники в хозяйствах района, с указанием, где и какой брак обнаружен. Было неприятно агрономам, в хозяйствах которых они имели место, ведь назывались их фамилии. В заключение совещания поставили задачи перед агрономами района и предоставили слово Алексею Павловичу. Он зачитал сведения по ходу весеннего сева области, отметил, что меньше всех посеяно зерновых в Щербактинском районе, и уехал, не сделав никаких замечаний, не сказал нам ни плохого, ни хорошего. Я долго ждал реакции на экстренный приезд заведующего, конечно, волновался, но всё прошло без каких-либо последствий. Невольно и часто вспоминаю результаты труда хлеборобов Панкрушихинского и Щербактинского районов, они отличались как небо и земля, хотя расстояние между ними всего лишь 350 километров.

Вспомнил, как мои сородичи, выходцы из Павлодарской области, показали настоящий героизм на хлебном поле Панкрушихинской нивы, опередив по урожайности зерновых всех полеводов района – Кызылтовское отделение получило по 25 центнеров с гектара. Глава администрации района Анатолий Иванович Попков, оценивая их успех, сказал: «Казахи нам всем утёрли нос».

В самое трудное, первое время для нашей семьи, когда нам надо было приживаться на новом месте, щербактинцы вспомнили старинный казахский обычай, так называемый ерулик. Эта традиция наших предков в последнее время стала забываться, её уже давно заменили современными, советскими.

А она заключалась в следующем: если семья переезжала из другого аула, из другого рода, то её обязательно надо было приглашать в гости каждой семье аула. Это говорило о порядочности и взаимопонимании жителей. Эта традиция имела крепкие корни, потому что наши предки жили всегда родами и помогали друг другу во всех сложных жизненных ситуациях. А здесь вдруг переезжает в их аул, в их род чужая семья. Жители аула этой семье сочувствуют и, чтобы уменьшить её трудности с обустройством, приглашают на ерулик. Примерно в таком положении оказалась наша семья в Щербактах, но совершенно в другие времена, при других обстоятельствах.

Первыми на ерулик нас пригласила семья Ашимбетовых, где присутствовали Николай Фёдорович с семьёй. Н.Ф. Гегер оказался хорошим знатком этой казахской традиции, познал её, будучи вторым секретарём райкома партии Баянаульского района, где население в основном казахское. Пригласила нас на ерулик и семья Николая Фёдоровича, а затем приглашения продолжались, стали угощать нас сотрудники райкома, райисполкома, руководители управлений и отделов. Получилось так, что каждое воскресенье нас кто-то приглашал на ерулик. Таким образом мы в Щербактах восстановили старую казахскую традицию. Но в душе у меня было неспокойно: хорошо, конечно, что радуемся, произносим замечательные тосты, сидим за обильным дастарханом, но дела-то неважные – урожай мизерный, скот полуголодный. А люди почему-то меньше всего об этом говорят. Однажды во время такого застолья у одного хозяина дома произошёл невероятный случай: он, открыв шампанское, поранил себе нос, кровотечение никак не останавливается, надо угощаться, а хозяина нет и нет. Тогда Кемер Кожакметович уводит его в спальню, укладывает на спину и говорит ему: «Когда кровь перестанет течь, придёшь» – а всем даёт команду приступить к делу. Такой деловой был у нас председатель райисполкома.

Осенью эта традиция продолжалась приглашением гостей на согым, по-другому здесь его называют омыртка – самый хороший кусок мяса из всей конской туши. Каждая семья старалась свой дастархан сделать лучше, чем у других.

На Алтае мы так же праздновали, но советские праздники: 7 Ноября, 8 Марта, День Советской Армии, Первое мая, День Победы, правда, значительно скромнее. В летнее время часто выезжали семьями на природу, обычно с таким предложением выходил Иван Егорович, и оно дружно поддержива-

лось руководителями районного звена. Предлагалось с собой каждой семье брать что есть в доме съедобного, и отдыхать уезжали в Алеусский ленточный бор, на берег речки Бурла, где одновременно с домашней пищей успевали из пойманной рыбы сварить уху. И если терпели, сдерживая аппетит, то варили тройную уху. Но самой лучшей пищей оказывались провяленные казы, шужук, изготовленные Клавдией Токтаровной, поэтому она была всегда среди нас уважаемым человеком. Но вернуться в щербактинские времена. Предстояло решить сложнейшую задачу – заготовить необходимое количество кормов для скота в зиму 1981-1982 годов. Своих из-за сильнейшей засухи запасти не удалось.

В советские времена люди жили уверенно, хотя и небогато, всегда надеялись на власть. И такую поддержку мы, щербактинцы, почувствовали, когда получили постановление ЦК Компартии Казахстана и Совмина Казахской ССР о заготовке кормов для нашей области в Кустанайской, Северо-Казахстанской и Тургайской областях, где партийные, советские и сельхозорганы областей обязывались оказывать нам всестороннюю помощь в организации заготовок необходимого количества кормов. Но в первую очередь нам самим, всем 15 хозяйствам района, надо было хорошо подготовиться к этой кампании. Стали опробовать подходящую кормозаготовительную технику. Оказалось, что механизаторы колхоза «Кызыл тан» никогда не работали с пресс-подборщиками. Пришлось организовать в этом хозяйстве всеобуч механизаторов из всех совхозов и колхозов, кто не умел работать на этой технике.

Хорошее впечатление осталось у меня от встречи с первым секретарём Тургайского обкома партии Еркином Ауельбековичем Ауелбековым, который, собрав всех руководителей районов и области, поставил перед ними задачу и попросил продолжить казахскую традицию – во что бы то ни стало помочь семье или аулу, попавшим в беду. А в данном случае надо помочь нам.

Перед отправлением кормозаготовителей наших хозяйств в дальний путь у меня произошёл конфликт с одним большим начальником, к которому уважительно относились даже первые руководители района, – Яковом Фёдоровичем Райсихом, начальником облсельхозтехники. Дело было в следующем: согласно договорённости кормозаготовители из всех 15 хозяйств района собрались в 10 часов утра возле совхоза имени Богдана Хмельницкого, чтобы всем вместе поехать в северные области Казахстана. А областная сельхозтехника к этому времени должна была доставить вязальную проволоку, но её не

везут. Я позвонил Райсиху, но результата нет, и я был вынужден позвонить Рыспеку Мырзашевичу Мырзашеву, председателю облисполкома. Прошло совсем немного времени, проволоку привозит сам Яков Фёдорович и спрашивает: «Кто Канаев?». Перегрузили проволоку, и он молча уехал. Присутствующие при этом руководители и специалисты хозяйств сказали: «Моилжан Сулейменович, теперь наш район будет обслуживаться в сельхозтехнике в последнюю очередь». Но нам повезло – вскоре он был заменён Нариманом Сакишевичем Ахметовым.

Дела по заготовке кормов пошли хорошо, уже на третий день тюки соломы мы стали подвозить на железнодорожную станцию для отправки домой. Причём щербактинцы эту работу выполнили первыми среди районов области, даже передовое хозяйство нашей области – «30 лет Казахстана» – привезли позже, и им пришлось искать место, где выгрузить тюки. А колхоз «Кызылтан», за который мы переживали, тоже привёз свою продукцию своевременно. Председателем этого колхоза был Кайролла Кулмулдинович Мусин, тем самым он в очередной раз показал свою деловитость. Заготовку соломы вели непрерывно, всю зиму, а она, как назло, была холодной – почти весь декабрь, январь и половину февраля стояли 40-градусные морозы. Пришлось технику, с помощью которой велась заготовка, не глушить сутками, иначе её потом не заведёшь. Люди жили в бригадных домиках, не совсем утеплённых, ибо они предназначены для механизаторов в весенне-осенний период, до наступления холодов. В таких условиях находились кормозаготовители всех 15 хозяйств района.

Моя задача была координировать их работу, своевременно оказывать им помощь, подключать для решения проблем районные и областные службы. Чтобы знать положение дел, я постоянно находился там, ежедневно передвигаясь по местам расположения наших кормозаготовителей. Люди жили и работали в очень тяжёлых условиях, постоянно мёрзли, они не могли согреться в длинные ночи зимы, хотя печь топилась непрерывно. Это я испытал на себе – приезжаю к ним ночевать, они мне отводят самое тёплое место, где также прохладно, ибо стены бригадного домика покрыты слоем льда. Находясь среди рабочих, чувствуешь себя как на передовой фронта очень важной кампании, и это подтверждает гул работающих моторов тракторов и автомашин в течение суток. Результаты такой работы стали давать свои плоды: регулярно стали приходить вагоны с тюками соломы на Щербактинскую, Марал-

МОИЛЖАН КАНАВВ

динскую железнодорожные станции. Развозили их по хозяйствам, и солома с бурдой, об изготовлении которой говорил раньше, оказались хорошей поддержкой для животных, они почувствовали себя лучше, что дало возможность избежать их падежа.

Следующий, 1982 год также оказался засушливым, но не в такой степени, как 1981. Наученные горьким опытом прошлого года, мы постарались обеспечить себя, хотя и не в полном объёме, собственными кормами. Было больше посеяно засухоустойчивых культур: суданская трава, просо, кукуруза на силос.

Первого настоящего дождя я в Казахстане дождался 13 июля 1983 года, и сразу всё ожило: растения растут не по дням, а по часам, кругом всё зелено, животные стали наконец-то наедаться, вести себя спокойно, и сразу поднялись надои молока и привесы. Обдумывая эти прожитые годы, приходишь к мысли, что мы стояли перед самым настоящим джутом, приносящим сначала гибель животных, затем смерть людей. Но мы выжили без потерь, сохранено было всё маточное поголовье скота, что дало возможность быстро увеличить поголовье. Всё это благодаря государственной помощи, коллективному труду, который преодолевает любые трудности. Я не могу представить, как бы могли выжить крестьяне-одиночки в таких условиях. Пока нашим крестьянам помогают погодные условия, в период рыночной экономики такой засухи, как в те годы, не было.

В эти трудные времена не раз приходили в голову мысли о возвращении на малую родину, в родную Панкрушиху. Думал, что, находясь в таких условиях, руководить сельским хозяйством района невозможно. Если что-то случится, то в первую очередь спрашивают с начальника управления сельского хозяйства, тем более я здесь чужой, нет никакой поддержки сверху, так как я здесь не знаю никого. А такие экстремальные условия, чрезвычайные ситуации случаются здесь очень часто. Надо продумать – каким образом вернуться на Алтай? Надежда была опять на Ивана Егоровича Лудцева, с помощью которого в своё время меня сняли с партийного учёта и освободили от занимаемой должности в Алтайском крае. Но тогда получается, что я ставлю Ивана Егоровича в неудобное положение, ему могут сказать: «Что у тебя за такой кадр, который часто меняет своё мнение?». Но я почему-то был уверен, что Иван Егорович меня поймёт, простит мои ошибки, уговорит Николая Фёдоровича Аксёнова – первого секретаря крайкома партии. Таким образом,

Иван Егорович стал для меня самым близким человеком на свете, на которого я мог положиться в самое трудное время.

План обратного переезда на Алтай мною был продуман, и теперь оставалось об этом сообщить Лудцеву, рассказать о моих проблемах на новом месте жительства. Но так и не получилось сделать это. Я почему-то откладывал на завтра, отвлекали текущие дела, идущие чередой сельхозкампании. Такая же ситуация у меня была, когда я учился в Романовской семилетней школе – твёрдо решив бросить учёбу, всё откладывал.

Не могу не рассказать о случае, когда мне пришлось не выполнить указание первого секретаря райкома партии. Это было в первый год моего пребывания в Щербактинском районе, готовились к проведению районного совещания по сельскому хозяйству, где я должен был выступить с докладом. Доклад готовил я со специалистами управления сельского хозяйства. Вдруг Николай Фёдорович говорит мне: «Покажи свой доклад Шелегедо Евдокии Григорьевне – секретарю райкома партии по идеологии!».

Меня удивило, как это педагог будет править сельхозника, указывать, что ему делать? Возникли мысли, что первый секретарь или не доверяет, или считает меня чужаком. Вспомнил, как первый секретарь крайкома партии прилетел из Барнаула и доверил руководить сельским хозяйством одного из районов края. А здесь, на исторической родине, я оказываюсь человеком, которому нельзя доверять в полной мере. Мне оставалось это указание своего шефа молча не выполнять, хотя моя судьба от него зависела полностью.

Хорошо, что всё обошлось без последствий. Думаю, по прошествии лет, что Н.Ф. Гегера беспокоила тогда не столько «сельхозная» практическая составляющая доклада, сколько идеологическая. Но ведь речь там шла о сугубо хозяйственных делах. Но и теперь я не жалею, что тогда так поступил.

На работе же выявлялась одна проблема за другой: в полеводстве района не соблюдалось основное правило агротехники – севооборот посева сельхозкультур, согласно которому поле после трёх лет использования должно пароваться, очищаться от сорняков, вносятся удобрения, тем самым повышая её плодородие, после чего мы могли получить хороший урожай. Однако руководство области и районов пошло другим путём: получить во что бы то ни стало валовой сбор зерна для безусловного выполнения и перевыполнения планов путём увеличения площадей посевов зерновых культур, значительно уменьшив площади под паром. Задаю вопрос руководителям и главным агрономам хозяйств: «Почему нарушаете севообороты посева сельхозкультур?».

МОИЛЖАН КАНАВВ

У них ответ был один: мы – люди подчинённые, решите вопрос – мы будем выполнять.

Обратился к начальнику облсельхозуправления Александру Павловичу Оснячу, руководителю управления земледелия области Анатолию Андреевичу Кривенко. Конкретного ответа не получил, а мотив был тот же – делайте что хотите, но валовой сбор зерна не уменьшайте. Посоветовавшись с полеводцами района, решили всё-таки соблюдать севообороты, значительно увеличили паровой клин, уделили больше внимания вспашке зяби. Было пренебрежительное отношение к парам: они своевременно не обрабатывались, зарастали сорняками, у многих было желание укрепить за счёт паров кормовую базу, сначала скосить сорняк на сено, а потом обрабатывать их.

Пришлось наказать нескольких главных агрономов хозяйств и управляющего Жана-Аульским отделением колхоза имени Абая Владимира Николаевича Водолазова.

Так, в тревогах, волнениях и переживаниях прошли три года на исторической родине, связанные воедино как с переездом, так и с неприятными природно-климатическими условиями. Производственные проблемы стали понемногу решаться: повышаться урожайность сельхозкультур, улучшаться кормовая база для животноводства. В животноводстве стали внедрять сплавную систему удаления навоза на фермах. Первую реконструкцию коровника по этой системе в районе сделали в колхозе имени Абая, председатель – Николай Григорьевич Соколов, беспокойный, деловой человек. Вторую базу с такой системой заново построили в колхозе «Кызыл тан», председатель – Кайролла Кулмулдинович Мусин. Установили в районе связь по рации со всеми хозяйствами, чем значительно улучшили оперативность в решении хозяйственных вопросов. Теперь первые руководители района и главные специалисты райсельхозуправления могли общаться через диспетчерскую связь со всеми хозяйствами. Такую возможность мы имели в Панкрушихе уже несколько лет тому назад.

Завершился последний, 1984 год моей работы в Щербактинском районе, он, как и в Панкрушихе, был четвёртым годом работы в этой должности. И что интересно, он также оказался удачным – район по всем видам сельхозпродукции выполнил план, несмотря на то, что мы увеличили площади под парами, мы их имели столько, сколько надо было согласно севообороту. Животноводство обеспечили грубыми, сочными видами кормов и зернофуражом.

В области подвели итоги полеводства, и наш район занял второе место, хотя по баллам бонитета Щербактинский район имел показатель в два раза ниже передового, у которого урожайность превышала всего на полцентнера. Оспаривать решение области, как новичок, я не имел никакого права. Но обида в душе за такую несправедливость осталась: я подумал, что на Алтае так бы не поступили. Несправедливость была также и по заработной плате начальника управления: на Алтае я получал 300 рублей, а здесь – 250. Я об этом рассказал Москаliku, начальнику финансового отдела облсельхозуправления, который, вникнув в суть моей жалобы, решил мне помочь и сказал: «Вы выполняете план по всем видам сельхозпродукции, а теперь выполните по металлолomu, а мы всему коллективу управления увеличим заработную плату на 20 процентов. Так на исторической родине удачно завершился сельскохозяйственный год, появились первые успехи.

Наступила юбилейная дата – мне 5 декабря исполнилось пятьдесят лет. Хорошо её отпраздновав в Щербактах, решил отдохнуть в павлодарском санатории «Энергетик», что на берегу реки Иртыш. По прошествии двух дней меня разыскал по телефону Рыспек Мырзашевич Мырзашев – председатель облисполкома, и сообщает мне новость: «Тебя пригласят в сельхозотдел обкома партии и предложат работу областного уровня – не отказывайся. Будем работать вместе». И положил трубку. Слова были произнесены на казахском языке, и последнее предложение на родном языке прозвучало ещё теплее. Действительно, на следующий день я был приглашён к Алексею Павловичу Звягину – заведующему сельхозотделом обкома партии, и он предложил мне занять должность начальника областного плодоовощного объединения. Это был орган наравне с облсельхозуправлением, но занимающийся плодоовощной продукцией и картофелем. Оформление документов, знакомство с новой организацией и назначение продлились до конца декабря, и перед самым новым, 1985 годом я получил приказ министра плодоовощного хозяйства Казахской ССР о назначении меня на эту должность.

Так завершилась моя сельская жизнь, которая протекала в двух регионах Советского Союза. И что интересно: отработал я в них на самой ответственной должности районного масштаба – начальника управления сельского хозяйства и одинаковое количество лет – ровно по четыре года. И что также интересно, в обоих случаях работа завершалась удачно, то есть появлялись долгожданные хорошие показатели, чему я беспредельно рад, потому что был

МОИЛЖАН КАНАЕВ

участником благородного крестьянского труда как на Сибирской земле, так и на исторической родине.

Щербактинский район Павлодарской области является вторым местом, где меня признали на исторической родине, где я состоялся как личностью, мне присвоили звание почётного гражданина района, тем самым высоко оценив мои заслуги.

На селе я прожил в двух районах: в Панкрушихинском Алтайского края и в Щербактинском Павлодарской области. И горжусь, что по воле судьбы оказался связующим звеном между двумя регионами, очень дорогими для меня, ибо по моему предложению район моей исторической родины – Щербактинский – принимает активное участие на историческом мероприятии – 95-летнем юбилее района моей малой родины – Панкрушихинского.

Благодарен акиму района Абеову Азильхану Карикуловичу и экс-акиму Ибраеву Балгабаю Жумагуловичу и непосредственно участнику этого большого мероприятия Негмановой Ризагуль Алексеевне – заместителю акима Щербактинского района, которая как руководитель делегации района побывала в местах, где я родился, жил и работал. И она же сделала предложение: завязать крепкую дружбу между нашими районами.

О ДРУЖБЕ ДВУХ ЛЮДЕЙ, СОВЕРШИВШИХ ПОДВИГ, ПРОЖИВАЯ НА МАЛОЙ РОДИНЕ

Люди эти разные как по национальной принадлежности, вероисповеданию, месту проживания, но удивительно близки друг другу по духу, сложившейся судьбе, а самое главное – они состоялись как личности, находясь на малой родине, а не на своей исторической.

Один бежал во время голодомора из Казахстана, а другой в поисках лучшей доли – в казахстанскую степь. И что интересно, они оба были счётными работниками, считали трудодни колхозникам, стали бухгалтерами совхозов и колхозов, а затем стали руководителями хозяйств, где сумели показать себя с самой лучшей стороны. Их трудовые коллективы заняли первые места с районах: в Щербактинском Павлодарской области – колхоз «Победа», в Панкрушихинском Алтайского края – Кзылтовское отделение совхоза имени Н.К. Крупской. Я говорю о Полякове Владимире Пантелеевиче и Канаеве Чаймардане Сулейменовиче.

Я бы не стал о них повествовать, если бы не удивительная дружба этих двух людей. Когда я перевёз брата на историческую родину, забеспокоился, что он заскучает из-за перемены в жизни. Если в Панкрушихе почти все его знали, то здесь, в Щербактах – никто. Чтобы его отвлечь от разных дум, решил взять с собой на уборку урожая и заехали в самое близко расположенное хозяйство «Победа», где нас встретил Владимир Пантелеевич, и состоялось их знакомство. Они разговорились, у них оказалось много общих тем не только по хозяйственным и житейским делам, но и бухгалтерскому учёту. Это было начало их крепкой дружбы, которая продолжалась долго, и после того, когда я был переведён в область.

А как она продолжалась дальше, рассказывает младший сын Чаймардана Сулейменовича – Какау, которому в период их знакомства было 14-15 лет. Шёл развал Союза, Какау решил заняться личным подворьем, скот надо кормить, и он обращается к Полякову, а отца уже не было. И что интересно, Владимир Пантелеевич узнаёт довольно взрослого мужчину, внимательно выслушивает Какау. Напоил его чаем и отправил ему бесплатно две тонны зернофуража. И сказал ему такие слова: «Твой отец и дядя – настоящие трудоголики!». Для меня эти слова Полякова дороже всех наград!

НАЧАЛЬНИК ОБЛАСТНОГО ПЛОДООВОЩНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Теперь являюсь руководителем областного уровня, одного из отделов облсполкома, занимающегося продовольственным обеспечением населения. Воодушевляло то, что на эту должность меня пригласил сам Рыспек Мырзашевич – председатель облсполкома. И ещё я не предполагал, что так быстро, перед самым Новым годом, сделают из меня «областника».

Меня вполне устраивала жизнь в районных центрах, где проживают немало людей, нет городской суеты. Мы достаточно долгое время жили в таких условиях как на Алтае, так и в Павлодарской области. Тому есть твёрдое обоснование: во-первых, в районных центрах школы комплектуются хорошими преподавателями, больницы – хорошими врачами, имеются дома культуры, музыкальные школы, библиотеки, нужны рабочие места и специалисты на предприятиях. Кроме того, можно заняться личным подворьем, которое, наряду с самостоятельным обеспечением натуральными продуктами питания,

создаёт хорошие условия для трудового воспитания детей. Поэтому у меня возникло твёрдое решение обосноваться в Щербактах, тем более я находился на исторической родине. Решил построить особняк со всеми хозяйственными пристройками под одной крышей, что создало хорошие условия: не выходя на улицу затопить печь, управиться со скотом, помыться в бане. Такие условия мне создало районное руководство: Николай Фёдорович Гегер, Кемер Кожаметович Ашимбетов – в знак глубокого уважения, так я их понял.

Безусловно, прохожие обращали внимание на мою усадьбу, были разговоры: откуда появился такой начальник управления? Но, узнав, что из России, как-то успокаивались. «Да у него ещё новенькая ГАЗ-24, «Волга»!» – говорили другие. Но большинство щербактинцев относились ко мне с пониманием, особенно первый секретарь райкома, который жил в то время на одной половине двухквартирного дома. За что я благодарен им всем.

Руководство плодоовощного объединения было небольшим: заместителем работал Василий Арсентьевич Мусин, главным бухгалтером – Виктор Александрович Пантюхов, главным агрономом – Пётр Николаевич Петерс, главным экономистом – Иван Степанович Петрушкин, главным инженером-строителем – Лев Петрович Охотницкий, главным инженером-механиком Ворошилов, руководителем торгового отдела – Тамара Сергеевна Щуцкая.

В плодоовощное объединение входили шесть совхозов: «Черноярский» – директор Владимир Михайлович Симонов, имени Мичурина – Геннадий Иванович Цехиель, имени Гагарина – Рудольф Абрамович Дик, «Пригородный» – Ергалий Батталович Аитжанов, имени Камзина – Хамит Темирбаевич Нуркин, имени 60-летия Октября – Владимир Андреевич Егель, секретарь парткома – Мейрам Балгабаев.

Были две плодоовощные базы города Павлодара, директорами которых работали Владимир Павлович Шкретов, Жаксылык Байжуманович Байдалов, а также сеть овощных магазинов города под руководством трёх хозрасчётов: директор первого хозрасчёта – Валентина Павловна Горбачёва, второго – Любовь Васильевна Съедина, третьего – Кайрола Байжанов. А также в нашу обязанность входило обеспечение плодоовощной продукцией и картофелем населения городов Экибастуза, Ермака и районных центров области – через их отделы рабочего снабжения, так называемые ОРСы.

Проблем в этой отрасли оказалось не меньше, чем в Минсельхозе, о чём не подозревал, ибо мне не приходилось ими заниматься, а теперь стал

здесь основной фигурой. Всё дело было в том, что все трудоёмкие производственные процессы, начиная от выращивания, сбора, хранения и реализации овощей и картофеля, производятся с участием большого количества людей и многочисленных автомашин. Знал ещё с института, что к каждому овощу должен быть свой подход и что необходимо создать условия для получения хорошего урожая. У меня начались переживания, мысли о том – справлюсь ли с возложенными на меня обязанностями. Начальники других управлений облисполкома говорили мне: «Овощеводство – это «жареное» место, здесь руководство долго не задерживается». Были до меня свои, опытные кадры, намекали на то, что я в области – новый человек, чужак. Действительно, перед моим назначением поработали в этой должности менее года два первых руководителя района: Александр Максимович Дармодехин, Багустар Габдулхаевич Рамазанов, имевшие большие заслуги, занимавшие высокие посты и награждённые многочисленными медалями и орденами.

Контролирующих нашу отрасль органов было предостаточно: обком и горком партии, райком и райисполком двух районов города Павлодара, облисполком, горисполком, комитет народного контроля области, журналисты обеих областных газет и, наконец, любой покупатель нашей продукции. В любое время года представители этих органов находили негативные факты нашей работы. Однажды звонит мне секретарь обкома партии по сельскому хозяйству и говорит: «Уже осень, а овощей из твоих совхозов на прилавках магазинов ещё нет» – а я отвечаю, что они только начинают подходить к стадии, когда можно будет производить их уборку. Секретарь не верит, едем в овощной совхоз «Черноярский», находим пару огурцов, пригодных к уборке, и начинается настоящий «разбор полётов», что так работать не годится. Ещё большая конфликтная ситуация произошла в горкоме партии. Было начало осени, и стали мы получать согласно разнарядке лук из южных областей республики. Директор второй плодоовощной базы Владимир Павлович Шкретов, опытный руководитель, предложил мне не торговать этой продукцией сейчас, а заложить на хранение, мотивируя это тем, что лук сухой, хорошо сохранится до весны, а следующие партии лука будут более влажными, и ими будем торговать. Я предложение посчитал разумным и согласился. Но эти наши планы не понравились горкому партии. Первый секретарь горкома партии Геннадий Алексеевич Никифоров экстренно собирает бюро горкома, на котором обвиняют нас в том, что при наличии лука на складах на прилавках магазинов его

нет. Наши доводы о том, что сухим луком будем торговать позже, а следующая партия будет в магазинах, не берут во внимание. Принимается разгромное решение бюро горкома партии: 1) освободить от занимаемой должности В.П. Шкретова – директора базы № 2 и Валентину Павловну Горбачёву – директора первого хозрасчёта магазинов; 2) просить обком партии об объявлении несоответствия занимаемой должности М.С. Канаева – начальника областного плодоовощного объединения. Подтвердилась истина, сказанная мне Николаем Фёдоровичем Гегером: «Здесь инициатива часто наказуема». Так он хотел оградить меня от этих неприятностей. Причём исполнение этого постановления горкома было возложено на заместителя председателя горисполкома, который ежедневно спрашивал: «Почему ещё работают Шкретов и Горбачёва?». Пришлось ему ответить в резкой форме: «Они будут работать до тех пор, пока я работаю». А сам думаю: наверное, будет лучше самому написать заявление об увольнении. Вернусь на Алтай, там меня всегда поймут.

Но события развернулись совсем по-другому. В советские времена во время уборки урожая создавались штабы, а руководителем плодоовощного штаба был К.Н. Шакаримов, второй секретарь обкома партии, к которому я вынужден был обратиться со своей проблемой. Кабидолла Нурсинович выслушал меня и сказал: «Продолжайте работать». С такими большими переживаниями нам удалось осуществить свои планы по реализации лука и в итоге иметь его в торговле до нового урожая.

Однажды пригласил меня к себе Рыспек Мурзашевич, председатель облисполкома, и объявил: «Мы решили плодоовощное объединение заслушать на заседании исполкома». Я удивился: «Ещё нет года, как я работаю, а вы меня уже будете слушать?». Председатель меня успокаивает: «Ты расскажешь о своих проблемах, мы их распишем, кто и что будет делать – это наша тебе будет помощь».

Так мы с помощью председателя облисполкома разрешили три проблемы. Первое: в пригороде города Ермак был организован пункт загрузки вагонов овощами, которые раньше грузились на станции Павлодар. Тем самым снизили транспортную нагрузку с переездом через реку Иртыш и существенно сэкономили средства на автотранспорте.

Второе: проложили асфальтированную дорогу в совхоз «Пригородный», что дало возможность овощную продукцию вывозить в любую погоду.

Третье: построили в совхозе «Пригородный» склад для хранения семенного картофеля, который надо было иметь давно, ибо из-за его отсут-

ствия ежегодно портился семенной материал. Будучи на приёме у О.А. Шихалеева – секретаря обкома партии по сельскому хозяйству, услышал от него: «Надо освободить директора этого совхоза от должности, так как у него ежегодно портится семенной картофель». Я ответил, что разберусь, но Олег Александрович был категоричен: «Нечего разбираться, освободи директора от работы». По сути вина ложилась на областное руководство, которое должно профинансировать объект и вести его строительство подрядным способом, что и было сделано согласно постановлению заседания облисполкома. Пришлось встать на защиту директора совхоза, которого хотели освободить за такую провинность, не совсем зависящую от него, тем более у него были заслуги – он основатель этого хозяйства. Вспомнил, что когда был секретарём райкома партии и начальником райсельхозуправления на Алтае, мы к кадрам относились бережно, придерживались распространённой у нас поговорки «Кадры надо любить, как душу, а трясти, как грушу», сказанной опытным директором совхоза «Подойниковский» Иваном Ивановичем Самсоновым.

На одном из республиканских семинаров-совещаний нам, начальникам областных объединений, показали приспособление, с помощью которого можно обрабатывать междурядья растений вплотную к рядам, что значительно снижало трудоёмкость прополки и материальные затраты. Нам дали чертежи приспособлений, и сделать мы их должны у себя в областях, на промышленных предприятиях. Доложил об этом новшестве председателю облисполкома, эта идея ему понравилась, и он дал задание своему первому заместителю по промышленности, чтобы озадачили директоров промышленных предприятий.

Прошла неделя, Рыспек Мырзашевич спрашивает меня: как идут дела по изготовлению приспособлений. Отвечаю, что никто меня по этому поводу не вызывал. Тогда он попросил заняться этим делом первого секретаря горкома партии Геннадия Алексеевича Никифорова, который в тот же день собрал директоров заводов, и определили, кто из них какую деталь приспособления будет изготавливать. Решили, что каждому овощному совхозу будет достаточно сделать по одному такому приспособлению. Руководители промышленных предприятий отнеслись к заданию серьёзно, и к началу сезона обработки овощных плантаций приспособления были готовы, опробовали их. К счастью, они работали хорошо.

Наше новшество показали по телевидению, расписали на страницах обеих областных газет, рады были прежде всего руководители и специалисты овощных совхозов. Но это хорошее дело обернулось для меня огорчением – заместитель председателя облисполкома, который в своё время отошёл от выполнения задания своего шефа, спрашивает: «Какое у тебя будет следующее задание?». Ещё раз убеждаюсь, что инициатива часто наказуема, даже если она положительная. Видимо, надо перестраиваться, подумал я: если такое отношение к работе у работников столь высокого ранга, не мне же их перевоспитывать.

Вышло постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза по борьбе с пьянством – это была большая политическая работа с этим злом. Началась кампания по проведению партийных собраний во всех трудовых коллективах. Возглавили это мероприятие члены бюро обкома партии, решившие поучаствовать и придать ему значимости.

К моему удивлению, на наше партийное собрание в совхозе «60 лет Октября» изъявил желание приехать председатель облисполкома, чем была оказана нам большая честь. Выехали втроём, сопровождал Рыспека Мырзаевича его помощник Владимир Михайлович Поповиченко. По пути к нам присоединились Степан Петрович Сычук, первый секретарь Ермаковского райкома партии, и Зекен Кабиденович Косумбаев, председатель райисполкома. Едем в новое хозяйство, построенное на голом месте, на канале «Иртыш-Караганда» (теперь имени академика Каныша Имантаевича Сагпаева).

Основное назначение совхоза – обеспечить овощами и картофелем Экибастузский топливно-энергетический комплекс и население этого региона, расположенного в сухостепной зоне Павлодарской области. Начало трудовой деятельности нового овощного хозяйства совпало с шестидесятой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, и поэтому назвали совхоз именем 60-летия Октября.

Встретили нас директор совхоза Владимир Андреевич Егель и секретарь парткома Мейрам Балгабаев. Большой Дом культуры совхоза вместимостью 400 человек был переполнен. Обычно такие очаги культуры я видел в районных центрах, а в этом совхозе имелись уже и другие социальные объекты. Обсуждение постановления Центрального Комитета проходило бурно, чувствовалась большая озабоченность коммунистов и всего населения проблемой, порождаемой пьянством не только на производстве, но и в семейных

отношениях, проблемой воспитания подрастающего поколения. Предлагалось укрепить трудовую дисциплину, ужесточить спрос, применять дисциплинарные наказания за прогулы, за появление на работе в пьяном виде и другие меры по искоренению этого общественного зла.

Рыспек Мырзашевич решил представить меня на этом собрании коллективу совхоза, сказав: «У вас теперь новый областной руководитель, россиянин, воспитан в условиях дисциплины и порядка. Прошу поддержать его». Завершилось партийное собрание, подходит ко мне Мейрам – секретарь парткома совхоза – и приглашает нас к дастархану, приготовленному в его доме, просит меня сказать об этом Мырзашеву. Рыспек Мырзашевич согласился пообедать, но самое интересное выявилось позже – обычно казахский бешбармак сопровождала русская водка, тогда было весело и решались все проблемы, или они вовсе забывались. Пришлось опять обратиться к нашему общему шефу и спросить у него: как быть с этой традицией? На что Рыспек Мырзашевич ответил: «Это уже теперь невозможно – говорить на собрании одно, а делать другое». Однако, несмотря на то, что застолье было «сухим», это не повлияло на настроение присутствующих, наоборот: председатель облисполкома рассказал анекдот касательно региона, где мы находимся, – Экибастузского топливно-энергетического комплекса (сокращёно ЭТЭК).

В советские времена слово ЭТЭК было на слуху, и люди ехали сюда со всех сторон и на всех видах транспорта. Дословно перевод слова этэк с казахского на русский означает «подол женщины». Однажды приехавшие на автобусе экскурсанты заблудились в степи, видят отару овец и чабана, который пас их, и решили у него спросить, где же ЭТЭК. Вопрос удивил чабана, он засмеялся и не может остановиться. Туристы в недоумении, и когда он перестал смеяться, у него спросили: «Почему ты так смеёшься?». Он отвечает: «Как же не смеяться, если вы до сих пор не знаете, что такое этэк!». Уместно и умело рассказанный анекдот украшает общество и делает общение людей содержательным, поднимает их настроение – такое заключение сделал я для себя.

Начало моей трудовой деятельности в этой должности ознаменовалось ещё одним важным событием. Совершил визит в нашу область союзный министр плодоовощного хозяйства – редкий гость, от которого многое зависит и с которым я должен был строить хорошие отношения. Об этом мне сообщил также Рыспек Мырзашевич, сказав: «Завтра утром в аэропорту встреча-

МОИЛЖАН КАНАВВ

ем высокого гостя». Естественно, я переживал, готовился к встрече, хотелось быть руководителем, знающим обстановку, запоминал цифры, а в итоге опоздал встретить гостя в аэропорту, а присоединился к кортежу автомашин, уже едущих в город. Остановились они у гостиницы, я подхожу к ним, ожидая большую неприятность в присутствии союзного министра. Но Рыспек Мырзашевич поступил совсем по-другому: представил меня высокому начальнику, сказав: «Вот наш областной министр плодоовощного хозяйства».

Показали высокому гостю овощные совхозы, плодоовощные базы и магазины областного центра, совершили экскурсию по топливно-энергетическому комплексу Экибастуза. Министр был впечатлён увиденным на ЭТЭКе. Пришлось быть участником ужина, данного в его честь, в кругу первых руководителей области. Конечно, чувствовал себя не совсем в своей тарелке, особенно переживал, что же буду говорить, если мне предоставят слово. Я новый человек в новой для меня отрасли. И в этот момент, который был для меня критическим, пришла мысль в голову: «Будет лучше, если я расскажу свою историю: как попал в Россию, родился на Алтае, как выжили там. Я и мои сородичи научились выращивать хлеб и овощи. И сейчас, вернувшись на историческую родину, я работаю на обеспечение продовольственной безопасности, от отсутствия чего в своё время очень пострадал мой народ. Благодарен за большое доверие и высокую честь, оказанные мне, и я приложу все свои знания, силы и опыт, чтобы их оправдать».

Наряду с такими непростыми событиями в моей трудовой деятельности происходили и хорошие – не прошло и полгода, как нашей семье дали пятикомнатную квартиру в новом доме на четвёртом этаже, необычной планировки: с двумя ванными и туалетами, с двумя балконами, общей площадью 108 квадратных метров. Особенно нам понравилась просторная кухня, рядом большая столовая, что было очень удобно.

А ещё у меня оказалась хорошая заработная плата в размере 400 рублей – это почти две зарплаты начальника районного управления сельского хозяйства. Трудоустроилась в плодоовощном объединении и моя супруга Кулятай, по-русски – Клавдия Токтаровна. Кроме того, наша семья имела право обслуживаться продуктами питания в магазине облисполкома, что в городских условиях оказалось важным подспорьем.

Кабдуш Темирбаевич Нуркин – секретарь облисполкома, узнав, что Рысты окончила Алтайский государственный университет, юридический фа-

культет, пригласил её на работу юристом облисполкома. Но не совсем была довольна нашим переездом в город моя дочь Айман – студентка Семипалатинского медицинского института, сказав: «Как вы теперь будете обеспечивать меня продуктами?». Я знаю, что этот вопрос волнует многих сельчан, не представляющих, как это можно жить, абсолютно всё покупая. Но эта проблема нашу семью меньше всего касалась, как и многих казахов, переехавших из России. Мы в любое время года могли обеспечить себя собственным мясом. Хотя обеспечение семьи всеми другими видами продуктов оказалось не совсем простым делом, особенно в первые дни городской жизни.

Перевёз семью из Щербактов в город Павлодар, затащил вещи в благоустроенную квартиру и, предположив, что основную миссию выполнил, уехал на работу, сказав: приеду на обед. А чтобы приготовить обед, нужны продукты, которые теперь надо покупать. Кулятай посылает сына Тулеутая, которому к тому времени исполнилось 14 лет, в магазин. Но он не знает, где находятся продуктовые магазины. Его согласился сопровождать друг по подъезду Нурлыбек. Чтобы быстрее совершить покупки, они поехали на велосипеде. Их путешествие в магазин завершилось кражей велосипеда, но зато сын купил и все необходимые продукты. С этого случая и началась дружба между Тулеутаем и Нурлыбеком Нурмагамбетовым, предложившим новому другу заниматься в спортивной школе.

...Так, в не совсем привычных условиях прошёл ещё один год моей жизни на исторической родине, полный событий и городской суеты. Но в то же время я не отрывался от сельских забот, что, между прочим, меня вполне устраивало. Сельскохозяйственный год наше объединение завершило неплохими показателями по всем видам овощей и картофеля, своевременно провели уборку урожая, их закладку на хранение, несколько улучшили экономические показатели благодаря принятым мерам, о которых уже говорил.

Уходящий год преподнёс ещё один сюрприз – мне предложили возглавить туристическую группу, отправляющуюся в Румынию и Венгрию. Это было для меня серьёзным экзаменом, так как я раньше не совершал таких поездок, а тут тем более предстояло быть руководителем, ответственным за поведение людей за границей. Но мои сомнения развеяли работники областной туристической организации, рассказали и расписали маршрут движения и убедили, что будет всё нормально. Передвигались на трёх видах транспорта: самолётом до Москвы, до Кишинёва поездом, на автобусе – по территории Румынии и Венгрии, с посещением столиц этих стран Бухареста и Будапешта.

Действительно, наше путешествие проходило согласно заранее намеченным графикам движения, экскурсии, ночёвки, питание – всё было по указанному времени в маршрутном листе. Опытные гиды обеих стран доходчиво рассказывали нам обо всём, и поэтому наши поездки были содержательными. Увидели красивые европейские города с очень узкими улицами, ухоженные поля, где вдоль дорог росли плодово-ягодные растения. Везде работали церкви, там было всегда многолюдно, что заинтересовало и многих наших путешественников. Завершилось наше путешествие тем, что венгры привезли нас на станцию Чоп и посадили на московский поезд.

И ещё одно приятное событие произошло в нашей семье: мне удалось взять с собой в эту туристическую поездку свою супругу Кулятай, которая так же, как и я, не бывала за границей. Кроме того, у нас появилась возможность в два раза больше купить вещей для детей, тех, что у нас были дефицитом.

Вернулись домой перед самым Новым, 1986 годом – годом больших реформ в сельском хозяйстве Советского Союза с созданием агропромышленных комитетов на всех уровнях властных структур. Предусматривалось комплексное управление сельским хозяйством. Всё, что касалось растениеводства, объединялось в одно управление земледелия, куда должно было войти и наше плодовоовощное объединение, как одно из семи отделов. Председателем агропромышленного комитета должен быть заместитель председателя облисполкома по сельскому хозяйству. Высшее руководство области изучало новую структуру управления и подбирало кадры, и с первого дня нового года должен работать агропромышленный комитет в сельском хозяйстве страны. Мне пророчили должность начальника плодовоовощного отдела. Такие новости настигли меня по приезде из туристической поездки. В тревоге и волнении встречаю и провожаю Новый год, и на то есть свой повод: при распределении должностей я могу оказаться на последней строчке по простой причине – я здесь новичок, чужак.

**НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ
ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ.
ОФИЦИАЛЬНО: ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПАВЛОДАРСКОГО ОБЛАГРОПРОМКОМИТЕТА**

Мои переживания и сомнения по поводу моей работы в новых условиях, в новой структуре управления сельским хозяйством оказались напрасными. Я был назначен на самую высокую должность в земледелии Павлодарской области – начальником этого вновь созданного управления. Областной агрокомитет состоял теперь из шести управлений: растениеводства – начальник М.С. Канаев, животноводства – Александр Павлович Осянч, экономики, планирования и бухгалтерского учёта – Митхат Гафизович Валиев, механизации – Владимир Павлович Пожинайло, материально-технического снабжения – Нариман Сакишевич Ахметов, управления строительства – Борис Алексеевич Веселов. Руководил всеми этими управлениями председатель агропромкомитета Мурат Рамазанович Таниев, оставаясь одновременно заместителем председателя облисполкома.

Наше управление состояло из семи отделов, в которых начальниками были назначены Анатолий Андреевич Кривенко – отдел зерновых культур, Владимир Маркович Задорожный – отдел овощных культур и картофеля, Фёдор Андреевич Кабурнеев – отдел кормовых культур, Алексей Иванович Тыртышный – отдел семеноводства, Юрий Макаров – отдел землеустройства, Рудольф Эдуардович Партус – отдел орошения, Николай Максимович Савенко – отдел агрохимического обслуживания хозяйств. Общая численность сотрудников нашего управления составляла 37 человек, из них три человека казахской национальности.

Для многих стало непривычным, что начальником управления назначен представитель коренной национальности, чего раньше не было, это было для многих несовместимо с бытующим мнением: русские должны заниматься растениеводством, а казахи – животноводством. Но мне оказали высокое доверие – руководить отраслью сельского хозяйства области, от которой зависит благополучие совхозов и колхозов, личных подворий и всего населения области. Мне отдано предпочтение из четырёх кандидатур на эту должность, из которых трое занимали эту должность раньше.

Я был рад, что меня начали признавать на новом месте жительства, на исторической родине, где хочу жить. Никогда не предполагал, начиная агро-

номическую деятельность в самом отстающем отделении Панкрушихинского района Алтайского края, что когда-то буду возглавлять земледелие целой области, работать в облагропромкомитете, на который Коммунистическая партия возлагала большие надежды.

В сельских районах еженедельные планёрки стали проводить в управлениях сельского хозяйства, а первым секретарям райкомов партии и председателям райисполкомов было предложено присутствовать на них. Управлению земледелия при этом отводилась главная роль, о чём свидетельствует и такой факт – в штатном расписании должностей указано, что первым заместителем председателя областного агропромкомитета должен быть начальник управления растениеводства. Но, видимо, учитывая большой опыт работы Александра Павловича Осняча, бывшего начальника облсельхозуправления, его назначили первым замом. Для меня, проработавшего в областном масштабе всего один год, это было бы большой нагрузкой.

Немало лет мной было отдано партийной работе, я избирался секретарём райкома партии, что считалось самой престижной должностью в советское время. Но больше удовлетворения получал, когда руководил непосредственно сельскохозяйственным производством, когда, несмотря на невероятные трудности, достигались хорошие результаты. Трудился, напоминая себе русскую пословицу: «Будешь долго мучиться, всё равно получится». Так у меня получилось в Кызылтовском отделении совхоза имени Крупской Панкрушихинского района. Как уже говорил, наш район попал в десятку лучших в Алтайском крае. Стала улучшаться агротехника по выращиванию сельскохозяйственных культур и в Щербактинском районе Павлодарской области. Захотелось повторить это на территории целой области.

Эти строки написал накануне 16 октября 2018 года... Утром возвращаюсь с прогулки домой, супруга сообщает мне неприятную новость:

«Умер Борис Васильевич Исаев». Известный в области и республике человек, проработавший долгое время первым секретарём обкома партии и сделавший очень многое, чтобы наша область стала одной из лучших в республике. И с этого момента все мои мысли были направлены в сторону Бориса Васильевича. Пришло в голову мудрое изречение: «Бессмертие животных – в потомстве, а человека – в славе, заслугах и деяниях». Об одном из его деяний хочу рассказать.

О моём желании переехать на историческую родину Борис Васильевич узнает от М.К. Каирбаева – председателя облисполкома, которому я прислал

свой личный листок и сообщил о желании переехать с Казахстан. При обсуждении моей кандидатуры на должность начальника Щербактинского управления сельского хозяйства второй секретарь обкома партии её не поддержал, сказав, что у нас имеются свои кадры. На что Борис Васильевич, обращаясь к Махмету Каирбаевичу, сказал: «Пошлите специального человека и пригласите Канаева».

Так я познакомился с Кемером Кожаметовичем Ашимбетовым, приехавшим пригласить меня. Он был тогда председателем райисполкома Щербактинского района. Мне до сих пор обидно, что мой сородич – второй секретарь обкома партии, был против моего переезда на историческую родину...

Похороны Бориса Васильевича состоялись 17 октября на Суворовском кладбище. В 11 часов дня состоялся трогательный траурный митинг в Доме культуры имени Естая и поминальный обед, на котором мне удалось рассказать присутствующим об участии Исаева в моей судьбе. И мне стало легче. Пусть земля ему будет пухом.

В связи с этим печальным событием я вспомнил свои отношения с первым секретарём Алтайского крайкома партии Николаем Фёдоровичем Аксёновым, который удовлетворил мою просьбу о снятии с партийного учёта Алтайского края и освобождении от занимаемой должности в связи с выездом на историческую родину. Он имел полное право отказать мне, ведь я перед этим был поощрён им автомашиной «ГАЗ-24». Это было впервые для руководства Панкрушихинского района. Однако Николай Фёдорович на бюро крайкома партии высказал своё сожаление, заметив: «Когда далеко живёшь – казахи приглашают, а когда приедешь – могут отвернуться». Но об этом я тоже уже писал.

Я считаю себя счастливым человеком, ибо меня понимали первые руководители двух больших регионов – Алтайского края и Павлодарской области. Передо мной теперь стояла амбициозная задача – подъём культуры земледелия целой области, повышение урожайности всех выращиваемых культур, рациональное использование сельхозугодий. Мне легче было это сделать в условиях Приобской лесостепи, на плодородной Алтайской земле, где достаточное количество влаги, а здесь совсем другие условия: засушливый климат и земля с низким баллом бонитета. Но у меня имеется четырёхлетний опыт работы с щербактинскими полеводами, которые научили меня выращивать сельхозкультуры в экстремальных условиях. Мы вместе находили резервы

МОИЛЖАН КАНАЕВ

повышения урожайности, одними из которых стали внедрение позднего посева, комплексного ведения весеннеполевой кампании, соблюдение севооборота посевов сельхозкультур, своевременная качественная обработка паров, вспашка зяби и подработка семян с доведением их до высших посевных кондиций до наступления холодов, зимних морозов.

Вновь созданный агропромышленный комплекс страны стал обращать серьёзное внимание именно на эти факторы повышения культуры земледелия, на строгое соблюдение агротехники выращивания сельхозкультур. По этой тематике был проведён союзный семинар-совещание с начальниками управлений земледелия областей и краёв во Львовской области Украинской ССР, где нам показали и рассказали, как диспетчерская служба хозяйств ведёт контроль за исполнением агротехники выращивания сельхозкультур. Отрадно было на этом союзном форуме пообщаться с Анатолием Борисовичем Мишиным, всё ещё возглавлявшем управление земледелия Алтайского края, с которым я был знаком, будучи главным агрономом Панкрушихинского райсельхозуправления. По возвращении домой я стал рассказывать об опыте работы львовских полеводов, о необходимости его внедрения в наших хозяйствах. И в ответ на это один из начальников отдела (бывший начальник управления) мне предложил: «Моилжан Сулейменович, вы знаете, как это осуществить, вот вы это и внедряйте!». Такое заявление подчинённого, конечно, шокировало меня, подобного случая у меня никогда не было, даже когда я – единственный казах – на Алтае руководил коллективами, состоящими из русских. Такое высказывание начальника отдела имело свою основу. Во-первых, многие из них были кабинетными работниками, работали с 9.00 до 18.00, а заниматься внедрением нового, передового надо быть в хозяйствах, организовывать проведение опыта, не считаться со временем. Да и областное руководство не требовало, чтобы специалисты выезжали на места. Об этом говорит случай с завсельхозотделом.

Во-вторых, некоторые русскоязычные, чего греха таить, не могли смириться с тем, что руководителем управления земледелия стал представитель коренной национальности. Видимо, были считавшие, что Канаев для этой должности не созрел: проработал в области всего пять лет, а мы работаем здесь всю жизнь. Но я не стал акцентировать на этом внимание, находя пути для совместной плодотворной работы со всеми специалистами управления.

Теперь передо мной стояла задача быстрее узнать положение в полеводстве во всех 12 районах, 156 совхозах, колхозах области, быть в курсе со-

бытий, а для этого необходимо постоянно выезжать на места. Порядок рабочего дня оставил прежний: до обеда, если возможно – и раньше, разобраться с документами, другими необходимыми делами, а затем – выезды по хозяйствам. Мои поездки по области отличались тем, что я обязан был сообщить руководству района, куда еду, и оно на границе встречало. И такой был порядок – начинать знакомство с производственными делами. И ещё руководство районов и хозяйств считало себя обязанным пригласить за дастархан, что не обязательно делалось в России. А здесь нельзя было отказываться, нарушать традиции своих предков. Конечно, это мешало деловому решению производственных вопросов, поэтому не всегда приходилось соглашаться с предложениями пообедать или поужинать. А многие из наших специалистов, выезжая в хозяйство, желали именно побешбармачить и потом обсудить тех, кто «по-настоящему» их не встретил. Даже делали свои выводы: если он не может организовать бешбармак, то он не сможет организовать сельхозпроизводство.

Поездки начал с самого крупного района, занимающегося в области полеводством, Иртышского, предполагая – надо у них поучиться мастерству получения высокого урожая. Иртышане всегда занимали первые места по уборке урожая. Главное – здесь самый высокий балл по бонитету пашни – 33,9, при среднем по области 17,3, по районам области этот качественный показатель земли выглядит следующим образом: Железинский – 21,6, Качирский – 17,9, Успенский – 16, Актогайский – 14,8, Щербактинский – 13,8, Павлодарский – 13,4, Баянаульский и Экибастузский – по 12,9, Аксу – 11,9, Майский – 10,7, Лебяжинский – 10,2. Для оценки работы полеводов этот показатель является основным, главенствующим, им я должен руководствоваться при определении призовых мест среди районов. Ибо получить урожай при высоком балле бонитета пашни значительно легче, чем при низком.

В Иртышском районе было 15 совхозов с интригующими, воинственными названиями: Суворовский, Кутузовский, Панфиловский, имени Амангельды, как будто они создавались для отражения врага, а не для занятия мирным делом – выращиванием хлеба. Действительно, пашни здесь бескрайние, ровные, как стол, что имеет при обработке полей большое значение: плодородные, чернозёмные средней мощности, друг от друга отделяются полевыми дорожками, которые не создают никаких препятствий для передвижения почвообрабатывающих и посевных агрегатов. Вспомнил я поля, тоже плодородные, но расположенные с Приобской лесостепи, где, окончив полевые

работы на одном поле, надо прицепные орудия разбирать, перевозить или перетаскивать на другое поле для продолжения работы.

Несмотря на прекрасные условия для соблюдения агротехники, повышения культуры земледелия, ведение весенне-посевной кампании в хозяйствах района не отличалось от других, здесь допускались большие разрывы между предпосевными обработками и посевом, что вело к высушиванию почвы, и семена зачастую ложились в сухую, комковатую почву. Так вели посевную кампанию на полях совхоза «Селетинский». Не оправдало мои надежды и Иртышское опытное хозяйство, которое должно показывать примеры высокой культуры земледелия, а здесь также всё было на уровне рядовых хозяйств. Хуже того, на одном из полей, где была посеяна пшеница, местами, как говорят, куртинами, росла горчица. На вопрос: «Какую культуру вы посеяли на этом поле?» – директор отвечает: «Мы здесь проводили опыты по выращиванию семян горчицы для посева кулис на паровых полях». Ответ был явно для дилетанта, за которого он меня посчитал и тем самым хотел уйти от ответственности. Меня это сильно возмутило, лучше бы директор сознался, что так получилось, но он хотел просто обмануть. Поэтому мне пришлось ему сказать в резкой форме: «Если вы такие опыты будете проводить на полях научного учреждения, то работать больше не будете!». Мне ещё показалось, что он хотел подтвердить понятие: полеводство – это прерогатива русских, что бы мы ни говорили – всё будет правильно. Были звонки в защиту директора, в том числе и от первого секретаря Иртышского района, но я отвечал: «Будет лучше работать, вопросов не будет!».

Убеждаюсь, что крупный поставщик зерна области – Иртышский район, находится в передовиках за счёт большой площади посева зерновых культур и высокого балла бонитета пашни. Значит, у него большие резервы повышения урожайности, чем у остальных районов, где меньше площади и балл бонитета значительно меньше, хотя и их сбрасывать со счетов не надо. Только надо заняться налаживанием культуры земледелия на местах, непосредственно в поле, как меня учили выращивать хлеб алтайские полеводы.

В связи с этим вспомнил случай из практики работы, о котором, кажется, уже рассказывал. Нас, агрономов хозяйств, в шесть часов утра повёз директор нашего совхоза Николай Фёдорович Крысанов показать, как соседнее хозяйство Крутихинского района внедряет комплексное ведение полевых работ. Там мы увидели комплекс предпосевных и посевных агрегатов, готовых

приступить к работе в любую минуту, но приступят к ней они только тогда, когда подрастут сорняки, тогда они хорошо подрезаются лушильниками и вычёсываются боронами. Такой способ ведения весеннего сева – это эффективная борьба с сорняками и сбережение влаги. А тут наоборот, иссушаем почву, делая большие разрывы по времени между лушением, боронованием, посевом и прикатыванием. При комплексном ведении сева поле за несколько часов из заросшего сорняками превращается в полностью обработанное предпосевными и посевными агрегатами. И что ещё не менее важно – при таком ведении работ нет пыли, значит, влага сбережена, что очень важно при ведении полеводства в засушливых условиях. Исходя из всех этих обстоятельств и состояния дел в зерновом полеводстве, у меня появляются свои намерения, планы на будущее следующего содержания:

1. Строго соблюдать четырехпольные зернопаровые севообороты, т.е. паров оставлять столько, сколько положено согласно севооборотам.
2. Соблюдать агротехнику содержания паровых полей, содержать их в чистоте, вносить органические и минеральные удобрения, делать глубокую безотвальную вспашку и посеять на них горчичные кулисы.
3. Внедрить повсеместно комплексные и поздние посевы зерновых культур, особенно важно эти мероприятия проводить на засоренных полях.
4. Проводить в полном объёме зяблевую вспашку полей, что также ведёт к сбережению влаги.
5. Проводить в полном объёме осеннюю подработку семян, что предотвращает их травму.

Решил, чтобы осуществить намеченное, необходимо больше работать на местах, чаще проводить целевые семинары, учить полеводов на конкретных примерах – как положительных, так и отрицательных.

Хорошо, что наш самый большой отдел – бывшее плодоовощное объединение, в котором я поработал ровно один год, стал неплохо справляться со своими задачами и проблемами, которые появляются у них круглый год, в отличие от других, где они бывают сезонно. У них и самая большая численность специалистов. Повезло им – руководителем отдела стал Владимир Маркович Задорожный, бывший инструктор обкома партии, курировавший областное плодоовощное объединение. Владимир Маркович всегда был в курсе событий и сам становился участником внедрения с помощью председателя облисполкома Рыспека Мырзашевича Мырзашева новшеств, которые продолжали

МОИЛЖАН КАНАВВ

работать и давать хорошие результаты: это приспособление для междуурядной обработки плантаций овощей, организация пункта отгрузки овощей и картофеля на станции Ермак, асфальтированная дорога к овощному совхозу «Пригородный» и строительство нового семенного склада для хранения семян картофеля, что улучшало их сохранность.

Плодотворно работали руководители и специалисты плодоовощных совхозов, хозрасчётных магазинов города Павлодара и ОРСов, так называемые отделы рабочего снабжения Экибастуза и Ермака (теперь Аксу). Плодоовощники были довольны ещё и тем, что их руководитель объединения стал начальником всего управления земледелия, теперь им легче будет решать свои проблемы. Они больше всего боялись, что их общим руководителем станет человек из бывшего сельхозуправления области, не знакомый с вопросами овощеводства. Вся сложность работы с овощами состоит в том, что не знаешь, откуда могут возникнуть проблемы, зачастую с непредсказуемыми последствиями.

Так, однажды меня срочно вызывает председатель облисполкома, заменивший Рыспека Мырзашевича. Оказывается, он обходил плодоовощные магазины города Павлодара и торговый центр «Квазар», увидел картофель, которым торговали наши магазины, и рядом бабка торговала своей продукцией, выращенной на приусадебном участке. Предъявляет мне обвинение: «Видишь, каким картофелем торгуют ваши, а каким бабушки» – имея в виду его чистоту. Я ему объяснил, что мы торгуем картофелем, как всегда торговали: сухим, без земли, а помыть и протереть тряпкой, как это делает бабушка со своими двумя ведрами, мы не можем. Реализация картофеля у нас идёт в больших объёмах по цене в 2-3 раза дешевле, чем у бабушки. Чувствую, что такой ответ не устроил высокопоставленного чиновника, ему хотелось услышать, что всё будет сделано, а я сказал ему о реальной действительности. А сам думаю, как было бы хорошо, если бы он спросил: «Какие у тебя планы по полеводству области?». А он меня заставляет заниматься совсем не перспективными делами.

Как-то быстро пришла осень, своевременно провели уборку урожая, она здесь, надо сказать, проходит не так сложно, как на Алтае: и урожай здесь значительно меньше, и осенняя непогода приходит несколько позже. Сельхозотдел обкома партии подготовил проект постановления по итогам уборки урожая, где определены передовики уборочной кампании области. Я, как

начальник управления растениеводства области, должен был поставить визу, выразив свое согласие. В документе предлагалось присудить первое место Иртышскому, второе – Щербактинскому району, с чем я не мог согласиться, мотивируя тем, что балл бонитета земли у первого района почти в три раза выше, чем у второго, а превышение урожайности у первого ко второму составляет до одного центнера с гектара. А если учесть, что почти половина территории Щербактинского района граничит с Лебяжинским, где балл бонитета земли самый низкий в области – 10,2, то первого места заслуживает Щербактинский район.

Конечно, возражая мнению вышестоящих органов, я сильно рисковал, но в то же время не мог согласиться с такой несправедливостью. И случилось непредвиденное – проект постановления по уборке урожая переделали: первое место присудили Щербактинскому району с вручением переходящего Красного Знамени обкома партии, облисполкома и обкома профсоюза работников сельского хозяйства и вручение его поручили мне. В зале заседаний райкома партии были представители всех хозяйств района. В торжественной обстановке, с хорошим настроением прошло вручение знамени первому секретарю райкома партии Александру Фёдоровичу Симону, а Николай Фёдорович Гегер, бывший первый руководитель района, сидел в зале как почётный гость. Заслуга его в сегодняшнем торжестве была немалая, можно сказать, основная. Идёт смена кадров, времена меняются, а заслуга человека остаётся в памяти людской. Забегая вперёд, скажу, что годы спустя по моей инициативе и при поддержке руководства Щербактинского района и области провели поминальный обед – годовщину Николая Фёдоровича в Павлодаре с приглашением всех, с кем он работал. Обед прошёл тепло, искренне, сказать о нём хотели все. Сказал и я: «Проработал я с ним всего четыре года, а память о нём сохранится на всю жизнь!». Поступило предложение продолжить такие поминальные мероприятия, ведь у нас же много таких хороших людей ушло в мир иной, и о них надо помнить.

Особой проблемой в условиях засушливой степи было и остаётся обеспечение животноводства кормами, как общественного, так и личного подворья сельского жителя. Кстати, во времена Советского Союза не было в деревне ни одной семьи, не имеющей животных в своём подворье. Эта проблема легла теперь на наше управление, в частности, на отдел кормопроизводства, которым руководил Фёдор Андреевич Кабурнеев, известный полевод обла-

сти, проработавший на всех должностях в этой отрасли, вплоть до начальника управления земледелия облсельхозуправления. Если проблему обеспечения животноводства зернофуражом можно решать попутно с производством зерновых культур, то заготовка грубых и сочных кормов заслуживала серьезного внимания и немалых усилий, чтобы иметь их в достаточном количестве. Сравнивая сенокосные кампании Алтая и нашей области, прихожу опять к разочарованию – если сенокосные угодья там давали сена не менее одной тонны с гектара, то здесь – 3-4 центнера. Источником устойчивого обеспечения грубыми кормами там было ежегодное расширение площадей коренного улучшения закороченных сенокосов и пастбищ, которые затем в течение многих лет давали высокие урожаи трав. Из многолетних трав культивировалась люцерна с высоким содержанием белка – 0,4 кормовой единицы, т.е. 2 килограмма люцернового сена заменяют почти один килограмм фуража. Причём люцерна выращивалась там без полива, для неё было достаточно природной влагообеспеченности. Установка управления сельского хозяйства иметь хозяйствам полуторагодовой запас кормов выполнялась без особого напряжения, а если в каком-то из них не получалось, то это считалось чрезвычайным происшествием, с неприятными последствиями для руководителя и специалистов. Время стойлового содержания скота определялось состоянием трав на выпасах, преждевременного выпаса скота не практиковалось во избежание вытаптывания ещё не окрепших трав. А время стойлового содержания скота было продолжительным, видимо, не зря у нас в Сибири была широко распространена пословица: «12 месяцев зима, а остальное – лето».

Теперь меня больше волнует моя историческая родина, ведь я оказался ответственным за состояние этой отрасли, остроту проблем которой в полной мере ощутил с первых дней пребывания, заготавливая солому, как драгоценный корм. Ведя заготовку соломы в течение двух засушливых лет, не раз вспоминал казахскую пословицу, в переводе на русский: лучше с близкого расстояния таскать мешочками, чем с дальнего возить арбой. Поэтому рациональное использование земельных ресурсов области было моей основной задачей, тем более что это достояние народа, завоёванное нашими предками. А теперь наша задача использовать её на благо всех, кто на ней живёт и её обрабатывает. Такие мысли приходили мне в голову, и было отрадно, что я в этом деле буду участвовать, переехав на историческую родину.

Недостаток кормов отражался на результатах труда животноводов, при этом некоторым платили заработную плату только за сохранение поголовья

скота, ибо у них не было ни привесов, ни надоев молока. Такую зимовку скота я видел в совхозе «Карасуский» Экибастузского района, где всё поголовье скота держали на привязи, чтобы каждое животное съело свою норму корма, а тяжёлый труд животноводов никто во внимание не брал. Они должны были принести корм каждому животному, убрать навоз, а чтобы напоить животных – сначала развязать каждого из них, выгнать на водопой и обратно привязать. Сколько бесполезных действий должны произвести они из-за того, что мы, руководители, не обеспечиваем их в достаточном количестве кормами. В то же время, объезжая территорию того же Экибастузского района, я видел поля, заросшие сорняками двухлетней давности. На вопрос, почему растут сорняки, руководство района отвечает: «Здесь растёт житняк второго года жизни, который мы будем косить в следующем, третьем году жизни, когда он, окрепнув, вытеснит сорняк. Это всё делается согласно инструкции вышестоящих органов». Здесь речь идёт о полях с зернотравяным севооборотом, в котором предусмотрено после пяти лет использования многолетней травы поле перепахивать и засеять весной какой-нибудь культурой. После её уборки поле засеивается опять житняком, которое, согласно инструкции, нельзя трогать, чтобы не навредить молодым растениям.

Будучи в Щербактинском районе, посоветовавшись с руководителями и специалистами хозяйств, мы решили эту проблему следующим образом: на полях, где осенью посеян житняк, весной подсеивали какую-нибудь фуражную культуру – ячмень или овёс – дисковыми сеялками. Осенью убирали урожай: зерно и солому, а поле оставалось чистым от сорняков, и на нём ровными рядами рос житняк первого года жизни. На второй год продолжаем скашивать, что выросло, а на третий год многолетняя трава набирает полную силу и даёт высокий урожай. Таким путём площади с молодым житняком используются полностью. Так мы рационально используем зернотравяной севооборот, получая дополнительный источник грубых кормов, а если учесть, что каждое из 156 хозяйств области обновляет в год не менее одной тысячи гектаров старовозрастных трав, то, надо сказать, запас кормов будет значительным.

Но я здесь попадаю в затруднительное положение: внедряю это «новшество», противоречащее инструкции вышестоящих органов, запрещающих производить какую-либо работу на полях, где посеян житняк, в течение двух лет, а я, наоборот, предлагаю использовать эту площадь непрерывно, ежегодно получая корма. Поэтому мне пришлось пропагандировать и разъяснять

технологии получения кормов руководителям и специалистам районов и хозяйств при встречах и личных беседах.

В это время я остро ощутил отсутствие Р.М. Мырзашева, которого избрали секретарём Чимкентского обкома партии. Вспомнил, как он в 1983 году на областном агросовещании поддержал меня по вопросу внедрения поздних посевов зерновых культур, хотя с ним по этой теме у меня не было предварительного разговора. Рыспек Мырзашевич понял мою идею и сразу принял конкретное решение, сказав: «Давайте будем сеять позже и глубже». Не стал я привлекать к этой работе Ф.А. Кабурнеева – начальника отдела кормопроизводства, хотя это было его прямой обязанностью. Единственно, попросил Ислама Ташеновича Муржанова – директора Красноармейского опытного хозяйства по защите почв от эрозии, провести такую работу на одном из полей, где мы с главным агрономом райсельхозуправления показали опыт получения дополнительных кормов. И даже не верившие в этот агротехнический приём увидели ровные ряды всходов житняка, наряду с которым получены урожай ячменя по семь центнеров с гектара, ячменная солома, тогда как раньше ничего этого у нас не было.

Прошло 25 лет после распада Советского Союза, и столько же времени мы не занимаемся зернотравяными севооборотами, а надо было обновить житняк пять раз, но он, на удивление, даёт урожай. «Старики» плодоносят, тем самым сильно выручая людей, занимающихся животноводством. По моим наблюдениям, погодные условия у нас в области меняются в лучшую сторону: летом идут дожди, которых не бывало до половины июля, до сенокосных дождей. Между тем в области есть свой доморощенный специалист, который в течение многих лет занимается кормопроизводством в условиях засушливой зоны Казахстана. Им накоплен опыт по устойчивому обеспечению кормами животноводства области путём получения хорошего урожая многолетних трав: житняка, эспарцета, донника и суданской травы. Речь идёт о докторе сельхознаук Кудайбергине Ишимовиче Канапьянове, защитившем кандидатскую и докторскую диссертации в Москве и Ленинграде во времена Советского Союза на конкретных материалах нашей области. Сейчас он занимается выведением и размножением нового сорта люцерны, которая растёт в богарных условиях, т.е. без полива. Такой люцерны нет в мире.

Учитывая горький опыт прошлых лет по обеспечению кормами, можно определить, каким путём идти дальше, развивать кормопроизводство,

рационально использовать земельные ресурсы. Раз мы имеем дело с уже распаханной территорией, то нам следует продолжать работы в этом направлении, но внести существенную корректировку в сроки их проведения. Так, например, если мы во времена Советского Союза подвергали распахке многолетние травы через пять лет, то сейчас видим, что эту работу можно проводить через десять и более лет, что даёт нашим животноводам реальную возможность её выполнять, а самое главное – обеспечивать отрасль кормами, ибо урожайность трав при такой технологии выращивания будет высокой. Таким образом, мы получаем самые качественные и дешёвые корма, что, естественно, отражается на себестоимости производимой животноводческой продукции.

По словам экс-министра сельского хозяйства нашей страны А. Куришбаева, мы располагаем огромными площадями сельхозугодий: пастбищ – 187 миллионов гектаров, естественных и сеяных сенокосов – пять миллионов гектаров, пашни, используемой для производства кормов, – 2,5 миллиона гектаров. Таким образом, используемые природные ресурсы создают реальные предпосылки жителям страны заняться созидательным трудом по производству животноводческой продукции. А если учесть, что на рынке побеждает тот, у кого качественный и дешёвый продукт, именно таковыми являются молоко и мясо, выращенное на пастбищах, жайляу. Следовательно, наши животноводы могут стать поставщиками самой востребованной продукции на мировом рынке, т.е. найти свою нишу в мировом разделении труда. Но это получится при справедливом закупе молока и мяса у всех товаропроизводителей, независимо от формы и размера хозяйства и удалённости от рынка сбыта. Хотелось бы, чтобы это произошло чем раньше, тем лучше, чтобы люди на моей исторической родине жили достойно, занимаясь мирным созидательным трудом. Тем более наша страна отказалась от атомного оружия. Решение этой проблемы даст ещё одну возможность – уйти от нефтяной зависимости. И тогда наши дети и внуки будут жить спокойно и уверенно на землях предков.

Реальность осуществления этой мечты давно доказана нашими предками – согласно переписи скота, проведённой перед коллективизацией, в нашей стране имелось 80 миллионов голов скота в условных единицах – это зоотехнический термин, охватывающий учётom все его виды. Условная единица – это одна корова, а все остальные виды скота приравниваются к ней. Так,

МОИЛЖАН КАНАВВ

например, пять овец – одна корова, или один верблюд – 1,5 коровы. Чтобы определить значимость этого поголовья скота, разделим 80 миллионов голов условных коров на численность населения нашей страны в настоящее время и получаем цифру – 2,5 коровы имел бы сегодня каждый проживающий в республике человек. Наверное, 2,5 коровы обеспечат достойную жизнь каждого человека, начиная с первого дня его рождения и до глубокой старости. Причём такое поголовье скота содержали наши предки без какой-либо механизации, без какой-либо поддержки со стороны государства, без организованного рынка сбыта своей продукции.

Но вернусь к моему воспоминаниям... Обратить внимание на выращивание кукурузы в Павлодарской области помог мне Кабаш Музданов – мой земляк по Алтаю. Дело в том, что Кабаш Досымханович, переехав на историческую родину в совхоз «Жосалинский» Баянаульского района несколько лет тому назад, занялся выращиванием кукурузы на полях совхоза, где раньше этой культурой не занимались. Его инициативу поддержал тогдашний директор совхоза Токтыбай Бралинович Кульшманов, а затем Капен Тулеубекович Тулеубеков. Правда, она росла в Баянаульском районе не везде, но отдельные участки земли давали хороший урожай зелёной массы, чего достаточно было для обеспечения бычков на откорме сочными кормами и получения высоких привесов животных.

Председатель облисполкома Р.М. Мырзашев провёл здесь областное совещание по откорму скота, рассказав участникам форума о том, что благодаря сочным кормам стали получать хорошие привесы. Всё дело в том, что мы с Кабашем начинали заниматься выращиванием кукурузы на полях Кызылтовского отделения совхоза имени Крупской. Он – ещё молодой, не женатый студент-заочник Славгородского техникума, а я – молодой агроном отделения – студент-заочник Алтайского сельскохозяйственного института, оба учились на агрономов. Нас учил агротехнике возделывания этой культуры главный агроном совхоза Фёдор Ильич Черенцев, выпускник Алтайского сельскохозяйственного института. Среди кукурузоводов отделения Кабаш был самым молодым, перенимал опыт у старших по практической части, а теоретические знания приобретал, обучаясь в техникуме. Надо сказать, что кызылтовские кукурузоводы выращивали урожай зелёной массы кукурузы не хуже других отделений совхоза.

Мне теперь, как начальнику управления земледелия, оставалось обратить внимание кукурузоводов Павлодарской области на выращивание этой

культуры на примере Кабаша Музданова, который даже в Баянаульском районе получает довольно хороший урожай. С этой целью в районе провели областное совещание кукурузоводов, где опытом своей работы поделились знатные кукурузоводы области, в том числе и Кабаш Досымханович. Он сказал несколько тёплых слов мой адрес, признав, что основу получения высокого урожая мы закладывали на алтайской земле. Провести совещание кукурузоводов помог мне Кабтай Аблайханович Аблайханов – начальник Баянаульского управления сельского хозяйства. Присутствовали на нём Балтабай Нажмиденович Нажмиденов – первый секретарь райкома партии и Юрий Иванович Дубовицкий – председатель райисполкома.

Прошло много лет, я уже давно живу в Павлодаре и однажды еду в Майский район по печальному поводу: умер Жамсап Оспанович Тасимов – механизатор военных лет, затем постоянный бригадир аула Кызыл ту Панкрушихинского района. Переехав на историческую родину, в совхоз имени Чапаева Майского района, он работал заведующим мастерской совхоза – почётная должность на селе. Он был моим наставником, когда я начинал агрономическую деятельность. Родственников у Жамсапа Оспановича было много, и поэтому поехали на автобусе. Во время поездки ко мне подходит уже немолодая женщина, представляется, что она жена Кабаша, хотела со мной встретиться и поблагодарить за то, что я научил Кабаша выращивать кукурузу. В Баянауле он стал знатным человеком, хорошо зарабатывал, выучил всех детей, живут в Астане. Жаль, что нет главы семьи с нами.

...Перед нами также была поставлена задача круглогодичного обеспечения населения области плодоовощной продукцией и картофелем собственного производства, для чего необходимо было построить дополнительные складские помещения, чем и занялось управление строительства агрокомитета во главе с Борисом Алексеевичем Веселовым. Объекты строительства были под контролем ЦК Компартии Казахстана, лично вновь избранного Первого секретаря ЦК Г.В. Колбина. Таким образом, была обустроена вторая плодоовощная база города Павлодара под руководством директора Владимира Павловича Шкретова.

В наши обязанности входило рациональное использование 84 тысяч гектаров орошаемых земель, имевшихся в области, контроль за ходом строительства объектов и их приёмка в эксплуатацию. Начальник управления растениеводства являлся председателем комиссии по приёмке орошаемых земель,

МОИЛЖАН КАНАЕВ

стало быть, вся ответственность за их дальнейшее использование ложилась на него. Я принимал Лебяжинский массив орошаемого земледелия площадью 24 тысячи гектаров. Жаль, что он оказался разрушенным и разграбленным во времена экономического кризиса.

Хорошо справлялся со своими обязанностями специалист своего дела Рудольф Эдуардович Партус – начальник подотдела по орошению. Держал под контролем вопросы семеноводства Алексей Иванович Тыртышный – начальник подотдела по семеноводству. Таким образом, я был в курсе событий растениеводства области, определился с путями решения проблем, которые мне казались реальными для осуществления. Необходимо было заняться только улучшением агротехники на местах, где непосредственно осуществляются наши идеи, нацелить специалистов области на такой метод ведения полеводства, давать объективные выводы: где хорошо, где плохо. Считаю, такая работа дала свои результаты и в Панкрушихинском районе Алтая, оказавшемся в десятке лучших среди 66 районов, и в Щербактинском районе, занявшем первое место в области по уборке урожая 1986 года среди 12 районов. Здесь, на областном уровне, только объём работы больше, зато в нашем управлении 37 специалистов. Осуществить свою мечту не удаётся – меня переводят на другую работу: потребовалась моя должность одному проштрафившемуся первому руководителю района, за то, что он решил во время уборки урожая помыться в бане областного начальника. Из района после этого ушла жалоба в ЦК КПСС, откуда последовало указание – освободить от занимаемой должности. Всё бы ничего, если в этом деле я не оказался крайним. Дело в том, что «штрафник» был по специальности учёный агроном, и областное руководство решило дать ему самую высокую должность по этой отрасли, передвинув меня. Получилось: и в бане не мылся, и должности лишился.

Я ощутил себя одиноким, находясь на исторической родине, чего не испытывал, прожив долгое время на малой сибирской. Жаль, что так случилось, хотелось оставить след на земле предков, она ведь для меня единственная. Из всех моих планов и намерений по растениеводству Павлодарской области в моей трудовой книжке осталась запись: «Канаев М.С. работал начальником управления земледелия области».

**ГЛАВНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСПЕКТОР
ПО ЗАГОТОВКАМ И КАЧЕСТВУ СЕЛЬХОЗПРОДУКЦИИ
ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

До меня эту должность занимали Кабиден Акимбекович Жумабеков, бывший начальник облсельхозуправления, Оралбек Кожанович Кожанов, ставший первым секретарём Экибастузского райкома, Степан Петрович Сычук, бывший первый секретарь Ермаковского райкома партии. В этой должности я уже не производственник, но имею прямое отношение к результатам труда сельских тружеников: зерну, молоку, мясу, плодоовощной продукции, картофелю, шерсти и шкурам через инспекторов, обязанности которых распределены следующим образом: Алтын Музафаровна Абендова – инспектор по зерну, Виктор Николаевич Ульрих – по молоку, Нигмет Бекболатович Сыздыков – по мясу, Амен Елубаевич Елубаев – по плодоовощной продукции и картофелю, Валерий Иванович Козубов – по кожсырью и шерсти.

В нашу обязанность входило знать и иметь полную информацию о том, какую сельхозпродукцию, в каком количестве и качестве производят и реализуют каждый из 156 совхозов и колхозов области, и быть арбитром между сельхозтоваропроизводителями и многочисленными переработчиками, чтобы объективно определялись количественные и качественные показатели сдаваемой государству продукции. Стремление не обидеть себя у переработчиков было и в советское время, хотя собственность была общенародная, государственная. Основная наша задача – не дать в обиду сельхозников, которые производят свою продукцию в экстремальных условиях, ибо основная доля затрат ложится на их плечи.

Вопросами предотвращения, выявления нарушений при приёмке сельхозпродукции занимались инспекторы в своих подконтрольных предприятиях. Так, Алтын Музафаровна Абендова контролировала приёмку зерна на Щербактинском, Жолкудукском, Калкаманском, Рождественском, Иртышском, Мынкульском, Валихановском элеваторах и Павлодарском комбинате хлебопродуктов. Причём эту объёмную проверку ей надо было осуществить в короткий срок, в период уборки урожая. Конечно, она исполняла свои обязанности не считаясь со временем, часто выезжая в командировки. В каждом районе у нас были отделы по заготовкам, состоявшие из двух человек, которые помогали областникам во время их проверок.

Не меньше было забот у Виктора Николаевича Ульриха – инспектора, знатока своего очень тонкого дела по определению качества молока, с немецкой педантичностью относящегося к своим обязанностям. Этот скоропортящийся продукт требовал особого внимания, начиная с дойки в хозяйствах, доставки, переработки. В области работала специализированная автобаза, состоящая из молоковозов, но она не всегда обеспечивала своевременную доставку молока в город.

Переработкой молока занимались многочисленные заводы на местах, но основным поставщиком разнообразной молочной продукции жителям города был Павлодарский молочный комбинат, возглавляемый Владимиром Емельяновичем Самсоновым, стоявшим у истоков становления этой отрасли, посвятившим всю свою жизнь производству, благодаря которому горожане обеспечивались необходимым каждому человеку продуктом питания.

Такую же роль, но только в обеспечении хлебом и хлебобулочными изделиями населения, играл комбинат хлебопродуктов, которым долгие годы руководили Капар Карымсакович Аймукашев и начальник управления хлебопродуктов области Владимир Алексеевич Чертков. С ним в первые годы моего пребывания на исторической родине мы работали начальниками управлений сельского хозяйства. Он – в Павлодарском, я – в Щербактинском районах. Инспекторами этих двух важных продуктов питания – по зерну и молоку, как было сказано выше, работали два опытных специалиста с большим стажем, Абенова и Ульрих, которые хорошо справлялись со своими обязанностями, но имели разный подход к наказанию виновных в нарушении условий приёма. Если Виктор Николаевич относился к ним снисходительно, то Алтын Музафаровна настаивала на применении более жёстких мер и приводила свои аргументы: «Иначе они не поймут».

Со сдачей государству мяса тоже имелись свои особенности и сложности. Кроме того, что надо правильно определять его качество, необходимо в короткие сроки глубокой осенью сбыть свою продукцию, ибо в это время животные набрали хороший вес, и если мы это сделаем, сэкономим корма. Конкуренция была большая, все 156 хозяйств области занимались производством мяса. Переработчиков было два: Павлодарский мясокомбинат, директор – Нурбек Вахапович Сыздыков, Экибастузский – Александр Фёдорович Вербняк. Надежда была на Семипалатинский мясокомбинат большой мощности, объект союзного значения, но предложений для забоя скота у него было ещё больше, поставляли животных из других областей и из Монголии, по союзной

квоте. В таких условиях своевременная сдача государству скота становилась проблемой. Руководство области, районов и хозяйств было озабочено этим и исполнение своих желаний связывало с хорошей работой нашей инспекции. Мне с Нигматом Бекболатовичем Сыздыковым, инспектором по мясу, приходилось неоднократно выезжать в Семипалатинск для решения проблемы внеочередного забоя скота Павлодарской области. С инициативой, как можно лучше решить эту проблему, выступили председатель колхоза «Победа» Щербактинского района Владимир Пантелеевич Поляков, председатель колхоза имени Кирова Виктор Кондратьевич Руди, директор совхоза «Жосалинский» Капен Тулеубекович Тулеубеков. Но мне удалось решить эту проблему другим путём, неожиданно и без затрат. Дело в том, что моя дочь, обучавшаяся в Семипалатинском медицинском институте, вышла замуж за местного парня, родной брат которого работал заместителем директора Семипалатинского мясокомбината. Так, выезжая в командировку в Семипалатинск, я не только сэкономил деньги, проживая у сватов, но и решал производственные вопросы.

Кожсырьё и шерсть хотя и считались второстепенными, но на них обращалось достаточное внимание. Во-первых, они собирались во всех хозяйствах и личных подворьях сельских жителей, платили хорошую закупочную цену, если они своевременно обрабатывались, хранились и сдавались заготовителям. Этими вопросами занимался инспектор Валерий Иванович Козубов с заготовителем из облпотребсоюза и с районными инспекторами. Перед ними тоже стояла большая задача, чтобы сырьё повсеместно, своевременно и качественно обрабатывали, сдавали переработчикам, а наши инспекторы являлись одновременно арбитрами при приёмке, выезжая в Семипалатинское ПОШ – предприятие по обработке шерсти. Чтобы обратить внимание руководителей на кожсырьё и шерсть, по нашей инициативе хозяйству, занявшему первое место по качеству этой продукции, предназначалась премия – автомашина ИЖ-27 «пирожковоз», который заслужил совхоз имени Абая Иртышского района, где директором был Николай Александрович Миллер. Тогда он был одним из молодых директоров совхозов, а сейчас самый опытный и авторитетный руководитель крестьянского хозяйства, засевающего около 70 тысяч гектаров зерновых культур.

Особое внимание уделялось приёмке и качеству плодоовощной продукции и картофеля и реализации этой продукции во всех плодоовощных магазинах города Павлодара. Поэтому её инспектору Амену Елубаевичу Елубаеву приходилось трудиться круглогодично, сезонности в его работе не было. Что-

бы непременно улучшить качество сельхозпродукции и увеличить объём её заготовок, мы ежеквартально стали выпускать экран качества. Инспекторы по своей продукции каждый квартал делают анализы, определяют, какие хозяйства занимаются заготовкой лучше, а какие – плохо. На большом листе ватмана размером 100x50 см красочно оформляем, показываем положение дел с качеством сельхозпродукции в области. Так как мы не можем разместить показатели всех 156 хозяйств, то решили обнародовать показатели 10 лучших хозяйств и 10 худших по каждому виду продукции. Такой экран качества висел в фойе второго этажа здания агропрома и рассылался во все районы и хозяйства области. Эффект был неожиданно высокий, ибо такие меры воздействия в области применялись впервые. До сих пор жалею, что не обнародовали экран через областные газеты.

В сельском хозяйстве существуют только два закона, один из них называется дифференциальная рента-1, другой – дифференциальная рента-2. Это очень важные законы, регулирующие уровень жизни людей, проживающих на территории с землями разных качеств, точнее, баллами бонитета, чтобы работающие на худших землях и удалённые от рынка сбыта товаропроизводители не несли убытки. Ведь для государства очень важно, чтобы все имеющиеся земельные ресурсы в стране были освоены, заселены, и на них производилась сельхозпродукция, независимо от качества земли и удалённости от перерабатывающих предприятий. В исполнении закона дифференциальной ренты-2 инспекция играла основную роль: зная объёмы заготовок сельхозпродукции каждым хозяйством области и их удалённость от переработчиков, мы высчитывали выработанные совхозами и колхозами тонно-километры по доставке своей продукции и, исходя из стоимости одного тонно-километра, – расходы хозяйства на доставку, которые государством возмещались.

Закон дифференциальной ренты-1 также исполнялся, в его реализации выполняли главную роль плановые отделы совхозов, колхозов, районных и областных управлений сельского хозяйства, которые дифференцированно, с учётом качества земли хозяйств, доводили им планы. Например, если совхозам Иртышского района доводился план получить урожайность зерновых культур по 10-12 центнеров с гектара, то Лебяжинского – 6-8 центнеров с гектара, а сверхплановую продукцию они сдавали государству по повышенной цене.

Для Казахстана эти законы актуальны, но они у нас не работают, либо власти вовсе не знают об их существовании.

Я – ФЕРМЕР

В то, что так быстро развалится Советский Союз, никто не верил, в том числе и я. Был занят круглый год общественно-полезным трудом, дополнительно – личным подворьем, обеспечивающим не только натуральными продуктами питания, но дающим возможность семье заняться физическим трудом, а это есть движение, значит и жизнь, тем более я перебрался на историческую родину. Перед тем, как начаться горбачёвским, а затем рыночным реформам, мне снился сон, причём многократно – вроде живу в пойме реки, уютно, кругом буйно растёт луговое, красочное разнотравье. Вдруг слышу шум воды, оглянувшись, увидел волны 2-3 метров высоты, приближающиеся с большой скоростью. Оказавшись в воде, вынужден был плавать. Через некоторое время я начал привыкать к новым условиям, тем более вода оказалась тёплой и неглубокой.

А наяву пришла перестройка и в нашу область. Завершилась она роспуском обкома партии, райкомов и парткомов предприятий, не нужны оказались многие государственные учреждения, в том числе наша инспекция по заготовкам и качеству сельхозпродукции, так как и сами совхозы, и колхозы раздавались в частные руки: мол, государство их содержать не может. Так оказалась безработной многочисленная армия госслужащих. Но взамен совхозов и колхозов предлагалось создавать фермерские хозяйства, которые должны были с небольшой поддержкой государства производить сельхозпродукцию и сами их реализовывать через рынки сбыта.

Посоветовавшись с племянниками Кайроллой и Какау, решили организовать фермерское хозяйство по выращиванию зерновых культур, так как я агроном и имею возможность его организовать. Взял в аренду тысячу гектаров пахотных земель в пригороде Павлодара, кредит в один миллион рублей, заложив пятикомнатную квартиру и автомашину «ГАЗ-24», в приобретении которой помог мне Николай Фёдорович Аксёнов – первый секретарь Алтайского крайкома партии. Кредитные средства выделялись только на покупку основных средств производства, поэтому купил новую грузовую автомашину ЗИЛ-130, новый гусеничный трактор на Павлодарском тракторном заводе и зерноуборочный комбайн. А другие расходы, так называемые оборотные средства – на горючее, семена, заработную плату и т.д. – должны были находить сами фермеры где смогут. А где мне их най-

ти, если все мои сбережения в банке обесценились? Хорошо, что директор Алгабасского райспецобъединения по откорму скота Рахимтай Толеубаевич Курманбаев пошёл мне на уступки, взяв эти расходы на себя, сказав: «Рассчитываешься урожаем». Это он сделал в знак уважения ко мне, когда у него самого положение было не из лучших.

Так на своей машине в полевой бригаде под названием Калиновка, начал заниматься фермерством. Решили работать по классической четырёхпольной схеме севооборотов, где предусмотрен ежегодный посев на трёх полях, а четвёртое будет пароваться. Так и сделали – посеяли 750 гектаров пшеницы, 250 гектаров оставили под пар. Выросла пшеница с урожайностью около 6-7 центнеров с гектара – это средний многолетний показатель продуктивности здешних полей. Приехал ко мне узнать, как идут дела у меня, Кемер Кожаметович Ашимбетов – председатель Союза фермеров Павлодарской области. Встретили мы его с директором совхоза Рахимтаем Толеубаевичем, показали ему мои поля, угостили чаем. Чаепитие было не из весёлых, каждый думал о своём: кем был, кем стал. Из нас троих на своём месте остался только Курманбаев.

Жаль было Кемера Кожаметовича: настоящий хозяйственник, он пострадал как партократ. Перед самым развалом Советского Союза он был избран вторым секретарём обкома партии. В рыночных условиях хороший хозяйственник – это настоящий бизнесмен: сам работает и даёт людям возможность заработать. Остались бы у руководства области Рыспек Мырзашевич Мырзашев, Кемер Кожаметович Ашимбетов, экономика области не так сильно пострадала бы. Как настоящие сельхозники, патриоты своей страны, они сумели бы сохранить, насколько возможно, сельхозпроизводство, сельские жители продолжали бы производить всем необходимую востребованную продукцию по самой низкой себестоимости и высокого качества, ведь она выращивается на степных просторах, на жайляу. Селяне зарабатывали бы себе на жизнь, на учёбу детям, не знали бы, что такое безработица и неосвоенная территория в области.

...Сегодня, 23 февраля 2019 года, нахожусь в Михайловском районе Алтайского края, где проживают братья и племянники моей супруги Клавдии Токтаровны, семейство Рамазановых, с тех пор, как сто лет назад, в годы голодомора, перевёз близких глава семьи – Токтар. Мы приехали из Павлодара

по траурному случаю – умерла сноха, жена брата Клавы, в возрасте 87 лет. Звали её Кива Кожаметовна Рамазанова.

Могут сказать, что же тут необычного, мало ли людей приходят и уходят из жизни? Но я усмотрел в её жизненном пути настоящий подвиг – казахской девчонки, перебравшейся в Россию из казахстанского Уш-тобе, что недалеко от Алма-Аты, в глубинку Сибири, на побережье реки Обь. Кива не знала русского языка, и то, что она закончила пять классов в казахской школе, не пригодилось, попытки учиться в русской школе не дали результатов. Оставалось ей, несовершеннолетней, выйти замуж и начинать трудовую деятельность дояркой колхоза «Красный Сибиряк» Каменского района, а затем работать в совхозе «Путь Ильича» Михайловского района Алтайского края. Щуплую, маленького роста «иностранку» местные доярки ростом почти в два метра воспринимали несерьёзно, предполагая, что она долго не выдержит, ведь нагрузкой для одной доярки были 50 коров. Но сомнения их не оправдались: со временем, с годами Кива научилась хорошо доить коров, сумела преодолеть трудности животноводства, даже стала передовой дояркой по своему гурту, колхозу, а затем – по району. Стали её поощрять: дарить подарки, вручать Почетные грамоты, медали. Награждена орденом «Знак Почёта». Ездил на Всесоюзную выставку в Москву, неоднократно отдыхала в знаменитых сочинских санаториях. Родила, вырастила, воспитала четверых сыновей и дочь. Сына Жумабая отправляла во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». «Она была стержнем семьи», – так о ней сказали на похоронах. На этом трауре выступил начальник управления сельского хозяйства Михайловского района Владимир Иванович Кухаришин, который знал её. Вывод напрашивается сам собой: жизнь прожита не зря.

...Сегодня 5 декабря 2020 года – день моего рождения, мне исполнилось 86 лет. Наша Павлодарская область на карантине по коронавирусу, причём в красной, то есть опасной зоне. Значит, поздравления мог получить только по телефону. По всем складывающимся обстоятельствам, день получается не совсем радостным. Эту грусть развеивает человек с моей малой родины – Лоор Иван Иванович – депутат Государственной Думы Российской Федерации, поздравивший меня сначала по телефону, а затем приветственным адресом по почте.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Он начинал поздравлять меня будучи руководителем Алтайского Законодательного собрания и, что я заметил, он в этих посланиях не повторяется в словах и каждый раз находит новые душевные слова. Так он меня благодарил за большой вклад в развитии сельского хозяйства Панкрушихинского района, назвал меня «настоящим народным дипломатом» в связях между Алтайским краем и Павлодарской областью, подчёркивал, что он дорожит нашими чисто человеческими отношениями.

А в этом году Иван Иванович сказал: «Если бы мне предложили назвать имя человека, которому необходимо сказать тёплые слова, я бы озвучил – это Иван Сулейменович». А сам он, оказывается, перед этим переболел коронавирусом, но не забыл о своём земляке-товарище.

...Но вернусь к своему рассказу о том, как я пытался стать фермером. К осени 1994 года экономическое положение в стране резко ухудшилось – оказали влияние спад производства, обесценивание денег. Появилось явление, которого раньше не было: кражи имущества, скота и других вещей, которые можно перевозить.

Проснувшись однажды утром, узнали, что из нашей бригады, где мы занимались уборкой урожая совместно с совхозными рабочими, украли гусеничный трактор, принадлежащий райспецобъединению. Воры за ночь успели погрузить краном тяжёлый трактор и скрыться. После такого случая упало настроение, потому что такое может быть в любой момент и с моей техникой стоимостью в один миллион рублей, и тогда я теряю не только её, но и пятикомнатную квартиру и автомашину «Волга», как залоговое имущество. Пришлось принять решение о продаже крестьянского хозяйства – это было моё первое и единственное отступление от намеченного, но дальнейшее фермерское хозяйствование было бессмысленно. И к тому же мне в том году исполнялось 60 лет – это в то время считалось солидным возрастом, полагалось отдыхать и по казахским обычаям ходить в гости к родным, близким, сватам, просто знакомым, а для меня ещё оставался и Алтайский край. Но жизнь распорядилась совсем по-другому – надо было трудиться и трудиться.

ЗАНИМАЮСЬ ЛИЧНЫМ ПОДВОРЬЕМ

Экономическое положение как в стране, так и в семье с каждым днём становилось тревожнее: у населения стали сокращаться ежемесячные поступления доходов по заработной плате, пенсиям, пособиям, стипендиям, выплаты их стали задерживаться и уменьшаться. Наши семейные сбережения, которые я считал достаточными для достойной жизни, растаяли, как лёд в жаркую погоду. Ко времени переезда в Павлодар у нас на каждого члена семьи лежало на сберкнижке по 5 тысяч рублей, а у Тулеутая – 10 тысяч. Кроме того, мы имели в личном пользовании автомашину «Волга» – «ГАЗ-24», подарок Алтайского крайкома партии. Мы с Кулятай – пенсионеры, дети продолжают учиться в институтах, из нашей семьи работает одна Рысты – директор областного центра по выплате пенсий, отвечающая за своевременные выплаты пенсионерам области. А эта проблема стала теперь головной болью общества и акима области, начинавших рабочий день с этого вопроса. Так что у Рысты забот оказалось больше, чем у её родителей, ей было не до нас. В этих условиях нам оставалось заниматься или личным подворьем, чтобы прокормить семью, или бизнесом – новым способом добывания средств к существованию, который раньше – в советские времена – карался законом.

Видя такую обстановку, мои дети решили наряду с учёбой с институте заняться бизнесом. Компаньонами их стали сокурсники, друзья Тулеутая – Иван Клименко из Кустаная, Ерлан Тлеубергенов из Семипалатинска, Ринат Садуакасов – супруг моей дочери Айман, Канат Макишев – брат Анары, супруги Тулеутая, и другие. Бизнесом у них стала реализация продукции Карагандинской чулочно-носочной фабрики, которой торговали в Караганде, Павлодаре, Семипалатинске. Свою фирму они так и назвали – ПКС – по первым буквам городов, где будут торговать вышеуказанными изделиями.

Однажды приехал в Павлодар Тулеутай и заявляет: «Папа, мне нужна твоя машина «Волга», чтобы мы оперативно доставляли продукцию фабрики до торговых точек городов. От этого будет зависеть, как пойдут наши дела».

Из-за этой просьбы Тулеутая у нас с Клавдией Токтаровной произошёл большой скандал, такого между нами не было ни раньше, ни позже. Дело в том, что наши мнения разошлись диаметрально: я был «за», а она – категорично против, мотивируя, что сыну будет очень тяжело, особенно зимой, он ведь ещё маленький, а машина большая, он может не справиться с ней. А я думал

МОИЛЖАН КАНАВВ

по-другому: если не дам машину единственному сыну, то кому её дам, ведь из-за неё остановится их бизнес, и поэтому решил отдать машину Тулеутаю, сказав: «Ездите только с Иваном вместе, он ростом почти два метра». А сам решил заняться личным подворьем, где я смогу ещё чем-то помочь семье.

Выбрал село по направлению родных мест – к Щербактинскому району и Алтайскому краю, чтобы попутно могли заехать ко мне дорогие гости. Этим селом стала Красноармейка, расположенная на железнодорожной и автомобильной магистралях Павлодар – Барнаул. Тулеутай купил нам дом-особняк, состоящий из шести комнат, плюс летняя кухня, баня, двор асфальтирован, с двумя коровами, всё за 1650 долларов – это была хорошая цена для деревни. Отъезжающий на историческую родину Виктор Шнайдер был доволен. Так мои дети решили, чтобы их родители жили в хорошей усадьбе, хотя я знал, что их собственное экономическое положение было не лучшим. Таким образом, после 10 лет городской жизни мы возвращаемся к деревенской. Мне исполнилось в тот год 60 лет, а Кулятай – 55. В полной мере стали ощущать развал Советского Союза: электрический свет загорался к часу ночи, задерживались все виды выплат, забивался на бартер совхозный и колхозный скот, раздавалась и распродалась общественная техника. Ежедневно видел одну и ту же картину: по трассе вереницей уходили наши тракторы и комбайны в Алтайский край, отчего на душе было тревожно, но успокаивал себя тем, что их покупают мои алтайцы.

Заново начали устраивать деревенскую жизнь – сажали огород. Хорошо, что условия для его ведения были. Завели ещё одну корову и трёх баранов – это получилось случайно: у соседа, живущего через один дом, целыми днями мычала, как говорят – ревела, корова, и было неприятно слушать. Я вынужден был пойти к ним и спросить: «В чём дело?». Оказалось, хозяева уезжали на работу в город, а животные оставались без ухода. Хозяева предложили мне их купить. У меня наличных денег не было, но если в рассрочку, то могу купить, сказал я. Теперь на моём подворье – три коровы, три барана, сто бройлерных и 25 кур-несушек. Интересным оказалось поведение купленной коровы: она безошибочно стала находить наш дом по возвращении с пастбища. Клавдия Токтаровна из этого сделала свой вывод: «У нас будет водиться скот».

Чтобы надёжно охранять скот, лучше выпасать и не платить денег пастуху, решили объединиться несколько семей. Моими компаньонами стали

два местных механизатора совхоза – Николай Кириёк, Валентин Агарков и дед Аугали, переехавший из совхоза «Фёдоровский» Качирского района. Сначала пасли все четверо, а по мере привыкания животных друг к другу и к местности – по два человека, затем стал справляться с этой работой и один. Меня почему-то они прозвали обкомом – и это в некоторой степени, как я узнал позже, помогло сохранить поголовье скота от воровства.

Начали пользоваться плодами подворья, сначала молоком, затем ранними овощами, картофелем, подросшими бройлерами, которых, кстати, мы вырастили без единого падежа. Детей, конечно, кормили тем, что имеем. Однажды Тулеутай так и сказал: «Мы скоро закукарекаем!» – имея в виду однообразное куриное мясо. Моему затруднительному положению с мясным ассортиментом решил помочь Николай Кириёк, предложив заняться разведением свиней, которые через полгода обеспечат нам разнообразие питания. После нескольких напоминаний, видя моё твёрдое нежелание разводить свиней, он сказал: «А зря, зря, обком». Хотя в армии мне приходилось употреблять свиное мясо, а будучи старослужащим, ловил себе в тарелку самый большой кусок свинины.

Я ещё раз убедился, что русский народ умеет разнообразить пищу, больше употребляя продукты растительного происхождения, тем самым выходя из самого затруднительного положения и удовлетворяя организм необходимыми элементами, продлевающими жизнь. Вспомнил слова Николая Михеевича Черных, заслуженного учителя РФ, супруга моей учительницы Нины Дмитриевны: «Панкрушихинцы выжили в войну за счёт Алеусского ленточного бора».

Население в 90-е годы испытывало недостаток продуктов питания, как в военное время. Распавшиеся совхозы и колхозы сами выживали как могли. Предлагали продукты завозить из стран, где они дешевле, например, баранину из Австралии. А на что её покупать, если люди не зарабатывали? Ухудшились взаимоотношения между людьми, особенно среди родственников. За короткое время произошло расслоение общества, появились богатенькие, как говорил президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин, и новый класс – бедные, обнищавшие, которых раньше, в советские времена, не встречали. У богатеньких появилась гордыня и «золотые» дети, готовые только потреблять.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Со временем поголовье скота у меня стало расти, всё маточное поголовье оставлял для размножения. Возникла необходимость пасти отдельно, и мне в этом помог Тулеутай – привёз из Караганды парня по имени Валера. Мы с ним вполне управлялись с животными и зимой, и летом. Соседка Ира, жившая через дорогу от нашего дома, согласилась доить коров, и несмотря на молодость, хорошо знала свою работу: даже могла приучить к доению первотёлку, для этого у доярки имелись все данные – рост 185 см. У неё были муж Алексей, сын Сергей, которые очень любили молоко. У Иры сложились хорошие отношения с моей семьёй, особенно крепкая дружба завязалась с моим младшим внуком Ниязом, которому тогда было три года. Нияз Иру звал Ия и с нетерпением ждал, когда она придёт на работу. Ира постоянно брала Нияза на дойку, сажала его где-нибудь, чтобы он мог обозревать всё, что она делает, и начинал командовать: первой подои Беляну, второй – Марту, третьей Татарку, Красулю, так он перечислял всех коров по кличке. А когда все они были подоены, чтобы продолжить пребывание Иры вместе с ним, давал следующее указание: «Перейди к дойке овец».

НОВОЕ ВРЕМЯ – НОВЫЕ ЗАБОТЫ

... **С**егодня, когда я пишу о том времени, 5 декабря 2018 года – мой день рождения, мне исполнилось 84 года. Дата не юбилейная, решили её отпраздновать скромно, в семейном кругу, если кто-нибудь из детей не приедет – не обижусь. Но не получилось: меня поздравляет Иван Иванович Лоор – депутат Государственной Думы России, который после многочисленных тёплых слов в мой адрес ещё добавляет: «Благодарен вам за вклад в развитие сельского хозяйства Алтайского края. Очень ценю и дорожу нашими личными человеческими отношениями». Эти слова меня окрылили, и я как будто взлетел до небес. Считаю, на то есть основания: я уже сорок лет как покинул малую родину, а обо мне говорят такие слова, всё ещё высоко ценят меня как труженика и как уважаемого человека.

На Алтае я его не знал, не было с ним встречи, но судя по нашим биографиям, когда я завершал свою трудовую деятельность на малой родине, Иван Иванович был молодым директором Плотниковского совхоза соседнего Каменского района. Разница в возрасте не помешала нам понять друг друга с

первого взгляда, когда мы встретились в 2014 году на праздновании Наурыза в Кулундинском районе.

Ежегодно получая от Ивана Ивановича такие поздравления, думаю о том, что такую же заботу проявлял обо мне Николай Фёдорович Аксёнов – первый секретарь крайкома партии: и когда поощрял меня, выделив среди руководства района, и когда не отказал в выезде на историческую родину, имея на это полное право. Я даже не надеялся, когда ехал на бюро крайкома партии 25 марта 1981 года, что меня отпустят. Такими были наши первые руководители края, они хорошо знали каждое руководящее должностное лицо районов, а их в крае – 66.

Но вернуться в 1990-е годы... Оказалась проблемой реализация моей долгожданной продукции – молока, на производство которого я потратил много времени и сил, понёс большие затраты, покупая скот, корма, выплачивая зарплату. Молокозаводы отказываются его принимать, могут только переработать. Теперь я вынужден реализовывать молочную продукцию, предварительно оплатив за переработку, продавцу магазина. Не смог мне помочь даже сам Владимир Емельянович Самсонов – опытный директор молзавода, как бывшему главному государственному инспектору по заготовкам и качеству сельхозпродукции области. В этих условиях выходом из положения стало найти общий язык с бабками, торгующими продуктами питания прямо на улицах, они добросовестно ежедневно рассчитывались за молоко, были объективны в своих претензиях. Оказалось, отношения складывались наилучшим образом, если постоянный поставщик молока, каковым был я, привозил им свою продукцию регулярно, в течение 20 лет. Клиенты меня ждали, и когда я вовремя подъезжал, бабки говорили: «Дед приехал!». Самое трудное время – летом, надо за короткое время приехать на жайляу, организовать дойку коров, затарить молоко, для чего приходилось вставать в пять часов утра.

Помогать мне взялись внук Дарын и племянник Канат, которым было по 15-16 лет, они прерывали сладкий сон, чтобы своевременно выполнить необходимую работу. Как-то наблюдавшая за нашими сборами за молоком Бикамал Марданова – гостя из Астаны – была удивлена их ответственностью перед дедушкой. А Дарын позже скажет: «Магистратуру я прошёл у дедушки!». А ещё я с тех пор знаю истину – молоко в течение шести часов выдерживает любую жару – за это время его можно реализовать или охладить. Бывали случаи, когда бабки звонили мне на домашний телефон, тогда ещё сотовых не

было, трубку брала Клавдия Токтаровна и выговаривала мне: «Тебя какие-то бабки ищут!».

5 марта 2019 года едем по делам по трассе Павлодар-Успенка, решили перекусить в кафе «Ефремовка», где меня узнала хозяйка заведения, сказав: «Вы мне подвозили молоко». Моим спутником был Мубарак Наукенов – друг Тулеутая, у которого нашёлся повод пошутить надо мной: «Узнаваемый дед».

Наблюдая за поведением и повадками животных, приходишь к выводу, что они во многом схожи с человеческими, так же они добиваются справедливости, хотят быть лидерами, поруководить своим стадом. Так, наша доморощенная Беяна, в отличие от других, содержала себя в чистоте, а повзрослев, умела выбирать лучшие пастбища и хотела, чтобы её сородичи паслись там. А вот случай с баранами, которых люди считают бестолковыми животными. Родила ярочка, молодая овцематка, двух ягнят. Они росли слабыми, ибо им постоянно не хватало материнского молока. Её ягнята были слабыми, отставали от стада. А другой, рождённый от большой овцематки, рос как на дрожжах, опережая их в развитии. И он решил испытать свои силы и возможности на одном из слабых двойняшек. Что он только ни делал: сбивал с пути, перепрыгивал через него и т.д. Такие действия сильного ягнёнка обижали и угнетали двойняшек. И однажды утром, как будто за ночь договорились, что делать с нахалом, они вдвоём выступили против него, стали давать отпор его издевательским действиям и отстаивали себя и своё достоинство. Получается, и животные, как и люди, хотят жить достойно!

Неожиданно получил звонок с малой родины, родной Панкрушихи, от главы администрации В.Г. Шолоха. Я его не знал, он был приглашён на эту должность из другого региона края. После короткого приветствия, представившись, Валерий Григорьевич приступает к делу: «Иван Сулейменович, в районе идёт кампания по передаче совхозной собственности в частную. Мы хотели, учитывая особенность Кызылтовского отделения, сохранить имущество за коллективом отделения, если вы согласитесь руководить им». Предложение было заманчивое, во-первых, это моя родина, где я рос и состоялся, во-вторых, это большое доверие, которое сохранилось до сих пор, а в-третьих, природные условия, не сравнимые с казахстанскими. Началось обсуждение предложения главы района в семье, с родственниками, друзьями. Оно было не менее бурным, чем тогда, когда я собирался переехать на историческую

родину – в Казахстан. В обсуждении принял участие даже руководитель областного значения, который сказал: «Как это – покинуть историческую родину?!». Я ему ответил: «Если я перееду, то на малую родину, где я родился и спасся от голодной смерти». После долгих раздумий решил остаться, ибо не мог отрываться от детей, которые создали здесь свои семьи, начали заниматься бизнесом, да я и сам уже познал область и людей.

А в том, что на Алтае значительно легче заниматься сельским хозяйством, ещё раз убедила меня мама. Однажды я её привёз в Белогорье (Коктобе), мне было тогда 15 лет, нас радостно встречает родственник Жумажан Бейсембаев: заколол барана, угощает разными видами рыб (он был рыбак), поит кумысом. Не жизнь, а малина. Я матери говорю: «Надо переехать в Казахстан». Мать промолчала. На следующий день мы с дядей Жумажаном, как он сказал, сделали доброе дело, переплыв через реку, накосили травы, погрузив её в лодку, перевезли в аул Коктобе, где расположены скотопомещения. А теперь у мамы появился ответ на моё предложение переехать в Казахстан: «На Алтае мы не можем в полной мере обеспечить животных сеном, когда за огородами по пояс человеку растёт трава, а здесь надо его перевезти через реку».

...Мне исполнилось 85 лет, возраст солидный, мне самому не верится, что столько времени прожил, и ведь мои родители, братья и сёстра ушли на тот свет более молодыми. А ещё я познал истину: сколько бы времени не жил, ты должен быть востребован окружающими, полезен людям, тогда жизнь будет совершенно другой. Так гласит китайская мудрость: «Живи, не считая года, ибо человек ценен не прожитыми годами, а совершёнными деяниями». Мне эта мысль понравилась и близка, так как я сельхозник, имел всегда прямое отношение к природе и животным, которые всегда благодарны, если ты хорошо относишься к ним, отблагодарят тебя самым лучшим образом, что не всегда получишь от людей, тем более рыночного времени. Учитывая возраст, решил поменять профиль своей деятельности – заняться птицей, уход за которой значительно легче, и производить диетическую продукцию. Физически опять загружен, что необходимо делать и пожилому человеку. Ухаживая за ними, невольно познаешь их повадки, показавшиеся мне схожими с человеческими. Они также, как некоторые люди, после сытной еды их тянет к разбор-

МОИЛЖАН КАНАВВ

кам, даже устраивают настоящие бои с кровопролитием, а победитель схватки станет, вытянувшись с поднятой головой, только что не скажет: «Поднимите мне лапу».

Много лет мне не даёт покоя то, что основная и животрепещущая проблема сельских жителей, которые занимаются личным подворьем, до сих пор не решена, хотя времени прошло более четверти века, – это реализация молока и мяса. Мне стало обидно за них, не оценивается, даже пренебрегается их тяжёлый труд: люди, находясь далеко не в лучших бытовых условиях, производят самое необходимое каждому человеку – продукты питания. И что я смог сделать в моих условиях – это обратиться к своим вышестоящим органам: областному совету ветеранов – А.Н. Джазину, областной социал-демократической партии «Ауыл» – Р.Ш. Шокееву, обкому профсоюза работников сельского хозяйства – П.Е. Сурме. Нас горячо поддержали ветераны сельского хозяйства области: Кабиден Акимбекович Жумабеков, Балтабай Нажмиденович Нажмиденов, Александр Павлович Осняч, Нариман Сакишевич Ахметов, Жанайдар Рамазанович Рамазанов, Кабиден Абдуоспанович Жаманбалин, Ныгмет Бекболатович Сыздыков, Кадыр Ажмуратович Ажмуратов, профессор, доктор ветеринарных наук Аскар Омарович Мустафин, профессор, доктор сельхознаук Кудайбергген Ишимович Канапьянов. Нами была составлена «Альтернативная программа областной Казахстанской социал-демократической партии «Ауыл», областного совета ветеранов войны и труда, обкома профсоюзов работников сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий, ученых и ветеранов Павлодарской области по дальнейшему развитию животноводства страны и области.

Эту программу довели до сведения и принятия мер Премьер-Министру РК К.К. Масимову, Государственному инспектору отдела государственного контроля Администрации Президента РК Е.Н. Хамитову, министру сельского хозяйства А.Е. Куришбаеву, акиму Павлодарской области Б.А. Сагинтаеву, депутату парламента Т.В. Сыздыкову. Однако решения проблемы не последовало, хотя в письменных своих ответах не забывали благодарить нас за озабоченность положением дел в сельском хозяйстве. Да, действительно, мы по этому вопросу говорили на всех форумах, в средствах массовой информации в течение двух десятков лет, и более половины подписавшихся не дождались положительного ответа – ушли в мир иной.

Сегодня, 14 февраля 2020 года, состоялся отчёт перед населением недавно назначенного акима нашей области Скакова Аблайхана. На нём я вновь поднял давний злободневный вопрос, надеясь, что он сдвинется с мёртвой точки, так как аким области подал для этого хороший повод, заявив, что особое внимание будет обращать проблемам. И что было интересно, эту же проблему, в тот же день, только вечером поднимаем в беседе с Шаймарденовым Тажибаем Рахметоллаевичем – корифеем образования нашей области. Ему было 95 лет, он уже не видел, плохо слышал. Мы с ним не виделись более 10 лет, но он меня узнал и задал вопрос: «Моилжан, скажи мне, что получилось с вопросами по сельскому хозяйству, которые ты поднимал?». Я ему ответил: «Сегодня этот вопрос задал новому акиму области».

Аким области сказал, что примет нас. И мы подготовили ему письмо, которое я привожу.

«Альтернативная программа областной Казахстанской социал-демократической партии «Ауыл», областного совета ветеранов войны и труда, обкома профсоюзов работников сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий, ученых и ветеранов Павлодарской области по дальнейшему развитию животноводства страны и области».

Предлагаемая альтернативная программа развития животноводства имеет цель безусловного подъема экономики сельского хозяйства, занятости всех сельских жителей, составляющих половину населения страны, создания прочной продовольственной безопасности, освоения всей природной территории страны.

Существующую программу правительства по развитию животноводства, нацеленную на укрупнение сельхозтоваропроизводителей и полное игнорирование мелких, производящих до 90% продукции животноводства, считаем явлением парадоксальным.

Результатом такой политики правительства стало убыточное ведение животноводства, до 30% сельских жителей не содержит скот, пополняя ряды безработных, 35-40 тысяч человек ежегодно уезжают из села, увеличивается количество покинутых населенных пунктов и площадей бесхозных земель.

Мы также вынуждены указать на ущербность существующих нормативов субсидирования.

Во-первых, субсидируются только крупные сельхозформирования, а мелкие, производящие до 90% животноводческой продукции, лишены всякой материальной поддержки, тем самым ущемляются гражданские права мелких сельхозтоваропроизводителей, гарантируемые Президентом, а самое главное – они лишены единственного источника существования.

Во-вторых, субсидируются молоко и мясо, произведенные в крупных хозяйствах в зависимости от количества коров, удоев молока, от упитанности скота, от племенного происхождения. Мы считаем, что существующие нормативы субсидирования животноводства являются прямым вмешательством государства в хозяйственную деятельность сельхозтоваропроизводителя, чего не должно быть.

Сельхозтоваропроизводитель производит и наполняет рынок своим товаром, а как он будет производить этот товар – это его забота: получит ли он, скажем, молоко или мясо от племенных или не племенных, от одной или от сотни коров, содержать будет их во дворцах или в примитивных помещениях – это тоже забота товаропроизводителя.

Совершенно нелогичным является также стимулирование увеличения поголовья скота, а сбыта продукции нет.

Единственное требование должно предъявляться сельхозтоваропроизводителю – это качество продукции, её конкурентоспособность.

Исходим из того, что в рыночных условиях побеждает тот, кто реализует конкурентоспособный товар, который в свою очередь зависит от качества и стоимости сырья, использованного для изготовления продукции. По словам министра сельского хозяйства нашей страны А. Куришбаева: «Министерство полностью поддерживает точку зрения ветеранов сельского хозяйства Павлодарской области о низкой стоимости и высоком качестве животноводческой продукции, полученной в условиях нагула на естественных пастбищах».

Страна располагает огромными площадями с/х угодий для обеспечения скота кормами: пастбищ – 187 млн. га, естественных и сеяных сенокосов – 5 млн. га, пашни, используемой для производства кормов, – 2,5 млн. га. В сельской местности проживает 47 % населения страны – это реальные предпосылки заняться созидательным трудом, иметь прочную продовольственную безопасность страны, а самое главное – селянам обеспечить достойную жизнь.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

По нашему твердому убеждению, эту проблему можно решить путем субсидирования транспортных расходов по доставке животноводческой продукции всех товаропроизводителей независимо от удаленности от пунктов реализации и переработки по одинаковой и окупаемой цене.

Субсидирование транспортных расходов, наконец, обеспечивает справедливое распределение финансовой поддержки, что должно быть в демократическом государстве.

Напоминаем, что субсидирование транспортных расходов по доставке животноводческой продукции является выполнением одного из основных законов развития сельского хозяйства – дифференциальной ренты-2.

Субсидируя транспортные расходы по доставке животноводческой продукции, мы повышаем закупочные цены на величину субсидирования и даем реальную возможность закупать эту продукцию по окупаемой и одинаковой цене независимо от удаленности товаропроизводителя, от мест реализации и переработки.

Что нам даст альтернативная программа по развитию животноводства страны

1. Занятость всех жителей от мала до велика созидательным трудом, обеспечивающим достаток и благополучие каждого человека, работающего на земле и желающего переехать в село. В стране исчезнет понятие безработица. Наши сельяне найдут нишу в мировом разделении труда.

2. Освоенность всей огромной природной территории Казахстана – показатель цивилизованности страны, основное богатство общества должно быть освоено своими людьми, а не приглашать людей извне.

3. Многократное увеличение поголовья всех видов скота, упрочнение продовольственной безопасности страны, выход на мировой рынок конкурентоспособным и ежегодно дорожающим продуктом животноводства.

К сожалению, в связи с коронавирусом, нам не удалось встретиться с акимом области. Мы получили ответ на наше обращение, который меня не устраивает. По-прежнему считаю, что мы упускаем важнейший резерв увеличения производства животноводческой продукции и повышения благосостояния жителей сёл и аулов.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Наша работа по продвижению проекта организации сбора молока у населения получила неожиданное продолжение летом 2021 года. Мой внук Олжас, прошедший большую школу в органах исполнительной власти Павлодарской области и столице республики, занимается теперь проектом Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO) и Европейского Банка Реконструкции Развития (ЕБРР) в Казахстане под названием «Развитие инклюзивной поставочной цепочки молока».

25 июня в режиме Z60t, то есть видеоконференции одновременно в Лондоне и Нур-сультане состоялась итоговая конференция, на которой и мне было предложено выступать, правда, кратко. Я был представлен как бывший главный государственный инспектор по закупкам и качеству Павлодарской области и бывший фермер.

Я сказал, что больше десяти лет веду при содействии руководства области работу по осуществлению проекта организации пункта сбора молока в сельской местности с целью обеспечения дополнительного заработка для сельских жителей. Сказал, что знаком с инициативой сбора молока через мобильные приложения. Отличие нашего нового проекта состоит именно в установке пунктов сбора молока для оптимизации логистических затрат и повышения качества продукции. Попросил для реализации пилотного проекта ЕБРР и FAO оказать содействие в его финансировании.

Выступление было выслушано с вниманием. Кураторы проекта со стороны банка и подразделения ООН будут изучать предложение. Мы же с моими коллегами убеждены в необходимости и перспективности наших предложений.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАШЕЙ СОВМЕСТНОЙ РАБОТЕ И ЖИЗНИ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЕ

АГРОНОМЫ ВСПОМИНАЮТ...

Василий Степанович Петрушкин долгие годы работал главным агрономом совхоза «Бобровка», который они с директором (и тоже агрономом по профессии) Н.Ф. Мальцевым превратили в хозяйство высокой культуры земледелия. В своё время за высочайший профессионализм его даже называли агрономом агрономов. Тем дороже его воспоминания и оценки.

– На дне работника сельского хозяйства в конце 2016 года награждали ветеранов отрасли и тех, кто успешно работает в ней сейчас. Среди первых был и Моилжан Сулейменович Канаев, в каком-то смысле мой земляк. Потому что я родился и начинал работать в Щербактинском районе, а он спустя десятилетия возглавил там райсельхозуправление. Потом он руководил управлением земледелия областного агропромышленного комитета.

Я от души порадовался за него, подошёл поздравить и сказал, что хорошо помню один из его приездов к нам в Качирский район – уже в ранге начальника управления земледелия – и откровенный разговор на производственном совещании с главными агрономами и агрономами-семеноводами.

Речь тогда шла о семенах, серьёзных упущениях в работе с ними, о других назревших проблемах земледелия. Сразу было видно, что говорит с нами не кабинетный агроном, а человек, сам прошедший хорошую практическую сельскохозяйственную школу, профессионал в полном смысле этого слова. И хоть тот разговор затянулся допоздна, и все мы устали, домой я возвращался, как принято говорить, с чувством глубокого удовлетворения. Замечу, что у нас в Бобровке был с семенами полный порядок, но разговор и для меня стал очень полезным. Не говоря уже про некоторых моих коллег, у кого дела по этой части хромали.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Вспомнил тогда и свою уже совсем давнюю встречу, когда и меня, тогда совсем ещё молодого агронома, мягко воспитывал за те же семена тогдашний начальник облсельхозуправления Фёдор Трофимович Моргун – впоследствии первый секретарь Полтавского обкома партии, автор серьёзной книги по проблемам земледелия. Мне он по-отечески выговаривал: что же, мол, у такого видного парня и с таким образованием семена к севу не очищены. Да у нас, говорю, перебои с электроэнергией, а он: как бы там ни было – налаживайте работу.

Вернулся я в совхоз, доложил директору Тихону Ильичу Рахманину, фронтовику, ставшему на целине Героем Социалистического Труда, и мы начали перестраивать всю работу с семенами, стали чистить их на более крупно-ячеистых решётках, получать с них посевное зерно более высокого качества.

С тех пор семеноводство было у нас всегда в приоритете, и вместе с другими выработанными практикой приёмами земледелия это позволяло получать стабильные урожаи, а в лучшие годы пшеницы на парах – до 32 центнеров с гектара, гречихи – до 40 центнеров.

Вообще же я помню за свою уже долгую жизнь двух по-настоящему грамотных агрономов областного уровня: это бывший главный агроном облсельхозуправления Павел Васильевич Журавель и Моилжан Сулейменович Канаев. Школа у них была разная, а роднило то, что и один, и другой в практике земледелия, что называется, не одну собаку съели. Оба были вроде чужаки, пришлые, тонкостей наших не знали, но быстро освоились, глубоко вникали в дело и вполне имели право с нас спрашивать.

После недавней нашей встречи Моилжан Сулейменович пригласил меня для беседы за дастарханом, интересно рассказывал о том, как начинал работать агрономом отделения, где жили одни казахи, не знавшие земледелия, в соседнем Алтайском крае. Как внедрял пары, как, рискуя, переходил на поздние сроки сева (только так можно было избавиться от забивавших поля сорняков). И как годы спустя, когда он уже работал начальником Панрушихинского райсельхозуправления, это его казахское отделение по урожайности вышло на первое место в районе, собрав по 25 центнеров с гектара.

Нелегко ему приходилось после возвращения в Казахстан и в Щербактинском районе – и не везло, поскольку это были засушливые и неурожайные годы, и не все разделяли некоторые его практические шаги – такие,

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

например, как переход на более поздние сроки сева. Но и собственный его опыт, и сибирский характер помогли выстоять. А результаты работы доказали его правоту: по итогам уборки Щербактинский район завоевал первое место в области.

Я ему рассказывал про наши поиски и находки. Когда мы, образно говоря, вышли в люди, некоторые говорили: чего им в Бобровке не работать – там ведь «гнилой угол», всегда дожди. Хотя они не каждый год, избирательно у нас шли. Нам в чём-то было даже тяжелее других – работали не на целинных, а на старопахотных землях. Экспериментировали, внедряли всё лучшее, что рекомендовала сельскохозяйственная наука, набивали шишки на практике, выстраивали оптимальную систему земледелия. Лесозащитные полосы вырастили на площади тысяча гектаров. Никто в области ничего подобного не сделал.

О чём только не переговорили в тот вечер с Моилжаном Сулейменовичем, чья жизнь заслуживает высочайшего уважения. Казалось бы, в свои годы, после стольких лет напряжённого и успешного труда, он заслужил право на покой и отдых. Он же – руководитель крестьянского хозяйства, неустанный борец за интересы тех, кто живёт и работает на селе, прежде всего владельцев личных подворий – чтобы они могли без хлопот и по справедливой цене продавать свою продукцию. Рад, что судьба однажды свела нас. Получил большое удовлетворение от нашей встречи

Василий Петрушкин

ВСТРЕТИЛИСЬ ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

Судьба свела нас с Моилжаном в 1952 году в Семипалатинске и развела почти на тридцать лет. Я там оказался вынужденно: после окончания школы в ауле Арбигень Галкинского (ныне Щербактинский) района поехал в Алма-Ату – поступать в сельскохозяйственный институт. Хотел стать агрономом, но не получилось... Увидел объявление: не поступивших в вузы без экзаменов принимают в Семипалатинский геологоразведочный техникум, притом сразу на второй курс, как имеющих среднее образование (на первом, кроме специальных дисциплин, студенты здесь получали ещё и среднее образование).

МОИЛЖАН КАНАВВ

Решил ехать, а как, если денег на обратную дорогу не было, а вход на перрон для тех, у кого нет билета, был платный – три рубля. Пробился кое-как к поезду, попросил милиционера-казаха, ехавшего с семьёй в Семипалатинск, взять мой чемодан, а сам ехал туда на крыше вагона. Нашёл техникум, устроился в общежитие. А какое-то время спустя приехал в сопровождении старшего брата Шаймардана Моилжан. И Шаймардан наказал мне присматривать за ним, помогать, держаться нам вместе. Потому, наверное, что мы, хоть и были одногодки (оба с 1934 года, я на несколько месяцев старше), у меня за плечами уже была средняя школа, а у Моилжана – семилетка. К тому же, я вроде бы «свой», казахстанский, а он – россиянин.

Вместе мы пробыли тогда всего несколько месяцев: с сентября по начало декабря. Жили в общежитии, и кровати наши стояли рядом. Много времени проводили вместе, узнавали Семипалатинск – захолустный, пыльный, занесённый песком. Тогда была мода носить брюки-бриджи, с резинкой на поясе и внизу на ногах. Считалось – красиво, но и удобно было – пыль и песок не набивались под одежду.

Одно из ярких впечатлений той поры – как мы ходили смотреть представление с участием борца-силача Бедило, на котором он демонстрировал разные трюки и силовые приёмы.

Учёба же мне давалась очень трудно. Дисциплина была строгая, полувоенная, нам даже специальное обмундирование выдавали. Главная же трудность была у меня в плохом знании русского языка, на котором велось преподавание. А среди предметов уже знакомых, на которых нужно было знать на более высоком уровне, – физике, химии, геометрии и других, сразу появились новые специальные – геодезия, картография, минераловедение... Я по ним с моим очень слабым знанием русского языка явно не успевал и скоро понял, что учение мне не под силу. Моилжану же с его семилеткой было проще – он школу закончил на русском и уже тогда свободно говорил на нём. Учился он упорно, получал стипендию в 35 рублей (кстати, вдвое выше, чем было в Семипалатинском зооветеринарном институте). А я, как не старался, в учёбе не успевал. Поэтому и стипендии не было.

Так созрело желание вернуться домой. Ехать надо было на поезде, вкруговую, через Барнаул, чтобы потом добраться до Кулунды. Денег, конечно, нет. Обратился к Моилжану, пообещав вернуть через полгода, когда приеду

в следующем году поступать в пединститут, и к земляку Негмату Сыздыкову. Дали оба, хоть и сами дорожили каждой копеейкой. Этих денег мне хватило на билет до Барабинска, где меня высадили. Там же я продал единственную более-менее приличную свою рубашку и поехал дальше, добравшись правдами и неправдами до станции Щербакты. Долг же Моилжану, как и обещал, вернул, поступив заочно в Семипалатинский пединститут. И мы потом с ним ещё не один год переписывались, пока не потеряли друг друга на несколько десятков лет.

Жизнь моя в эти годы складывалась по-разному: учительствовал в школах, где что только не преподавал: от казахского языка и физкультуры до биологии, ботаники и труда...

Служил в армии – в Симферополе, Бахчисарае – в общей сложности три года, три месяца и 13 дней. Был год тяжелейшей учёбы, после которой был назначен командиром танка с зарплатой в 170 рублей. Курящим полагалась ещё махорка, а некурящим, взамен её – сахар. В армии был на хорошем счету, сагитировал земляков-однополчан поступать в вузы на третьем году службы (существовала тогда такая льгота). Хотел и сам перевестись с заочного на очное таким образом, писал письма-заявки, но мне почему-то вызов не пришёл.

После армии, проработав учителем, закончил курсы шоферов, работал также в сельсовете. В совхозе «Боровой» заведовал током, потом семь лет работал на колёсном тракторе, отмечали комсомольскими наградами. Видел, что все мои сверстники учатся, получают специальности и должности, а моё время уходит... Поступил заочно в Павлодарский совхоз-техникум, где получил специальность зоотехника. Диплом мне вручал Кемер Кожухметович Ашимбетов – тогда директор совхоза-техникума, при котором он хорошо развивался и был поднят на новую высоту. А Кемер Кожухметович, кстати, уже будучи председателем Щербактинского райисполкома, крепко выручит меня, зоотехника отделения совхоза «Боровой» в Арбигене, когда меня несправедливо обвинят в сокрытии падежа овец.

Отделение было крупное: пять тысяч овцематок плюс валухи, молодежь, всего больше десяти тысяч голов. Зоотехником я проработал семь лет, показатели были неплохие: получали по 105 ягнят от каждой сотни овцематок, добивались хорошего настрига шерсти.

МОИЛЖАН КАНАВВ

В Арбигене и произошла очень памятная для меня встреча. Однажды в мой кабинет в отделенческой конторе заходят директор совхоза Я.В. Блац с Моилжаном и говорит: «Вот он, ваш Ертай Кальмешев». Оказывается, Моилжан никогда не забывал, что я местный, арбитеньский. Когда он перебрался с Алтая в Казахстан и был назначен начальником Щербактинского райсельхозуправления, приехал знакомиться с совхозом «Боровой» и первым делом спросил – нет ли здесь такого Ертая Кальмешева? И сразу поехал ко мне.

Мы, обнялись, конечно, стали считать – сколько лет не виделись. И уже никогда не теряли с тех пор друг друга из вида. А особенно упрочились наши отношения после того, как Моилжан перевёз в Щербакты старшего брата Шаймардан, всю жизнь прожившего на Алтае. Переезд на новое место жительства и вообще-то человеком воспринимается непросто, а тут, хоть и родина предков, но другая страна, да и возраст уже немалый, уже пенсионер, а кругом – новые люди. Непросто наладить с ними общение, да и просто адаптироваться. Моилжан тоже переживал из-за того, чтобы Шаймардан не чувствовал себя одиноким.

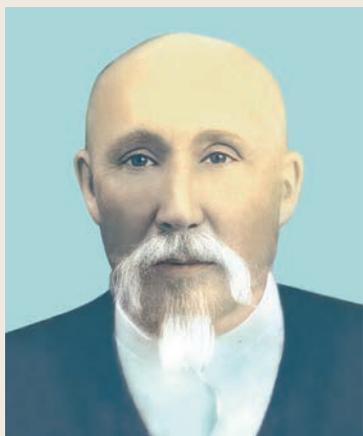
Только когда мы встретились, уже втроём, я сказал Моилжану о том давнем наказе Шаймардана – приглядывать за его младшим братом. И мы по-настоящему сдружились, хотя могли общаться и без Моилжана. Шаймардан стал мне особенно близок после того, как новый директор совхоза «Боровой» Владимир Степанович Куц предложил мне должность заведующего отделением в Арбигене – не только одним из овцеводческих крупных, но и своеобразном, стоящем на перекрёстке всех дорог, хранящем многие традиции. Возникали проблемы, сложные ситуации, и Шаймардан – опытныйший управляющий отделением в казахском ауле на Алтае – стал одним из моих советчиков и добрых наставников. Помню, ехал однажды в отпуск через Щербакты, он пригласил меня домой, накрыл дастархан, пожелал доброго пути. О многом тогда переговорили, мне очень помогли тогда его советы.

Мы доверяли друг другу. Он привёз с собой с Алтая и свою живность. Но где в Щербактах пасти тех же лошадей? И он доверил мне за ними присматривать в Арбигене.

Довелось работать и с его сыном Шаймуратом – главным ветврачом нашего совхоза.

Так мои сородичи уходили со своей исторической родины

Исекеев Елемес – организатор колхоза Кызыл ту в 1936 году на территории Панкрушихинского района Алтайского края. Он, собрав жителей аула, дал мне бата – напутствие, когда в 1952 году я уезжал учиться в Семипалатинский геолого-разведочный техникум. Так сказал – учиться очень трудное дело. И в подтверждение привел казахскую пословицу: Учиться – равносильно тому, что иглой копать колодец.

Моя мама Жамиля на улице сибирского аула, она была перекрестной свахой Елемеса: ее дочь Баткен вышла замуж за его сына Сейтена, а своего сына – Мухамеджана мама женила на младшей дочери Елемеса по имени Сақыт.

Нурғалиев Таскара – организатор и первый председатель колхоза Нацмен, в десяти километрах от аула Кызыл ту в 1938 году, с супругой Ракима, сыном Жангером, снохой Айтбике

Брат Мухамеджан, окончивший в 1938 году в России восемь классов, семь лет прослужил в армии и проработал всю жизнь учителем в ауле Кызыл ту

Мой старший брат Жунус с супругой Кульпан. Их свадьба состоялась в 1938 году, и она была единственной радостью моего отца, он умер в 1940 году. Похоронен в ауле Нацмен. Кульпан держит речь на своём 90-летнем юбилее

Брат Шаймардан с супругой Уарха, окончивший в 1938 году в России семь классов, прослужил в армии шесть лет, бухгалтер по специальности, управляющий Кзылтовским отделением в течение 13 лет

Моя сестра Баткен, зять Исикеев Сейтен Елемесович – председатель колхоза Кызыл ту в гостях у председателя Панкрушихинского райисполкома Одияк

Отец Кулятай Токтар со сватом Зияда

Мать Клавдии Токтаровны
Багдан Нургаликызы

Я – ученик четвёртого класса Романовской семилетней школы. Метельский Владимир Афанасьевич – мой учитель, в 1975 году мы с ним были избраны секретарями райкомов партии Алтайского края: я – в Панкрушихинском, он – в Романовском районах

Моя мама с сыном Шаймарданом, снохами Кульпан, Урха и внуками

Аксёнов Николай Фёдорович – первый секретарь Алтайского крайкома партии, сыгравший большую положительную роль в моей судьбе

Лудцев Иван Егорович – первый секретарь Панкрушихинского райкома партии, воспитавший меня от агронома отделения до секретаря райкома партии по сельскому хозяйству

Крысанов Николай Фёдорович – директор совхоза имени Н.К. Крупской, принявший меня агрономом Кзылтовского отделения в 1963 году

Мой брат Шаймардан все годы войны служил в войсках НКВД, занимаясь в городе Иркутске подготовкой новобранцев к военным действиям

Байгаданов Айдархан, помогавший в становлении моей семьи, с дочерью Кунслу, зятем Рамазаном, внуками

Ахметов Кенжетай с супругой Кулян. Он в знак благодарности, что в ауле Нацмен построили мехток, изготовил метла, которых хватило на всю уборочную компанию. Ими подметали на току

Альдекешев Омаш с супругой Акия. Он все годы войны был бригадиром колхоза Кызыл ту

Музданов Кабкен – бригадир комплексной бригады Кзылтовского отделения совхоза имени Крупской

Я с механизаторами аула Нацмен. Стоят – справа налево: Темиров Мутан, Сиюнишев Тенизбай, Канаев Молкен, Солтангазинов Шрайден, Аубакиров Нуриден; сидят – справа налево: Темиров Сейтбаттал, Тукаев Аитбай, Солтангазинов Жанибек, Жалылытденов Бекболат

Управляющий отделением Канаев Чаймардан Сулейменович с супругой Уарха, сыном Какау на уборке урожая сахарной свёклы, выращенной в ауле Кызыл ту

Руководство совхоза имени Крулской. Сидят – справа налево : Слащёв Алексей Лукьянович – секретарь парткома совхоза, Канаев Чаймардан Сулейменович – управляющий Кзылтовским отделением, Крысанов Николай Фёдорович – директор совхоза, Кобер Иван Иванович – управляющий Романовским отделением, Григорьев Егор Акимович – председатель профкома совхоза; стоят – справа налево: Кабак Виссий Данилович – управляющий Петровским отделением, Мазур Иван Александрович – управляющий Ленским отделением, Воронин Василий Иванович – управляющий Луковским отделением, Куколенко Виталий Леонидович – главный ветеринарный врач совхоза

Механик Булатов Кабай Рахимович, внёсший большой вклад в повышение культуры земледелия на полях аулов Кызыл ту и Нацмен с супругой Сахипжамал

Главный агроном совхоза «Подойниковский» Канаев М.С. вручает вымпел победителя социалистического соревнования передовому механизатору

Траутвейн Виктор Христианович – секретарь райкома партии, заменивший меня

Канаев Иван Сулейменович – секретарь Панкрушихинского райкома партии Алтайского края

Моя супруга Клавдия Токтаровна с коллективом детского сада совхоза «Подойниковский».

Члены бюро Панкрушихинского райкома партии – слева-направо: Карнаухов Пётр Андреевич – секретарь райкома партии по идеологии, Волобуев Александр Михайлович – председатель комитета народного контроля, Колбунов Фёдор Ильич – первый секретарь райкома партии, Пятацкий Сергей Михайлович – председатель райисполкома, Канаев Иван Сулейменович – начальник Панкрушихинского управления сельского хозяйства

Черных Нина Дмитриевна – учила меня в четвертом классе Романовской семилетней школы в 1948 году

Давыденко Ольга Карловна, мы с ней были агрономами отделений совхоза имени Крупской. Она – Ленского, я – Кзылтовского в 1963-69 годах

С Корьяковым Василием Александровичем, бывшим начальником отдела кадров Панкрушихинского райсельхозуправления, который вручил мне приказ о назначении меня главным агрономом совхоза «Подойниковский» в 1969 году

Куколенко Виталий Леонидович. Когда я начинал агрономическую деятельность, он был главным ветеринарным врачом совхоза

Саморядов Афанасий Никитович с супругой – управляющий Борисовским отделением совхоза «40 лет Октября». Поддержал меня, внедрив сплавную систему навозоудаления в коровниках своего отделения

Толстокоров Николай Максимович – управляющий Ильинским, затем Подойниковским отделениями совхоза «Подойниковский». Наш хороший сосед в 1972-1975 годах

Ибраев Айтказы. Мы с ним одновременно становись полеводцами, заочно учились, он – в Славгородском техникуме, я – в Алтайском сельхозинституте. Велика его заслуга в повышении культуры земледелия Кызылтовского отделения

Ряжин Николай Васильевич. Познакомился с ним, когда он был бригадиром полеводческой бригады совхоза «Велижановский». Он присутствовал на моём 70-летнем юбилее в городе Павлодаре, являясь первым заместителем главы администрации Панкрушихинского района. Поздравляя меня от имени земляков, он подарил мне коня, сказав: «Казах без коня – не казах!»

У дома, где я жил будучи секретарём парткома совхоза «Подойниковский»

У здания бывшего Панкрушихинского райкома партии. Мой кабинет в 1975-1977 годах располагался на втором этаже

У дома, построенного моему брату, как управляющему Кзылтовским отделением

У кладбища аула Кызыл ту. Здесь похоронены моя мама, братья Жунус, Мухамеджан. Отец лежит на кладбище аула Нацмен с 1940 года

Мы с Ю.Д. Поминовым у берёзки рядом с домом Ахметовых – Шайзады и его супруги, моей племянницы Шамшии

Мы с Юрием Дмитриевичем за дастарханом в ауле Кызыл ту с моими сородичами – слева-направо: Ахметов Шайзада, Апсаликов Шаймурат, Юрий Дмитриевич, Ибраев Айтказы, Канаев Иван, Умаров Солткен, Оспанов Тулеген, Ахметов Сахыбзада

Мы с Дмитрием Никифоровичем Фалеевым на 80-летнем юбилее Алтайского края. Снимок на память с губернатором Алтайского края Карлиным Александром Богданович

С моими старинными друзьями – Виктором Христиановичем Траутвейном (справа), Петром Яковлевичем Скаболкиным, приехавшими на мой 80-летний юбилей

Я с деканом и студентами агрономического факультета Алтайского сельскохозяйственного университета. Согласитесь, к лицу русскому учёному наш казахский чапан

Я – выпускник Алтайского аграрного университета в 1965 году

В юбилее Панкрушихинского района участвует делегация Щербактинского района во главе с заместителем акима Ризагуль Алексеевной, рядом с ней заместитель главы Надежда Артавазовна

На праздновании 80-летнего юбилея аула Кызыл ту. Справа налево: глава Панкрушихинского района Ткаченко Виктор Петрович, Фалеев Д.Н., Канаев М.С., Скабелкин П.Я., Ибраев А., Булатов Ж.К., Карнаухов П.А. 2016 год

В честь 95-летия Панкрушихинского района участвуем в шествии с главой района Васильевым Дмитрием Владимировичем, депутатом Краевого законодательного собрания Серовым Сергеем Николаевичем

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Когда я женил своего сына Ергали, на тое были почётными гостями и Моилжан с супругой Кулятай, и Шаймардан, конечно. А когда Моилжан с супругой выдавали замуж дочь Айман, на свадьбу, в Павлодаре, были приглашены мы с супругой. С тех самых восьмидесятых годов мы – не просто друзья, а как родственники. Так что те несколько месяцев в Семипалатинске, когда мы были вместе, породнили нас на всю жизнь.

Скажу ещё о себе. В управляющих отделеением я был 13 лет. Это было время напряжённого, созидательного труда. Которое приносило удовлетворение. Уже в годы перестройки в Арбигене была сооружена новая современная школа. Отчасти и я имел к этому отношение. Когда я ещё работал механизатором, один из наших арбитеньских коллег – Байтемир Досымханов был избран депутатом Верховного Совета республики, и я предложил ему в качестве депутатского наказа внести предложение о строительстве у нас достойной в Арбигене школы. Он такой наказ внёс, но без каких бы то ни было последствий. Но его, многие годы спустя, всё же обнаружили в архивах и при содействии тогдашнего руководителя района Александра Фёдоровича Симона типовую школу у нас в 1988 году построили.

Живём теперь с супругой Газизой Манаповной в Павлодаре. Вырастили шестерых дочерей и сына, которые подарили нам 17 внуков и 14 правнуков. Так что скучать не приходится. И, конечно, всегда рады общению с другом юности Моилжаном Канаевым.

*Ертай КАЛЬМЕШЕВ,
ветеран труда, труженик тыла*

МНЕ ВЕЗЛО НА ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ

Жанат Рашитович Шугаев по специальности агроном, закончил Целиноградский сельскохозяйственный институт. Работал агрономом, занимался бизнесом, был акимом района в Северо-Казахстанской области, акимом Железинского, Иртышского районов, начальником облсельхозуправления, акимом Качирского района. В настоящее время – аким Павлодарского района.

Рассказывает Ж.Р. Шугаев:

– После окончания института я был назначен агрономом совхоза «Маяк» Павлодарского района. Это было степное хозяйство с хорошей репу-

МОИЛЖАН КАНАВВ

тацией. Возглавлял его Иван Иванович Колодий – умелый, предприимчивый хозяйственник, который, кстати, один из немногих в области сумел сберечь это хозяйство как единый производственный комплекс во времена жесточайшего экономического кризиса 90-х годов, когда большинство совхозов и колхозов развалились...

Мне очень повезло с этим хозяйством, в котором работали опытнейшие агрономы Василий Сергеевич Секрета, Иван Ефремович Жупаненко, бригадир тракторной бригады, кавалер ордена Октябрьской революции Александр Михайлович Бичевой. Знатный кукурузовод Анатолий Константинович Черепанов заслужил два ордена Трудовой Славы.

Работая рядом с такими людьми, и сам я прошёл очень хороший трудовой путь. Земли там были с очень невысоким бонитетом – от 11 до 14 баллов, а в среднем – 12. Но мы и на них получали неплохие урожаи зерновых, работала почвозащитная система земледелия с полосным размещением культур. Хозяйство успешно занималось житняками, которые были у нас и в севооборотах, и на других полях. Мы их регулярно обновляли, получали хорошие урожаи высокопитательного корма для скота. И даже отправляли выращенные у нас семена житняка через Павлодарскую реалбазу хлебопродуктов в Калмыкию. Озимую рожь сеяли, и не без успеха.

В «Маяке» меня принял в партию – это была инициатива тогдашнего секретаря парткома Валентина Кузьмича Фесенко – ныне Почётного гражданина Павлодарского района. А бригадир А.М. Бичевой как-то сказал мне: «Ты, я чувствую, у нас долго не удержишься – заберут». Как в воду глядел – очень быстро пролетели эти полтора года в «Маяке». И в 1985 году Кемер Кожахметович Ашимбетов – первый секретарь Павлодарского райкома партии – направил меня главным агрономом Павлодарского райспецхозобъединения. Это было крупное хозяйство, которое специализировалось на откорме и доращивании крупного рогатого скота. Кормовая база имела для него очень большое значение. В «Маяке» отделений не было, а у этого хозяйства было четыре отделения, одним из которых было нынешнее село Павлодарское. Коротко говоря, сложное хозяйство со своей спецификой.

Здесь я проработал с мая 1985 года по осень 1989-го, пока не прошёл шестимесячные курсы директоров совхозов. Тогда в районе был сильнейший директорский и председательский корпус: в колхозе имени Тельмана

председательствовал многоопытный, авторитетный Карл Яковлевич Блац, в колхозе имени Кирова в ту пору ещё молодой, очень толковый, интеллигентный Виктор Кондратьевич Руди, в «Заре» был директором Борис Дмитриевич Назаренко, про «Маяк» уже говорил. И этот список можно продолжать и продолжать, называя и руководителей, и главных специалистов. Директором райспецхозобъединения был Юрий Иванович Дубовицкий, работавший затем председателем Баянаульского райисполкома, директором совхоза «Ефремовский» и на других ответственных должностях. А главным зоотехником был Джамбул Мухтарович Аймулдин, ставший затем первым заместителем начальника облсельхозуправления, руководивший также рядом районов, в том числе и нашим Павлодарским.

Работая рядом с такими руководителями и в хозяйстве, и в районе, было чему поучиться, за ними тянулись и мы, молодые специалисты.

Тогда же судьба свела меня однажды с Моилжаном Сулейменовичем Канаевым – в ту пору заместителем начальника облсельхозуправления по растениеводству. На одной из коллегий облсельхозуправления он мне по отечески строго и, надо признать, по существу выговаривал за то, что мы не успеваем омолаживать житняки, вовремя не распахиваем их старовозрастные посевы. И поскольку возразить мне было особенно нечем, за меня вступился тогдашний начальник Павлодарского райсельхозуправления Владимир Алексеевич Чертков. Сказал, что замечание правильное, но агроном только начинает работать, за дело берётся хорошо и специалист он перспективный. Так что обошлось, как говорится, без оргвыводов, а положение дел с омолаживанием житняков мы поправили.

Моилжан Сулейменович меня, похоже, запомнил и в дальнейшем поддерживал. В том числе и много позднее, когда меня назначили начальником облсельхозуправления и мы неоднократно встречались, обсуждая его инициативу по поддержке личных подсобных хозяйств на селе. Он считает, и во многом справедливо, что если забирать у сельских тружеников молоко, получаемое на подворьях по справедливой цене (путём организации повсеместного закупа), люди получают хорошее финансовое подспорье для жизни, и количество скота в личных хозяйствах, как и продукции в них, резко возрастёт.

Общаясь с Моилжаном Сулейменовичем, узнал о его сложной судьбе, о том, что его предки жили на территории нынешнего Майского района, где

МОИЛЖАН КАНАЕВ

родился и я. Он рассказывал мне о том, как его родители оказались в Сибири, где он родился, стал одним из первых на Алтае агрономом-казахом с высшим образованием. Сумел своим трудом, умением, упорством завоевать авторитет, вырасти до уровня начальника Панкрушихинского райсельхозуправления Алтайского края.

Уже в зрелом возрасте, занимая этот высокий пост, решил вернуться на родину предков, где вновь доказал свою состоятельность в качестве земледельца и опытного управленца, возглавив управление земледелия областного агропромышленного комитета и работая на других ответственных должностях.

М.С. Канаев принадлежит к поколению великих тружеников, работавших не за страх, а за совесть. И, повторю, мне очень повезло в жизни, трудясь под их началом и рядом с ними, учась у них, впитывая их опыт, и набираясь ума-разума. А Моилжана Сулейменовича отличает ещё и всегдашняя активная гражданская позиция. Ему всегда и до всего есть дело. Это и есть настоящий патриот.

*Жанат ШУГАЕВ,
аким Павлодарского района*

У НАС БЫЛ ДРУЖНЫЙ КОЛЛЕКТИВ

В 1984 году после окончания Алма-Атинской Высшей партийной школы я был направлен на работу в Щербактинский райком партии – вначале заведующим отделом организационной партийной работы, а затем был избран вторым секретарём райкома партии. Познакомился с руководством. Первым секретарём райкома партии работал Николай Фёдорович Гегер – опытный, авторитетный руководитель, которого я знал и раньше, работая в сельхозотделе райкома партии. А с начальником райсельхозуправления Моилжаном Сулеймеовичем Канаевым, приехавшим к нам из Алтайского края, где он занимал равноценную должность, я познакомился уже в Щербактах. И он мне сам сразу предложил поехать с ним по району, заметив, что так с ним и с людьми познакомиться. И та поездка, продолжавшаяся несколько дней, помнится мне до сих пор.

В самом разгаре была уборочная компания с большим разворотом работ, какого я, конечно, не мог видеть, когда до обкома партии работал в Бая-

наульском районе. Масса комбайнов в поле, машин с зерном нового урожая, круглосуточная работа совхозных и колхозных оков. Я мог вблизи наблюдать стиль и методы работы начальника райсельхозуправления, который был в курсе всего, во всё вникал, давал советы. Заметив недостатки, делал замечания, всегда по существу, аргументировано, не повышая голоса.

Интересовала его, кстати, не только уборка, но и другие дела, в том числе и животноводство, включая молочное. Последнее для меня тоже было в новинку, ведь в Баянаульском районе, если и держали дойных коров, то только на подворьях. Моилжан Сулейменович познакомил меня с сильными руководителями: председателем передового большим авторитетом колхоза «Победа» Владимиром Пантелеевичем Поляковым, директором крупнейшего в области зернового совхоза «Сосновский» Николаем Бурлаковым, директором целинного совхоза имени Хмельницкого Александром Богдановичем Шпейтом, председателем колхоза имени Абая Николаем Григорьевичем Соколовым, директором совхоза «Карабидайский» Сагатом Машраповичем Уразбаевым (потом он работал начальником Лебяжинского райсельхозуправления), а также другими руководителями – Мусиным (колхоз «Кызыл тон»), Кущем (совхоз «Боровой»), Парфёновым (колхоз имени Шевченко). Знакомство с районом и людьми в таких рабочих условиях помогло и мне быстрее войти в курс дела.

Потом мы часто оказывались вместе на бюро райкома партии, заседаниях райисполкома и сессиях, совещаниях, разных районных мероприятиях, вместе ездили по служебным делам в области и лучше узнавали друг друга. Вообще хотел бы подчеркнуть, что у нас тогда был очень дружный коллектив во главе с Н. Гегером и председателем райисполкома Мустафой Базаргельдиновичем Жакиным. Подстать им был и Моилжан Сулейменович Канаев, пользовавшийся большим авторитетом как у районного руководства, так и в хозяйствах района. Всем imponировала его спокойная, рассудительная манера общения с людьми, глубокое знание дела, умение чётко ставить задачи и добиваться их выполнения. Поэтому вполне закономерным стало выдвижение Моилжана Сулейменовича начальником областного плодовоовощного объединения, а затем начальником управления земледелия областного агропромышленного комитета.

Авторитета Моилжану Сулейменовичу – и как знающему агроному, и как начальнику райсельхозуправления – добавило его упорство, с которым

МОИЛЖАН КАНАЕВ

он добивался перехода в районе на более поздние сроки сева, что позволяло успешнее бороться с сорняками и повышать отдачу полей. Поддержал его в этом и тогдашний председатель облисполкома Р.М. Мырзашев. А особенно у нас заужали его, когда он, проявив бойцовский характер, отстоял позиции Щербактинского района – как победителя в областном соревновании по итогам одной сложной уборки урожая. Он тогда работал уже начальником управления земледелия и отказался подписывать уже согласованный наверху проект решения, объявлявший по традиции победителями иртышан с их самым большим хлебным полем. Моилжан Сулейменович сумел доказать руководству области, что щербактинцы тогда сработали лучше. Именно ему тогда и было доверено вручить нашему району Знамя победителя и главный приз (кажется, это был легковой автомобиль).

Щербактинцы не забыли о плодотворной работе в нашем районе М.С. Канаева, других его заслугах. Когда было учреждено звание почётного гражданина района, первыми его были удостоены бывший аким района, затем заместитель акима области, депутат Сената Парламента республики Жакай Жубаевич Нургалиев и председатель колхоза «Победа» Владимир Пантелеевич Поляков. Этого почётного звания по праву удостоен и Моилжан Сулейменович Канаев. Я был членом комиссии, которая рекомендовала его кандидатуру районному маслихату и акиму района С.К. Смагулову. Всегда с теплотой и благодарностью вспоминаю годы нашей совместной работы и общения.

*Бахыт ПАВАНОВ,
бывший второй секретарь Щербактинского райкома партии,
бывший секретарь Щербактинского районного маслихата.*

ПУСТЬ НАША ДРУЖБА БУДЕТ БЕЗГРАНИЧНОЙ

Наш Щербактинский район граничит с Кулундинским районом Алтайского края, поэтому у нас давние добрососедские контакты. Мы бываем с деловыми визитами и на праздниках у них, а они у нас. В Кулундинском районе проживает много казахов, есть даже казахские сёла Байгамут, Керей. В первом из них много лет действует казахская средняя школа.

Запомнилась одна из поездок в Кулунду, когда с нами были два аксакала – М.С. Канаев и Д.Н. Фалеев. Моилжан Сулейменович родился и полжизни

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

прожил на Алтае, а когда вернулся с семьёй на историческую родину, первое время работал у нас в Щербактах – начальником райсельхозуправления. А Дмитрий Никифорович – генерал, в прошлом прокурор области – выходец из Алтайского края, возглавляет организацию алтайского землячества при Славянском культурном центре. Особенно приятно было находиться рядом с ними на том празднике в Кулунде. Тем более, что М.С. Канаев давно стал связующим звеном в наших отношениях с сибиряками. Можно без преувеличения сказать, наладил народный мост дружбы между нами.

Об этом и говорил, когда мне предоставили слово – о наших связях, добрых отношениях, о том, чтобы они продолжались и крепили, завершив призывом: «Пусть наша дружба, наши добрые отношения всегда будут безграничными!»

В нашей делегации был и директор одного из самых успешных хозяйств не только в районе, но и в области Александр Владимирович Поляков, который сказал мне потом: «Тебя слышали!» Это он имел в виду реакцию кулундинцев на моё выступление и завершающие слова.

А наш район, по просьбе М.С. Канаева, также принял активное участие в праздновании 95-летия его родного Панкрушихинского района Алтайского края. Я уже работал тогда акимом города Аксу, но тоже по-товарищески помогал в организации поездки щербактинцев к сибирякам.

Большое дело делает народный дипломат Моилжан Сулейменович Канаев, укрепляя и развивая традиции добрососедства приграничных регионов Казахстана и России.

*Балтабай ИБРАЕВ,
бывший аким Щербактинского района,
бывший аким города Аксу.*

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Наш Щербактинский район граничит с Алтайским краем, с приграничными районами которого у нас давние плодотворные связи. И мы не раз выезжали по приглашению соседей на ежегодно устраиваемый ими праздник «Венок дружбы». Это фестиваль национальных культур, народного единства, который в Алтайском крае каждый год проходит весной, ближе к Наурызгу. И

МОИЛЖАН КАНАЕВ

мы вместе с нашим знатным земляком Моилжаном, родившимся и выросшим в этом крае, и уже в зрелом возрасте вернувшимся на родину предков, в Казахстан, бывали с делегацией нашего района на таких праздниках в Кулунде, Славгороде, Благовещенске.

Тут же предстояло 95-летие Панкрушихинского района – родного для М.С. Канаева. Здесь он вырос до начальника райсельхозуправления, а вернувшись на историческую родину, был назначен начальником Щербактинского райсельхозуправления. У нас его помнят и относятся с большим уважением, он почётный гражданин района.

М.С. Канаева, поддерживающего тесные связи с сибирской родиной, панкрушихинцы пригласили на празднование, а он предложил выехать туда делегацией от нашего района, чтобы показать казахстанские традиции, народные промыслы, культуру. Идею поддержал тогдашний аким района Балгабай Жумагулович Ибраев, мне было поручено готовить поездку. Завершали подготовку уже при новом акиме района Азилхане Корегуловиче Абеуове, но и Балгабай Жумагулович помогал уже из Аксу, куда был назначен акимом.

И вот поездка: аким района поехать не мог, поручил выехать мне. И мы отправились в Панкрушиху целым караваном: КамАЗ, две «Газели», четыре легковые машины. Везли с собой разобранную юрту, мастеров народных промыслов, артистов художественной самодеятельности, национальные угощения.

Поразили родные места Моилжана Сулейменовича – настоящая Сибирь, золотые хлебные поля (дело шло к осени), берёзовые леса и, наконец, могучий Алеусский сосновый бор – не такой как наш Чалдайский, а густой, дремучий. В красивом месте расположен и казахский аул Кызыл ту, где жил и работал Моилжан Сулейменович и где нас встретили не просто как соседей, а как родню. Был здесь и глава Панкрушихинского района Дмитрий Васильев, а также давние товарищи Моилжана Сулейменовича – один из лучших фермеров Алтайского края Виктор Христианович Траутвейн и краевед, писатель Пётр Яковлевич Скабелкин.

Родные и земляки М.С. Канаева накрыли дастархан, было замечательное общение. Было очень заметно, с каким огромным уважением относятся к Моилжану Сулейменовичу земляки, сибирские казахи, руководство района, его бывшие коллеги. Не случайно его называют народным дипломатом, ведь

он как связующее звено, как мостик между нами и сибиряками. А я втайне гордилась теперь уже нашим, казахстанским, М.С. Канаевым.

Запомнилось общение с В.Х. Траутвейном. Рассказала ему о директоре ТОО «Победа» Александре Владимировиче Полякове, которого именovala своим «названным братом», похвалилась тем, что он строит церковь в своей Орловке. А Виктор Христианович подарил мне картину, на которой церковь, которую он у себя в селе строит. Впечатлила его порядочность и открытость, то, как много он делает для людей.

И в тот день в ауле и на следующий день в Панкрушихе радовала замечательная атмосфера открытости и искренности, единения людей, объединённых общим делом, общими заботами. Мне всё это было особенно дорого, ведь мои исторические корни тоже, можно сказать, алтайские: моя мама родилась в Благовещенке Алтайского края.

Праздник же, во всех смыслах, удался: и яркое театрализованное представление с участием делегаций всех сельских округов района, и организованные каждым из них выставочные павильоны с дарами осени (чего там только не было), и неожиданный для нас флеш-моб – хоровод девушек-невест в праздничных нарядах – как призыв к молодым создавать семьи, и многое другое. В том числе и завершающая часть торжества в просторном современном Доме культуры с обменами приветственными адресами, речами, своеобразным, нестандартным награждением отличившихся хозяйств, предприятий, тружеников. Понравилось, что глава района сам во всём принимал участие, опекал нас, показывал пример во всём. И наш Моилжан Сулейменович тоже всё время был в центре внимания: приятно было видеть, что его здесь помнят и относятся с большим уважением.

Мы тоже, конечно, не ударили в грязь лицом. И постарались во всех красках представить не только наш район, но и, насколько это было в наших силах, Казахстан. Понравилась всем участникам праздника наша юрта, тем более, что многие видели её не в кино, а в жизни впервые. Там был накрыт казахский дастархан с угощениями – баурсаками, национальными кушаньями, сладостями. Желающих угощали ароматным чаем и этими деликатесами.

Наши артисты пели песни на казахском, русском, украинском языках, а Любовь Нуркенова на всех этих языках и ещё на татарском. И пели мы так, что окружающие нас сибиряки тут же начинали танцевать.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Большим спросом пользовались изделия с вышивкой – сумки, рюкзаки, барсетки Гульнар Онерхан и её же тапочки из войлока. А также другие изделия наших мастеров народных промыслов. Как, впрочем, впечатляли и работы с резьбой по дереву – сибирских мастеров.

Эти два дня стали для меня, да, и уверена, у всех, кто ездил тогда в Панкрушиху, своего рода открытием Сибири. Спасибо за это Моилжану Суйлейменовичу и всем его сибирским землякам.

*Ризагуль НЕГМАНОВА,
заместитель акима Щербактинского района.*

СЛОВО О СЫНЕ

СЛОВО О СЫНЕ ТУЛЕУТАЕ

Жизнь пошла своим чередом, явно чувствовалось, что идёт её перестройка. Я уже более десяти лет веду свое личное подворье, поголовье скота возросло до 50, а маточное – более 20 голов КРС. Ежедневно в город отвожу 200-250 литров молока, одновременно обеспечивая и свою семью животноводческой продукцией, что было важно в тот период.

А ещё, отвёз в Барнаул Ивану Егоровичу Лудцеву – моему бывшему шефу, у которого был 80-летний юбилей, головку сыра, изготовленного из моей продукции. Увидев сыр, он сказал: «Нам с Александрой Александровной хватит надолго!»

Однажды сноха Анара, приехавшая к нам, подоила моих коров и сделала своё заключение, не в мою пользу: «Папа, ваши коровы дают молока в два раза меньше, чем наши, петропавловские» (она родом оттуда). Я её поддержал, сказав: «Наши алтайские бурёнки тоже дают по ведру молока, а здесь это количество молока надаиваю от двух коров».

Тут не вина, а беда павлодарских животноводов, которые работают в сухо-степной зоне, где осадков выпадает в два раза меньше. Чтобы отвести эту беду от крестьянина, существуют специальные сельскохозяйственные законы, так называемые дифференциальная рента № 1, 2, которые руководство областей и страны обязаны применять.

Подтверждались слова одного философа: «Жизнь – это сплав радостей и горестей!»

У Тулеутая угнали «ГАЗ-24», подарок моей малой родины, ставший членом нашей семьи. Не буду скрывать – этот, подарок принёс нашей семье уважительное отношение как на Алтае, так и на исторической родине, ибо такой марки машины не было в личном пользовании ни у кого. На этой машине держалась фирма ПКС, которая развозила товары по Павлодару, Караганде и Семипалатинску. Сокурсник Тулеутая Иван Клименко, увидев за рулём этой машины Анару, сделал своё твёрдое заключение: «У них складываются серьёзные отношения!»

Конечно, Тулеутай ожидал от меня серьёзного наказания за утерю, но я ему не сказал ни слова, чем, оказывается, огорчил его ещё больше. «Лучше бы он меня ударил», – сознался позже он Анаре. Но я был совсем другого мнения, ибо считал, что машина выполнила свою миссию, сделано с её помощью много добрых дел. В голову мне пришла совсем другая мысль: «Малая родина подарила мне машину, а историческая – отобрала». Уверен, что на Алтае её бы не украли.

Тулеутай сообщает мне приятную новость: «Папа, раз ты не хочешь жить в Караганде, я перееду в Павлодар, буду работать здесь». Это было для нашей семьи радостным событием, будем жить вместе, воспитывать внуков, буду помогать Тулеутаю, ведь меня здесь многие знают.

Первым бизнесом у Тулеутая был сбор и отправка металлолома в Китай, а Анара занялась общественным питанием, открыла кафе, назвав его, как и в Караганде, «Асаба». Дела у них пошли неплохо, чувствовался их опыт, приобретённый в Караганде. Чувствовалось, что им в Караганде приходилось преодолевать немалые трудности. Тулеутай однажды признался, что ему здесь легче удаётся решать проблемы. Он свои отношения с партнёрами строил на справедливой основе, поэтому они старались с ним сотрудничать.

Много лет спустя, один из областных руководителей говорит мне: «Я вас знаю, Вы отец Тулеутая. Во время перестройки он занимался металлоломом, и Вы к нему приезжали. Он в отличие от других приёмщиков металла рассчитывался сразу».

Тулеутай решил заняться более серьёзным бизнесом – оптовой реализацией винно-водочной продукции, беря её у заводов-изготовителей и поставляя в торговые пункты городов и сёл, для чего надо было решать немало организационных и финансовых проблем. Я был этому свидетелем. Пришёл вагон с грузом, который надо срочно разгрузить, иначе придётся платить за простой. Тулеутай нанимает грузчиков, машины. Склады для хранения находились на малой объездной дороге – на другом конце города. Приступают к перевозке грузов. Машины с продукцией уходят в ночную тьму (работы производились в ночное время). В таких условиях проконтролировать сохранность невозможно, надежда только на честность участников транспортировки. На моё возмущение: «У тебя же всё украдут!» – Тулеутай ответил: «Папа, людям тоже надо жить».

Подумал, сколько он таких моментов пережил, известно только ему. Успокоил себя тем, что всё-таки сводит концы с концами и обеспечивает нас всем необходимым.

Уже рассветало, когда я приехал домой, в Красноармейку, и лёг спать. Стал вопрос ребром: «Во что бы то ни стало надо иметь свой склад на железнодорожном тупике. Чтобы решить эту проблему, Тулеутай покупает металлобазу, расположенную рядом с Павлодарским винно-водочным заводом, теперь будут они обслуживаться одними железнодорожными путями, если построил склад. Территория оказалась огромной, около пяти гектаров. Раньше там стояли более десяти складов, построенных из металла, прикреплённых к бетонному полу анкерными болтами. Теперь их не было, они были разрезаны и сданы на металл. Остались только бетонные полы с остатками анкерных болтов и горы всякого мусора.

Тулеутай привёз меня на эту территорию и говорит: «Папа, я купил эту базу, имеется железнодорожный тупик, теперь надо построить склад». Он надеялся на мою поддержку, но я, увидев такую картину и зная, что такие объекты строились специалистами высокой квалификации и специальной техникой, сильно засомневался, тем более, что планировалось ещё построить свою котельную с отопительной системой длиной 200 метров, ибо склад был размером 200х12 метров. Я вынужден был его не поддерживать, подумал, что он такую нагрузку не выдержит, ведь ему, кроме огромных финансовых затрат, надо было познать и применить незнакомую строительную индустрию. Я ему сказал: «Сынок, ты такой объём строительных работ не осилишь!» На что он мне ответил: «Надо всё построить до начала холодов!»

Лето 2000 года Тулеутай полностью посвятил строительству склада и освоению территории базы. Какие меры он предпринимал, какие трудности преодолевал – известно лишь ему и Анаре. Меня он только попросил объехать с ним область в поисках строительных материалов, найти теодолит и нивелир, с помощью которых ведётся каркасное строительство. Поиск мы начали с родного Щербактинского района, где был похоронен мой брат Чаймардан. Заехали к нему на могилу, чтобы прочитать Коран.

Отъехали от кладбища и увидели построенный объект из новых панелей, без отделки, но размером таким, какой нам нужен. Хозяином новостройки оказался Сапар Кызырович Смагулов, который доброжелательно принял нас и совершена была сделка купли-продажи. После всего этого Тулеутай сде-

МОИЛЖАН КАНАВВ

лал своё заключение: «Мой дядя Чаймардан помог мне – оказывается, деловые люди могут помочь и с того света!»

А теодолит с нивелиром, с которыми я был знаком ещё в Семипалатинском геологоразведочном техникуме, я нашёл в областном управлении сельского хозяйства. В тот год Тулеутай совершил чудо, построив склад, обеспечив его теплом, светом и тёплым гаражом для грузовых автомобилей.

Тулеутай был в центре внимания спортивной общественности нашей области, среди которой были и чемпионы Советского Союза, желавшие устроиться к нему на работу или просившие содействия в трудоустройстве. Он никому не отказывал, одного из них назначил руководителем Экибастузского филиала фирмы «Дан».

Мастер спорта СССР Нуртазинов Талгат, бывший директор спортивного клуба «Алые паруса», где Тулеутай начинал свою трудовую деятельность – тренером, возглавил у него охранную службу. На одном из турниров, посвящённых памяти Тулеутая Талгат сказал: «Я учил его спорту, а он меня – как жить!» К большому сожалению, жизнь Талгата оказалась тоже очень короткой.

Наступил 2005 год – шестидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне. К этой знаменательной дате готовились все, ибо война коснулась каждой семьи огромной страны, которая тогда называлась Союз Советских Социалистических Республик – СССР. С самого начала и до её конца, как уже было сказано, в ней участвовали мои три брата, к счастью вернувшиеся домой. Мы их ожидали в глубине Сибири, а сейчас живём на исторической родине – в Казахстане. Матери не стало в 1971 году, в иной мир ушли все мои братья. В живых из участников этой трагедии в нашей семье остался один человек – это сноха Кульпан, познавшая и перенёсшая все тяготы долгой войны, ей в том году исполнилось 85 лет. Поэтому решили: все главные подарки должна получать только она и договорились это торжество провести в её семье, в селе Сахновка Щербактинского района, где она жила с сыном Рамазаном, работавшим главным экономистом совхоза «Карабидайский». Его супруга Айслу была учительницей начальных классов, дочь Карлыгаш – директор средней школы, её муж Марал – инженер по технике безопасности совхоза. Все Канаевы, оставив дела и мероприятия, должны явиться в Сахновку, из-за этого отменила свой день рождения моя сноха Анара.

Была первая половина дня 6 мая. К нашему дому в Красноармейке подъезжают легковые автомашин, из которых выходят аксакалы, в основном

из рода Кошен-Шурек, и объявляют мне, что надо крепиться. Я понял, что что-то случилось, многократно слышал и сам знал, беда приходит внезапно, но никогда не предполагал, что она коснётся моей семьи, тем более Тулеутая. Он только вчера был у нас с друзьями, а сегодня его уже нет. Мы с Кулятай поехали в Павлодар увидеться с детьми, Анарой. Она со слезами на глазах говорила мне: «Папа, нам теперь воспитывать Дарына и Нияза, Вы же умеете это делать!» Я эти словам Анары тогда не придавал особого значения.

Похороны состоялись 8 мая, несмотря на предпраздничный день, приехало около 1000 человек. Кроме родственников, друзей участвовали сотрудники Тулеутая по бизнесу, представители заводов-изготовителей продукции из многих областей, в том числе президент корпорации «Бахус» – Карапетян, который в период сухого закона Горбачёва отстоял виноградарство в Казахстане. Деловые отношения Тулеутая с ним сложились 15 дней назад, когда мой сын был у него на приёме. За такое короткое время у Карапетяна возникло настолько уважительное отношение к моему сыну, что он предложил один из напитков, выпускаемых фирмой «Бахус», назвать именем Тулеутая.

Приезжаю после горестных мероприятий домой, в Красноармейку, скота ещё нет, телята мычат, доярка не знает что делать. Оказалось, пастух, воспользовавшись моим отсутствием, напился. Сажусь с пастухом в машину, находим лошадь и только к утру пригнали стадо домой. Это 9 мая. Люди радуются, постоянно звучит музыка. Решил отдохнуть, пошёл в спальню. Подходит ко мне Кулятай и говорит: «Давай не будем поддаваться горю, а что было бы, если Тулеутай у нас не родился? Мы должны быть благодарны ему за то, что он нам подарил Анару, Дарына и Нияза. Вставай, пойдём чай пить». Как мудро она тогда поступила!

В действительности же наступили самые тяжёлые времена, не стало единственной опоры для родителей, его семьи, четырёх сестёр и всех Канаевых. Не случайно было сказано в период перестройки одним из племянников: «Станет трудно – придём к Тулеутаю!»

Особенно тяжело переносил отсутствие отца Нияз, ему было тогда всего три года, он не понимал, что случилось с Тулеутаем, постоянно его искал, не садился обедать за стол без него. Дарыну исполнилось десять лет, он осознал происходящее, повзрослел, серьёзно относился к учёбе, даже помогал мне по хозяйству.

Своевременным оказался приезд моего друга из города Бердск, что под Новосибирском, Солдатова Анатолия Ильича и его супруги Валентины Ива-

МОИЛЖАН КАНАВВ

новны, они остались ночевать у нас в Красноармейке. Приехала Анара с детьми, и мы разговорились, было о чём говорить, ведь нашей семейной дружбе более 50 лет. Стало легче. Стал придавать значение словам, сказанным Кулятай и Анарой, которые призывали меня противостоять трагедии, общими усилиями решать проблемы, которых теперь стало предостаточно. Главным было воспитание внуков, где требовалось мужское вмешательство. Взять себя в руки помог мне казахский фильм, увиденный мною, когда я жил ещё на Алтае. Умер у аксакала единственный сын, обучавшийся в одном из институтов Казахстана. После долгих раздумий аксакалу в голову приходит мысль, что его сын мог встречаться с девушкой, у которой может быть остаться продолжателем его рода. Лелея эту мечту, он едет в учебное заведение, где учился его сын, но поездка оказалась безрезультатной. А ведь у меня есть Дарын и Нияз, Анара – моя сноха, ставшая дочерью, предлагает мне заняться внуками, высоко оценивая мою роль в этом важном деле, говоря: «Давайте их воспитанием так, как Вы с мамой воспитывали Тулеутая». Так у меня появился смысл жизни, который я до этого считал потерянным.

Оказалось, что я востребован, тем более мальчикам нужен мужчина. Кроме того, мне надо помогать в решении многочисленных проблем и главное – что делать с фирмой «Дан», детищем Тулеутая. Коллектив около ста человек остались без руководителя, обеспечивавшего их всем необходимым для жизни. Дороже всего им было отношение Тулеутая, всегда доброжелательность и его доступность, ибо каждое утро, обходя рабочие места, он здоровался с каждым, спрашивал, как дела, какие проблемы, готовый помочь им в любое время.

Рассказывает Арман Жунусов: «Когда Тулеутай принимал меня на работу, я был совсем молодым, ничего не знал о бизнесе, жил с матерью в съёмной квартире. Только начав работать, я вынужден был обращаться к нему, сказав, что у меня нет средств к существованию. Когда вернулся домой с деньгами, мама мне сказала: «Сынок, ты с этим человеком никогда не расставайся!» Арман работает до сих пор, хотя Тулеутая нет уже 15 лет.

Особенно озабочены были те, кто работал здесь с первых дней – это Темирова Галина Александровна, Сарманова Шолпан Кахарманова, Подминогин Сергей Васильевич, Туртугулов Ерик Кенжетаевич.

Самым сложным был вопрос: «Кто будет руководить фирмой «Дан»? Все предполагали, что им должен быть мужчина, ибо бизнес очень специфич-

ческий, тяжёлый. Даже продумывали варианты из числа родственников, сотрудников фирмы, спортсменов из числа друзей Тулеутая. Предлагали более доступный вариант – продать фирму, тем самым избежав рейдерства и жить на банковские проценты.

Мы долго не могли прийти к единому мнению. У меня изначально было желание, чтобы фирма продолжала работать: не может быть, думал я, что результаты неимоверно тяжёлого труда Тулеутая не будут достоянием его семьи, с другими вариантами не смогу смириться, жить спокойно. Значит, надо, во что бы то ни стало, найти выход решения проблемы. Но как это сделать в такой ситуации? Пришёл к выводу, что «Даном» должна руководить Анара, хотя она работы фирмы не касалась, у неё забот хватало: дети, кафе «Асаба», уход за Тулеутаем, ибо она считала своей обязанностью, чтобы он всегда выглядел хорошо. Основы для доверия к ней у меня складывались с первых дней её пребывания в нашей семье, в её словах и действиях изначально присутствовали продуманность, целеустремлённость, ответственность. Не боялась она и черновой работы, чувствовалось, что она дома получила хорошее воспитание. В селе Явленка она помогала вести домашнее хозяйство, часто оставаясь в нём одна.

Анаре приснился сон, который сориентировал нас, по сути, помог правильно поступить. Сон Анары: «Тулеутай стоит среди сотрудников, их было около десяти человек, все в белых костюмах, и он им что-то рассказывал, я стояла в стороне, и он, обратившись ко мне, сказал: «Вот так надо поступать!» Я посчитал, что он Анаре приснился не зря, это была прямая подсказка Тулеутая, что ей надо взяться за дело, тем более он совпал с моим желанием. И что интересно, и в дальнейшем Анара стала видеть Тулеутая во сне, когда наступали трудные времена. Она уверена, что Тулеутай ей помогает, контролирует.

Наконец-то было принято решение и наша старшая дочь Рысты на собрании коллектива фирмы объявила, что руководить «Даном» будет Анара Мараловна, прошу всех её любить и жаловать. Присутствующие новость приняли молча, чувствовалась их неуверенность в том, что фирма сможет продолжать работать под началом Анары, все были озабочены своим дальнейшим финансовым положением. Оно ещё ухудшалось тем, что заместитель Тулеутая, с которой он организовывал фирму, решила уволиться. В таких условиях, не имея никакого опыта в работе, но имея большую ответственность, Анара приступила к исполнению своих обязанностей, начала руководить непростым бизнесом.

Хорошо, что два года тому назад по настоянию Тулеубая Анара заочно окончила второй институт, получила специальность экономиста, уже имея диплом санитарного врача – они вместе с Тулеутаем обучались в Карагандинском медицинском институте. На вопрос Анары: «Зачем мне специальность экономиста?» – он тогда шутя ответил: «Будешь руководить «Даном»!» Оказалось, фирма и оформлена была на Анару. Однажды, привезя её на территорию базы, он сказал: «Это принадлежит тебе». Мы с Кулятай могли помочь Анаре тем, что отказались от имущественного притязания к фирме «Дан», чтобы она могла без нашего согласования подписывать документы. И когда это наше решение мы документально подтверждали, работники нотариуса нам сказали: «Мы с таким случаем встречаемся впервые!»

Для Анары наступили самые сложные времена: потеряв самого дорогого человека, теперь она должна была нести его тяжёлую ношу, которая не по силам многим мужчинам, какими бы они опытными и авторитетными не были. В таких условиях теперь должна была жить наша семья, воспитывать внуков.

На удивление многих жителей Красноармейки я в то время продолжил вести личное подворье. Особенно удивился Темиргалиев Еркин Муратович, обеспечивавший моих животных сеном уже более 10 лет. Он разделял мое горе, но терял надежду, что я буду заниматься животноводством. Моё горе нас сдружило, он начал по-другому ко мне относиться, мы стали как родные. Он скоропостижно скончался, не дожив до своего шестидесятилетия шесть месяцев.

Познакомились с ним в советские времена на орошаемом участке агрогородка в шести километрах от Красноармейки, где он работал управляющим. Содержалось в нём дойное стадо в количестве 1000 коров, работало центральное отопление. Его дело сейчас продолжает сын Мурат, с которым я держу связь по сотовому телефону его отца, где мне высвечивается: «Еркин Темиргалиев».

...Так у Анары началась новая жизнь, совсем не похожая на прежнюю, полная забот и волнений. Кроме того, что ей надо управлять большим коллективом людей, необходимо наладить правильные взаимоотношения с заводами, поставщиками продукции, с руководителями которых она виделась впервые на похоронах Тулеутая.

У меня переживаний было не меньше, часто приходила в голову мысль о том, что она однажды придёт ко мне и скажет: «Папа, у меня не получается,

слишком тяжёлый бизнес!» Благодарен судьбе, что Тулеутай среди сотен девушек-студенток города Караганды повстречался именно с Анарой, которая смогла продолжить его дело.

Мне стали приходить приятные вести от сотрудников фирмы, особенно были рады, кто работал здесь с первых дней, отмечавшие, что Анара неплохо руководит ими, вникает в суть проблемы, принимает обдуманные решения, советуется с ними, но в то же время учиняет спрос, если своевременно не выполняется её задание. И также, как и Тулеутай, не отказывает в помощи нуждающимся сотрудникам. Я переживал за её здоровье, ибо знал, что она постоянно находится в умственном и физическом напряжении, не знала покоя ни днём, ни ночью, рабочий день у неё был продолжительным, сон не крепким.

Результатом её невероятных усилий явилось то, что фирма «Дан» стала устойчиво работать, занимать призовые места среди родственных предприятий республики и удостоилась признания президента корпорации «Бахус» – Карапетяна, назвавшего Анару: «Это наша Маргарет Тетчер!»

В 2020 году у фирмы «Дан» – юбилей, ей исполняется 20 лет, из них пять лет руководил ею Тулеутай, 15 лет – Анара.

За эти годы Анара построила современный офис, столовую для сотрудников, асфальтированы территория базы и подъездной путь. За лето 2019 года сдала в эксплуатацию новый склад по объёму такой же, какой был построен Тулеутаем, но квадратной формы, что позволило фурам заезжать в него для разгрузки грузов.

Однажды Горбачёва Валентина Павловна – директор первого хозрасчётного магазина, предложила мне купить здание своего предприятия, приватизированного ею в период развала Советского Союза. Делала большую скидку, если мы его купим, ибо она боялась продавать незнакомым людям. Так у Анары появился ещё один объект общественного питания, после ремонта получился ресторан «Аравия», в подвальном помещении – кафе «Гурман», которые стали одним из любимых мест горожан, отмечавших там знаковые события. Мой друг по Алтаю В.Х. Траутвейн, будучи гостем на моём 80-летнем юбилее, был удивлён уютом и качеством приготовленных в «Аравии» блюд. Давая высокую оценку, Виктор Христианович отметил, что Анара вложила много труда и умения, чтобы всё так выглядело.

Несмотря на занятость Тулеутай не отрывался от спорта, даже способствовал его развитию. Один раз в неделю с коллективом фирмы посещал

бассейн «Шымыр». Здесь он познакомился с Карленом Александровичем – директором спортивного комплекса, который являлся руководителем армянской диаспоры нашей области. А он в свою очередь познакомил Тулеутая с Карапетяном, возглавлявшем армянскую диаспору республики и корпорацию «Бахус». Тулеутай был в составе делегации нашей страны на международных соревнованиях по самбо, которые проходили в Германии, где его тепло встретил тренер Гешеле, переехавший на историческую родину.

Тулеутай стремился развивать спорт дальше, убеждённый на своём опыте, что можно подготовить за короткий срок хороших спортсменов из сельской молодёжи. И что показательно, он берётся за решение этой проблем сам, решив построить спортивный клуб на своей территории. Он однажды поделился со мной своей мечтой, на что я ему ответил: «Люди не знают как выживать, а ты решил спорт развивать!» Когда Тулеутая не стало, чтобы его мечта не совсем была заброшена, мы на семейном совете решили спонсировать областную спортивную школу для одарённых в спорте детей, где в основном занимались сельские ребята. Фирма «Дан» поставляла ей соки, минеральные воды, сладости, учредили стипендию имени мастера спорта СССР Тулеутая-Канаева, я по праздникам в их столовую привозил мясо из личного подворья. Республиканский спорткомитет стал ежегодно проводить борцовский турнир, посвящённый памяти Тулеутая.

На фасадной стороне здания спортивной школы по инициативе директора Булекбаева Жомарта Хасановича посажены 33 ели, по числу лет, прожитых Тулеутаем. Они все прижились, достигли высоты второго этажа благодаря грамотному уходу всего коллектива школы. Мы благодарны Жомарту Хасановичу за вечную память о Тулеутае.

Моей основной задачей стало теперь воспитание и обучение моих внуков: Дарына и Нияза, создать им необходимые условия и помогать им в учёбе. Дарына определили в лицей №8 – школу для одарённых в учёбе детей. Это самое лучшее учебное заведение Павлодара и, естественно, учиться там было очень трудно. К нашему счастью, Дарын оказался в числе успевающих учеников, хотя это нам всем, особенно ему, доставалось с большим трудом. Дисциплина была строжайшая, даже занятия у них начинались значительно раньше, чем в других школах. Транспортное обеспечение я взял на себя, хорошо, что машина нас не подводила, мы в любую погоду не опаздывали. И одновременно я посещал родительские собрания, где меня воодушевляли хорошие оценки Дарына.

С Ниязом было посложнее: во-первых, он не выговаривал некоторые буквы алфавита, например: на сок говорил «хок», а главное – он не признавал свой недостаток. Нам повезло с логопедом – Маргаритой Николаевной, которая в течение двух лет смогла восстановить его речь. Но надо было преодолеть и другие трудности: дело в том, что Нияз никого не признавал, даже игнорировал специалиста, вместо того, чтобы внимательно слушать и исполнять. Он подчинялся только мне, и мне надо было во что бы то ни стало заставить его заниматься исправлением речи. Благодаря разумному и терпеливому подходу Маргариты Николаевны мы добились желаемого результата.

Нияз своеобразно чтит память отца. Когда мы подъезжали к кладбищу, чтобы почитать Коран, он взял себе за правило: выйти из машины и, пройдя определённое расстояние пешком, подойти к могиле отца. Остаётся загадкой, как трёхлетний Нияз мог придумать и осуществить такой трогательный ритуал почитания отца.

Оказалось, Анара придумала ещё один способ. Если их оценки не удовлетворяли её, она говорила им: «Что я скажу Аташке? Немедленно исправляйте положение дел с учёбой, не огорчайте своего деда!»

Думая о причинах ухода из жизни Тулеутая, прихожу к выводу, что трагедия случилась от большой его ответственности, которую он взвалил на себя. Во-первых, он, являясь единственным сыном в семье, считал себя кормильцем родителей, своей семьи, защитником четырёх сестёр. Он об этом однажды заявлял: «Папа, ты уходишь на пенсию, мне надо двигаться!» Не случайно во время перестройки, когда люди начали выживать, кто как может, он, единственный из Канаевых, хотя был студентом, приспособился к рыночным условиям, стал зарабатывать деньги сначала в Караганде, затем в Павлодаре, привлекая к бизнесу уже племянников, друзей, сокурсников, причём всесторонне им помогая. Строил он отношения с партнёрами на взаимовыгодных условиях, не ущемляя их интересы, что в дальнейшем стало его «стилем» работы, условием выживания предприятия и устойчивой его работы. В характере Тулеутая появилась черта: не отступать от своих намерений, добиваться поставленной цели. Это, видимо, от того, что у него была способность договариваться с людьми – как решать вопросы, проблемы.

Он сумел войти в доверие к известной всему Казахстану корпорации «Бахус». Его первая встреча с начальником Алтайского краевого лесоправления была удачной для обеих сторон. Тулеутай умел решать спорные вопросы,

МОИЛЖАН КАНАВВ

как это однажды произошло в городе Алма-Ате, где машины фирмы «Дан» долго не грузились.

Но, чтобы осуществить задуманное, чтобы удовлетворить потребности всех заинтересованных сторон, партнёров, надо было работать, не считаясь со временем, преодолевать трудности, чего его окружение не осознавало, а продолжало «традиции» советских времён: работать «от и до». Оказавшись в одиночестве, он брался за решение всех возникающих вопросов сам.

Однажды, заночевав в Павлодаре (я в то время жил в Красноармейке), стал свидетелем его бессонной ночи. Не случайно, один из акимов нашей области в своём отчётном докладе употребил следующее выражение: «Кто хорошо спит, тот плохо живёт!» Тулеутай же недосыпал очень часто.

Тулеутай начал быстро ездить, чего мне не хотелось, но, осознавая, почему он так делает, не стал ему ничего говорить. Однажды даже решил его «проучить»: мы проезжали мимо села Жетекши на большой скорости, пришла мне на ум мысль – остановить машину и пойти пешком, чтобы дать ему понять, что мне такая езда не по душе. Но опять спустил свою задумку на тормозах. Сейчас, проезжая мимо этого села, об этом сожалею. Ведь трагедия произошла именно из-за высокой скорости, когда на повороте он не успел повернуть руль машины.

Этот день у него, как всегда, был напряжённым: в четыре часа утра он возвращался со встречи домой, где его ожидал шофёр, чтобы повезти в Астану, на встречу с вице-министром Альбертом Рау. К нему он должен был прибыть к 10 часам утра...

Прошло три года, как не стало Тулеутая, приходит к Анаре один из его «друзей» и говорит, что Тулеутай взял у него деньги, когда покупал «Джип». У Анары возник вопрос: «Почему вы об этом до сих пор молчали?» Он в ответ: «Я думал, что его фирма работать не будет!» Но главное сомнение было в том, что такая крупная сумма денег не значится нигде, ни в бухгалтерии фирмы, ни в записной книжке Тулеутая, куда он записывал все денежные передвижения, независимо от их количества. Я был сторонник того, чтобы не отдавать ему никаких денег: во-первых, нет свидетелей, нет никаких подтверждающих бумаг; во-вторых, настоящие друзья не вспоминают про долг, чтобы не отрывать кусок от осиротевших детей. Мы подумали и пришли к выводу: «Если действительно Тулеутай взял у него деньги, то ему будет плохо». Анара отдала «другу» свою машину.

Сотрудники «Дана» были удивлены поступком своего шефа, решившего простить и даже помогать обидчику. Дело было в следующем: владелец фирмы по соседству, не желая иметь рядом другую фирму, стал ставить всякие преграды «Дану», чтобы её не было. Тулеутая пришлось всякими путями преодолевать подобное сопротивление, чтобы обустроиться на новом месте жительства. И он сумел это сделать.

А какое-то время спустя уже сам этот сосед приходит с Тулеутая и просит его решить свою немалую проблему. К удивлению работников фирмы Тулеутая помогает соседу, а на их недоумение он ответил: «С соседями надо жить дружно!»

В тяжёлые для нас траурные дни пришёл к нам племянник Чаймурат с супругой Галией и дочерью Ботакоз с просьбой дать имя Тулеутая их новорожденному внуку, в надежде, что он будет таким, как его дядя. Мы с Кулятай согласились. Это имя, данное его отцом Шаймарданом, будет теперь носить его правнук – оно означает взамен.

Получилось, что взамен моей матери пришёл мой сын, взамен ему пришёл внук Чаймурата, которого воспитывала моя мама. Сейчас молодой Тулеутая Канаев учится в 18-ой школе города Павлодара, участвует в олимпиадах по математике и шахматам, занимая призовые места.

Так прошла жизнь моего Тулеутая, оказавшаяся очень короткой, но яркой, как промелькнувшая звезда. Его нет среди нас 15 лет, но созданная его умом и руками фирма «Дан» работает, обеспечивая мою семью всем необходимым, включая транспортное обеспечение, чтобы я ездил на машине как можно дольше. На моё 85-летие, по инициативе Дарына, решили мне обновить машину, которую он сам подобрал и вручил её мне, держа в руках табличку: «Любимому дедушке!» Ежегодно приезжая на каникулы, он начинает свой отдых с технического осмотра моей машины.

Недавно я продал усадьбу в селе Красноармейка, купленную мне Тулеутаям 25 лет назад. В ней мы неплохо пережили непростые перестроечные времена. Сделка произошла на выгодных условиях мне, как продавцу, и Болатбеку Вакпаеву, как покупателю, так как третью часть стоимости он будет платить в рассрочку – мясом, в течение нескольких лет. Получилось, что Тулеутая обеспечил свою семью этим видом продукта на много лет вперёд.

В настоящее время Тулеутая помогает нам выжить от коронавирусной инфекции. Дело в том, что в этот период мы занялись огородничеством и пти-

цеводством около дома на земле, купленной им в городе Павлодаре. Во время карантина не сидим в четырёх стенах, а выращиваем овощи, картофель, ухаживаем за птицей, находясь на свежем воздухе. А ещё, получилось безотходное производство: отходы полеводства (сорняк) поедаются курами. Самое главное наше достижение – мы тем самым укрепляем здоровье, а это для нас и наших детей дороже всего.

Мы с Кулятай обслуживаемся в областной железнодорожной больнице, являющейся одной из лучших в республике. Этой больнице более двадцати лет руководил наш зять Толесаги Отарбеков. По настоянию Анары мы дважды в году (весной и осенью) проходим стационарное лечение под наблюдением терапевта высшей категории Алии Курмашевны Дакеновой, которая однажды мне сказала: «Анара для вас душу отдаст!»

ИСКРЕННИЙ ДРУГ ТУЛЕУТАЯ

Они подружились в год нашего переезда в город Павлодар в 1985 году, в доме № 29 на улице М. Горького. Им было тогда по 14 лет, ходили в рядом расположенную десятую школу, начали заниматься спортом у тренера Виктора Львовича Гершеле.

Квартиру мне предоставили по распоряжению облисполкома, а семье Наукиных – за счёт снесённого их дома, в так называемом «Казкрае». Так что это было родное место Мубарака, друга Тулеутая, где он родился. Он был городским парнем.

Во время перестройки они, уже подростки, держались вместе. Решили, что Тулеутай будет двигаться (так они, молодые, называли свои предпринимательские дела) по городу, а Мубарак – по селу. Создали оба свои фирмы: «Дан» – Тулеутай и «Акпура» – так называлось крестьянское хозяйство Мубарака. Благодаря упорству и трудолюбию обоих удалось им развить и сохранить свои хозяйства.

Тулеутая с нами уже нет 15 лет, но Мубарак продолжает дружеские отношения с семьёй друга, с каждым годом их улучшая. Решили мои дети поменять нам с Кулятай квартиру, чтобы она, ведь дело у нас идёт к старости, была теплее и уютнее. Узнав об этом, Мубарак объявляет: «Я тоже перееду, хочу жить рядом с вами!» Сейчас мы, он, Толесаги, Рысты живём в кирпичных домах, расположенных рядом, все семейные мероприятия, включая новогодние,

проводим вместе. Бывают случаи, когда подъезжаю домой с грузом, который надо перенести в квартиру, а Мубарак меня встречает в этот нужный момент, всегда готовый помочь. Не могу понять – это какая-то случайность и закономерность? Как бы там ни было, всё равно подарок судьбы.

Друзей у Толеутая было много, они его не забывают, хотя времени прошло немало, доказывая дружбу с ним уважительным отношением ко мне, как к его отцу. Это Иван Клименко, Нуржан Ашимбетов, Игорь Гавриленко, Насикат Сабитов, Юрий Маслов, Нурлыбек Нурмагамбетов, Дмитрий Герасименко и другие. Они были настоящими интернационалистами – это мне нравилось.

РАЗГОВОР ТУЛЕУТАЯ С МАРАТОМ АРГЫНОВЫМ

Он – сокурсник Тулеутая по Карагандинскому медицинскому институту, они были большими друзьями. Однажды Марат говорит Тулеутая: «Я хочу долго жить», – озабоченный тем, что у него болели почки. И в каникулы он уезжал в жаркие страны, чтобы принять необходимые лечебные процедуры. Родители и родственники готовы были дать ему свои почки, но не было в то время специалистов, способных сделать такую операцию.

Тулеутай дал ему такой ответ: «Не надо стремиться долго жить, а надо достойно жить!»

К несчастью родителей они оба ушли в иной мир. Тулеутая нет среди нас 15 лет, Марата – 10 лет. Мы с Кабдоллой Аргыновым – отцом Марата – находимся в дружеских отношениях, претворяя в жизнь казахскую поговорку: «Если дети дружат, то их родители обязательно будут в дружеских отношениях друг с другом».

Кабдолла – большой чиновник советского периода, почётный гражданин области.

Тойжан – сноха нашего рода – рассказывает: «Иду пешком по городу Павлодару, останавливается машина, из неё выходит Тулеутай, садит меня в машину, довозит куда мне надо было дойти и спрашивает – есть ли проблемы? Сказала, что нет, хотя они были, у кого их не было во время перестройки. Но я про себя подумала: «У меня появилась надежда, когда мне будет трудно, я могу к нему обратиться. Теперь у меня этой опоры не стало, огорчалась Хамитова Тойжан со слезами на глазах».

Для могилы Тулеутая отвели большую территорию, её огородили, поставили ему памятник, посадили шесть елей, которые уже выросли, появи-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

лись на них шишки. Одна птичка захотела свить на дереве гнездо, но не смогла достроить по каким-то причинам.

Подойдёт время, мы, его родные, ляжем рядом с ним, осуществив желание Тулеутая быть вместе, как в этом, так и в другом мире.

Будет удобно и для тех, кто вздумает помянуть нас, нашу семью, приехав в одно место. Как это делал мой родственник Мейрам Скаков, читавший Коран у изголовья Тулеутая...

ВАЖНО – КАКОЙ СЛЕД ТЫ ОСТАВИЛ В ЖИЗНИ

Семьёй Канаевых я познакомился, когда они переехали из Алтайского края в Павлодар. Мы жили тогда в одном дворе. Я тренировал в борцовском зале спортобщества «Буревестник» Павлодарского индустриального института ребят, начиная с третьего – четвёртого класса и постарше.

Попадали они ко мне по-разному: я и сам ходил по школам на уроки физкультуры, присматриваясь, как и тренеры по другим видам спорта, к будущим своим воспитанникам. Глаз у меня уже был намётанный, и я видел по конституции, поведению – кто подходит для секции борьбы. А бывало иначе: я приходил в класс и спрашивал – кто хочет заниматься самбо? Приходили потом одни и, загоревшись, тянули за собой друзей-приятелей.

Вот и из нашего двора Нурлыбек Ермагамбетов, Мубарак Наукенов приводили друзей, и в их числе оказался Тулеутай Канаев. Вроде, уже было поздновато ему начинать в таком возрасте, но для настоящего таланта это не препятствие, и в большом спорте тому примеров немало, даже среди олимпийских чемпионов.

Тут был как раз такой случай: почти сразу по всему стало видно – из парня будет толк. Во-первых, он был физически сильный, вырос в деревне, знал, что такое сельский труд. Я сам деревенский и знаю, что сельские ребята трудолюбивы и выносливы. А он был к тому же целеустремлённый, смелый, уверенный – в нём сразу характер проявлялся. Я это чувствовал, играл сам с ним на тренировках, когда он кое-чему научился.

Бывают такие ребята, что на тренировках хорошо себя показывают, а на соревнованиях перегорают и становятся как вата. Тут же было иное: Тулеутая надо было лишь, как я говорю, слегка «поджучить», а дальше он сам проявлял бойцовские качества. И уже на первых соревнованиях показывал их: и физическую подготовку, и напористость, боролся до победного конца.

Очень важно, что, кроме хорошей «физики», у него всегда присутствовал и высокий психологический настрой. Тут, я думаю, многое шло от родителей, от семейного воспитания – ему было с кого брать пример, у кого учиться.

Сначала мы его обкатывали на маленьких турнирах, а потом он выиграл республиканские соревнования в своей возрастной категории, выполнив норматив кандидата в мастера спорта. А потом были соревнования в Дмитровграде Ульяновской области под эгидой ВЦСПС (Центрального Совета профсоюзов) – так называемый «малый Союз» по их рангу, когда участвуют все спортивные общества, кроме «Динамо» и Вооружённых Сил. Тулеутай провёл шесть или семь схваток, дошёл до финала, в котором очень быстро выиграл болевым приёмом у соперника-армянина, я до сих пор его фамилию помню – Оганесян.

Это был отличный результат, и Тулеутай стал мастером спорта СССР, а это звание по тем временам было действительно высоким, его надо было заслужить.

Дальше предстоял выход на Всесоюзные первенства, и Тулеутая, скорее всего, ждало блестящее спортивное будущее, но уже наступали кризисные времена, близился распад СССР. Не стало надёжного финансирования и возможностей участия в соревнованиях разного ранга. Раньше мы ездили на них очень часто – в Бишкек, Новокузнецк, Бийск и даже Уссурийск, отовсюду привозили хорошие награды. Теперь ничего этого не стало. Но мы продолжали тренироваться...

Я хоть и был тренером, но лишь немногим старше некоторых своих воспитанников. Я чувствовал себя, скорее, их старшим братом и даже предлагал называть меня на «ты» и просто по имени, но они на это не соглашались, что тоже их характеризует лучшим образом.

Тулеутай среди них отличался оптимизмом, всегдашней готовностью помочь товарищам, никогда не унывал. Он был, как теперь принято говорить, очень позитивный человек, рядом с ним было легко и надёжно. Никто и никогда не видел на его лице уныния.

Он и бизнес начинал с тем же энтузиазмом, напором, уверенностью в успехе, с какими боролся. Он уважительно относился к старшим (сказывалось воспитание), быстро сходился с людьми, умел выстраивать отношения с ними.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

В 1993 году я уехал в Германию, адаптировался к новым условиям жизни, не порываю со спортом, держу себя в хорошей форме. Не теряю связей с земляками: тренерами, своими бывшими воспитанниками. Для меня эти десять лет работы тренером в Павлодаре были и остаются одними из лучших в жизни. Ведь работа тренера – очень творческая: радостно видеть, как на твоих глазах с твоим участием растут, мужают ребята. Поэтому так жалко было расставаться с ними, коллегами-тренерами. Грустно осознавать, что многое из того, что было достигнуто нами, утрачено.

Тем дороже то, что делают Канаевы – супруга Тулеутая Анара, Моилжан Сулейменович, постоянно поддерживая областную школу-интернат для одарённых в спорте детей. Я имею в виду турнир памяти Тулеутая Канаева. На один из них пригласили и меня из Германии. Я видел высокий уровень организации соревнований, экипировку и вспомнил, как мы в своё время поощряли победителей соревнований: Тулеутая вручили за победу на уже упоминавшемся «малом Союзе» кроссовки «Адидас». Как он ими гордился!

Я, собираясь ехать на этот турнир, долго искал Кубки, которые можно было бы подарить его победителям в каждой возрастной категории. Нашёл подходящие оригинальные статуэтки, вручал их после турнира как призы, и ребята остались очень довольны.

Родители Тулеутая могут гордиться таким сыном, а нам всем, кто его знал, вдвойне дорого, что они вместе с коллективом школы-интерната для одарённых в спорте детей заложили замечательную традицию – турнир памяти Тулеутая Канаева.

Уже немало повидав в жизни, согласен с теми, кто считает: не важно – сколько прожил человек, а важно – как прожил, какой след оставил. Тулеутай оставил о себе добрую память, сыновей. А его близкие сохраняют память о нём добрыми делами: высадили аллею Тулеутая Канаева в школе-интернате для спортивно одарённых детей, учредили именные стипендии для его воспитанников, проводят турниры по борьбе памяти Тулеутая. А значит, Тулеутай по-прежнему с нами.

Виктор Львович ГЕШЕЛЕ, тренер

*ДРУЖИЛ И РАБОТАЛ С ОТЦОМ,
А ТЕПЕРЬ РАБОТАЮ С ЕГО СЫНОМ*

Встреча, общение, сотрудничество и дружба с Тулеутаем Канаевым – одно из главных событий моей жизни. Мы с ним учились в Карагандинском медицинском институте, на разных факультетах: я на педиатрическом, он на стоматологическом – и в стенах вуза сначала не пересекались. А познакомились на спортивных сборах в Каркаралинске. Занятия у нас тоже были разные: он занимался борьбой, я – штангой и ещё альпинизмом. Вместе бегали кроссы, я считал себя к ним хорошо подготовленным, но в нашей, всегда лидирующей в этих забегах «двойке», он приходил первым. Это удивляло, ведь он не был «беговиком», но уже тогда отличался атлетическим телосложением и был очень выносливым.

Меня, да и не только меня, в нём привлекли человеческие качества, он всегда очень внимательно относился к людям и даже при своей занятости не жалел на них время, он вообще чувствовал людей, умел выстраивать отношения, готов был прийти на помощь. И ещё с ним было интересно. Нас многое объединяло, мы стали встречаться, общаться, дружить...

Однажды, когда надо мной нависла вполне реальная угроза вылететь из института, он меня буквально спас. Я недооценил один из вузовских предметов – непрофильный (это была политэкономика или что-то подобное) и преподаватель пошёл на принцип и не только – не соглашался на передачу мной экзамена, но и собирался писать ректору докладную о моём отчислении из института. Выход нашёл Тулеутай – позвонил человеку в Алма-Ату, который мог выйти на ректора нашего института, обрисовал ситуацию, поручился за меня, попросил помочь. Я видел, как нелегко ему давался этот разговор, как он при этом переживал, мы ведь были ещё очень молоды тогда, можно сказать, спас меня.

И он очень многим помогал, никогда ничего не требуя взамен, никогда не играл на слабостях других. Он умел дружить, был верен в дружбе, надёжен в делах, обязателен. Он отличался лёгким характером, был нескучным, а весёлым человеком, искромётно шутил. С ним никогда не было скучно или тягостно.

Он всегда был полон идей, умел действовать на опережение. Помню одну из наших с ним «торговых операций». В Павлодаре тогда стали выпускать на тракторном заводе стиральные машины «Малютка», и их можно

МОИЛЖАН КАНАВВ

было свободно купить. А в Караганде их не было, а спрос был. И он предложил отправиться за ними в Павлодар. Места в автобусе не оказалось, и мы с ним ехали до Павлодара стоя десять часов. Попили утром чаю у них дома – до сих пор помню его аромат. Купили сколько-то «Малюток» – и обратно в ночь на автобусе. Так начинали наш бизнес.

А потом приехали с Тулеутаем вдвоём – просить машину у Моилжана Сулейменовича. Совсем молодые, нам по 21-22 года, говорили, что машина нам нужна для мобильности, перевозки товара, для бизнеса в общем... Моилжан Сулейменович очень дорожил этой «Волгой-ГАЗ-24», премиальной, выделенной ему, начальнику Панкрушихинского райсельхозуправления, руководством Алтайского края по итогам уборки урожая. Их район тогда вошёл в десятку лучших в крае, где было 65 районов, по урожаю зерновых. Поэтому он очень дорожил этой машиной. И наверняка у него были сомнения насчёт того, можно ли её доверить двум ещё неоперившимся молодым людям. Но он всё же решился, и я до сих пор удивляюсь мудрости и дальновидности его давнего поступка. Такое доверие, конечно же, окрыляет, хотя и обязывает ко многому.

Но и Тулеутай всегда трепетно относился к родителям, семье, трогательно, по-сыновьему о них заботился. У него уже был хорошо налаженный бизнес в Караганде, когда он решил перебраться в Павлодар. Потому что там были родители, которые в нём нуждались и рядом с которыми он считал своим долгом находиться. И он уехал, оставив эту компанию, ставшую компанией номер один в Караганде в той сфере, которой он занимался. И со временем организовал, сохранив бизнес-контакты, фактически с нуля такую же компанию, ставшую лучшей в Павлодаре и одной из лучших в Казахстане. А когда открывали филиал в одном из регионов и его попросили помочь, поехал туда, жил там, курировал всю работу.

Он мог работать сутками, был неутомим, многое видел наперёд, одним из первых почувствовал перспективы контактов с Китаем и начал с ним работать.

Однажды из-за меня мы попали в очень непростую ситуацию. Дело было накануне свадьбы Тулеутая с Анарой. И я в составе кудалар – сватов со стороны жениха – был с ним в Петропавловске, у родителей Анары. Обратном ехали вместе: мы с Тулеутаем и Анара с подружкой – спешили на свадьбу в Павлодар. Я – за рулём – подменяя водителя. Идём на «Жигулях-семёрке» по мокрой и к тому же не слишком хорошей трассе и на скорости за сотню

километров в час улетаем в кювет. Машина – кувырком, кто где, Анара под машиной... Каким-то чудом все уцелели и ушибы были только у Анары. В больнице, в Кокчетаве, Тулеутай вышел от неё, мы обнялись... И он не сказал мне ни слова упрёка. А теперь Анара очень достойно продолжает дело, созданное Тулеутаем.

Мы были очень дружны с Тулеутаем, а теперь работаем вместе с его старшим сыном Дарыном. Тут своя история.

Как-то я оказался по делам бизнеса в Лондоне, где он в то время учился, поступив в престижный вуз. Я предложил ему поужинать вместе, попросив выбрать ресторан. «Ты же, – сказал ему, местный, лучше меня тут всё знаешь». И был приятно удивлён его выбором ресторана с хорошим интерьером, вполне демократичными ценами.

Мы хорошо, полезно пообщались. Я был приятно впечатлён тем, как Дарын похож на отца, не только внешне, но и тем, как он держится, ведёт себя в разговоре, насколько демократичен, порадовался тому, что у него, как и у Тулеутая, «быстрые мозги» – всё схватывает на лету.

Думаю, очень непросто ему было адаптироваться в чужой стране, с другим языком и менталитетом. Но он смог мобилизоваться, настроиться на учёбу и успешно её закончил.

Я пригласил его работать в свою компанию, и он согласился, хотя, знаю, у него были другие заманчивые предложения, например, поработать в Москве. Я же ни разу не пожалел, что позвал его. Он креативен, трудолюбив, дисциплинирован и, как когда-то его отец, всегда нацелен на результат. Возглавляет в нашей компании один из главных отделов – маркетинга. Внёс в это направление работы свежую струю, ориентируясь на мировые тенденции. Так что, верю, дело у нас с ним и дальше пойдёт. Думаю, что и отец был бы доволен старшим сыном.

*Иван КЛИМЕНКО,
бизнесмен, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан*

ОН УМЕЛ ДРУЖИТЬ, КАК НИКТО ДРУГОЙ

Весной 2015 года я в очередной раз побывал в Павлодаре: и по делам бизнеса, и по особому случаю – как один из гостей проходившего в этом городе республиканского турнира, посвящённого памяти Тулеутая Канаева.

Турнир этот, инициаторами которого стали близкие Тулеутая, проходит уже не первый раз и сейчас собрал борцов казак куресы разных возрастов из многих регионов Казахстана.

Наблюдая за жаркими схватками на борцовских коврах, вспоминал о наших с Тулеутаем встречах, деловом и неформальном общении с этим, безусловно, незаурядным и очень светлым человеком...

Первая такая встреча состоялась в 1998 году. Я работал начальником отдела продаж крупного завода «Семиречье», производившего хорошее вино. Рынок этот тогда только складывался, и спрос на нашу продукцию был просто колоссальный. А компания, которую создали Тулеутай с партнёрами, брала её у нас и поставляла в Караганду. И тут возникла такая ситуация: они уже оплатили очередную партию товара, прислали за ней фуру, а мы день за днём откладываем по разным причинам её загрузку. И водитель с обидой сказал: мол, завтра уже мой шеф придет с вами разбираться...

Я этой встречи ожидал с некоторой опаской – могла быть конфликтная ситуация. А тут заходит парень, примерно мой ровесник, представляется: «Канаев Тулеутай, можно Толик, карагандинская компания «ПКС»... Вы, наверное, решили сделать нас алматинцами?»... Это он так деликатно на поддержку намекал. Всё перевёл в шутку, и сумрачная обстановка тут же рассеялась, и будто в комнате посветлело...

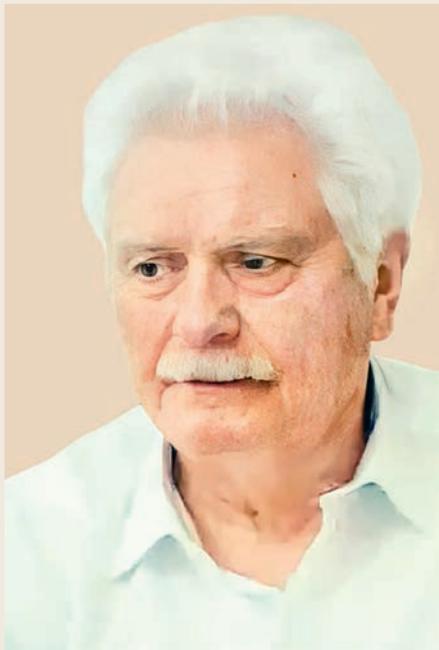
Только познакомились – и сразу ощущение – да это же свой парень, которому, конечно, надо помочь.

Он обладал каким-то удивительным личным обаянием, искренней доброжелательностью, поразительным умением расположить к себе... И мы стали работать с ними, хоть они и не были тогда нашими крупными партнёрами.

Навсегда остался в памяти такой случай, лучше всего характеризующий Тулеутая как человека. Я приехал в Павлодар по делам бизнеса к своим партнёрам, но «встретили» они меня так, что я оказался один, на улице, в чужом городе, где ни друзей, ни родных. Вспомнил про Тулеутая, хотя мы с ним в это время уже не сотрудничали, позвонил и услышал:

«Стой, где стоишь, я через пять минут буду». Тут же подъехал, и первый вопрос: «Ты голодный?» – «Да, поел бы...». И он в тот раз как-то очень ненавязчиво, умело, красиво так заразил, можно сказать, нащиповал меня своим неповторимым юмором, что я быстро забыл о собственных неприятностях, и совсем по-другому стал мне видиться Павлодар, показавшийся сначала уютным, пыльным, серым...

Исаев Борис Васильевич – первый секретарь Павлодарского обкома партии, принявший активное участие в возвращении меня на историческую родину: по его указанию приехал ко мне в Панкрушиху, чтобы пригласить меня вернуться на родину предков Ашимбетов Кемер Кожаметович, председатель Щербактинского райисполкома

Каирбаев Махмет Каирбаевич – председатель Павлодарского облисполкома, Герой Советского Союза. Ему я написал письмо о желании вернуться в Казахстан

Руководство Щербактинского района и гости из области: Нуркин Кабдуш Темирбаевич – секретарь облисполкома, Жумабеков Кабиден Акимбекович – бывший начальник облсельхозуправления. Мы с Николаем Фёдоровичем Гегером – первым секретарём Щербактинского райкома партии сидели рядом с правой стороны

Председатель Щербактинского райисполкома – Кемер Кожаметович Ашимбетов приехал познакомиться со мной в Панкрушиху после моего письма М.К. Каирбаеву о желании вернуться на историческую родину.

На 23-й областной партийной конференции, справа налево: Поляков Владимир Пантелеевич – председатель колхоза «Победа». Пырин Владимир Николаевич – председатель райкома профсоюзов работников сельского хозяйства, Канаев Моилжан Сулейменович – начальник управления сельского хозяйства Щербактинского района, Шпейт Александр Богданович – директор совхоза имени Богдана Хмельницкого

Встречаем с руководством области первого секретаря ЦК Компартии Казахстана, члена Политбюро ЦК КПСС Кунаева Динмухамеда Ахмедовича. На снимке справа налево: Ерпилов Пётр Иванович – первый секретарь Павлодарского обкома партии, Ашимбетов Кемер Кожаметович – первый секретарь Павлодарского райкома партии, Канаев Моилжан Сулейменович – начальник областного плодоовощного объединения, Кунаев Динмухамед Ахметович. Пояснения руководителю республики даёт Симонов Владимир Михайлович – директор совхоза «Черноярский».

На Дне Победы в Щербактах. Мы с братом Шаймарданом Сулейменовичем после демонстрации

Мы с Кулятай на Красной площади в Москве у мавзолея В.И. Ленина в 1985 году

За дастарханом в честь дня пожилых людей. Слева направо: Чертков Владимир Алексеевич – бывший начальник управления хлебопродуктов, Канаев Моилжан Сулейменович – бывший начальник управления земледелия области, Ашимбетов Нуржан Кемерович – заместитель акима области по сельскому хозяйству, Айткенов Ернур Нурмаханович – начальник управления сельского хозяйства области

**Токсан асты анамыз,
Қамқор болған панамыз,
Шанырақтың шайтығын
Ұстап қалған данамыз,
Жалғасының қайырды
Қошамсырақты айналасы**

**Тойға
Шакыру**

**Еркелеген қулыншақ Ниязтайым
Салтанатты күнімен құлтықтайың
Токсандағы апаның жасың берей
Тойға тұлғасыңан өкпелідей**

Құрметті *Моилжан*

Сіздердің жауызқты анамыздың мерейтойына және
Ниязтайымның тоқсан жасына арнап дастарханымыздың
құрметімен сұраймыз.

Павлодар қаласы
«Аравия» тойханасы
12 қыркүйек 2010ж.
Сағат 13:00
Той иелері: Моилжан, Қултай

90-летний юбилей старшей снохи Кульпан. Внук Нияз, который стал мусульманином

Рядом со мной сидят Кулятай с внуком Рахатом и младшей дочерью Гульмирой; стоят слева направо: Тулеутай, Рысты, Шолпан, Айман и её супруг Ринат

Кулятай с внуком Олжасом, Гульмира, Моилжан, Шолпан и её супруг Канат, Тулеутай

Клавдия Токтаровна с внуком Ниязом

Кулятай с братьями Балтабаем, Какамаем и двоюродной сестрой Кульпан

Приезд в гости отца Анары Марала Макишева и её матери Гули. Слева – Мурат Садуакасов – деверь дочери Айман

Тулелутай в Германии, в гостях у тренера Виктора Гешеле, под началом которого он за два с половиной года защитил норматив мастера спорта СССР по самбо

После завершения двухдневного турнира городов СНГ и Казахстана по борьбе самбо, посвящённого памяти Тулеутая. В центре – рядом со мной – тренер Виктор Львович Гешеле, приехавший из Германии

Тулеутай с другом Нурлыбеком за границей, пытаются обнять дерево-гигант

Моя сноха Анара с сыновьями
Дарыном и Ниязом

Я с внуками Дарыном и Ниязом

Родилась правнучка Диана, её отец – мой внук Олжас сидит рядом со мной; стоят: его супруга Кундузай, внук Нияз, дочь Рысты, сноха Анара, зять Толесаги, дочь Гульмира; сидят: внук Дарын, Клавдия Токтаровна с правнучкой. Видна природа Алтая на картине панкрусхинского художника Незбудея

На юбилее у моего друга Анатолия Солдатова, рядом с ним его супруга Валентина Ивановна. Город Бердск Новосибирской области

На встрече с воспитанниками школы олимпийского резерва у аллеи, посаженной в память о Тулеутасе

Иван Клименко – друг Тулеутая, единственный, кто посетил Дарына во время учёбы в Англии

Моя сноха Анара с сыном, моим внуком Дарыном на рабочем месте

Во время десятого краевого праздника Наурыз на Алтае. Рядом со мной (слева) — Бекмуратов Мурат Серикович —председатель национально-культурной автономии казахов Алтайского края

Делегация Павлодарской области в Кулундинском районе Алтайского края. В центре второго ряда глава администрации района Щербактинского района Павлодарской области Е.В. Аскаров. На переднем плане – председатель Славянского культурного центра Т.И. Кузина, председатель Алтайского землячества Павлодарской области Д.Н. Фалеев и мы с Клавдией Токтаровной

С ним было легко, спокойно, надёжно. Мы едем по Павлодару, где, оказывается, его многие знают – сигналият, машут из встречных машин, улыбаются. Вдруг он, вроде без всякого повода, останавливается, говорит:

«Я своего тренера увидел – надо поздороваться». Переходим дорогу – он меня представляет, начинает характеризовать, цветисто, с некоторым преувеличением.

Так зарождалась наша настоящая мужская дружба, и со временем я прикипел к нему.

В ту встречу, провожая меня в аэропорту, он предложил: «Может, поработаем вместе?». Я в ответ заметил, что это будет не так просто, ведь это специфический рынок, и он уже сложился, тут жёсткая конкуренция. Он в ответ: «Ничего, прорвёмся, через год этот огород будет наш».

Я поставил ему жёсткие условия: вот план продаж, ты должен вкладываться и ни разу не подвести... Скажу честно, я не был уверен, что ему всё это удастся. А он повёл дело так, что созданная им фирма «ДАН» по объёму продаж вскоре вышла на первое место в Казахстане и потом всегда оставалась в тройке лидеров, а среди областных городов лидировала практически постоянно, опережая иногда и Алматы. И это лучше всего говорит о деловой хватке Тулеутая, умении делать дело, налаживать отношения с партнёрами, нацеливать персонал фирмы на успех.

Однажды он приехал на нашу конференцию, на которой ему, как главе фирмы, занявшей первое место, мы должны были вручить серебряный кубок. А он был такой человек, что никогда не говорил о себе, а только о других, кто рядом. Но на этот раз мы уж точно собирались сказать о нём – как о победителе, талантливом бизнесмене и т.д. Он же и тут возразил, отшутился: мол, ещё взгляните меня... Я же с Ержиком приехал (это его друг по спорту Ержан Иманжусупов, которого он в бизнес перетащил)... Давайте, мол, ему устроим праздник – у него сегодня день рождения. И в итоге на первых ролях в тот раз оказался друг Тулеутая, а сам он был счастлив, что его друга так чествуют...

Он и сам был большой мастер организовывать праздники для друзей и партнёров. Случалось, приезжал в Алматы, звонил и приглашал в ресторан. А когда я, чувствуя себя не в своей тарелке, пытался ему говорить, что это я, как хозяин, должен всё это организовывать, просто отшучивался: мол, всё уже заказано, жду и так далее...

На всю жизнь у меня о нём останется благодарная, светлая память. И все люди, с которыми он меня знакомил или сводил, чаще всего были под стать ему, отношения с ними закладывались на долгие годы.

Создав в Павлодаре дистрибьюторскую компанию, причём, повторяю, в очень непростые времена, он смог придать ей и надёжный запас прочности. Однако даже нам, его партнёрам и друзьям, не верилось в её благополучное будущее, когда трагически оборвалась жизнь Тулеутая. Ведь то, что сделала его супруга Анара Мараловна, решившая взять бизнес мужа в свои руки, – случай уникальный, особенно в этом сегменте рынка. Тем более что бизнесом она до этого не занималась. Хотя справедливости ради замечу: иногда Тулеутай накануне принятия важного решения говорил: «Подумаю ещё, с женой посоветуюсь!» – мы воспринимали это как шутку.

Нам очень трудно было начинать с ней разговор о фирме, о работе. А она сказала: «Толику вечная память, он всегда с нами, но нам с вами надо вести дело».

Анара Мараловна оказалась человеком с характером, нужными деловыми качествами и достойно повела дела фирмы «ДАН» дальше. Ни в одной своей части компания под руководством Анары Мараловны себя не потеряла, сделано много нового.

В нашем дистрибьюторском бизнесе фирма «ДАН» и её глава – это теперь своего рода бренд. И если мы с кем-то из бизнесменов Павлодара знакомимся, спрашиваем: работаете ли с Анарой Мараловной, всегда слышим только самые лучшие, уважительные отзывы.

В фирме «ДАН» вас встречает портрет Тулеутая – здесь все знают историю компании, чтят память о её основателе и нашем друге. Были у фирмы и трудные времена, но и тогда её покинули лишь единицы. Она прочно стоит на ногах, и о такой корпоративной солидарности, что я вижу в этом коллективе, многим другим остаётся только мечтать. И это тоже – от авторитета, преданности делу Анары Мараловны, в лице которой мы обрели не просто надёжного партнёра, но искреннего, верного друга. Как будто Тулеутай связал нас незримой, но крепкой нитью – взаимоуважительного общения, красивой, достойной дружбы. Дружбы, над которой не властны ни расстояния, ни время.

Игорь ГАВРИЛЕНКО, бизнесмен

ЭТО БЫЛ ПОДАРОК СУДЬБЫ

Есть люди, встречи с которыми остаются в памяти на всю жизнь. Такими для меня стали годы работы с Тулеутаем Канаевым.

Я работал водителем КамАЗа-самосвала в автобазе объединения «Павлодармелиорация». А когда это водохозяйственное предприятие в годы экономического кризиса начала 90-х развалилось, стал работать водителем автомашины-рефрижератора в ИП «Павленко». А когда эта машина сломалась, он взял в аренду такую же у фирмы Тулеутая Канаева – грузовой рефрижератор-«мерседес», на котором я стал работать. Потом начались финансовые проблемы у моего работодателя, и арендованную машину пришлось вернуть. Вместе с ней перешёл на работу к Тулеутая Канаеву и я.

Первое время он ко мне, конечно, присматривался, зато потом стал доверять безоговорочно. Я даже зарплату, можно сказать, сам себе начислял. Я ездил за товаром, запасными частями в Алма-Ату, Усть-Каменогорск, Петропавловск на машине. На бензин, запасные части, ремонт мне выдавали наличные деньги, порой значительные суммы в несколько тысяч долларов. Все свои поездки я записывал в специальную тетрадь, заходил с ней в конце месяца к шефу. Он бегло мои записи просматривал, подписывал, я шёл в бухгалтерию, где всё обсчитывали и выплачивали мне зарплату. С ней, кстати, никогда не было никаких задержек.

Работал наш шеф так: каждое утро начинал с обхода участков – заходил в гараж, склад, с каждым работником здоровался, спрашивал о делах, здоровье, проблемах. И только потом отправлялся в свой кабинет, дверь в который, за исключением редких случаев, когда проводил совещание или важные встречи, всегда держал открытой. И, увидев через нее того, кто ему был нужен, звал к себе.

Он умел разговаривать с людьми, слушать людей. Он был хозяином фирмы, но любой мог с ним поговорить на любую важную для этого человека тему. Многим помогал.

Однажды и я обратился к нему за помощью. Мой сын в Омске хотел получить там квартиру по ипотеке, и нужен был первоначальный взнос в пять тысяч долларов. Этих денег не было ни у него, ни у меня. И я, поколебавшись,

МОИЛЖАН КАНАВВ

пошёл с просьбой занять эту сумму к Тулеутаю. Он только уточнил – на что нужны деньги и сразу сказал, что поможет, как только они потребуются.

С ипотекой, правда, у сына ничего не получилось и деньги не понадобились. Но готовность помочь мне со стороны шефа глубоко меня тронула.

Его вообще отличала истинная человечность в отношениях с людьми, включая и работниками фирмы. Был у нас сварщик: руки золотые, мастер своего дела, но, как говорят, «на стакане сидел», то есть был запойный пьяница. Другой бы такого точно уволил, тем более найти хорошего сварщика в ту пору безработицы не было проблемой. А Тулеутай помог этому мужику вылечиться, вернуться к нормальной жизни, и он продолжил у нас работать. Многим Тулеутай помог и состояться в бизнесе.

У нас же с ним сложились очень доверительные, можно сказать, дружеские отношения. Ну да, я не входил в его близкий круг, мы не пили на брудершафт... Но мы с ним были, без преувеличения, родственные души, стали близкими людьми. Важным для меня было и то, что я подчинялся только ему и никому другому, а он мне безоговорочно доверял.

Предлагал и повышение – должность механика, заверил, что и с зарплатой не обидит. Но я отказался, сказал, что я по натуре дальнбойщик, привык к дальним рейсам и менять эту жизнь на другую не хочу. Он не стал настаивать, за что я ему тоже благодарен.

А однажды я надумал уходить: меня позвал обратно мой прежний работодатель. И я прямо сказал об этом Тулеутаю. «Уговаривать тебя не стану, – отвечал он, – но если надумаешь вернуться, знай, что двери моей фирмы для тебя всегда открыты». И я остался, о чём никогда не пожалел: от добра добра не ищут.

В рабочих взаимоотношениях наш шеф всегда был неизменно доброжелателен, никогда ни на кого не причал, не ругался. Однако и, не повышая голоса, мог спросить за провинность, за несделанное или сделанное не так. Так что он мог, когда надо было, быть и требовательным, и строгим, невзирая ни на какие дружеские отношения.

О его трагической гибели я узнал в Караганде, в очередной поездке. Накануне мне приснился плохой сон, я сразу подумал, что не к добру... И вскоре пришла весть о том, что Тулеутая больше нет... У меня было такое чувство, будто я потерял лучшего друга, очень дорогого и близкого мне че-

ловека. И уверен, чувства горькой утраты испытал не я один, а очень многие из тех, кто с ним работал, дружил, сотрудничал, знался. Он был человек редких душевных качеств, я, во всяком случае, прожив уже немало лет, таких, кажется, больше не встречал.

Когда на смену Толеутаю в фирму пришла его супруга Анара Мараловна, у нас были сомнения, что она с этим очень непростым хозяйством справится. Но она оказалась человеком с характером, волей и не просто быстро вошла в курс дела, но и показала себя умелым управленцем. При ней фирма не просто устояла, но и получила новое развитие.

По предложению Анары Мараловны я занял пост механика. Дело в общем знакомое, но всё равно прежде поговорил с людьми, заручился их поддержкой. Мне это тоже было важно.

А когда со временем фирма отказалась от собственного грузового автотранспорта, мне было поручено заняться хозяйственными заботами – освещение, водоснабжение, содержание в порядке территорий, зимой – очистка подъездов и той же территории от снега.

Считаю большей жизненной удачей встречу с Тулеутаем Канаевым, ставшим мне надёжным товарищем и даже другом, близким человеком. Без преувеличения скажу, что он помог мне определить судьбу, семейное благополучие не на одно десятилетие. Помню и всегда буду помнить о нашей совместной работе, нашем общении. Это был настоящий подарок судьбы.

Сергей ПОДМИНОГИН

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ СТИПЕНДИИ

Благотворительные стипендии от семьи павлодарцев Канаевых получили накануне Дня Независимости пятеро лучших воспитанников областной специализированной школы-интерната для одарённых в спорте детей.

Эти стипендии учреждены семьёй несколько лет назад – в память о трагически погибшем Тулеутае Канаеве, мастере спорта СССР по борьбе самбо, мечтавшем создать специализированное учебное заведение, в котором бы спортивно одарённые дети, особенно из села, могли жить и учиться, повышая своё спортивное мастерство. Такая школа-интернат действует в Павлодаре под опекой государства, её воспитанники уже известны своими спортивными

МОИЛЖАН КАНАЕВ

достижениями далеко за пределами региона и республики. А семья Канаевых оказывает школе различные виды спонсорской помощи.

Так, на средства фирмы «ДАН», основанной Тулеутаем Канаевым, и при её организационной поддержке на площади перед школой высажены 33 ели (по числу прожитых спортсменом лет), за которыми ухаживают воспитанники школы. Теперь это аллея имени Т. Канаева.

Регулярно проводятся турниры по борьбе, посвящённые его памяти. Семьёй учреждены именные стипендии.

На этот раз её обладателями стали борцы Антон Савенко, Роза Абдыкаримова, Адема Калиева, гимнастка Айдана Сарыбай, волейболистка Ксения Арефьева – призёры республиканских и международных чемпионатов. Отмеченных именной стипендией поздравил отец Тулеутая – Моилжан Сулейменович Канаев, ветеран сельскохозяйственного производства, большой друг школы-интерната. Вручили стипендии воспитанникам школы члены Алтайского землячества в Павлодаре – земляки Тулеутая Канаева.

Юрий ДМИТРИЕВ

ВСПОМИНАЮТ И ГОВОРЯТ РОДНЫЕ

РАССКАЗ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Корни нашего рода – семипалатинские, территория нынешнего Бескарагайского района. Поселения Атшапкан, Бегень – это были владения деда Рамазана, от него и наша фамилия пошла.

По рассказам моих отца и матери (хотя они о том времени особо не распространялись, я же всё-таки расспрашивала, и потом всё, что они говорили, подтверждалось свидетельствами других людей), у семьи деда было много скота, за которым ухаживали жившие здесь же семьи казахов.

Можно сказать, они работали на деда, но можно рассудить по-другому: он опекал их, заботился, помогал. Это была большая общность людей, живших по законам, традициям и обычаям казахов.

В детстве я не очень верила в то, что было именно так: нас ведь другому учили: были баи, которые нещадно эксплуатировали несчастную казахскую бедноту. Но с годами, расспрашивая отца с матерью, слушая рассказы других людей, которые у нас бывали и знали, как всё происходило на самом деле, я стала многое узнавать и понимать. В том числе и то, что дед Рамазан был человеком не только богатым и авторитетным, но и справедливым, опекал сородичей, заботился о них. Скажем, выделял скот на калым, который полагалось выплачивать семье жениха за невесту, выручал в трудных житейских ситуациях. Потому и сохранил о себе добрую память.

Как сложилась судьба деда Рамазана, я до сих пор не знаю. Отца же моего, как сына богатого скотовладельца, арестовали и держали в Семипалатинской тюрьме.

Мама осталась с двумя детьми – моими старшими братьями Балтабаем и Какамаем, без крова и каких бы то ни было средств к существованию. Из своего жилья их выгнали, и они нашли приют в одном из брошенных жилищ. По сути были обречены на голодную смерть, от которой их спас глава русской

МОИЛЖАН КАНАВВ

семьи Костиных, дружившей с семьёй родителей. Костин приезжал ночами и привозил нашим еду.

Благородно и решительно повели себя и сородичи отца, его бывшие работники, снарядившие в Семипалатинск целую делегацию. Там эти люди встали на защиту отца, заявив, что он не эксплуататор, а справедливый и уважаемый человек, что они готовы взять его на поруки. И – удивительное дело – отца, просидевшего в тюрьме семь дней, отпустили под поручительство земляков.

Но едва он вернулся домой, «сельсоветчики» ему заявили, что он сын бая, что ему тут не жить, что он должен убраться из этих мест. На выручку другу-тамыру опять пришёл Костин. Ночью он погрузил семью отца на телегу и довёз их всех до Баевского района, что в 80 километрах от города Камня-на-Оби Алтайского края. Потом они добрались до посёлка Новосибирский Каменского района и осели в местном колхозе.

Отец стал работать конюхом. Работал хорошо, умел обращаться с лошадьми. Однажды спас колхозный табун коней, загнанных ураганным ветром в солёное озеро. Год болел, потом не мог работать, но что-то ему платили. И мать говорила, что советская власть справедливая.

В Сибири родились мы – мой брат Уакит и я, в 1939 году.

Так и жили: старший брат стал стажёром, вроде помощника шофёра (была в ту пору такая практика), отец потом стал скотником, пас колхозных бычков. Словом, прижились. Дружили с русскими, чему-то новому в хозяйственных делах у них учились. Мать была у русских в авторитете: выделяла, дубила кожи, шила шубы и одевала в них всё местное начальство.

Меня отдали в школу, где я закончила четыре класса. Продолжала учёбу в Камне-на-Оби, куда уже перебрались братья: старший – шофёром, второй – валенки валял, сапоги шил, а третий – устроился в промкомбинат. В 1951 году и отец с матерью переехали.

В 1956 я уже девушка, брат повёз меня в Барнаул – учиться на бухгалтера. Тут был и свой расчёт: у нас девушек замуж выдают рано, вот и к нам зачастили потенциальные женихи из того же Кызыл ту. Родители были и не против отдать меня, но старший брат сказал: «Нет, пусть учится». Поселил в Барнауле у своих на квартире, в 1958 году я учёбу закончила.

Родители хотели вернуться в Казахстан, считая, что умирать надо на родине. Поэтому перебрались в Михайловку Алтайского края, это по соседству с Казахстаном, в 30 километрах от границы с ним.

Канаевых же мы и до того знали – они все заезжали к нам в Камень из Панкрушихи, общались с ними ещё и через их сноху Кульпан Рамазанову, родственницу, выросшую в нашей семье.

Судьба её настолько удивительна, что о ней надо рассказать особо. Кульпан – двоюродная сестра мне, дочь брата отца. Они тоже жили в ауле деда Рамазана. И в страшные, голодные 30-е годы все её родичи умерли, и она в семь лет осталась одна. Почему выжила тогда, объяснит мне много лет спустя так: ей отдавали все те крохи еды, которые удавалось добыть.

И она, семилетняя, пошла пешком куда глаза глядят. Всего боялась, русских к себе не подпускала, даже когда её пытались подкормить. Ей оставляли хлеб, чтобы видела, который она брала и ела только после того, как люди уходили.

Забегая вперёд, замечу, что Кульпан дожила до 94 лет – в почёте и уважении, мне же иногда говорила о секретах своего долголетия: «Никакой чёрт меня не брал!».

Тогда же она дошла до села Волчихи Алтайского края и на своё счастье впервые за многие дни пути увидела казахов – мужчину и женщину, греющих самовар. Подошла к ним и упала без сил. Они определили Кульпан в детский дом, где её нашёл брат по материнской линии и забрал к себе. И эта её родня уже общалась с нашей. Ей сказали: «Твоя родня Рамазановы – иди к ним!».

Так она оказалась у нас и жила до 17 лет. Канаев-отец часто заезжал к нам, и она ему очень понравилась. У нас, казахов, ведь как: девушке не женихам надо понравиться, а их родителям. Так и тут было: так понравилась, что семь раз приезжал, сватался и всё просил отдать её за своего сына.

А Кульпан и вправду красивая была, светлая, на загляденье. И её в 17 лет, объявив, будто ей уже 18, когда по тогдашним советским законам можно было заключать браки, увезли в Нацмен. Она стала им снохой, так что и через неё ещё мы с Канаевыми много общались. Никакого ухаживания за мной со стороны будущего мужа не было, как и дружбы между нами. Но меня видели и знали его мать, братья, сам он.

Судьбу же мою определил старший брат. Сватались до этого и другие, а отец говорил: «Она уже занята» – будто бы уже была кому-то обещана... Тут же мне пришло письмо от самого Канаева, в котором он просил моей руки. Я отдала письмо брату, который сразу ничего не сказал. А потом приехала сестра с Канаевыми и сам он. Говорит: «Я за тобой приехал». А сестра просит

МОИЛЖАН КАНАЕВ

отца: «Берём вашу дочь, обижать не будем...». Папа отказать ей уже не мог, и они с братом дали согласие. Моего же согласия никто не спрашивал – такие у нас обычаи. Но я, правда, тоже была не против...

Свадебный обряд проходил по казахским обычаям, прощаются с родителями, братьями, другими родичами, односельчанами. Я каждому из своих близких посвятила отдельное четверостишие (целую тетрадь исписала). Всех обошла на прощанье.

В общем, забрали меня. Наши со мной поехали к Канаевым... Так я в июне 1958 года оказалась у них. А уже с сентября стали вдвоём учительствовать в Нацмене. Мы – единственные учителя, притом что у него за плечами только школа-десятилетка, и то вечерняя, и я тоже не учитель по профессии. У нас на двоих 22 ученика, ни один из них русского языка не знает. А обучение надо вести на русском.

Учили их до нас, прямо скажу, плохо, для девочек это по казахским обычаям было не обязательно: главное – удачно замуж выйти... Но я уже сама была так воспитана, что хотела, чтобы дети учились. И мы школе, своим ученикам всей душой отдавались.

У нас дома были две лампы керосиновые, и одну я в школу носила, чтобы светлее и там было. Занимались первый с третьим и второй с четвёртым классом. Предметы приходилось давать на двух языках, стихи с ними зубрили наизусть, даже если не понимали их содержание. Приучали к тому, что без знаний – никуда.

Не было сначала своего жилья, но братья Канаевы нам быстро поставили дом-пятистенку, срубили из брёвен. Помню, 17 октября, уже снег летит, у нас крыша из досок, а я щели замазываю глиной.

Я не бедной пришла к ним, а, наоборот, со всей кухонной посудой, постельным бельём, одеждой, коврами. Одно условие поставила: одеваться буду по-русски. Но, правда, как платками на свадьбе накрывали, до сих пор ношу. А дома не носила: братья всегда мне покупали какие-нибудь нарядные шапочки. А ещё у меня было три снохи, и я поэтому знала, что такое сноха, как она должна себя вести.

До перехода в свой дом мы жили у соседей, в семье Айдаша Байгадина. 7 ноября поехали в Кызыл ту к Канаевым – праздник ведь. Потом они к нам, и не с пустыми руками: старший брат две овцы привёз, кур, второй – тёлочку и тоже овец. Так постепенно обзаводились собственным хозяйством, начиная с коровы, пяти овец и десятка кур.

Учили детей. Канаев уезжал учиться в Барнаул. Год у меня жил Шаймурат – сын Шаймардана. Ездили к родичам по праздникам в Кызыл ту. Иногда ненадолго приезжала к нам его мать, а все племянники тоже у меня пожили.

Летом у него сессия, а я говорю: к родителям поеду. Привязали корову к телеге, кур с собой взяла. И мне там веселее без него было, а то скучно, одиноко одной.

Потом ему лошадь купили с санями. Он уедет куда-нибудь, а я быстро управлюсь по хозяйству и выглядываю в окно – когда кто появится. А если на зимнюю сессию уезжал в Барнаул, я ему целый чемодан пельменей с собой готовила и намораживала.

Денег было негусто: у него, как учителя и завшколой, зарплата 800 рублей, старыми, ещё до реформы, у меня, учителя, – полставки. Дома у нас все деньги отдавали папе, я была кассиром: хранила их в чемодане, и у меня просили на расходы те или другие суммы, а я вела учёт... Тут же сообразила и сама сказала: «Деньги отдавай матери». Он их уносил, и сколько и как потом брал – не знаю. Расходов же было немного: в магазине – сахар, соль, спички, конфеты по 9 рублей 80 копеек (старыми деньгами) за килограмм. Согым нам привозили братья Канаевы, по частям. Если они приезжали с матерью, то хозяйкой за столом была всегда она.

Учился он в институте до 1963 года. Я часто оставалась сама, на мне было всё хозяйство: корова, овцы, куры, к которым добавились гуси, утки. Потом его назначили агрономом отделения, и мы перебрались в Кызыл ту, жили у матери и брата Моилжана – Шаймардана, управляющего отделением. А когда и там нам построили большой деревянный дом – через дорогу, перешли туда. Хорошо скот держали, птицу. В Нацмене огород никто не сажал, а здесь наши – всегда. И выращивали картошку, овощи, всё – вплоть до табака. Мы тоже в Кызыл ту огород завели.

Дети пошли... Я их по большей части сама растила, как и хозяйство вела. Сено, дрова привозили. А пилили-кололи сами. Воду из колодца носили.

Как ко мне относились? Не обижали, но я и сама была бойкая. Но в то же время старалась не конфликтовать ни с кем из родни, жить по их правилам. Не было и такого, чтобы моих детей кто-то нянчил.

На родительские собрания Моилжан всегда сам ходил, да мне и недосуг было – работы по дому хватало.

С 1969 года жили в Новосибирске с тремя детьми. Там я ещё выучилась на бухгалтера промышленности и работала бухгалтером крупного треста, в

МОИЛЖАН КАНАВВ

котором одних главных бухгалтеров было два, семь старших, и у каждого ещё по семь таких, как я. Это был трест «Северянка», где шили одежду.

А ещё семья, которую нужно накормить и обиходить. Рысты – в школу, младших Айманку и Шолпанку – в детский сад. Моилжан с утра до ночи учится. Мы ему создавали все условия, я его домашними делами никогда не грузила в отличие от детей, которые во всём помогали.

Рысты сначала водили в школу: она ведь аульная, а тут город. Но она быстро привыкла. Ей больше других «повезло»: пришлось учиться в пяти школах.

Наши дети росли спокойными, видели, насколько заняты родители, и сами старались по мере сил участвовать в хозяйственных делах. Вспоминаю: Айманка домывает крыльцо нашего дома и посматривает на часы – как бы в школу не опоздать. И из школы – бегом: уроки делать, мне помогать. Да все девчонки росли трудолюбивыми, понятливыми, не доставлявшими нам особых хлопот. И все они состоялись в жизни.

Прожили год в Новосибирске. У него два месяца свободных, хотел подработать где-нибудь. У меня учёба, и я говорю – не надо. Он забирает старших дочерей с собой, оставляя на меня младшую, и привозит племянницу. Я до часу дня учусь – и домой. По пути прикуплю горячих пирожков – обед уже есть. По дому работы не так много стало – прямо отдыхала.

А в сентябре он привёз дочерей, свекровь (свою мать) да ещё племянника – тот в институте учился. Вот это была нагрузка!

Я по пути с занятий накуплю продуктов, надо приготовить и ещё постирать, подштопать... Всё на мне, ведь у казахов такой порядок: свекровь за столом распоряжается, когда уже всё готово, мужчины – тоже на всём готовом. Но как бы ни было временами тяжело, никогда не сетовала, никогда ни с кем не поругалась – ни из его родни, ни с соседями. И на работе ни с кем ни разу не поругалась. Если что и выговаривала кому, то только детям. Хотя и с Моилжаном тоже иногда спорили.

Сын Тулеутай, которого мы звали Толиком, уже во втором классе всё по хозяйству делал. Мы всегда скот держали, и он вывозил навоз на огород. Заполнял им все наши десять соток. И скот поил тоже он.

Картошку я тоже по большей части сама копала, а потом и дети помогали. Ему же всё некогда. Бывало, у соседей картошка уже всходит, а у нас ещё не пахано. Потом всё же пригонит трактор, вспашут – и картошка у нас на Алтае родилась просто великолепная.

Так мы жили, подчиняясь передвижениям по службе Моилжана. Никто особенно не спрашивал меня – хочу ли я переезжать в Казахстан. Мы вообще часто переезжали. Ну, раз надо – поехали...

Я не жалею о судьбу. Очень благодарна детям. Они росли послушными, уважают нас, выучились, нашли себя в жизни. И сноха хорошая, чтит память о муже – нашем сыне. Теперь уже и внуки подросли, появились у нас новые снохи!

Я всегда с пониманием относилась ко всем новым обязанностям мужа, знала, что это работа. Читала казахские обычаи. Но я и сама работала, там порой, мне казалось, скорее отдыхала, потому что дома работы всегда было втрое больше. Тут и хозяйство, и готовка, стирка, печь протопить, всех накормить.

Троих своих детей я родила дома, при поддержке свекрови и двух сестёр. Так что никто не должен на меня обижаться. Это мама нас так воспитала – в уважении к труду, скромном поведении, соблюдении обычаев. Её как будто очень простые наставления: «На уроках сиди тихо, по сторонам не смотри, внимательно слушай учительницу, смотри – как она себя ведёт» – очень и очень помогли мне в жизни. Я, кстати, одно время считала, что учительница вообще никогда не смеётся, раз она делает такое важное дело.

Мама и шить меня научила. И пусть я была не настоящая швея, но было время, Моилжан уезжал на учёбу в Барнаул в моём шитье.

Мама всегда отправляла меня в школу чистенькую, наглаженную, в бантах. И я так же своих снаряжала, приучала к аккуратности и чистоте.

Моилжан недавно припомнил, как я ему выговаривала, когда он возвращался из своих поездок по фермам, пропахший запахом силоса: «Ты эту одежду в дом не носи, оставляй в коридоре, за дверью». Он даже обижался: «Доярки работают – и ничего, а тебе запах мешает!».

По свидетельству о рождении я – Клавдия Токтаровна. Отец пришёл меня записывать в сельсовет, говорит: «Дочь, Кулятай». «Ты по-русски называй», – отвечают ему. «Не знаю, как по-русски будет. Как хотите, так запишите». Ну и записали Клавой, так меня в Сибири все и звали.

Что ещё помнится? Как в Камне-на-Оби промышляли в окрестных лесах, собирали разные ягоды, грибы, дикую щавель, лук, чеснок. Фруктов в детстве и потом почти не видели. В Новосибирске первый раз увидела апельсины, семь рублей за килограмм, узбеки торговали. А у меня зарплата – 80 рублей (уже новыми деньгами). Попробуй их накопить!

МОИЛЖАН КАНАВВ

Теперь-то что не жить – хорошая городская квартира, всё под рукой. А в Нацмене воду возили-носили за полтора километра. Зимой везёшь флягу на санках, она в сугробе завалится набок. Хохочем, откапываем – и опять на санки... Или белили в своём доме до трёх часов ночи... А вставать всегда рано приходилось...

Соседи нам всегда попадались хорошие, мы со всеми ладили, даже в Новосибирске, где были чужаками.

Меня почему-то всю жизнь считали строгой, хотя я ни своих детей, ни учеников никогда не наказывала... А наши дети говорили: «Да, мама у нас строгая». Главное же, что они и по сей день меня радуют, как и внуки.

Наверное, часть своего воспитания я получила и оттого, что у папы в доме часто бывали гости, много гостей, и я всегда находилась среди них. Наблюдала, слушала и таким образом тоже училась, как надо себя вести.

Свекровь меня не обижала и не ругала, но я в свою очередь старалась не давать ей для этого повода. Моилжан как-то заметил, что мать старших снох держала жёстко, строго, а к приходу к ним в семью младшей, то есть меня, уже поостыла. Ещё она научила меня ткать рукотворные ковры, я это дело быстро освоила...

Вот, собственно, и всё о моей жизни, или, во всяком случае, то, что вспомнилось.

Кулятай (Клавдия) ТОКТАРОВНА

СЛОВО О МОЁМ ОТЦЕ

Прежде всего хотелось бы высказать благодарность за рождение этой книги своему отцу Канаеву Моилжану Сулейменовичу и Юрию Дмитриевичу Поминову.

С возрастом я очень ясно осознаю необходимость такой книги – прежде всего ради внуков, правнуков. Моему отцу 85 лет на сегодняшний день, и я о нём с уверенностью и гордостью могу сказать – в свои почтенные годы это Настоящий Мужчина, который является корнем, основой, незыблемой базой нашей семьи, который взял на себя ответственность за своих детей, племянников, внуков, близких и до сих пор её уверенно несёт. Он не сгибается беспомощно под трудностями или вызовами судьбы, он принимает действи-

тельность и действует исходя из сложившихся обстоятельств. Это качества очень сильного человека, и я, как дочь, горжусь этим.

Я хочу, чтобы мои внуки и правнуки, читая завтра эту книгу, гордились своим дедом, своими корнями. Близкий друг Толеутая, моего брата, Иван Клименко достаточно часто, красной линией всегда проводит: «Вы не всегда цените и не осознаете этого – в вашей семье правильные и мощные корни». Причем, надо отдать должное какой-то внутренней природной мудрости Ивана, он говорил это еще во времена своей молодости и даже юности, когда мы себя считали самыми умными, а от предков, тем более пра-пра досадливо отмахивались. Из рассказов родителей у меня в голове остались образ моего деда Сулеймена, деда Рамазана, Тохтара, моих бабушек Жамили, Багдан. И осознание того, что кровь моих таких сильных предков течёт и во мне, даёт мне внутреннюю силу, определенные границы, ниже которых мне не позволено быть, и говорит мне, что мой генетический материал даёт мне большие горизонты, большой запас крепости и надежности. Я силу этих корней начинаю осознавать только с возрастом...

Я поражаюсь тому, как дед Сулеймен, бабушка Жамиля сумели преодолеть препоны средневековья, создали семью, в годы голодомора родили и воспитали четырёх сыновей и дочь. А главное – находясь на чужбине, дали детям образование и настоящее воспитание. А в годы Великой Отечественной войны моя бабушка совершает настоящий подвиг, отправив на фронт троих сыновей, создаёт личное подворье и его продукцию – мясо, продаёт в городе Новосибирске, являясь единственной женщиной среди мужчин, занимающихся этим делом.

Я предполагаю, что нас, Канаевых, могло не быть на этом свете, если бы не невероятные усилия моего деда и моей бабушки. Ведь ушли же в иной мир три брата моего дедушки, не создав своей семьи. А мой дед и бабушка по линии матери – Токтар и Богдан, подвергшиеся репрессии, как дети бия, лишённые тысячного поголовья скота, сумели устроить себе достойную жизнь в новых условиях, в русском селе недалеко от города Камня-на-Оби. Дед работал скотником, а бабушка шила шубы из овчины, выделанные ею самой, что приносило хороший доход.

Однажды дед совершил подвиг, спас 80 голов колхозного скота, которые могли утонуть. Местные жители стали уважительно относиться к деду Макару, так его звали в посёлке. Председатель колхоза «Красный сибиряк» Колес-

ников стал ежегодно ему давать одного коня на согым. Они здесь вырастили и выучили трёх сыновей и дочь – мою маму, она там работала бухгалтером колхоза «Октябрь» Каменского района Алтайского края.

Мне было всего один год, когда меня перевезли из родного аула в город Новосибирск, затем переехали в Панкрушиху, Подойниково и опять в Панкрушиху. Видимо, поэтому меня тянуло побывать в родных местах, где живут одни казахи, родственники, их дети – мои племянники. Особенно нравилось, когда мы всей семьёй ехали в Кызыл ту, пересекая хвойный, дремучий лес, который казался мне очень высоким. Я была счастлива, когда мне разрешили жить там во время летних каникул. Мы, дети, никому не мешали, сами придумывали всякие игры и развлечения, питались натуральными продуктами. Дядя Жунус, самый старший, самый уважаемый и любимый человек не только у Канаевых, а всего аула. Кстати, его все дети звали папа, он нас, посадил на длинную телегу, возил собирать землянику, смородину, костянику, дикий лук. Ходила в магазин, где продавцом работала моя тётя Баткен. Кзылтовской начальной школой заведовал мой дядя – Мухамеджан, а управляющим отделения совхоза много лет работал тоже мой дядя – Чаймардан, который, несмотря на занятость, со мной разговаривал, я была ближе к нему среди всех племянников и даже могла жаловаться ему, если кто-нибудь меня обидит.

Благодарны родителям, что они нас с Айман учили в музыкальной школе, расположенной в Панкрушихе, куда мы два раза в неделю девчонками (ещё две сестры Селивановы) ездили на папиной служебной машине. Конечно, это всё было хлопотно и затратно, за нас ежемесячно платили по 12 рублей. О пользе игры на пианино только сейчас доказали учёные, известно, что она развивает оба полушария головного мозга, реакцию и цепкость ума, ибо правая и левая руки пианиста ведут свои, абсолютно разные партии, порой даже в противоположных направлениях и, как следствие, развивается мозг человека. Я предполагаю, что эти качества очень помогли мне в жизни, а главное – музыка расслабляет человека, он хорошо отдыхает.

А ещё наши родители в далёком 1974 году, в год рождения младшей, самой любимой сестрёнки Гульмиры нам купили пианино за 700 рублей. Оно сейчас находится в Астане и по нему стучит пальчиками моя внучка Диана, дочь моего сына Олжаса, который через 20-30 лет скажет своим внукам: «Это пианино куплено моим дедом, вашим пра-прадедом ещё в прошлом веке, находясь в глубине Сибири, проживая в русском селе Подойниково. Специалист

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

по музыкальным инструментам столицы сказал: «Оно в хорошем состоянии!». Видимо, не все было плохо в советское время.

Хотелось бы чтобы потомки моего отца знали, что их дед сумел достойно состояться в двух государствах, выдержал потерю своих племянников и даже сына, в 85 лет имеет здравый смысл, хорошую физическую форму, ежедневно (!) в течение более 10 лет проходит от 5 километров по утрам, еженедельно по графику плавает в бассейне, водит машину, держит хозяйство, обеспечивает мясом своих детей и внуков, продолжает работать над развитием интеллекта – читает книги, пишет, занимается общественной деятельностью. Как-то недавно в разговоре папа сказал: «Оказывается, с возрастом человек начинает переоценивать себя, свои достижения. Надо научиться не выпячивать себя, вот за этим в себе я сейчас стараюсь следить». Меня это восхитило, такое аналитическое, критическое отношение именно по отношению к себе характерно не каждому молодому...

Надо сказать, что я с детства гордилась своим отцом – всегда знала, что на всех школьных мероприятиях будет выступать мой папа. Я знала что на всех районных, празднествах, митингах советского времени мой отец всегда будет в президиуме. Для меня это было важно, что мой отец весом, авторитетен, умён.

Я удивляюсь, что до сих пор наш отец своим присутствием всегда умеет придать любому мероприятию весомость, значимость, упорядоченность. Видимо, поэтому для меня главные качества мужчины – это ум, авторитетность, значимость, внутренняя сила и интеллигентность...

Мне сейчас 50. И, конечно же, я много видела самых разных семей. Я благодарна родителям, что они нас вырастили такими, какие мы есть – дали всем образование, дали каждому возможность идти своим путем, заложили в нас основные ценности, понятия о собственном достоинстве, о порядочности. Думаю мы хорошая и счастливая семья. И даже то огромное горе, которое постигло нас... По прошествии лет, уже смирясь с такой потерей, я думаю: но

МОИЛЖАН КАНАВВ

ведь мы все равно счастливые очень, он у нас был – Толик такой брат! А ведь у других такого брата не было, а мне повезло его знать и с ним жить хотя бы 33 года...

У Антуана Экзюпери Маленький Принц, перед тем как навсегда уйти на свою планету (я так понимаю, это Экзюпери о смерти), говорит:

«И когда ты утетишься (в конце концов всегда утешаешься), ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда мне будешь другом. Тебе захочется пошутиться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: «Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!»

Толика нет уже почти 15 лет. До сих пор наши дети и даже дети наших знакомых и родственников, помнят его, и он для них авторитет: важно, что бы сказал дядя Толик в той или иной ситуации. До сих пор друзья Толика рядом с нами. И не просто с нами, а поддерживают и нас, и отца, и наших детей – сыновей и племянников Толеутая. Поддерживают и словом, и духом, и делом. Если раньше мы больше общались через Толеутая, то после гибели Толика они стали еще ближе к нам, причем по их инициативе, есть ощущение, что они прямо переложили и взяли на себя ответственность за нас, оберегают, буквально стоят на страже наших интересов. Говорят: скажи мне кто твой друг, и я скажу тебе кто ты. Друзья Толика сильно характеризуют личность Толеутая – он тоже был цельный, с характером, не боялся брать на себя ответственность.

А еще Толик был очень легкий. Не легковесный, далеко нет. Но внутренне легкий – об этом говорят многие, кто знал Толеутая. Как-то вот искрился он этой энергией, возле него всем и всегда хотелось быть. И еще он всегда приподнимал людей. Незаметно так, вроде и не прямым текстом, но вот при нём я всегда чувствовала лучшую версию себя.

ШОЛПАН, дочь

«Я ЭТО ПОМНЮ...»

Поскольку мне было 7 лет, когда мы переехали из России в Казахстан, мои воспоминания об Алтае очень смутные. Единственное, что ярко вспоминается из этого периода – это поездки в Кызыл ту. Это были практически

обязательные поездки выходного дня, если папа не был занят на работе. Мы саживались всей семьей в УАЗик и начиналось наше путешествие. В Кызыл Ту всегда было шумно,людно и весело.

О моём брате я могу говорить и вспоминать безостановочно. Шолпан, Толеутай и я (младшие) всегда были очень связаны.

Самый главный подарок, который я получила от брата – это колоссальное чувство защищенности и уверенности в том, что ни у кого нет права обидеть меня. Я помню, как в возрасте примерно 10 лет я поконфликтовала с мальчиком из соседнего двора за качели. Во время конфликта я «держала лицо», но разумеется он оказался сильнее, да еще и плюнул в меня. В итоге мне ничего не оставалось как ретироваться, и тут уж я дала волю слезам. Надо сказать, что парню крайне не повезло с выбором «врага». Пока я шла домой, меня, ревушую, поочередно встретили два друга Толика из нашего двора. Позже я узнала, что они по очереди поколотили моего обидчика «без суда и следствия». Естественно об этом проишествии узнал Толеутай, и на следующий день это несчастный мальчик в третий раз пожалел о своем поступке, уже в моем присутствии. Напоследок Толик сказал мне: «Плюй в него!» Моя злость уже давно прошла, поэтому я засомневалась было, но Толик сказал: «Плюй!» И я плюнула! Мне до сих пор немного стыдно, что я плюнула в живого человека, но уверенность в том, что никто не может обидеть меня безнаказанно поселилась во мне на физическом уровне.

Еще один случай. В возрасте 18-20 лет я очень любила экспериментировать с одеждой, носить эпатазирующие наряды. Я знаю, что Толеутай, будучи достаточно консервативным, не одобрял моих «модных» экспериментов, но ни разу ни словом, ни эмоцией не давал этого понять. Однажды я вошла в кабинет Толика в одном из своих «супернарядов», а там находился один из его партнеров по бизнесу Ермек Ч. Увидев меня, он говорит: «Толик, как ты разрешаешь сестренке так одеваться!?» На что Толеутай густо покраснел, а каждый, кто знаком с ним, знает, что это у него являлось выражением крайнего гнева, и с вызовом в голосе, сказал: «А что некрасиво?!» Ермек уже понял, что лучше бы ему было не начинать все это и проямлил «Нет, ну красиво конечно...». «Ну вот и все», – отрезал Толик.

ГУЛЬМИРА, дочь

ЖИЗНЬ ОБРЕЛА ДРУГИЕ ГРАНИ...

С тех самых страшных дней жизнь обрела другие грани...

С каждым временем ты понимаешь жизненный процесс на разном восприятии. И действительность говорила:

*иди вперед и делай,
шагай и вспоминай...*

Оборачиваясь, осознаёшь predeterminedность всех событий, когда подводят к тому или иному эпилогу.

Так мы и встретились, уже потом понимая и укладывая в памяти закономерность судьбы. И в сознании всегда присутствовала мысль и доверие бесконечное, что сейчас нужно сделать именно таким образом, пойти вслед, слышать, всматриваться и различать этапность и находить логику... Проходить уроки жизни, без лишних нареканий, напряжения, вникая и осмысленно, возможно рядом только со зрелой Душой, каким является Тулеутай. Жизнь многогранна и просторна, даёт познать и чувствовать одновременно.

*Благодарю супруга за помощь и учёбу,
За пройденный совместный путь.
За всех родных, родителей,
Которые сумели вдохнуть и поддержать и силы дать,
Когда один ты в жизненной пучине,
Не растворился не сошёл с пути...
За сыновей, за силу сродни божеству,
Которая исходит с небосвода,
И в каждом дне, подобно эликсиру, что получаем мы от Бога.
Благодарю!!!*

(Слова маме)

*Большой оплот и мудрость на плечах,
Несущий свет и справедливость.
Великодушие в словах
И поступь, обрамляющая жизненную силу.*

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

(Слова отцу)

*Отец семейства, поколение рода,
Династии большой, идущей от народа
Не уставая, находит глубину
Показывая путь, выискивая смысл,
И твердый шаг, как и в шахматах
Так и в обычной прозе.
Благодарю!!!*

Анара Канаева.

«УЧУСЬ УЧИТЬСЯ»

Четвёртый год я живу в Англии, учусь в здешней лучшей школе бизнеса CASS, которая находится в Лондоне. Хочу рассказать – как и почему я здесь оказался, как мне живётся, и как я планирую своё будущее. В Павлодаре я учился в лицее №8, в так называемом нулевом классе, то есть в классе для одарённых детей. Приоритет в нём отдавался физике, математике и информатике. Был я хорошистом и очень благодарен своим педагогам.

Физику у нас вёл Анатолий Николаевич Билида, спрашивал с нас жёстко, по-мужски, без поблажек. И я по этой дисциплине, уже учась в английском колледже, за те два года по сути ничего нового не узнал. Неудивительно, что многие ученики Анатолия Николаевича завоёвывали золотые и серебряные награды на международных олимпиадах по физике.

Математику в лицее вела Нина Ивановна Черных – по десять уроков в неделю, или каждый день по два. Была очень требовательна, на занятиях всегда давала суть, разъясняла принципы. Сравнивая её методику преподавания с той, что нам преподносили в колледже, могу сказать, что в Англии это было поверхностно. И когда я пытался объясниться по этому поводу с преподавателем, он мне отвечал: мол, вам это в будущем не очень понадобится.

Тем не менее ещё раз замечу, что по этим двум предметам я себя чувствовал в колледже вполне уверенно.

Тут надо, наверное, пояснить – как я вообще оказался в Англии. Разговорились как-то с мамой о будущем, и я сказал ей, что в Кембридже или Оксфорде учатся одни гении. Она ответила, что я ошибаюсь, и мы стали узнавать, как вообще туда попадают, что нужно для учёбы в английских колледжах, откуда

потом поступают в эти и им подобные учебные заведения, известные всему миру. Оказалось, что нужно сдать тесты – по математике, английскому и т.д. в специальных центрах, которые есть и у нас в Казахстане.

Математику я одолел сравнительно легко, а вот с английским пришлось помучиться. В школе у меня хоть и была по английскому пятёрка, этот уровень знаний никуда не годился. И уже в одной из школ Астаны я в течение двух с половиной месяцев штудировал его изо дня в день плюс ещё курсы, плюс занятия с репетитором. Каждый день у меня был один сплошной английский. Ведь сдавать надо было и чтение, и письмо, и диалог, и пересказ. В итоге английский я тоже сдал, отправил сертификат, и вскоре пришло приглашение на учёбу. Кстати сказать, параллельно с этим я также сдал экстерном экзамены за десятый и одиннадцатый классы, хотя в английском колледже последний вообще был не нужен.

В Англию мы полетели вдвоём с Дамиром Баярстановым (он тоже поступил в этот колледж). Это был прямой рейс из Алматы до аэропорта Хитроу, откуда мы на такси добрались до места нашей учёбы. Колледж располагался в деревне, в ста километрах от Лондона.

Первые главные сложности в учёбе были связаны со всё тем же английским: ключевые слова, произносимые преподавателями на занятиях, я понимал, а вот общий смысл – далеко не всегда, и поэтому вынужден был переспрашивать у русских однокурсников. По правде говоря, чувствовал в это время себя тупым, но говорил сам себе: «Нет, я не тупой!» – и сдаваться не собирался.

Эти мои языковые мучения продолжались недели три или четыре, затем поосвоился. Но даже в самые трудные первые дни отчаяния и беспомощности я не испытывал. Ещё и потому, что видел: я тут не самый слабый.

Особенность колледжа – это то, что в нём нет англичан, а только иностранные носители этого языка: из США, Канады, стран Южной Америки и Африки, Западной Европы, из России и других государств СНГ. То есть это специализированное учебное заведение для международного студенчества.

Там очень много было внове: приходилось многое узнавать, преодолевать, было интересно почувствовать себя другим человеком, когда ты уже не просто казах, а казахстанец, азиат. Всё это тоже накладывает отпечаток на тебя.

Там учились россияне и другие выходцы из СНГ, уже пожившие в Англии и очень уж европеизированные – по манерам, поведению. Мне же важно было, узнавая и воспринимая новое для меня, оставаться самим собой. Но это так, к слову...

В колледже мы изучали шесть основных предметов: экономику, физику, математику, английский и русский языки. И ещё – искусство, на выбор, кому что ближе: театр, живопись, разного рода рукоделие. Я, например, с детства рисовал...

К стрессовым, если так можно выразиться, предметам я бы отнёс экономику. На неё у нас делался особый упор, плюс всё, само собой, на английском, много новых понятий... Теория, практика, обязательная связь с экономикой в реальной жизни, разбор конкретных финансово-экономических коллизий.

Не так просто было войти в эту образовательную систему, где тебя не только и не столько учат тем или иным предметам и дисциплинам, а больше учат учиться – работать самостоятельно, анализировать и аргументировать, дискутировать. Раскрепощают сознание, приучают к ответственности, преодолению трудностей. Именно в этом коренное отличие английской системы образования от сложившейся у нас, где гораздо больше опекают. Там же закладывают стремление к самореализации.

В колледже была ещё одна дисциплина типа самопознания. Обычно это общение с преподавателем на разные темы, когда обсуждаемые вопросы или ситуации, как правило, не имеют однозначных ответов. Скажем, использование детского труда в разных странах это что – эксплуатация и лишение детей детства или подспорье им и их семьям, да ещё и школа трудолюбия, возможность научиться азам востребованных профессий и увереннее войти в самостоятельную жизнь?

Иногда это может быть спор, когда «противники» должны аргументированно изложить свою позицию, быстро отреагировать на аргументы оппонента... Тут должны включиться и полученные знания, и логика, и мыслительные способности вообще. Плюс ещё и языковая практика.

Часто мы составляли проекты разного рода по изучаемым дисциплинам, проводили их обсуждение и защиту.

Этот метод обучения я бы назвал методом глубокого погружения в тему, когда нужно не просто вы зубрить или усвоить некие знания, а и понять, вникнуть, уметь ими пользоваться. Ты должен доказать, что сможешь пойти дальше простого знания. Я, например, иногда соединял, казалось бы, несоединимое – физику и искусство... И не хваясь, а справедливости ради скажу, что мне удавалось получать максимальные оценки – семёрки – и по математике, и по экономике.

И я, вспоминая учёбу в колледже, ещё раз хочу сказать спасибо павлодарскому лицезу №8, преподавателям, привившим нам трудолюбие, упорство, ответственность. Я помню эти 96-страничные тетради-конспекты, в которых запросто ориентировался – где, что и почему. Но в колледже, ещё раз замечу, творчества было больше.

В течение первого года обучения о тебе формируется мнение преподавателей с их оценками, выводами, заключениями. В соответствии с этим «досье» определяется программа обучения – условно говоря, более или менее сложная. Я занимался по более сложной, и уже в начале второго курса через специальную онлайн-форму подавал заявку на обучение в университет. А преподаватели выдают своего рода «прогноз готовности» к будущей учёбе по балльной системе. У меня он был достаточно высоким – по всем шести предметам – 39 из возможных 42. Притом ты сам не знаешь – как тебя оценивают. Плюс, само собой, экзамены по итогам двух лет учёбы.

У каждого есть выбор – куда направить анкеты: в университет-мечту (лучший из всех) или тоже сильный, но репутацией пониже, и далее ещё три категории, по убывающей. А университеты отвечают, основываясь на критериях, о которых я уже говорил, подтверждающих уровень твоей подготовки, – берём на учёбу безусловно; берём, если подтвердите прогноз; и, наконец, вашу кандидатуру не рассматриваем вовсе (по-русски говоря – не тянешь на этот уровень).

Из пяти мною отправленных анкет была отклонена лишь одна, а четыре высших учебных заведения готовы были принять меня на учёбу, если я смогу подтвердить прогноз моего колледжа. В том числе два заинтересовавших меня были примерно одного уровня – достаточно высокого. Я выбрал уже упоминавшуюся мной школу бизнеса, которая, может, ещё и не имеет фундаментального имени в системе английской высшей школы, но зато она сфокусирована на интересах своих студентов, современна и технологична, быстро реагирует на глобальные экономические вызовы, а потому даёт выпускникам комплекс знаний и навыков для будущей успешной работы в различных сферах экономики. И уровень удовлетворённости студентов образованием, полученным в этой школе, очень высок (есть и такой критерий в здешней системе высшего образования).

Университетское образование здесь (а моя школа бизнеса – это по сути тот же университет) тоже отличается от нашего. Кроме лекций, которых со-

всем немного, – всего 15 часов в неделю, крайне важно самообразование – самостоятельная работа по разным направлениям, интенсивное творческое саморазвитие. Половину или даже чуть меньше тебе дают на лекционных занятиях, а вторую добираешь сам.

Возникает некая иллюзия свободы: несколько часов в день побыл на лекциях – и делай что хочешь. И кое-кто на эту удочку попадает, учёбу запускает, не успевает. От таких университет избавляется – их беспощадно отсеивают. И при этом неважно: платишь ты за учёбу сам или учишься за счёт грантов, благотворителей, каких-то программ. Что, кстати сказать, повышает репутацию учебного заведения, у которого высокие стандарты требований к студентам, обязательные для всех.

Правильно будет охарактеризовать эту систему образования так: тебе дали шанс – используй его, всё остальное зависит от тебя самого – няnek и надсмотрщиков не будет, трудись, добивайся, становись лучшим среди равных.

Я первый год закончил с результатом 77,8 процента – это довольно высокая оценка, потому что максимальная и практически недостижимая – 85-90.

Каждый экзамен здесь предполагает целый спектр испытаний в виде эссе на заданную тему, где обязательны знания не только теории, но и аналитика, практика, разбор конкретных финансовых ситуаций, мотивов тех или иных действий финансистов и политиков плюс, конечно, связь с реальным бизнесом и многое другое. Тут, если не владеешь всем этим материалом и не умеешь самостоятельно мыслить, опираясь на полученные знания, хорошей оценки не получишь. Я же добивался по математике высшего балла в 89 процентов. А по экономике, бизнесу, бухгалтерскому учёту – 82 процента.

Самое же ценное в моём бизнесе – образование, которое продлится ещё три года, – это наработанная практика. Поэтому параллельно с учёбой я хочу ещё заняться каким-то собственным делом. И уже есть пара идей. Например, организовать бизнес, построенный на эксклюзивных подарках – тех, что делаются вручную и высоко здесь ценятся. Это хорошая бизнес-ниша, которая может иметь коммерческий успех. Мы с моим сокурсником и будущим партнёром (он из Украины и уже имеет некоторый опыт по части бизнеса) хотим зарегистрировать компанию и понемногу продвигать наше будущее предприятие. Пару проверочных, ещё не официальных, продаж уже сделали – смысл есть. Теперь всё будем ставить на законную официальную основу.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Ближайшая цель – самому частично покрывать свои расходы, связанные с учёбой и бытом, затем, если получится, и все эти расходы. А в дальнейшем, в идеале, опять же если получится, наладив этот бизнес, вернуться после учёбы в Казахстан с собственным капиталом, позволяющим начать своё дело на родине. Понимаю, что это непросто, но у меня, кроме собственных амбиций, есть впечатляющие примеры – деда, отца, матери.

Так, дед не побоялся взяться за создание крестьянского хозяйства в очень сложные, кризисные времена, когда уже вышел на пенсию. И до сих пор продолжает этим заниматься.

Дед у меня вообще классный, без преувеличения – великий человек. Казах, родившийся в семье, бежавшей от голода в Россию, получивший там два высших образования, выросший по службе до одного из первых руководителей крупного района Алтайского края... Человек, заслуги которого были в России по достоинству оценены, решил на пике карьеры вернуться на родину предков, чтобы во многом всё начать сначала... И доказал, что он профессионал-земледелец, умелый организатор и руководитель...

Так что нам, Канаевым-младшим, было на кого равняться. Дед всегда был трудолюбив, упорен, последователен и, что не менее важно, всегда открыт ко всему новому. И остаётся таким. Это он даёт энергию движения всем нам – он посеял эти драгоценные семена: сам шагнул из России в Казахстан, исполнив заветную мечту своих родителей, а мы, его внуки, отправились ещё дальше: я – в Англию, младший брат – в Эмираты, где теперь учится. Так мы, можно сказать, сообща узнаём и осваиваем мир.

Дед с детства приучал нас к повседневному труду, когда мы бывали и жили у них с бабушкой в Красноармейке. Учил преодолевать трудности, что-то делать своими руками. Он не только говорил, но и собственным примером убеждал в том, что каждодневные будничные дела – самые главные и перспективные. «Не бойтесь замарать руки!» – это тоже от него и тоже, надеюсь, поможет мне в моём будущем бизнесе, где многое придётся делать собственными руками.

Не припомню, чтобы он хоть когда-нибудь кричал на нас в детстве, чтобы он вообще кричал на кого-то. Хорошо помню, как он очень рано посадил

меня за руль машины. Как учил растапливать печь в бане с одной спички, и как я гордился, когда смог это сделать.

Он умел воспитывать доверием. Свою «премиальную» «Волгу» отдал моему отцу, посчитав, что ему она будет нужнее, и не делал трагедии из того, что её потом украли...

Сколько себя помню, он всегда говорил со мной, как со взрослым. Что там говорить, всем нам, Канаевым, повезло с таким старейшиной рода.

Как я могу подвести его, если он порой доверяет мне больше, чем я себе сам. Он так приучает к ответственности, что трижды подумаешь, прежде чем что-то сделаешь, так или иначе связанное с ним, да и не только с ним.

Когда не стало отца, на семейном совете решали, кто поведёт его бизнес. Мама сказала, что она сможет, и всё доверили ей: «Как я могу вас подвести, если вы мне поверили и доверили». И как ни трудно ей порой было, не только достойно продолжает отцовское дело, но и подняла его на новую высоту.

Мама помогла мне утвердиться в мысли о том, что я смогу учиться за рубежом, что, как я сам себе иногда говорю: «Я – не тупой!». Она, кстати, ни разу ко мне в Англию не приезжала, что тоже говорит о её доверии ко мне и повышает мою ответственность перед ней. Когда у меня будут дети, я тоже им буду доверять, ведь доверие выводит людей на новый уровень жизни.

А с мамой мы много общаемся по телефону. Говорим обо всём и нередко открываем каждый для себя много нового: я – из её впечатлений и встреч, а она – из моих. Встречаясь с ней дома, вместе ездим, вспоминаем квартиры, в которых мы жили, автомашины, на которых ездили, блинную, в которую ходили. Мы с ней ещё и друзья – вот что важно.

Отец умел дружить, и мама это умеет. Один из друзей отца, Иван Клименко (они с первого курса учились вместе в мединституте), был по делам в Лондоне и сумел выкроить день, чтобы приехать в деревню, где я учился в колледже. Посмотрел – как я живу, поговорил с преподавателями. Это и есть настоящая дружба. Именно её нам тоже завещают дед с бабушкой и отец с мамой. И мы с братом тоже стараемся быть не только хорошими сыновьями и внуками, но также и надёжными друзьями.

ДАРЫН, внук

В настоящее время Дарын, закончив учёбу, работает в фирме бизнесмена Ивана Клименко, друга его отца Тулеутая.

«МЫ ЖИВЁМ В ДУБАЕ...»

Мы – это моя тётя Карлыгаш, старшая сестра моей мамы, и я – учащийся международной школы «Раффелс – Мировая академия», которая находится в столице Объединённых Арабских Эмиратов городе Дубае. Отучился я в этой школе пока только один год, а попал в неё по совету старшего брата Дарына – студента Международной школы экономики в Лондоне. А до этого учился в Астане, в Международном колледже непрерывного образования.

С благодарностью вспоминаю своих учителей, особенно по литературе – Евгению Валерьевну, её увлекательные, интересные блиц-турниры с применением компьютерных технологий по следам прочитанных произведений. Учитель по математике Наталья Юрьевна не просто преподносила нам этот предмет, но и добивалась того, чтобы мы его понимали. Помню и других учителей, одноклассников...

После шестого класса мы отдыхали летом в Эмиратах, и Дарын сказал: «Нам с тобой очень нужен английский язык – без него сегодня никуда. Может быть, попробовать что-то именно здесь?». «Почему нет?» – ответил я.

На семейном совете определили именно эту школу, послали заявку – со всеми необходимыми документами, оценками из табеля за два года, рекомендациями учителей. В ответ пришли тестовые задания на английском языке, и я всё лето готовился с репетиторами по английскому, математике. С тестовыми заданиями справился, набрал необходимое количество баллов для зачисления в школу.

Но, как оказалось, самое трудное ждало меня впереди – первое время я совершенно не понимал, что мне говорят преподаватели. И хотя говорили они на обычном английском языке, мой слух ещё не был готов к восприятию такой речи.

Паники не было, желания всё бросить и вернуться – тоже: я хорошо понимал, для чего всё делается (моя учёба в Эмиратах), и то, что отступать, уже затратив столько усилий, тоже нельзя. Не хотелось подводить маму, старшего брата, и я говорил себе: «Надо потерпеть, постараться, это всё временно».

Помогли новые друзья-одноклассники, выходцы из СНГ, мои ровесники, уже отучившиеся здесь по два-три года: русский мальчик Максим, азербайджанец Куат, татарин Касым – они помогали мне уяснить суть вопросов, заданий, а ответы я пытался выстраивать на английском уже сам. Сложнее

всего было с предметом наука, включавшем в себя сразу несколько дисциплин, – физику, химию, биологию, особенно не давалась химия. И ещё, повторю, английский. По этому предмету я был определён как новичок в низшую группу – из-за того, что я «не слышал» преподавателей, то есть не понимал их. Выручали на первых порах письменные задания – в текстах я гораздо лучше ориентировался. Но уже где-то в декабре смог сам, без помощи русскоязычных друзей, говорить с преподавателями, самостоятельно выразить свою мысль.

Кроме перечисленных дисциплин, мы изучаем также ислам (школьники-мусульмане), информатику, драму (это актёрское искусство и разные виды творчества) и другие иностранные языки, по выбору. Я – арабский и французский. Кто-то выбирает китайский, испанский... Забегая вперёд, скажу, что с арабским я подружился, он мне даётся легче – может, потому ещё, что в детстве часто слушал, как апашка, мама моей мамы, читает намаз. Не так хороши у меня дела с предметом наука, но, думаю, это отчасти из-за языкового барьера, и это временно. Учиться же мне интересно, и к новой школе я, можно сказать, адаптировался, закончив первый год обучения с одной тройкой. Остальные отметки – хорошие и отличные.

Надо, наверное, рассказать, как проходит мой обычный день. Учимся мы пять дней в неделю, кроме пятницы (здесь это святой день, а потому выходной) и субботы. Подъём в шесть утра, завтрак, и на школьном автобусе – на занятия. В школе с утра – общий сбор, «новости дня» – то есть объявление плана жизни школы на завтра. Например, если завтра день какой-то страны (а здесь учатся дети не только из стран СНГ, Западной Европы, Азии, но также из Африки, Латинской Америки и других регионов мира), то мы должны прийти в соответствующей одежде – под цвет флага этой страны. Так и я однажды представлял наш Казахстан: нёс под Казахстанский гимн Флаг Казахстана, а сам был в чапане... Это здесь такая традиция.

Дальше – собственно занятия. Первые два урока по часу, почти без перерыва между ними – только чтобы перейти из класса в класс. Сами в класс не заходим, а выстраиваемся у двери и ожидаем преподавателя, входим после него. После этих двух уроков – брейк, то есть 20-минутная перемена. Можно перекусить в столовой, поиграть в настольный теннис

МОИЛЖАН КАНАВВ

(столы для этого готовы), пообщаться с друзьями. Затем ещё два часовых урока, потом ланч – перерыв на обед, получасовой. И после него – «окно» в комнате с преподавателем – общение с ним на разные темы. Можно также доделать домашнее задание, если не успел дома; освежить знания по проблемным предметам, заполнить дневники. Кстати сказать, двоек в них преподаватели здесь не ставят, а хорошие знания и другие достижения и успехи оцениваются баллами. Затем – опять уроки, и в три часа 15 минут мы свободны. Нас ждут школьные автобусы, а кого-то родители на автомашинах, чтобы отвезти домой. У меня дома с пяти до семи часов ещё занятия с репетиторами. И в девять вечера – отбой, потому что завтра в шесть утра опять подъём. Так что занят практически целый день, и школа – это, по сути, моя работа.

Скажу ещё об отличии здешнего образования от нашего. Нас в Казахстане больше опекали, а здесь с тобой возиться не станут. Объясняют предмет, а если не разобрался – объяснят ещё раз, но нянчиться, повторяю, не будут. Так приучают к самостоятельности, ответственности. И это, в общем, правильно.

Ещё развивают стремление к состязательности, здоровой конкуренции. В начале каждого учебного года на общем сборе школы нас всех делят на несколько команд – «синие», «зелёные», «красные» и так далее. И каждая команда весь год накапливает плюсы: баллы за хорошую учёбу, примерное поведение, успехи в творчестве и другие учитываемые достижения. Победившую команду по итогам учебного года ожидают призы – например, поход в аквапарк. Поощряют и отдельных учеников, накопивших наибольшее количество баллов.

Школьная жизнь – динамичная, насыщенная и скучать не даёт. Так и мне сильно переживать из-за того, что я далеко от дома, от родных, некогда. Хотя немного всё же было, уже в конце второго учебного полугодия, в апреле-мае. Говорил себе: «Ничего, вот сдам экзамены – и гулять буду!».

В выходные дни, особенно в пятницу, отсыпаюсь за всю неделю. Читаем с тётёй молитвы, печём блины, выходим в город – на море, что-то купить на предстоящую неделю, отдыхаем. А на следующий день – уборка в доме. Моя обязанность – выгнать везде пыль, пропылесосить. Потом надо подготовиться к завтрашней школе.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

С мамой общаемся по скайпу, обмениваемся смс-ками. Она меня спрашивает о моих делах, рассказывает о своих. То же и с братом, который меня контролирует строже мамы: как в школе, успеваю ли, много ли получаю замечаний, ну и так далее. С таким братом не сильно забалуешь.

Первые полгода занимался там борьбой – хотел быть, как папа, борцом. Но пришлось переключиться на теннис – малый в школе и большой – вне неё. Это потому, что врачи борьбу не рекомендовали.

Планы на будущее? Хотел бы доучиться в этой школе, где 12-летний цикл обучения, а я пока иду в восьмой класс. Пытаюсь по совету брата приучать себя не только говорить, но и думать по-английски. Ездили в этом году летом с мамой в Испанию, и я временами был её переводчиком по части английского. Не скрою, даже приятно было... Подумываю о будущей профессии юриста. Но это ещё не точно, может, и передумаю.

Хорошо провёл это лето: с мамой, братом, апашкой и аташкой. Апашка – сама доброта. Когда учился ещё в Павлодаре, всегда бежал после школы к ней, она же учительница бывшая. Под её присмотром уроки делал, гуляли с ней. Она с аташкой – удивительные люди: всегда жизнерадостные, добрые, открытые, не припомню, чтобы они когда-нибудь грустили или жаловались. Рассказывал им – как учусь, как живу в другой стране. С аташкой ездили в Красноармейку лечить телёнка, а он попутно учил меня водить машину, руль доверял... И я вдруг вспомнил себя совсем ещё маленьким, у мамы на коленях, на заднем сиденье машины, которую ведёт папа. И я переползаю на колени к нему, и мы рулим уже вместе с ним...

НИЯЗ, внук

В настоящее время Нияз Канаев продолжает учёбу в Англии.

Вот его рассказ:

«За те несколько лет, пока эта книга готовилась к печати, в моей жизни произошли большие изменения. Я теперь живу в Англии, где закончил школу в Оксфорде и учусь в университете города Бас, который специализируется на механической инженерии.

Это – город-университет, в котором много молодёжи. Я познакомился с несколькими ребятами – двумя киприотами, англичанином и итальянцем, мы договорились осенью снимать вместе квартиру.

МОИЛЖАН КАНАВВ

Учиться мне четыре года плюс год практики, бакалавриата и магистратуры. Проучился год, сдал сессию, результатов пока не знаю, но должны быть высокими. Со специальностью пока не определился (есть разные специализации – аэрокосмическая отрасль, машиностроение, менеджмент), но времени для выбора ещё достаточно.

Хочу рассказать об одном очень важном знакомстве, случившемся у меня в Англии. Когда я учился здесь в школе, меня опекала женщина-опекун (таковы правила, ведь я был тогда несовершеннолетним), познакомила меня со своей подругой, которая, так уж вышла, стала моей наставницей, близким человеком.

Зовут её Джери, она наполовину француженка, наполовину англичанка. Училась в старшей школе, в Японии, закончила университет Кембриджа, докторскую диссертацию защитила в Оксфорде. Её специальность – история. Муж, кстати, тоже.

Началось наше знакомство с недолгого интервью: она задавала разные вопросы, включая такие – откуда я приехал, кто мои близкие и т.д. Я начал с прадеда Сулеймена, бежавшего от голода в Казахстане на Алтай и тем самым спасшего свою семью. Про деда рассказывал – Моилжана Сулейменовича, про его жизнь. Про то, что рано остался без отца, рос и воспитывался на рассказах деда, бабушки, матери о нём, об их жизни. Как всё это помогало моему становлению.

Она слушала, не перебивая, задавала дополнительные вопросы. Так состоялось наше знакомство. Потом созвонились. Я ей рассказывал о своих делах, она советовала – как себя вести, как готовить резюме по разным предметам. И стала по сути дела моим добровольным наставником. Я иногда заходил к ним, даже ночевал.

А потом подошло моё восемнадцатилетие, все однокурники разъехались по своим городам... Джери позвала меня к ним домой и мы вместе отметили моё совершеннолетие... Конечно же, я был очень тронут таким человеческим участием.

Я, кстати, и университет Баса выбрал отчасти благодаря её сыну, шестилетнему Коснэ. Я заканчивал школу, и мы с ним затеяли игру: записали их названия на одной бумаге, а потом разделили их, перемешали, накрыли, чтобы не видеть. И я выгащил клочок с названием этого университета.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Джери помогала мне советами и наставлениями при поступлении в университет. Этому событию были очень рады брат Дарын и, конечно, мама. Особенно дорого и приятно было маме услышать от Джери, что я её лучший ученик.

Дед всегда говорит мне, что мир не без добрых людей. Всегда с благодарностью вспоминает русских, которые в тяжёлые времена помогали выжить обездоленным казахам. Вот и мне посчастливилось встретить такого человека...»

О МОЁМ АТАШКЕ

К каждому из нас, внуков, досталось что-то от Ата. Мне достались любовь к общественной жизни, подход к людям и даже голос. Нас иногда путают по телефону. Рахату – аккуратность и практичность. Дарыну – деловитость и энергия. Ниязу – способность к рассуждению, аналитике.

Когда я родился, была вероятность, что не выживу. Ата подключил все свои связи, жена его друга вызвала из Москвы профессора медицины Мельникова. Был длинный стационарный режим. Дядя Толик выпросил меня на пару дней домой. Меня нельзя было кормить грудью, я похудел. Апа сказала маме: «Корми незаметно». Через некоторое время врачи отметили прибавку веса и выписали нас. Апа сказала моим родителям: «Езжайте доучивайтесь. Пятерых вырастила, и еще с одним справлюсь». Так с 40 дней я рос у нее на руках.

Следующие несколько лет были массажи, прогулки, физкультура, плавание. Боялись остаточных явлений и низкого мышечного тонуса. Сейчас я увлекаюсь боевыми искусствами, вешу центнер и регулярно делаю Аташкину гимнастику.

Первым моим воспоминанием будет то, как с Ата ходили на пляж и разговаривали с Апа на кухне. Дома в обед и вечером всегда было много лю-

МОИЛЖАН КАНАВВ

дей, Апа была очень занята. Находила время со мной заниматься, читать и, но вместе мы почти не гуляли.

Я ждал, когда с работы вернется Аташка. Если он возвращался вовремя, мы брали корпешки, полотенца и шли пешком на пляж. Тогда новой набережной еще не было, мы шли до конца улицы Максима Горького и сразу спускались по склону, состоящему из больших наклонных «плит» почти к воде. Устраивали там «лежак». Потом Ата шел купаться, разминался и возвращался за мной, садил меня на спину и мы понемногу вместе плавали... Приятно вспомнить. Но не уверен, что в 59 лет я рискну плавать по быстрому Иртышу с внуком на спине.

Помню, как мы с Ата и Апа переехали в деревню. Когда я в первый раз увидел этот дом, красивые голубые ворота с белой каемкой, немецкую семью бывших владельцев. Нам достались одна корова с телянком, несколько кур и маленький огород. Второй, картофельный огород у нас появился, когда увеличивали скотный двор. Но и сам огород со временем был перестроен под животных. Через 10 лет в хозяйстве Ата и Апа были 50 коров, около 80 баранов, куры... А больше всего я радовался, когда в год приезда Ата принес мне от соседа щенка по имени Кутжол. Со временем, когда хозяйство стало крупноватым, мы всей семьей еле-еле уговорили Ата и Апа вернуться в город для более комфортной жизни. И все равно, Ата по полдня выезжал «на хозяйство».

Каждые каникулы мы с братьями проводили в деревне. Нас, внуков, пытались приобщить к труду. Поливать огород, поить скот, убирать навоз, давать сено, пасти стадо, сначала телят (втихую катаясь на них), потом и все стадо... Еще мы мели двор, любили, когда разрешали самим растопить баню, бежали за Ата, когда он шел в мастерскую и даже пару раз доили с Апа коров. Наверное, меня нельзя назвать самым лучшим учеником в деревенских делах. Мои братья Рахат и Дарын были немного «ловчее» и трудолюбивее меня. Но что-то с тех пор осталось. Сейчас, большую часть жизни проведя в учебных классах и рабочих кабинетах, мне нравится иногда сходить к друзьям в мастерскую или в цех и «поработать руками».

Ата и Апа всегда находили время со мной позаниматься. С Апашкой читали, разгадывали кроссворды, играли в карты и «эрудит» (надо из одного

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

длинного слово составить много новых), а с Ата с 4 лет играли в шахматы, решали арифметические задачи. Помню, придешь с улицы, погреешься возле Апа, потом запрыгнешь к Ата на перину-матрас и считаешь... Так нравилось, что потом всю школу ходил на олимпиады по математике.

Почти на всех мероприятиях дома я не отсылался в свою комнату, а сидел за столом со взрослыми, слушал обсуждения деловых и личных вопросов, философские беседы, разговоры. Будучи руководителем, активным общественным деятелем, Ата часто приглашал домой людей с высоким положением. Обычно молча принимая участие в их разговорах, я взял для себя много полезного. Это сильно повлияло на мою жизнь и профессии. Даже работая директором филиала национальной компании по инвестициям и советником Акима области, я иногда шел на деловые встречи в первую очередь, как внук Канаева Мойылжана Сулейменовича.

Недавно читая книгу Китая Масамо «Самурай без меча», я осознал, насколько грамотно Ата выстраивает свою жизнь. В 24 года он пришел из армии, заочно окончил институт, очно партийную школу, состоялся как специалист и руководитель, занимается общественно-политической деятельностью и самообразованием. Сейчас моему Ата по факту 87 лет и он разводит на домашнем подворье птицу, выращивает огород, участвует в работе Алтайского землячества Павлодарской области, принимает участие во многих мероприятиях и даже решает серьезные проблемы многочисленных друзей и родственников (Ата сейчас старший мужчина семьи Канаевых, а Апа – кардинал). К ней обращаются за решением житейских проблем.

Ата много читает, учит наизусть пословицы и пишет книгу. Он занятый и при этом очень организованный человек.

Дай Бог, чтобы и я в 87 лет был очень занятым человеком, продолжал заниматься любимым делом и занимался спортом!

Один раз, когда Аташка приболел, к нему подошел младший внук Нияз и спросил:

- Ата, что с тобой?
- Болею.
- Чем?

МОИЛЖАН КАНАВВ

– Старый я, умирать уже скоро.

– Как это? А кто меня женить будет?

С тех пор Ата поставил себе цель женить всех внуков. Активно занялся спортом. Каждый день ходит по 5 км на прогулку. Делает тибетскую гимнастику, которую нашла в интернете его дочь Шолпан. Несколько лет назад парикмахерша обнаружила у него несколько черных волос. В 80 лет! И тоже начала делать гимнастику.

На днях эту гимнастику начала делать правнучка Ата и Апа – Диана, моя дочь...

ОЛЖАС, внук

ВЫСКАЗЫВАНИЯ МОИХ ВНУКОВ

Олжас. Он в детстве часто задавал вопрос: откуда я взялся? Мы ему отвечали: нашли – и в качестве доказательства своей версии говорили: мы, т.е. апа и ата, возвращались домой поздно вечером и видим на обочине дороги сверток, который время от времени шевелится. Мы на него обратили внимание, взяли в руки, а когда развернули его, то увидели ребенка, т.е. тебя. Мы тебя принесли домой, отмыли, покормили, и с тех пор ты живешь у нас». Олжас крепко задумался и заметил: «Хорошо, что вы наткнулись на меня».

Толеутай. Когда ему задавали вопрос: «Ты чей?» – он всегда отвечал: «Всехний». Мы, конечно, отнеслись тогда к этому слову несерьезно, думали, что просто такое слово пришло ему в голову, но жизнь показала, что слово «всехний» было девизом жизни Толеутая – он в самое трудное время помогал всем, не только родным и близким, но и всем людям, встретившимся на его жизненном пути.

Дарын. Еду с Дарыном в город, ему тогда было около трёх лет, еду не спеша, спокойно, как обычно ездят старики. Нас, естественно, обгоняют машины – одна, вторая, третья. Дарын, как обычно, стоит между сиденьями (он однажды даже простоял всю дорогу от Караганды до Павлодара) и, обращаясь ко мне, говорит: «Ата, нас скоро начнут обгонять и на велосипеде».

Живя в деревне, решили каждый вечер перед сном купаться в бане, для чего надо топить печку – этим делом мы с Дарыном занимались каждый день. Однажды я говорю Дарыну: «Искусство истопника заключается в том, чтобы одной спичкой разжечь печку бани» – и показал, как это надо сделать. Прошло

три дня, Дарын говорит: «Пойдем, покажу искусство истопника» – и одной спичкой разжег печку бани.

Нияз. Когда родился Нияз, мы, т.е. ата и апа, жили в деревне и не часто приезжали в город, поэтому он, естественно, не представлял, кто мы такие. Нияз только начал говорить, я ему объяснил, кто мы такие, и он говорит: «Если вы папа и мама моего папы, то почему вы с нами не живете?».

При встрече с Ниязом я всегда нюхаю его голову и задаю ему вопрос:

«Почему после того, как я тебя понюхаю, у меня поднимается настроение, исчезает усталость?». Он отвечает: «Потому что я твой внук».

Олжас просит Анару, выбрать ему невесту, похожую на нее, а присутствовавший во время разговора Нияз говорит: «Интересно, учась в четвёртом классе, я буду уже дядей?».

Нияз летом 2011 года решил поработать официантом в кафе «Асаба», а меня попросил подвезти. Подъезжаем к «Асабе», он мне говорит:

«Ата, давай я тебя покормлю обедом!». Я ему: «Ты хочешь покормить меня за свой счет?». Он отвечает: «Нет, ты сам имеешь право обедать, так как кафе «Асаба» – твоего сына». А затем, как бы говоря сам себе, продолжил свою мысль: «Если бы не было твоего сына, то не было бы нас – меня, Дарына и моей мамы тоже».

ВЧИТАЕМСЯ В ГАЗЕТНЫЕ СТРОКИ

*Эти материалы были в разные годы опубликованы
в областной газете «Звезда Прииртышья»*

СИБИРСКИЙ КАЗАХ КАНАЕВ

Недавно в райцентре Панкрушиха Алтайского края чествовали павлодарца Моилжана Сулейменовича Канаева.

Как Моилжан стал Иваном

В Павлодаре М.С. Канаев с группой таких же энтузиастов создал алтайское землячество, ведь в нашей области немало известных людей, выходцев из Алтайского края. Давно собирався вместе с ними побывать на сибирской родине, поклониться родным местам, сказать спасибо землякам – и от себя, и от имени покойных уже братьев (двое похоронены в Сибири, а один – в Щербактах)... Но всякий раз мешали разного рода обстоятельства, пока, наконец, такая поездка не состоялась. В ней приняли участие заместитель председателя ассамблеи народа Казахстана нашей области С.К. Жетписбаев, лидеры Славянского культурного центра Т.И. Кузина, Лиги женщин-мусульманок Б.Ш. Максимова, бывший прокурор области, один из активистов алтайского землячества Д.Н. Фалеев и другие, а также большой коллектив самодеятельных артистов.

Торжество проходило в переполненном зале на 400 мест Панкрушихинского районного Дома культуры. Главного виновника торжества земляки, как и подобает, встретили хлебом-солью. В его адрес было произнесено столько добрых слов! Много было сказано о дружбе русского, казахского и других народов, всегда подставлявших плечо друг другу в трудные времена. Концертные номера с обеих сторон с восторгом встречались залом.

Тепло приветствовал казахстанцев глава Панкрушихинского района А.И. Попков, которого когда-то рекомендовал на должность главным эко-

номистом «своего» совхоза имени Крупской М.С. Канаев – в ту пору секретарь здешнего райкома партии. Пришли встретиться с коллегой и старым товарищем П.А. Карнаухов, Н.П. Потапов, А.Д. Меречин, В.Х. Траутвейн, А. Ибраев, Ш. Абсаликов, Ш. Ахметов, Т. Оспанов. Все они получили в подарок от павлодарцев казахские чапаны, а их жёны – белые платки и камзолы.

Был, конечно, и общий праздничный дастархан.

Растроганный до слёз таким приёмом, М.С. Канаев говорил в своём ответном слове о непреходящей ценности дружбы людей, основанной на взаимоуважении и взаимовыручке. О том, что люди могут быть разных национальностей и разных вероисповеданий, по-разному выглядеть и говорить на разных языках, но опыт жизни предков и его собственный убеждает в том, что они могут и всегда должны жить в согласии – понимать и уважать друг друга.

У Моилжана Сулейменовича есть мечта, о которой он уже не раз, в том числе публично, заявлял: поставить памятник дружбе народов – и в знак благодарности предкам, умевшим дружить и сообща преодолевать трудности и беды, и в назидание потомкам, чтобы сберегли это бесценное достояние в сегодняшнем непростом, бушующем мире.

Юрий ПОМИНОВ

СОСТОЯНИЕ НЕПОКОЯ

Моилжан Сулейменович Канаев, что называется, человек старой закалки, через многое прошедший и многое повидавший в жизни. Его с лёгкой руки Юрия Поминова назвали русским казахом, и он не противится, потому что действительно довольно большой отрезок его жизни связан именно с Россией.

Он и родился в российском Алтайском крае в Панкрушихинском районе в далеком 1934 году. Трудовая биография тоже началась здесь, сначала пять лет отработал учителем в местной школе, потом – агрономом отделения в совхозе, окончил агрономический факультет Алтайского сельхозинститута, после чего трудился уже главным агрономом совхоза. Молодого агронома заметили и назначили уже главным агрономом райсельхозуправ-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

ления, потом направили секретарем парткома в один из совхозов, а позже – на учебу в Новосибирскую Высшую партийную школу. Окончив ее, получил назначение секретарем райкома партии по организационным вопросам и сельскому хозяйству. А последние четыре года в России трудился начальником Панкрушихинского райсельхозуправления. В последний год его работы в Панкрушихе, а это был 1980, район получил рекордный урожай, попав в десятку лучших районов края. За это начальника райсельхозуправления премировали новенькой «Волгой», на которой он и приехал чуть позже в Щербакты.

Здесь состоялся разговор с моим отцом – тогда первым секретарем Щербактинского райкома партии Николаем Федоровичем Гегером. И когда сегодня я спрашиваю Моилжана Сулейменовича, чего его в Казахстан потянуло, ведь и без того карьера да и все остальное прекрасно складывалось, М. Канаев отвечает, что произошло необъяснимое. Он вдруг понял, что не может больше жить без Казахстана, без своей Родины. Как выразился тогда первый секретарь райкома: «У тебя национальная гордость своё взяла». Кроме того, у Моилжана Сулейменовича четыре дочери и сын, им надо было помочь определиться в жизни, и лучше всего, по его убеждению, это можно было сделать в Казахстане.

Потому и поехал в наши края. Первый секретарь Щербактинского райкома партии сразу же предложил возглавить районное сельхозуправление. Четыре года отработал Моилжан Сулейменович в Щербактинском районе. Начал с паров, которых в районе было кот наплакал. Долго пробивал согласие на увеличение паровых земель. И все-таки смог убедить и власти, и самих хозяйственников.

Показатели сельского хозяйства района неуклонно шли в рост, М. Канаев всегда выделялся среди коллег умением работать, видеть основное, находить выход из трудных ситуаций. Не случайно, наверное, его в конце концов перевели работать на областной уровень. Он возглавил областное плодоовощное объединение, это была отдельная структура, параллельная областному сельхозуправлению. А после создания областного агропрома М. Канаев стал заместителем председателя областного агропромышленного объединения. Довелось поработать и главным государственным инспектором по качеству сельхозпродукции. Отсюда ушел на пенсию.

И не стал просто лежать на диване и ждать старости – организовал свое крестьянское хозяйство, оно и до сих пор действует. Состояние непокая Моилжана Сулейменовича – его жизненное кредо – не дает ему спокойно смотреть на малейшие нестыковки в организации современного сельскохозяйственного производства. Он не раз бывал в высоких кабинетах, выступал на страницах нашей газеты с конкретными предложениями, которые, на его взгляд, могут улучшить систему закупки молока у крестьян, сделать ее не только прибыльной, но и справедливой.

Вот и на этот раз он зашел ко мне в кабинет со своими предложениями и выкладками относительно справедливого закупа молока. Предлагает поставить в одинаковые условия всех производителей молока – и кооперативы, и крупные ТОО, и мелких фермеров с крестьянами. Чтобы все без помех могли сдавать свою продукцию, а для этого надо наладить нормальный закуп молока повсеместно, в любом, даже маленьком селе.

И сегодня основное молоко идет с личных подворий, но как раз небольшие хозяйства оказались в не лучших условиях, даже после того, как официально было заявлено о якобы повышении закупочной цены молока. Заводы тут же нашли лазейку и сказали: по 80 тенге за литр заплатим только за первосортное молоко. А как в условиях личного подворья обеспечить параметры первого сорта?

Что надо сделать? М. Канаев считает – прежде всего, уже по имеющемуся опыту советских времен, молоко с личных подворий лучше собирать на лошадях. Пока же ездят автомобили с цистернами ради нескольких ведер молока со двора. Себестоимость при этом баснословно растет, достаточно вспомнить о ценах на бензин. Так лучше собирать на лошадях (хороший семейный заработок), свозить в специальные приёмные пункты-накопители, принадлежащие заводам, где молоко бы охлаждалась и доводилось до первого сорта. А уже после этого попадало бы на молзавод, тогда сельчане уже не будут отдавать литр молока по 65 тенге вместо официальных 80. Это может получиться, весь жизненный и профессиональный опыт М. Канаева говорит об этом. И, наверное, неплохо бы было это разумное предложение ветерана сельского хозяйства непредвзято рассмотреть, ориентируясь на интересы крестьян, а не только переработчиков.

Жизненная активность Моилжана Сулейменовича заставляет его думать не только о селе и сельчанах, он не хочет терять связи со своей ма-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

лой рединой в Алтайском крае. И в 2014 году именно он выступил с идеей создать землячество бывших алтайцев в Казахстане. Эту идею поддержал бывший прокурор области Дмитрий Никифорович Фалеев, которой потом и стал председателем землячества Алтая. Землячество не раз выезжало в Алтайский край на различные мероприятия, особенно на знаменательные события или Наурыз. Привозили своих артистов, подарки, в последний раз подарили россиянам 14 чапанов и девять камзолов. Когда в Алтайском крае сложилась тяжелая паводковая ситуация, настоящее бедствие, землячество смогло организовать у нас в области материальную и денежную помощь на два миллиона тенге.

Казахстанские земляки становятся не просто узнаваемыми в России, им оказывают подчеркнутое внимание и уважение. Недавно к своему дню рождения Моилжан Сулейменович получил поздравительную телеграмму от земляка, ныне депутата Государственной Думы России И.И. Лоора. М.С. Канаев награжден Благодарственным письмом администрации Алтайского края «за вклад в развитие международного гуманитарного сотрудничества между Алтайским краем и Республикой Казахстан». И это тоже оценка активной жизненной позиции земляка россиян.

Владимир ГЕГЕР

УНИВЕРСИТЕТЫ СЕМЬИ КАНАЕВЫХ

Давно зная главу этой семьи, всякий раз открываю их семью для себя заново. И не перестаю удивляться – её жизненной стойкости, умению преодолевать невзгоды и несчастья, выстраивать отношения внутри самой семьи и вне её – с другими людьми... Не просто определять жизненные приоритеты, простые и ясные правила жизни, но и следовать им.

И мне кажется, что впору вести речь даже не о школе, а об университетах жизни нескольких поколений этой семьи.

Род Канаевых вполне мог прерваться в страшные голодные тридцатые годы прошлого века, когда вымирали не только семьи, но и целые аулы... Именно тогда отец Моилжана Сулейменовича смог вывезти жену и детей в русское село Подгорное, находившееся недалеко от Камня-на-Оби, за сотни километров от родных мест. У них не было никакого имущества,

никто не говорил по-русски. Тут бы впору выжить, а отец смог ещё и выучить четверых детей, окончивших с 1930 по 1938 год один восьмилетку, двое семилетку и один – пять классов.

Выжить помогла, конечно, бескорыстная помощь русских людей, делившихся с «инородцами» и хлебом, и кровом. Но не в последнюю очередь и собственные трудолюбие, стойкость, умение приспосабливаться к новым условиям и учиться жить по-новому. Не привычные мясо и кумыс, а незнакомая картошка, которую научились выращивать, стала хлебом их жизни на многие годы и, по сути, спасла семью.

Моилжан, родившийся уже в Сибири, все четыре военных года в школу не ходил – не до того было, помогал по хозяйству – и впервые сел за парту в десять лет, вместе с первоклассниками. Каково было ему, переростку, среди малышни? Он же закончил не только среднюю школу, но и институт, получил специальность агронома. Вывел в этом качестве вместе с братом – управляющим Чаймарданом – из вечно отстающих отделение совхоза (в этом ауле жили одни казахи) и стал расти по службе: главный агроном совхоза, секретарь парткома, слушатель Высшей партийной школы, секретарь райкома партии, начальник райсельхозуправления. Надо было обладать несомненными профессиональными и человеческими качествами, чтобы «чужака» так продвигали. Хотя чужаком его на Алтае, конечно, не считали и даже звали на русский манер – Иваном, а затем Иваном Сулейменовичем.

Для семьи же все его служебные передвижения были связаны с частыми переездами. Дочь Рысты Моилжановна (её в области хорошо знают как директора областного филиала Государственного центра по выплате пенсий) будет позднее вспоминать, что ей пришлось поучиться почти в десятке школ. И эти переезды, необходимость снова и снова налаживать отношения – у взрослых на работе, у детей в школах – тоже были настоящей наукой, университетами жизни.

Моилжан Сулейменович решил на переезд из давно ставшего ему родным Алтайского края в Павлодарскую область уже в зрелом возрасте, можно сказать, на подъёме служебной карьеры, которая ещё далеко не завершилась. Он посчитал, что должен вернуть детей к очагам предков. И это тоже было очень непростое решение: на Алтае у него были должность,

МОИЛЖАН КАНАЕВ

заслуженный авторитет, вполне предсказуемая жизнь – и для детей, кстати, тоже. А на родине предков в 45 лет всё пришлось начинать заново... Поэтому даже старшие братья, с которыми он советовался, его не поддержали, оставшись на Алтае.

У Моилжана Сулейменовича не было в Павлодарской области ни друзей, ни знакомых «в верхах». Он написал письмо тогдашнему председателю облисполкома М.К. Каирбаеву: хочу вернуться, согласен на равноценную должность. И после «смотрины» на Алтае представителем области К.К. Ашимбетовым М.С. Канаев вскоре получил назначение начальником Щербактинского райсельхозуправления. А затем работал заместителем начальника облсельхозуправления, главным государственным инспектором по закупкам и качеству сельхозпродуктов. То есть и на родине предков показал себя с самой лучшей стороны.

Выйдя на пенсию, тоже не захотел сидеть сложа руки, организовал крестьянское хозяйство... То были непростые для всех нас времена экономического кризиса, безденежья... Не без трудностей жили и Канаевы, но не роптали и судьбу не гневил: дети выросли, создали семьи. Опора и надежда семьи сын Тулеутай закончил университет, основал с друзьями бизнес в Караганде, затем по совету отца перебрался в Павлодар. Они с супругой Анарой подарили родителям внуков...

И вдруг – нелепая и трагическая смерть единственного сына в автомобильной аварии. Страшный удар для всей семьи – он мог сломить и родителей, и жену... Как им было жить дальше, на кого опереться в старости родителям? Что делать с бизнесом сына?

Но, видимо, круто была замешана порода Канаевых. Несчастье их не сломило, а ещё более сплотило... И родители, и сёстры, и супруга сказали себе: как ни тяжёло, надо жить дальше. Бизнесом Тулеутая занялась его жена Анара и, хотя раньше никогда не имела к этому непростому делу отношения, повела его так, что её фирма «ДАН» теперь не просто узнаваема, но хорошо известна в дистрибьюторском секторе предпринимательства Казахстана и пользуется высокой репутацией. Дети Тулеутая получают образование за границей в престижных вузах, радуя не только мать, но и аташкой с апашкой.

В хорошей рабочей форме и отметивший недавно 80-летие Моилжан Сулейменович, пригласивший на это торжество здешних и своих россий-

ских коллег и друзей. Он – один из инициаторов создания и активистов алтайского землячества при Славянском культурном центре.

Хорошо известны инициативы М.С. Канаева и других ветеранов сельхозпроизводства по налаживанию повсеместного закупа молока и мяса в сёлах и аулах, о чём не раз писала областная газета «Звезда Прииртышья».

А память о безвременно ушедшем из жизни сыне, муже, брате Канаевы хранят по-особому – поддерживают областную специализированную школу-интернат для одарённых в спорте детей и ежегодно проводят турниры имени Тулеутая Канаева. И делают это не случайно. Когда они переехали в Павлодар, он, семиклассник, сельский мальчик, не имевший прежде возможности профессионально заниматься борьбой, пришёл в школу высшего спортивного мастерства и всего за 2,5 года, выступая на республиканских и международных соревнованиях, смог защитить норматив мастера спорта по самбо.

Спортивная закалка помогла Тулеутая состояться в жизни. Во время учёбы в карагандинском вузе он организовал там секцию по самбо и вёл её. Любовь к спорту привил и своим детям. Мечтал наладить солидный бизнес и открыть на собственные средства школу-интернат для спортивно одарённых сельских школьников. И только трагическая смерть помешала этому.

Школа же создана и работает под патронажем государства. А фирма «ДАН», основанная Тулеутаем, помогала и продолжает помогать этой школе разными способами: учреждены именные стипендии Тулеутая Канаева лучшим учащимся, были безвозмездные поставки соков и минеральной воды школе. На средства и силами фирмы на площади перед школой высажены 33 ели (по числу лет, прожитых Тулеутаем). Все они прижились и растут – теперь это аллея памяти Т. Канаева, украшающая территорию и хранящая память о нём.

Традиционными стали турниры по борьбе памяти Тулеутая Канаева, проводимые по инициативе, при организационной и финансовой помощи фирмы «ДАН» и всех Канаевых.

Теперь в Павлодаре проходит уже республиканский турнир по казак куресы, в котором принимают участие борцы всех возрастов (от самых юных до 16-17-летних) из многих регионов страны. Бывают на них друзья Тулеутая и его партнёры по бизнесу. И это тоже была инициатива семьи

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Канаевых, поддержанная руководством областной федерации по казак курессы, специализированной школой-интернатом, спортивными учреждениями города и области. Звучит на этих турнирах имя Тулеутая Канаева, его фотография украшает баннер в зале, где проходят соревнования.

Дело огромной важности делают Канаевы, сохраняя таким образом не только память о сыне: ещё они показывают пример жизненной стойкости, благородства, умения жить с людьми и для людей. И не случайно коллектив областной специализированной школы-интерната для одарённых детей, спортивная общественность ходатайствуют о присвоении школе имени Тулеутая Канаева.

Я же думаю о том, что есть будущее у страны, чьей опорой во все времена были, есть и будут такие семьи, как Канаевы.

Юрий ПОМИНОВ

МАСТЕР-КЛАСС ВИКТОРА ТРАУТВЕЙНА

К одному из лучших фермеров Алтайского края Виктору Христиановичу Траутвейну мы отправились небольшой делегацией. Инициатором поездки стал Моилжан Сулейменович Канаев, «сибирский казах», как он сам себя именует, ветеран сельхозпроизводства. Первую половину жизни он провёл на Алтае, вторую проводит на родине предков, не порывает связи с сибирскими земляками. С Траутвейном же они не просто коллеги, но и давние друзья.

С нами также ехал руководитель одного из крупных крестьянских хозяйств Павлодарского района «Акпура» Мубарак Наукенов. А в Панкрушинском районе присоединились местные фермеры – бывший павлодарец, сельчанин Александр Александрович Сукасян и его сын и помощник Станислав.

Цель у нас всех была одна – своими глазами увидеть плоды труда легендарного алтайского фермера. Сразу скажу, что мы в своих ожиданиях не разочаровались.

Траутвейны оказались на Алтае не по собственной воле – были депортированы с началом Великой Отечественной войны вместе с другими соотечественниками из республики немцев Поволжья. Виктору, когда их доставили в

бывшую коммуну «Майское утро», было два месяца. Теперь он накануне своего 75-летия. Трудового стажа – без малого 60 лет.

Первая «официальная» должность в 16 лет после окончания училища механизации – тракторист. Первый успех на выращивании кукурузы на силос квадратно-гнездовым способом (про него, наверное, почти никто не помнит, а был он, между тем, весьма эффективен) – до 500 центнеров зелёной массы кукурузы с гектара.

Работал также водителем, окончил техникум, преподавал в родном профтехучилище. Дальше он, техник-механик по специальности, – главный инженер колхоза имени Кирова, в котором его отец Христиан Давыдович был главным агрономом. Под его крылом сын прошёл и хорошую агрономическую школу, подкреплённую заочной учёбой в Алтайском сельхозинституте.

В 29 лет – председатель колхоза «Советская Сибирь», никогда показателями не блиставшего. Его Виктор за четыре года вывел в группу лидеров Косыхинского района и как перспективный кадр был направлен на учёбу в Новосибирскую партийную школу.

После окончания её – секретарь Панкрушихинского райкома партии. Вполне мог сделать партийно-руководящую карьеру, особенно при его способностях и внешних данных, но, к удивлению многих и непониманию партийного начальства, стал, сам того не предполагая, инициатором почина краевого масштаба. А суть в том, что Траутвейн с руководящей партийной должности, с которой вполне справлялся, захотел перейти на освобождающуюся вакансию директора совхоза «Подойниковский» этого же района. И поскольку он был настойчив, и нашёл в крае ещё один такой, занимавший высокую комсомольскую должность, бюро крайкома партии специальным решением санкционировало их переход – как патриотический почин, когда партийцы сами идут на решающие участки сельхозпроизводства.

Те шесть с половиной лет директорства в «Подойниковском» Виктор Христианович до сих пор вспоминает как едва ли не лучшую пору жизни. Потому ещё, что был молод, полон сил и замыслов, работа кипела, всё удавалось.

– В Подойниково до сих пор всюду мои следы, – не без гордости говорил мне Траутвейн, – мы столько там построили – производственных и

МОИЛЖАН КАНАЕВ

социальных объектов. До 30 квартир в год сдавали, 30 километров водопровода провели, улицы заасфальтировали и даже переулки. Парки облагородили и огородили, стадион довели до ума. А производство какое было, какая техника! И хоть многое там, конечно, порушено, оставшееся до сих пор служит. И, конечно, там часть моей души осталась. Тогда я верил в коммунизм и там строил его.

В Подойниково, кстати, М.С. Канаев работал агрономом и парторгом, сейчас тут хозяйствует А.А. Сукасян: выращивает хлеб, занимается животноводством, ведёт другой бизнес. Опыт В.Х. Траутвейна – и прежний, и нынешний – придётся ему весьма кстати.

После «Подойниковского» Виктор Христианович несколько лет возглавлял Косихинское райсельхозуправление, а когда пришли рыночные времена, в очередной раз сделал выбор в пользу самостоятельной работы на земле – ушёл с руководящей должности в фермеры. Было это в 1992 году.

Места здешние известны на всю Россию – это родина второго космонавта СССР Германа Титова, поэта Роберта Рождественского. Природа в округе – залюбуешься: лога, увалы, леса и перелески, сосновый бор, а земли – не чета нашим павлодарским, куда более плодородны, больше выпадает и осадков. И если Алтай по праву называют хлебной житницей России, то уголья трёх хозяйств В.Х. Траутвейна, действующих как единый производственный комплекс, по достигнутым результатам без преувеличения – одна из жемчужин не только Косихинского района, но и всего края. Это ООО «Майское», крестьянское хозяйство «Траутвейн В.Х.» и ООО имени Г.С. Титова.

Поднялись первые два хозяйства на хлебе: пшенице – озимой и яровой – и гречихе. Но сеют также горох, овёс, имеют по тысяче гектаров сенокосов и пастбищ. Пашни всего 10-11 тысяч гектаров – не так уж много, даже по нашим павлодарским меркам. Но это – примерно полторы сотни полей (рельеф местности таков, что приходится земли под пашню выкраивать). И каждое работает с полной отдачей.

Так, в прошлом, нетипичном и далеко не самом благоприятном для хлеборобов году озимая пшеница (900 гектаров) дала вкруговую по 34 центнера, а яровая – по 22. При этом первая подопрела (зима была мягкая), а вторую придавила засуха. В более же благоприятные годы урожайность

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

озимой доходит до 45-47 центнеров, а яровой – до 30 и более центнеров с гектара. Причём это, как правило, отменное зерно, с высокой клейковиной и прекрасными хлебопекарными качествами.

Гречиха в хорошие годы даёт до 14-15 центнеров с гектара, а в прошлом после подработки вышло более десяти центнеров. Сеют же её тут больше всех в крае среди крестьянских хозяйств – до 4,5-4,8 тысячи гектаров.

И пшеница, и особенно гречиха в любой год рентабельны, были и остаются основой финансового благополучия хозяйств, не имеющих долгов и уже много лет не пользующихся кредитами (хватает собственных средств).

Всю гречиху урожая прошлого года продали за рубеж – большую её часть вывезли собственными паромными контейнеровозами китайцы и японцы, а оставшиеся две тысячи тонн продали Латвии.

Секрет успеха здешних хлеборобов Виктор Христианович объясняет так:

– Землю не обманешь: насколько её изучишь, как к ней отнесёшься, такая будет и отдача.

За этой несложной формулой – опыт отца-агронома, помноженный на собственный многолетний опыт, знания и поиски. Все 150 полей он знает как свои пять пальцев: где что было и когда посеяно, где что будет.

Пшеницу тут никогда два года подряд не сеют по пшенице, культуры подобраны и строго чередуются в севооборотах. Семена – только самые лучшие, районированные. Минеральные удобрения – по строго рассчитанным нормам, химическая обработка зерновых – обязательна. Сроки сева оптимально выверены, что позволяет распределить силы на уборке: сначала озимые, потом яровые, потом гречиха.

Проводить все полевые работы в срок позволяют высочайшая техническая вооружённость хозяйства плюс мастерство здешних механизаторов. Виктор Христианович с гордостью демонстрировал нам это богатство: тракторы и комбайны, сеялки и жатки – всё самое совершенное, высокотехнологичное, что применяется сегодня в мировом земледелии. Машины эти настолько умны, что используют в работе спутниковое наведение. Все они уже подготовлены к будущим полевым кампаниям и укрыты от непогоды в ангарах.

Хозяйство располагает высокопроизводительными сушильными и зерноочистительными машинами, способными в уборку высушить зерно с влажностью до 30 процентов и довести до нужных кондиций товарное и семенное зерно. В уборку всё тут действует – и в поле, и на току – как на хорошо отлаженном конвейере.

Не скупятся на покупку всего самого технически совершенного, а в местной мастерской до сих пор используют токарный станок ДИП 300 (люди старшего поколения помнят эту аббревиатуру дровесоветской поры, означающую «догнать и перегнать» западные страны). То есть этот ветеран – ровесник самого В.Х. Траутвейна, которому скоро стукнет 75 лет. Конечно же, «агрегат» отреставрирован и модернизирован, но основа у него – «родная», старосоветская. Как и у его соседа. Работают!

В мастерской, говорил мне её заведующий Василий Иванович Ивахнов, выполняются все виды ремонтных работ – профилактические, текущие, капитальные. Даже кузня – и та сохранилась. Что можно – реставрируют и изготавливают сами. И только на самую сложную зарубежную технику детали заказывают.

В.И. Ивахнов работает с В.Х. Траутвейном с самого начала этого хозяйства, без малого четверть века, и убеждён в том, что если бы не воля, трудолюбие, высокая организованность и высокая требовательность директора – не было бы всего достигнутого.

Спрашивал у Виктора Христиановича о заработках. Конечно, они разнятся у разных категорий работников. У хороших механизаторов выходит до 25-30 тысяч рублей в месяц, а в уборку бывает и в разы больше. Интересен «побочный эффект»: если в первые годы многие, если не большинство, содержали подворье со скотом, то теперь таких совсем немного, хотя никому нет отказа в кормах для этих целей.

Все их, конечно, за один короткий визит не изучишь, но некоторые открыл он сам, о других говорили те, кто работают рядом. Последнее тоже важно, потому что руководитель – это не только достигнутые им высоты, но и то, что о нём говорят люди.

Да, он открыт, обаятелен и коммуникабелен, но далеко не так прост, каким может показаться с первого взгляда. Да, он ищет материальную выгоду в том, что изо дня в день делает, но деньги для него никогда не были самоцелью, они – лишь средство для достижения цели.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Да, он требователен, не зря же говорил нам, что дважды своих распоряжений не повторяет. Но в нём нет и следа начальственной спеси, и мы не раз слышали благодарные слова о нём, как о заботливом, внимательном руководителе. Требовательность же его оборачивается общим благом – порядком в делах и достойной оплатой за хорошую, результативную работу.

– Целеустремлённый мужчина, – выделила в нём сразу два определяющих качества бригадир животноводческого комплекса Наталья Анатольевна Ястребова. – Этот комплекс Траутвейн взял под своё крыло лишь несколько месяцев назад и с присущей ему энергией стал наводить порядок – обустривать, совершенствовать, создавать заделы для расширения материальной базы. Пока здесь 400 дойных коров голштинофризской породы плюс более 300 голов «шлейфа». Будет больше, а надой на корову уже в этом году планируют довести в среднем до пяти тысяч литров.

Скорее всего, так и будет. Траутвейн уже всё просчитал и намерен довести животноводческий комплекс с коровниками и оборудованием в них ещё советской поры до уровня требований сегодняшних. Это тоже одно из его жизненных правил: идёшь вперёд и добиваешься успеха – пока движешься; остановился – уже отстал.

Так он всегда жил и продолжает в свои без нескольких месяцев 75 лет. Его энергии и работоспособности и сегодня можно лишь позавидовать. В этом же духе воспитывает сына Александра – в одном лице генерального директора ООО имени Г.С. Титова и своего зама по всем трём хозяйствам. Себя Виктор Христианович при всём его опыте считает, скорее, романтиком, а сына – прагматиком. У сына – тоже характер, бывает, вступает в спор с отцом по хозяйственным и прочим делам. Но это, наверное, хорошо, что есть рабочий тандем, когда одно уравнивает другое. Не в этом ли залог и будущей устойчивости их общего дела?

Мы возвращались домой, полные впечатлений. А наши попутчики – сельские фермеры – строили планы. Мубарак Наукенов размышлял вслух об увиденном и обкатывал на М.С. Канаеве будущие проекты по созданию в своём хозяйстве молочной фермы и организации посевов зерновых и кормовых

МОИЛЖАН КАНАВВ

культур. Есть свои наметки и у А.А. Сукасына, а с М. Наукуновым они тоже обговаривали варианты сотрудничества.

Судя по всему, должен дать хорошие всходы мастер-класс Виктора Христиановича Траутвейна.

*Юрий ПОМИНОВ.
Косихинский район Алтайского края*

В ПАНКРУШИХИНСКОМ РАЙОНЕ НА АЛТАЕ

Панкрушиха ведёт свой отсчёт с 1759 года, о чём извещает парадная стела на въезде. Старинное русское село будто притулилось к южной кромке реликтового бора шириной в двенадцать километров, тянущегося до самой Оби. За ней – уже сибирская тайга.

Мы, кстати, приезжали через бор – он более дремуч и девственен, чем наш Чалдайский – сосны стоят гуще, тянутся вверх – это идеальный строевой лес, заготовка которого, конечно же, строго ограничена. А в округе во все стороны лесостепь – берёзовые колки, похожие на наши железинские и качирские, только помощнее, и их больше, чем у нас. И, конечно, изобилие хорошей травы всюду, грибов летом и осенью, а также земляники – царицы степных ягод.

От Панкрушихи до Барнаула 300 километров и менее 200 до Новосибирска. В райцентре – около пяти тысяч жителей, а во всём районе – примерно 12,4 тысячи.

Что собой представляет Панкрушихинский район? Это северо-запад Алтайского края, хорошие пахотные земли – среднегумусные (сравнимые с нашими лучшими иртышскими и железинскими), супеси, есть и солонцы. Сплошных полей, как у нас в Иртышском районе, здесь не увидишь: здешним земледельцам приходится выбирать свободные массивы между колками. Тем не менее сеют зерновые и другие культуры примерно на 90 тысячах гектаров. Урожай в меньшей мере, чем у нас, зависит от весенне-летних осадков: от 10-15 центнеров с гектара в засушливые годы до 20 в более благоприятные годы. Бывало, получали и больше того.

Мы проехали по району не один десяток километров и видели поля после уборки как вблизи райцентра, так и в самой что ни на есть глубинке.

Впечатления – скорее, хорошие: видели хорошую зябь, густые, зеленеющие озимые, аккуратно убранные, мастерски «выстриженные» поля. Хотя и брошенные, заросшие бурьяном поля видели тоже...

Традиционно здесь развивают и животноводство: молочное, мясное, овцеводство, коневодство. Правда, значительная, если не основная доля молока и мяса производится сегодня на подворьях: хорошо налажен закуп молока у сельчан, даже в отдалённых сёлах. Часть перерабатывается на местном маслосырзаводе, другая напрямую отправляется в Новосибирск. Для многих сдача молока – хорошее подспорье к семейному бюджету, а для некоторых – едва ли не главный источник «живых» денег.

Я разговаривал со многими людьми, и большинство сходилось на том, что район по сравнению с советскими временами основательно «просел» по части сельскохозяйственного производства. А полсотни с лишним нынешних сельхозпредприятий, включая 28 крестьянских фермерских хозяйств, не заменяют по объёмам производимой продукции пять прежних крупных совхозов, в каждом из которых было по пять отделений.

Сейчас в районе девять сельсоветов, в которые входят три десятка населённых пунктов – с, конечно же, разным уровнем развития. Есть и совсем малые, по сути умирающие сёла.

Один из нынешних успешных людей района – Николай Васильевич Ряжин, создавший вместе с сыном Николаем крестьянское фермерское хозяйство. Опыта Ряжину-старшему не занимать: начинал комбайнёром и в 1979 году намолотил за уборку больше тысячи тонн зерна. Был бригадиром крупной тракторно-полеводческой бригады, директором совхоза, первым заместителем главы районной администрации. Оставшись не у дел, взялся хозяйствовать сам. Младший брат дал денег на мельницу, нашли подходящее здание, работали сначала на давальческом и в ту пору недорогом зерне. Теперь – уже больше на своём. И если сначала главным в паре с сыном был отец, теперь делами в основном заправляет Николай-младший, а отец у него больше в советчиках.

Засевают пока 235 гектаров, убирают всё своими «Нивами». Трактора и посевная техника – тоже свои. В планах – расширить посевные площади, приобрести роторную сенокосилку, посевной комплекс, заняться животноводством.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

– Поднимали хозяйство, – говорит Николай Васильевич, – самостоятельно, стараемся обходиться без кредитов. Вот и сейчас уже запасли горючее на будущую посевную, есть и семена.

Главная проблема – кадры: прежние либо ушли на покой, либо дорабатывают, а новых нет – много лет их не готовили, да и не многие теперь согласны тянуть крестьянскую лямку. Тем не менее в перспективу развития их с сыном семейного дела ветеран сельскохозяйственного производства верит, и рассчитывают они главным образом на собственные силы.

С Ольгой Карловной Давыденко мы познакомились в Панкрушихе. Позади у неё редкий для женщин трудовой путь: агроном отделения, главный агроном совхоза (кстати, единственный агроном-практик в районе). Итого 36 лет земледельческого стажа, когда с ранней весны и до середины осени, по её собственному выражению, «вставай пораньше и уходи домой попозже». В совхозе было до 30 тысяч гектаров зерновых да опытный участок, где испытывалось до 17 сортов пшеницы и других культур, да совхозный сад, да первая теплица в районе... Да двое детей в придачу, а теперь четверо внуков и девять правнуков...

Она с детства хотела быть агрономом, но когда и дочь Татьяна решила пойти по её стопам, решительно воспротивилась. И тогда та сказала:

«Решайте сами – или, как папа, шофёр, или, как мама, агроном». И тоже стала агрономом, притом хорошим, тут и материнская школа помогла...

Ольга Карловна в свои 78 лет не утратила стати и женского обаяния. Как, впрочем, и рабочей формы. По-прежнему, правда, уже с помощью дочери, возделывает огород. Здесь уместен именно этот глагол: в нынешнем году семейству (с внуками) хватит на зиму всего: семи выращенных кочанов капусты, потому что вес каждого доходил до 15 килограммов (заквасили полтора десятка трёхлитровых банок капусты), а отдельные экземпляры их помидоров «Бычье сердце» тянули больше килограмма.

Вторая встреча – в глубинке, за 40 с лишним километров от райцентра, куда мы добирались часа два по вдребезги разбитой и разъезженной после недавнего снега и оттепели дороге. Инициатор нашей поездки – уже знакомый читателям газеты «сибирский казах» М.С. Канаев, непременно хотел встретиться в посёлке Борисовском со старым товарищем – Афана-

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

сием Никитовичем Саморядовым, потомком столыпинских переселенцев, трижды управляющим (руководил тремя отделениями), чей подтверждённый трудовой стаж составляет 56 лет.

Афанасию Никитовичу уже за 80 лет, но он по-прежнему прямо держит спину, высок и жилист, сохраняет отменную статью и стройность.

Само собой, зашёл разговор о былых делах, о главном совместном проекте почти сорокалетней давности – сплавной системе удаления навоза на фермах, которую они вместе внедрили – начальник райсельхозуправления и управляющий отделением. Самое поразительное – она до сих пор действует.

Жаль, что нельзя в одной публикации написать подробно о полной высоте смысла и созидания жизни этого выдающегося сельского труженика и встречах с другими сибирскими стариками. Но главное – они были, эти встречи, и останутся в памяти.

Юрий ПОМИНОВ

ДРУЖАТ НАРОДЫ-БРАТЬЯ

*80-летие казахского аула торжественно отметили
в Алтайском крае с участием делегации из Павлодара*

Жертвы голода 30-х годов

Великим джутом называют казахи голод 30-х годов прошлого века, разразившийся в Казахстане после ураганной коллективизации, не учитывающей особенности хозяйствования и образа жизни этого народа. Оставшись без скота – главного источника существования, казахи не просто бедствовали – вымирали целыми аулами. И бежали куда глаза глядят. Из приграничных с Россией областей – больше всего в российскую Сибирь. Многие умирали в пути, но те, что добрались до сибирской глубинки, спасались главным образом благодаря милосердию и поддержке местных жителей. Однако им, рассеянным по сибирским деревням, было очень

трудно адаптироваться к новым, непривычным условиям жизни – без знания языка, практически без имущества, навыков земледелия.

Именно тогда, в середине 30-х годов, властями тогдашней страны было принято решение селить пришлых казахов компактно, на свободных землях. Так появились в Омской, Новосибирской областях и в Алтайском крае казахские аулы-колхозы. В том числе аулы Нацмен и Кызыл ту в Панкрушихинском районе Алтайского края, примерно в 350 километрах от Павлодарской области.

Нам, сегодняшним, невозможно даже представить себе, с какими трудностями пришлось здесь столкнуться вынужденным переселенцам, которых правильнее будет назвать беженцами. Делали они то же, что и первые русские и украинские переселенцы, пришедшие в эти края ещё раньше: рыли землянки, поднимали «стены» из пласта, им же накрывали крыши из жердей, сооружали простейшие печи. Учились выращивать картошку, которая на годы стала их главной едой.

Даже не обжились ещё как следует – война. На неё ушли из этих двух аулов 46 мужчин и парней. Каждый второй сложил на фронте голову, защищая страну. В память о них в ауле Кызыл ту сооружён скромный памятник, о котором заботятся аульчане – потомки погибших.

Со временем оба колхоза-аула встали на ноги, в начале 70-х годов в них проживало без малого по три сотни человек. Казахи освоили новые для себя профессии – становились хлеборобами. На землях аула Кызыл ту, ставшего отделением совхоза, был в 1980 году выращен лучший в Панкрушихинском районе урожай зерновых – в среднем по 25 центнеров с гектара. А местный механизатор Бекбулат Жалялитденов установил тогда на уборке рекорд Алтайского края, намолотив за сутки на комбайне СКД-5 1180 центнеров зерна. Так работали здесь казахи, чьи предки вообще не знали земледелия.

Со временем аул Нацмен по разным причинам перестал существовать. А созданный в 1936 году аул Кызыл ту хоть и поредел (здесь теперь 28 казахских семей, 83 человека), но продолжает жить. С полгода назад мне посчастливилось побывать в нём, пообщаться с местными жителями. Живут они не бедствуя, главным образом за счёт собственных подворий. Разводят скот, продают его на мясо. Зарабатывают и продажей молока от

собственных коров. В каждом дворе – легковая машина, в некоторых и по две, у кого-то есть и сельскохозяйственная техника.

В ту памятную встречу местные аксакалы рассказывали о своём желании отпраздновать нынешним летом 80-летие своего аула с приглашением бывших жителей, гостей, в том числе и павлодарцев. Горячо поддержал эту инициативу, стал активно продвигать её сибирский казах, как он себя иногда называет, Моилжан Сулейменович Канаев.

И праздник в ауле Кызыл ту состоялся.

Народный дипломат

Накануне юбилея в Панкрушихинской районной газете «Трибуна хлебороба» была опубликована правительственная телеграмма председателя Алтайского краевого Законодательного собрания И.И. Лоора. Поздравляя от имени депутатов жителей аула и гостей с праздником, он отмечает: «В непростые 30-е годы здесь, на гостеприимной алтайской земле, нашли свой новый дом семьи казахов, спасавшихся от голода в Казахстане. Благодаря своему трудолюбию и помощи местного населения они смогли освоить новые для себя виды хозяйствования, создать национальные колхозы Кызыл ту и Нацмен.

Уникальный для этой части края посёлок Кызыл ту и сегодня отличается своими бережно хранимыми национальными традициями.

Отрадно отметить, что бывшие жители Кызыл ту помнят о своей малой родине. Хочется назвать ветерана агропромышленного комплекса Моилжана Сулейменовича Канаева, много сделавшего для развития Панкрушихинского района, настоящего народного дипломата, связывающего Павлодарскую область с Алтайским краем...».

Характеристика, данная председателем Законодательного собрания И.И. Лоором М.С. Канаеву, вполне заслуженна. Он вырос в одном из этих аулов, работал здесь же учителем, закончил сельхозинститут в Барнауле, стал первым в районе казахом с высшим сельхозобразованием. Работал в Кызыл ту агрономом, закладывая вместе с односельчанами основы высокой культуры земледелия, которые и привели в дальнейшем к лучшему в районе результату.

МОИЛЖАН КАНАЕВ

А М.С. Канаев пройдёт в Панкрушихинском районе большой путь становления и роста, будет назначен в итоге начальником райсельхозуправления. При нём Панкрушихинский район войдёт в десятку лучших в крае (где было 65 районов). Затем он переберётся на родину предков, в Павлодарскую область, где ему также доверяют высокие должности – вплоть до заместителя начальника облагропромкомитета. А после выхода на пенсию он создал крестьянское хозяйство, которое успешно ведёт и сегодня, разменяв девятый десяток лет.

Моилжан Сулейменович также активный общественник, член областного совета ветеранов, защитник интересов сельчан – производителей продукции на собственных подворьях, один из активнейших членов алтайского землячества в нашей области.

Полжизни М.С. Канаев прожил на Алтае, вторую – на родине предков и никогда не порывал связей с Алтаем, приютившим их семью в годы голода, краем, где сам он состоялся как личность, как успешный специалист и руководитель. В Панкрушихинском районе, где он каждый год, а порой и не по одному разу бывает, его помнят и по-прежнему уважают, чествовали несколько лет назад в связи с юбилеем.

Останется в памяти праздник

Алтайское землячество стало инициатором подготовки к юбилею алтайского аула Кызыл ту. Поддержали инициативу областные и городские органы исполнительной власти. И на Алтай отправилась целая делегация павлодарцев из примерно сорока человек.

Праздничное действо развернулось в самом ауле, где была сооружена импровизированная сцена. Ожидалось примерно 200 участников: сами жители, их родственники и земляки, представители местной власти, многочисленные гости. Но на деле собрались около 300 человек.

Торжественная часть продолжалась более двух с половиной часов. Поздравил аульчан и всех присутствующих глава администрации Панкрушихинского района Сергей Петрович Ткаченко, огласивший правительственную телеграмму И.И. Лоора.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Глава павлодарской делегации М.С. Канаев, поздравив земляков, передал приветственный адрес от имени Павлодарского областного маслихата для председателя Законодательного собрания Алтайского края И.И. Лора. Это почётное поручение взялся исполнить лидер казахской диаспоры Алтайского края, советник губернатора края Мурат Серикович Бекмуратов, много делающий для развития связей двух регионов.

На празднике выступили с поздравлениями председатель алтайского землячества в Павлодаре Дмитрий Никифорович Фалеев, огласивший приветственный адрес от имени акима Павлодара Н.К. Ашимбетова, вручивший от себя лично чапан главе района; краевед, а в прошлом партийный работник Пётр Яковлевич Скабелкин; ветеран Пётр Андреевич Карнаухов, живший в детстве рядом с аульными ребятами; местный аксакал Айтказы Ибраев, его земляк, ныне живущий в Астане, Бекмурат Жалялитденов, а также многие другие. Одной из главных общественниц аула, занимавшейся организацией праздника, Шамшие Ахметовой (кстати, она внучка организатора здешнего колхоза Елемеса Исикеева) была вручена картина от акима Павлодара.

Выступления перемежались концертными номерами панкрусихинских и павлодарских коллективов художественной самодеятельности и артистов.

Были продемонстрированы казахские национальные традиции – разрезание пут ребёнку и раздача подарков гостям из большого расшитого коржина.

Затем все были приглашены за общий дастархан. Не поскупились на угощение аульчане, зарезавшие для него девять баранов, и семья павлодарцев Канаевых, выступившая спонсором праздника, который, конечно, останется в памяти у всех, кто на нём побывал.

Юрий ПОМИНОВ

НАУРЫЗ НА АЛТАЕ

Юбилейный десятый праздник «Наурыз – венок дружбы» пройдет в этом году в Кулунде Алтайского края.

Наурыз значит в краевом календаре праздников, поддерживается властями края и отмечается как общий для всех. И его как эстафету передают из района в район. На этот раз праздник доверено провести кулундинцам – соседям нашего Щербактинского района.

А накануне в Павлодаре побывала делегация из Алтайского края: глава Кулундинского района Сергей Петрович Балухин, лидер казахской национально-культурной автономии края Мурат Серикович Бекмуратов, директор Каракольской средней школы Кулундинского района Нургайша Гайсавна Баринаова и другие. Цель – заручиться поддержкой павлодарцев в организации и проведении праздника, изучить наш опыт, выслушать советы.

Поддержка уже обещана кулундинцам в акимате Щербактинского района и Павлодарском пединституте.

Побывали гости и в Доме дружбы, где состоялся обстоятельный, заинтересованный разговор о предстоящих на Алтае торжествах, намечаемых на середину апреля. Начнутся они в кулундинском ауле Керей, которому исполняется в этом году 110 лет, а здешней школе – 90 лет.

Школа уникальная, с преподаванием на казахском языке. В ней всего 30 учащихся, но благодаря государственной поддержке она удерживает статус средней. Работает в Керее и единственный в России казахскоязычный детский сад, в котором 15 дошколят. Директор школы Н.Г. Баринаова, одна из главных хранительниц языка и традиций казахского народа, закончила педучилище в Павлодаре и пединститут в Караганде, но работает всю жизнь в Керее, где насчитывается сейчас 75 домов. Высшее образование выпускники этой школы получают главным образом в вузах приграничных с Алтаем казахстанских регионов, в том числе в Павлодаре.

На базе Каракольской школы планируется в первый день Наурыза провести международную научно-практическую конференцию по проблемам сохранения казахского языка и культуры с участием вузов России, Казахстана, Китая и Монголии.

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Празднование Наурыза пройдёт в Кулунде, где будут установлены юрты, оборудованы сценические площадки, на которых покажут свои концертные номера представители не только казахского, но и других народов края. Планируется также развернуть выставки изделий мастеров прикладного искусства. Пройдут спортивные состязания и конские скачки.

В праздновании Наурыза в Кулунде, конечно же, примет участие и делегация нашей области.

Визит гостей завершился дружеским дастарханом, организованным членами алтайского землячества Славянского культурного центра.

Юрий ДМИТРИЕВ

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО. СКРЕПЛЕНА ВЕКОВОЙ ДРУЖБОЙ

Делегация Павлодарской области приняла участие в юбилейных торжествах, состоявшихся в Панкрушихинском районе Алтайского края. Мероприятие было посвящено 95-летию образования Панкрушихинского района. На его территории находится казахский аул Кызыл ту, которому недавно исполнилось 80 лет. Казахи оказались в Сибири во время коллективизации, когда вымикали от голода целые аулы. А те, что ещё могли двигаться, бежали куда глаза глядят, доходили до сибирских сёл и как могли обосновывались там.

Прожив 45 лет на Алтае, М.С. Канаев решил вернуться на родину предков, где также прошёл большой путь: от начальника Щербактинского райсельхозуправления до начальника управления земледелия агропромомитета.

Все эти годы М.С. Канаев не порывал связей со своей сибирской родиной, где его до сих пор уважают и помнят как Ивана Сулейменовича. Именно поэтому глава Панкрушихинского района Дмитрий Владимирович Васильев пригласил земляка на юбилейное торжество, а вместе с ним и делегацию Щербактинского района.

Участие щербактинцев, приехавших на праздник не с пустыми руками, а с юртой, национальными угощениями, группой участников художественной самодеятельности, добавило ярких красок торжеству. Юрта

МОИЛЖАН КАНАЕВ

была установлена на площади райцентра и вызывала неизменный интерес у всех, кто участвовал в торжестве. Желающих угощали горячим чаем, блюдами казахской кухни.

Звучали поздравительные речи, выступали местные и щербактинские артисты. Из сельских округов района тоже привезли блюда национальных кухонь и угощали ими всех желающих. Был даже устроен праздничный фейерверк.

По казахской традиции щербактинцы накинули на плечи чапан двум уважаемым людям: главе района Д.В. Васильеву и депутату законодательного собрания от здешнего округа Сергею Николаевичу Серову – ещё и в качестве благодарности за деятельное содействие в асфальтировании семикилометрового участка дороги до аула Кызыл ту и за его освещение.

Аульчане также не ударили в грязь лицом: приняли часть гостей у себя и продолжили принимать их в юрте, установленной на празднике в Панкрушихе. Особенно постарались в этих хлопотах аксакал Айтказы Ибраев и Шамшия Исекеева. Много забот по организации поездки щербактинцев и по их участию в празднике легло на плечи заместителя акима района Ризагуль Алексеевны Негмановой.

Группа павлодарского областного телеканала «Ертiс» запечатлела торжества на видео, уже показала сюжет и подготовила содержательный репортаж, который был показан по телевидению.

Добрые перемены в Панкрушихинском районе во многом связаны с приходом к руководству Д.В. Васильева: стало чище, уютнее, да и вообще легче жить.

Завязывается сотрудничество между Панкрушихинским и Щербактинским районами, не говоря уже о многоуровневом сотрудничестве нашей области с приграничными сибирскими регионами. Однажды М.С.Канаев уже высказывал в «Звезде Прииртышья» идею установить памятник, символизирующий дружбу двух наших народов. Может быть, пришло время более обстоятельно и всесторонне обсудить это предложение?».

Юрий ДМИТРИЕВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О ТОМ, КАК И ПОЧЕМУ РОДИЛАСЬ ЭТА КНИГА

Завершаю описание своего жизненного пути, озаглавленного «Две родины и одна судьба». В этой работе я в некоторой степени осознал, что означает труд писателя, журналиста, требующий не только знания языка, но и других умений и человеческих качеств.

Инициатором написания книги был сын Тулеутай: он с первого дня моего выхода на пенсию настойчиво просил написать книгу, создавал для этого все условия, даже хотел переселить нас с Кулятай с улицы Горького на улицу Лермонтова, чтобы мы жили на квартире над кафе «Асаба» и не тратили время на хозяйственные и бытовые нужды.

У этого замысла Тулеутая были основания: старшее поколение людей прожило недолго. К примеру, мой отец Сулеймен прожил 64 года, матери – Жамиле как-то удалось прожить 75 лет, братья – Жунус – 64 года, Мухамеджан – 65 лет, Чаймардан – 70 лет, а сестра Баткен ушла из жизни в 61 год.

Желая сохранить память о своих предках, тем более учитывая тот факт, что он являлся единственным продолжателем моего рода, Тулеутая хотелось иметь настольную книгу, чтобы читать и рассказывать своим детям и внукам, на примере своих предков учить достойной жизни молодёжь.

Но время было перестроечное, люди с большим трудом приспособились к реалиям жизни, бизнес был во многом криминальным. В такое время сидеть и писать книгу, отвлечься от сложных жизненных ситуаций было нереальным, да и надо сознаться, что я психологически не был к этому готов.

События разворачивались так, что мне пришлось сесть за руль «Газели» и помогать Тулеутая в его делах с раннего утра до позднего вечера и одновременно вести своё личное подворье в селе Красноармейка, увозил ежедневно в город 200-250 литров молока на продажу.

Тут случилось непоправимое: ушёл из жизни Тулеутай, пришлось, преодолевая боль утраты, думать о воспитании внуков, предпринимать меры, чтобы продолжала работать фирма «Дан» – детище Тулеутая.

Вернулся к написанию книги 20 лет спустя, после моего 80-летнего юбилея, на который приехала делегация Алтайского края: Бекмуратов Мурат Серикович, Траутвейн Виктор Хрестьянович, Скабелкин Пётр Яковлевич.

Руководили этим мероприятием Ашимбетов Нуржан Кемерович – заместитель акима области по сельскому хозяйству, аким Щербактинского района Аскарлов Ергалий Вахитович, вручивший мне свидетельство о присвоении звания почётного гражданина Щербактинского района.

Юбилей начался в Доме дружбы областного центра, как бы символизируя продолжающуюся вековую дружбу двух народов, особенно проявившие себя в трудные времена. Мне было вручено Благодарственное письмо Администрации Алтайского края, управления по обеспечению международных и межрегиональных связей за вклад в развитие международного гуманитарного сотрудничества между Алтайским краем и Республикой Казахстан за подписью начальника управления А.Ф. Жилина.

На юбилейном вечере тему дружбы поднимали многократно и многие заканчивали просьбой в мой адрес – написать книгу. А ещё мои внуки, подрастая, стали интересоваться моим жизненным путём. Дарын, старший сын Тулеутая, однажды спросил меня: «Ты проживал в Алтайском крае и Павлодарской области, а было ли у тебя общение с первыми руководителями этих регионов?» А младший внук Нияз, узнав из моих рассказов о том, что его прабабушка Жамиля, бабушка Кулятай и его мать Анара стали в трудное время опорой семьи, сделал своё заключение: «Мои предки умели выбирать себе жён!» Так я приходил к мысли о том, что на эти и многие другие вопросы моих соотечественников может ответить моя книга.

Осуществить мечту Тулеутая помог мне Поминов Юрий Дмитриевич, большой специалист своего дела. У меня сложилось впечатление, что он наблюдал за мной всю жизнь. После моего переезда в Павлодарскую область он возглавлял областную русскоязычную газету «Звезда Прииртышья», а мы, сельхозники, подавленные засухой 1981-1983 годов, не всегда были рады приезду в район журналистов.

Познакомился я с ним, уже будучи пенсионером, ведущим своё личное подворье, желая обратить внимание руководства области и республики на проблемы личного подворья и мелких крестьянских хозяйств – через газету «Звезда Прииртышья». Я ощутил его доброжелательное отношение

ко мне, этого печатного органа в отличие от других средств массовой информации.

Благодарен всем, пожелавшим принять участие в написании моей книги – это дорогие панкрушихинцы, щербактинцы, павлодарцы, друзья Тулеутая. Их воспоминания о нашей совместной работе, о проблемах, преодоленных нами в самые трудные времена моей жизни благодаря человеческим отношениям людей разных национальностей, вероисповедания, языка, быта и цвета кожи – углубили содержание моего жизненного пути. Два народа – русские и казахи – познали друг друга, подтвердив русскую пословицу: «Человек познаётся в беде!»

Сближение наших предков началось в далёком 1702 году, когда хан Тауке – прозванный «азь» – что значит мудрый, осознавший в полной мере опасность джунгарской угрозы, послал своего посла к русской крепости, расположенной на берегу озера Ямыш, а дальновидный царь Пётр Великий проявил интерес не только к Казахстану, но и всей Средней Азии.

Известный казахский писатель Ильяс Есенберлин в своём историческом романе «Отчаяние» пишет: «Так или иначе, но казахскому народу и народам Средней Азии этот приход России при всех ужасах и несправедливостях колониальной экспансии помог выжить и остаться в истории.

Одно нашествие джангар Есенберлин описал в своей книге: «Пылали достигнутые врасплох города и аулы Семиречья, Прибалхашья, Туркестана. Вороны клевали трупы на пепелищах, земля размокла от людской крови. При налёте на аул расправа начиналась с того, что джунгары с диким хохотом поднимали на пики всех детей до семилетнего возраста». Полное уничтожение местного населения входило, прежде всего, в хозяйственные планы захватчиков. Другое отношение было у русского народа. К примеру, в декабре 1794 года группа казахских старейшин обратились к Екатерине Второй с письменной жалобой о притеснении их в пастбищах. 3 июля 1798 года царь Павел Первый официально разрешил казахам среднего жуза пользоваться кочевьями на всём пространстве от Семипалатинска до Омска.

В 1825 году в среднем каждая семья казахов имела 160 баранов, 28 лошадей, 8 коров, 7 коз и 4 верблюда. Эти сведения из книги Радика Темиргалиева «Казахи и Россия». К судьбе моего рода Кошен-Шурек русские справедливо отнеслись дважды: в первый раз – в 1861 году, когда мой соро-

МОИЛЖАН КАНАЕВ

дич Бақы Басар улы выиграл судебный процесс в городе Омске, отправив в ссылку ставленника царя Матвеева, во второй – в 1980 году, в Панкрушихинском районе Алтайского края, когда меня, начальника райсельхозуправления, премировали автомашиной «ГАЗ-24», оценивая мои заслуги выше, чем первого секретаря райкома партии Колбунова Фёдора Ильича, председателя райисполкома Пятицкого Сергея Михайловича, это, несмотря на то, что мной в 1978 году согласно очередности, была приобретена автомашина «Москвич».

Доброжелательное отношение русского народа ощутили на себе в полной мере жители аулов Кызыл ту и Нацмен во время голодомора 30-х годов прошлого века. Моих сородичей обеспечили всем тем, что надо для жизни, научили работать с землёй, получать хороший урожай. А также делали уступки, разрешив казахам содержать скота столько, сколько семьи могут, что строго запрещалось делать русским жителям, которым руководство района объясняло: «Казахи – истинные животноводы». В результате всех этих мер мои сородичи во время войны не только обеспечили себя молоком, молочной продукцией и мясом, но и ежегодно возили мясо на рынок города Новосибирска.

Позволю себе гордиться и тем, что мы, так называемые сибирские казахи, сохранили честь и достоинство наших предков, не ударили в грязь лицом, получив на сибирской земле, в Кызылтовском отделении, самый высокий урожай зерновых культур в Панкрушихинском районе Алтайского края в 1980 году.

Изучив историю взаимоотношений между русским и казахским народами, в том числе на основе своего жизненного пути, половину которого провёл на малой родине в Сибири, учитывая то, что в мир науки и прогресса нация вошла через русский язык, с помощью русского народа, прихожу к выводу: «Надо построить памятник дружбы народов в нашем городе, на площади возле Дома дружбы. Это было бы настоящим символом наших давних братских связей и залогом дальнейшего их сохранения и упрочения.

*Моилжан КАНАЕВ,
сибирский казах, как меня иногда называют.*

Мазмұны

Предисловие.....	3
Об авторе этой книги	3
Вспоминая прожитое и пережитое	7
Родословная нашей семьи	7
Жизнь нашей семьи в дореволюционный период.....	8
О моих родителях	10
Годы октябрьской революции	15
Годы голодомора и массовый уход казахов со своей исторической родины	18
Бегство казахов в Россию	19
Переезд моих родителей из Казахстана в Россию.....	21
Жизнь нашей семьи в национальных аулах Нацмен и Кызыл ту Панкрушихинского района Алтайского края	29
Великая Отечественная Война	36
Ура – Победа!	51
Учеба в техникуме.....	69
Опять школа и служба в армии.....	77
Я – семейный человек и учитель.....	85
Как шутили мои братья.....	90
Размолвка между моим братом Шаймарданом с его дочерью.....	91
Агроном отделения	92
Главный агроном совхоза «Подойниковский».....	113
Я – слушатель Новосибирской Высшей партийной школы.....	125
Возвращение в родную Панкрушиху	134
Секретарь парткома совхоза «Подойниковский»	143
Секретарь райкома партии	156
Начальник Панкрушихинского райсельхозуправления.....	167

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Говорят сибирские земляки	188
Люди из сибирских аулов	188
Мы были как братья	192
Он определил мой жизненный путь	196
Дорогой моему сердцу человек	197
«Здравствуй, ванечка!»	201
Незабываемое	203
Дружба на всю жизнь	207
Айтказинский пар	211
Мы работали вместе	216
Как нам, казахам, помогла сибирская выучка в жизни	219
«Канаев всё равно нас доканает!»	221
Как мы становились земледельцами	224
Земляки	229
Мы были соседями	231
Панкрушихинская школа	234
Мы жили не зря	237
Память сохраняет всё лучшее	239
Как мы работали с кадрами	242
С ним хорошо работалось	244
Он помнит и умеет дружить	245
Пример всем нам	247
Работа на исторической родине	251
Начальник управления сельского хозяйства Щербактинского района Павлодарской области	251
О дружбе двух людей, совершивших подвиг, проживая на малой родине	268
Начальник областного плодоовощного объединения	269

ДВЕ РОДИНЫ И ОДНА СУДЬБА

Начальник управления земледелия Павлодарской области. Официально: заместитель председателя Павлодарского облагпрокомитета.....	279
Главный государственный инспектор по заготовкам и качеству сельхозпродукции Павлодарской области.....	295
Я – фермер.....	299
Занимаюсь личным подворьем.....	303
Новое время – новые заботы.....	306

Воспоминания о нашей совместной работе и жизни

на исторической родине.....	315
Агрономы вспоминают.....	315
Встретились через 30 лет.....	317
Мне везло на хороших людей.....	321
У нас был дружный коллектив.....	324
Пусть наша дружба будет безграничной.....	326
Новое открытие Сибири.....	327

Слово о сыне..... 331

Слово о сыне Тулеутае.....	331
Искренний друг Тулеутая.....	344
Разговор Тулеутая с Маратом Аргыновым.....	345
Важно – какой след ты оставил в жизни.....	346
Дружил и работал с отцом, а теперь работаю с его сыном.....	349
Он умел дружить, как никто другой.....	351
Это был подарок судьбы.....	355
Благотворительные стипендии.....	357

Вспоминают и говорят родные..... 359

Рассказ о моей жизни.....	359
Слово о моём отце.....	366
«Я это помню...».....	370

МОИЛЖАН КАНАЕВ

Жизнь обрела другие грани... ..	372
«Учусь учиться»	373
«Мы живём в Дубае... ..»	380
О моём Аташке	385
Высказывания моих внуков	388
Вчитаемся в газетные строки.....	390
Сибирский казах Канаев.....	390
Состояние непокоя	391
Университеты семьи Канаевых	394
Мастер-класс Виктора Траутвейна.....	398
В Панкрушихинском районе на Алтае	404
Дружат народы-братья	407
Наурыз на Алтае	412
Приграничное сотрудничество.	
Скреплены вековой дружбой	413
Послесловие	415
О том, как и почему родилась эта книга.....	415

*На обложке книги – замечательная природа Алтая и Казахстана.
Там и здесь автор занимался земледелием.*

МОИЛЖАН КАНАЕВ

**ДВЕ РОДИНЫ
И ОДНА СУДЬБА**

Подписано в печать 10.11.2021 г.
Формат 43,5х62 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в ИП «Сытин А.А».
140000, Республика Казахстан, г. Павлодар,
ул. 29 Ноября, 2, тел. 8 (7182) 61-82-13, 61-82-18

ТӨЛЕУТАЙ МОЙЫЛЖАНҰЛЫ ҚАНАЕВ (03.07.1971 - 06.05.2005г.)

Алланың көнер пенде жазғанына,
Фәни-бақи шекара салғанына.
Беймезгіл, ортаңыздан ерте аттандым,
Жыламадар, үміт арт алдағыға.

Жақсылық жамандықпен тайталасып,
Адал, арам дауласқан айқайласып.
Жақсылық пен адалдық үстем түскен,
Жаулармен ұстасқанда майдандасып.

Араша сол майданда ажал екен,
Тірілерді жалмайтын тажал екен.
Жас, көрі, сау, ауруды талғамайтын,
Жүтуға әрқашанда мазалы екен.

Алла бізге өмір-өлім мінедеттеді,
Фәниге кімдер келіп, кім кетпеді?
Өмірдің қызығына тойдым-ау деп,
Өкіншісіз бақига кім өтпеді?

ЖОҚТАУ

Талай боздақ соғыста опат болған,
Қара жер, тоймапты әлі қойны толған.
Жарқылдаған жастарды жалмағаның,
Ажал-ау, таусылмапты маған қолқаң!

Қайран шіркін, бауырым Төлеутайым,
Тұрушы-ең жөнге басар іске дайын.
Қайтейін, қас пен көздің арасында,
Гайып болдың, басыма түсті уайым!

Ата-анаңның алдында гүлденіп ең,
Қарындас, үш апаңа жыр едің Сен.
Баршамызды қайғы-мұңға бөлеп кеттің,
Неге осынша тарылдың, дүние кең?

Бағаналы бйік бәйтерек,
Жапырағын өрт алды.
Аспандап ұшқан сұңқардың,
Қанат-құйрығын келте алды,

Қызығына мауқын бастырмай,
Уақытынан ерте алды.
Іш күйігі жылаумен,
Жүректі қайғы дерт шалды...

Жылама мұңлық жылама,
Көзіңнің жасын бұлама.
Өксісең де егіліп,
Төлеутай қайтып тұра ма..?

Мен де сол шерменденің біреуімін,
Ойлап ем, Ата-анамның тіреуімін.
Артымда екі балам, жарым қалды,
Шіркін-ай енді олардың сүйеуі кім?

Қызықтап жер - жәннәтті баса алмадым,
Алла жазған межеден аса алмадым.
Ата-анам. Аз күн ғұмыр ойлатпады,
Мені жоқтап көздеріңе жас аларың...

Тата алмаған дәмім мен тұзым қалды,
Аяқталмай артымда ісім қалды.
Әкелік парыз, борыш өтелмеген,
Ортаңда екі, құлын - жұлдыз қалды...

Кешіріңдер, сүйген жарым, балаларым!
Көңіл - ықылас мол бөліп қарамадым,
Аңдушы-ажал бар екенін абайламай,
Мезгілсіз жандарыңды жараладым!

ЖАҚСЫ-АЛЛАМ!

Ұл бердің жалындырмай, сұраттырмай,
Риза болып қызықтадық тұрақтыдай.
Сол балаңа қысқа ғұмыр бұйырғанша,
Баянды етпедің бе жылаттырмай!

Уа-Алла, болжамаймын сұрарыңды,
Бірақ білем, бұйрығыңа тұрарымды.
Төлеутай опат болды деген күні,
Таппадым, басты қайда ұрарымды!

О дүниеге кеткеннің қайтқаны жоқ,
Ол жақтан ешкім хабар айтқаны жоқ.
Төрелетпей төтеннен ойып алған,
Ажал сенің арқашан тамағың тоқ!
Баламай деп жылатқан атасына,
Сұм ажалға, қарсы тұрар қауқарым жоқ!

Білемін бұл пәниден өшерімді,
Ақыретке бөленіп көшерімді.
Бізден кейін Төлеутай сен қалғанда,
Менің құлыным да ұстар еді жетегінді.
Төңірге жалбарынам қайрат сұрап,
Берші деп ортайғанға өтеуінді!

ҚАМАЛБАЙ

Моилжан Сулейменович Канаев – человек необычной судьбы. Его родители в конце 20-х годов прошлого века бежали в Сибирь от страшного голода в Казахстане, унёсшего жизни сотен и сотен тысяч их соплеменников.

Там родился и прожил первые 45 лет жизни М.С. Канаев. Сумел получить высшее образование, став одним из первых в Алтайском крае дипломированных казахов-агрономов. Работал по специальности, вырос до начальника районного управления сельского хозяйства.

Решив вернуться на историческую родину, М.С. Канаев состоялся и здесь, в Павлодарской области, работая на ответственных должностях районного и областного уровней, и активно проявил себя в общественной жизни.

О своей жизни, людях, с которыми его сводила судьба, своих родных и близких и о многом другом М.С. Канаев рассказывает в этой книге.